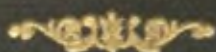

ХАНС КРИСТИАН
АНДЕРСЕН

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

HANS CHRISTIAN
ANDERSEN

EVENTYR
FORTALTE FOR BØRN

NYE EVENTYR

ХАНС КРИСТИАН АНДЕРСЕН

СКАЗКИ
РАССКАЗАННЫЕ ДЕТЯМ

НОВЫЕ СКАЗКИ

Издание подготовили
Л. Ю. БРАУДЕ и И. П. СТРЕБЛОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Г. П. Бердников,
Д. Д. Благой, И. С. Брагинский, А. С. Бушмин,
А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь), Д. А. Ольдерогге,
Б. И. Пуришев, А. М. Самсонов (заместитель председателя),
М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Степанов,
С. О. Шмидт*

Ответственный редактор
И. П. КУПРИЯНОВА

*В тексте помещены рисунки
датского художника В. Педерсена*

J. P. Anderson

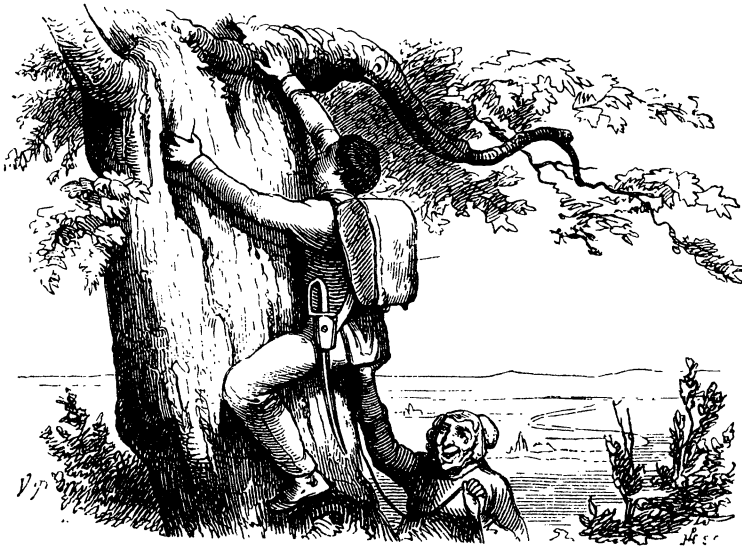
СКАЗКИ
РАССКАЗАННЫЕ ДЕТЯМ

ПЕРВЫЙ ТОМ

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК

1835

ОГНИВО

Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два! Равец за спиной, сабля на боку; он шел домой с войны. На дороге встретилась ему старая безобразная ведьма, нижняя губа висела у нее до самой груди.

— Здорово, служивый! — сказала она. — Какая у тебя славная сабля и большой ранец! Вот бравый солдат! Сейчас ты получишь денег, сколько твоей душе угодно.

— Спасибо, старая ведьма! — сказал солдат.

— Видишь вон то старое дерево? — сказала ведьма, показывая на дерево, которое стояло неподалеку. — Оно пустое внутри. Влезь наверх, там будет дупло, ты и спустишься в него, в самый низ! А я обвяжу тебя веревкой вокруг пояса и вытащу назад, когда ты мне крикнешь.

— Зачем мне лезть туда в дерево? — спросил солдат.

— За деньгами! — сказала ведьма. — Знай, что когда ты доберешься до самого низа, ты увидишь большой подземный ход; там совсем светло. потому что горит добрая сотня ламп. Потом ты увидишь три двери; можешь отворить их, ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату; посреди комнаты увидишь большой сундук, а на нем собаку; глаза у нее, словно чайные чашки! Да ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, расстели его на полу, живо подойди и схвати собаку, посади ее на передник, открой сундук и бери из него вволю. Тут одни медные деньги; захочешь серебра — ступай

в другую комнату; там сидит собака с глазами что твои мельничные колеса! Но ты не пугайся: сажай ее на передник и бери себе денежки. А хочешь, можешь достать и золота, сколько угодно; пойди только в третью комнату. Но у собаки, что сидит там на сундуке, глаза — каждый с Круглую башню! Вот это собака так собака! Но ты ее не бойся: посади на мой передник, и она тебя не тронет, а ты бери себе золота сколько хочешь!

— Оно бы недурно! — сказал солдат. — Но что ты с меня возьмешь за это, старая ведьма? Ведь уж что-нибудь да тебе от меня нужно?

— Я не возьму с тебя ни полушки! — сказала ведьма. — Только принеси мне старое огниво, которое позабыла там в последний раз моя бабушка.

— Ну, обвязывай меня веревкой! — приказал солдат.

— Готово! — сказала ведьма. — А вот и мой синий клетчатый передник!

Солдат влез на дерево, спустился в дупло и очутился, как сказала ведьма, в большом проходе, где горели сотни ламп.

Вот он открыл первую дверь. Ух! Там сидел пес с глазами, точно чайные чашки, и таращился на солдата.

— Малый не дурен! — сказал солдат, посадил пса на ведьмин передник и набрал полный карман медных денег, потом закрыл сундук, опять посадил на него собаку и отправился в другую комнату. Ай-ай! Там сидела собака с глазами, как мельничные колеса.

— Нечего тебе таращиться на меня, глаза заболят! — сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник. Увидев в сундуке такую кучу серебра, он выбросил все медяки и набил оба кармана и ранец одним серебром. Затем солдат пошел в третью комнату. Фу ты пропасть! У этой собаки глаза были ли дать ни взять две Круглые башни и вертелись точно колеса.

— Мое почтение! — сказал солдат и взял под козырек. Такой собаки он еще не видывал.

Долго смотреть на нее он, впрочем, не стал, а взял да и посадил на передник и открыл сундук. Батюшки! Сколько тут было золота! Он мог бы купить на него весь Копенгаген, всех сахарных поросят у торговок сластями, всех оловянных солдатиков, всех деревянных лошадок и все кнутики на свете! На все хватило бы! Солдат повыбросил из карманов и ранца серебряные деньги и так набил карманы, ранец, шапку и сапоги золотом, что еле-еле мог двигаться. Теперь-то он был с деньгами! Собаку он опять посадил на сундук, потом захлопнул дверь и закричал наверх:

— Тащи меня, старая ведьма.

— Ты взял огниво? — спросила ведьма.

— Ах, правда, чуть не забыл! — сказал солдат, пошел и взял огниво.

Ведьма вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге с набитыми золотом карманами, сапогами, ранцем и фуражкой.

— Зачем тебе это огниво? — спросил солдат.

— Не твое дело! — ответила ведьма. — Ты ведь получил деньги! Отдай же мне огниво!

— Как бы не так! — сказал солдат. — Сейчас говори, зачем тебе оно, не то я вытащу саблю да срублю тебе голову.

— Не скажу! — уперлась ведьма.

Солдат взял и срубил ей голову. Ведьма так и повалилась, а он завязал

все деньги в ее передник, взвалил узел на спину, сунул огниво в карман и отправился прямо в город.

Город был чудесный; солдат остановился в самой лучшей гостинице и потребовал себе самые лучшие комнаты и все свои любимые блюда — теперь ведь он был богачом!

Слуга, который должен был чистить его сапоги, удивился было, что у такого богатого господина сапоги такие плохие, но солдат еще не успел обзавестись новыми. Зато на другой день он купил себе и хорошие сапоги и богатое платье. Теперь солдат сделался настоящим баринoм, и ему рассказали обо всех чудесах, какие были тут, в городе, и о короле, и о его прелестной дочери, принцессе.

— Как бы ее увидеть? — спросил солдат.

— Этого никак нельзя! — сказали ему. — Она живет в огромном медном замке, за высокими стенами с башнями. Никто, кроме самого короля, не смеет ни войти туда, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, будто дочь его выйдет замуж за простого солдата, а королю это не понравилось.

«Вот бы на нее поглядеть!» — подумал солдат.

Да кто бы ему позволил?!

Теперь-то он зажил весело: ходил в театры, ездил кататься в королевский сад² и много помогал бедным. И хорошо делал: он ведь по себе знал, как плохо сидеть без гроша в кармане! Теперь он был богат, прекрасно одевался и приобрел очень много друзей; все они называли его славным малым, настоящим баринoм, а ему это очень нравилось. Так он все тратил да тратил деньги, а вновь-то взять было неоткуда, и осталось у него в конце концов всего-навсего две денежки! Пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под самой крышей, самому чистить себе сапоги и даже зашивать на них дыры, никто из друзей не навещал его, — уж очень высоко было подниматься к нему!

Раз как-то, вечером, сидел солдат в своей каморке; совсем уже стемнело, а у него не было даже денег на свечку; он и вспомнил про маленький огарочек в огниве, которое взял в подземелье, куда спускала его ведьма. Солдат достал огниво и огарок, но как только, высекая огонь, ударил по кремню, дверь распахнулась, и перед ним очутилась собака с глазами, точно чайные чашки, та самая, которую он видел в подземелье.

— Что угодно, господин? — спросила собака.

— Вот так история! — сказал солдат. — Огниво-то, выходит, презабавное: я могу получить все, что захочу! Эй ты, добудь мне деньжонок! — сказал он собаке. И раз — ее и след простыл, два — она опять тут как тут, а в зубах у нее большой мешок, набитый медяками! Тут солдат и узнал, что за чудное у него огниво. Стоило ударить по кремню раз — являлась собака, которая сидела на сундуке с медными деньгами, два раза — являлась та, у которой было серебро, а три — являлась собака с золотом.

И вот солдат опять перебрался в хорошие комнаты, стал ходить в шегольском платье, и все его друзья сейчас же опять узнали его и ужасно полюбили.

Раз ему и приди в голову: «Почему бы это нельзя видеть принцессу? Все говорят, что она такая красавица! А что толку, если она весь век свой сидит в медном замке, за высокими стенами с башнями. Неужели мне так и не

удастся взглянуть на нее? Ну-ка, где мое огниво?» И он ударил по кремню раз — в тот же миг перед ним стояла собака с глазами, точно чайные чашки.

— Теперь, правда, уже ночь, — сказал солдат. — Но мне до смерти захотелось увидеть принцессу, хоть на одну минуточку!

Собака сейчас же за дверь, и не успел солдат опомниться, как она явилась с принцессой. Принцесса сидела у собаки на спине и спала. Она была чудо как хороша; всякий сразу бы увидел, что это настоящая принцесса, и солдат не утерпел и поцеловал ее, — он ведь был brave воин, настоящий кавалер!

Собака отнесла принцессу назад, и за утренним чаем принцесса рассказала королю с королевой, какой она видела сегодня ночью удивительный сон про собаку и солдата: будто она ехала верхом на собаке, а солдат поцеловал ее.

— Вот так история! — сказала королева.

И на следующую ночь к постели принцессы приставили старуху фрейлину — она должна была разузнать, был ли то в самом деле сон, или что другое.

А солдату опять ужасно захотелось увидеть прелестную принцессу. И вот ночью опять явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть, но старуха фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидав, что собака скрылась с принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: «Теперь я знаю, где их найти!» — взяла кусок мела, поставила на воротах дома крест и отправилась домой спать. Но собака, когда понесла принцессу назад, увидала этот крест, тоже взяла кусок мела и ставила крестов на всех воротах в городе. Это было ловко придумано: теперь фрейлина не могла отыскать настоящих ворот — повсюду стояли кресты.

Рано утром король с королевой, старуха фрейлина и все офицеры пошли посмотреть, куда это ездил принцесса ночью.

— Вот куда! — сказал король, увидев первые ворота с крестом.

— Нет, вот куда, муженек! — возразила королева, заметив крест на других воротах.

— Да и здесь крест и здесь! — зашумели другие, увидев кресты на всех воротах. Тут все поняли, что толку им не добиться.

Но королева была женщина умная, умела не только в каретах разъезжать. Взяла она большие золотые ножницы, изрезала на лоскутки большой кусок шелковой материи, сшила крошечный хорошенький мешочек, насыпала в него мелкой гречневой крупы, привязала его на спину принцессе и потом прорезала в мешочке дырочку, чтобы крупа могла сыпаться на дорогу, по которой ездил принцесса.

Ночью собака явилась опять, посадила принцессу на спину и понесла к солдату; солдат так полюбил принцессу, что от души желал бы стать принцем и жениться на ней.

Собака совсем и не заметила, что крупа сыпалась за нею по всей дороге, от самого дворца до окна солдата, куда она вскочила с принцессой. Поутру король и королева сразу узнали, куда ездил принцесса, и солдата посадили в тюрьму.

Как там было темно и скучно! Засадили его туда и сказали: «Завтра утром тебя повесят!» Очень было невесело слышать это, а огниво свое он позабыл дома в гостинице.

Утром солдат подошел к маленькому окошку и стал смотреть сквозь же-

лезную решетку на улицу: народ толпами валил за город смотреть, как будут вешать солдата; били барабаны, проходили полки. Все спешили, бежали бегом. Тут же бежал какой-то мальчишка-сапожник в кожаном переднике и туфлях. Он мчался вприпрыжку, и одна туфля слетела у него с ноги и ударилась в стену тюрьмы, чуть не в окошко, где стоял солдат.

— Эй ты, куда торопишься? — сказал мальчику солдат. — Без меня ведь дело не обойдется! А вот, если сбегаете туда, где я жил, за моим огнивом, получишь четыре монетки. Только живо!

Мальчишка был не прочь получить четыре монеты, он стрелой пустился за огнивом, отдал его солдату и... А вот теперь послушаем!

За городом была устроена виселица, вокруг стояли солдаты и сотни тысяч народу. Король и королева сидели на чудесном троне прямо против судей и всего совета.

Солдат уже стоял на лестнице, и ему хотели накинуть веревку на шею, но он сказал, что, прежде нежели казнить преступника, всегда исполняют какое-нибудь его желание. А ему бы очень хотелось выкурить трубочку табаку, это ведь будет последняя его трубочка на этом свете!

Королю не захотелось отказать, и солдат вытащил свое огниво. Ударил по кремню раз, два, три — и перед ним предстали все три собаки: собака с глазами, как чайные чашки, собака с глазами, как мельничные колеса, и собака с глазами, как Круглая башня.

— Ну-ка, помогите мне избавиться от петли! — приказал солдат.

И собаки бросились на судей и на весь королевский совет: того за ноги, того за нос да кверху на несколько сажень, и все расшиблись вдребезги!

— Не хочу! — закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила их кверху вслед за другими. Тогда солдаты испугались, а весь народ закричал: — Милый солдат, будь нашим королем и возьми за себя прекрасную принцессу!

Солдата посадили в королевскую карету, и все три собаки танцевали перед ней и кричали «ура». Мальчишки свистели, засунув пальцы в рот, солдаты отдавали честь. Принцесса вышла из своего медного замка и сделалась королевой, чем была очень довольна. Свадебный пир продолжался целую неделю; собаки тоже сидели за столом и тарашили глаза.

МАЛЕНЬКИЙ КЛАУС И БОЛЬШОЙ КЛАУС

В одной деревне жили два человека; обоих звали Клаусами, но у одного было четыре лошади, а у другого только одна; так вот, чтобы различить их, и стали звать того, у которого было четыре лошади, Большим Клаусом, а того, у которого одна, Маленьким Клаусом. Послушаем-ка теперь, что с ними было; ведь это целая история!

Всю неделю, как есть, должен был Маленький Клаус пахать на своей лошадке поле Большого Клауса. Зато Большой Клаус давал ему всех своих четырех, но только раз в неделю, по воскресеньям. Ух ты, как звонко шелкал кнутом Маленький Клаус по всему пятерику, — сегодня ведь все лошадки были как будто его собственные. Солнце так и сияло, колокола звонили к обедне, люди все были такие нарядные и шли с молитвенниками в руках в церковь послушать проповедь священника. Все они видели, что Маленький Клаус пашет на пяти лошадях, и он был очень доволен, пощелкивал кнутом и покрикивал:

— Эх вы, мои лошадушки!

— Не смей так говорить! — сказал Большой Клаус. — У тебя ведь всего одна лошадь!

Но вот опять кто-нибудь проходил мимо, и Маленький Клаус забывал, что не смел говорить так, и опять покрикивал:

— Ну вы, мои лошадушки!

— Послушай, я прошу тебя перестать! — сказал ему наконец Большой Клаус. — Если ты скажешь это еще хоть раз, я возьму да хвачу твою лошадь по лбу, вот ей и конец будет!

— Право, я не буду больше! — сказал Маленький Клаус, да вдруг опять кто-то прошел мимо и поздоровался с ним, а он от радости, что пашет так важно на пяти лошадях, опять шелкнул кнутом и закричал:

— Ну вы, мои лошадушки!

— Вот я тебе понукаю твоих лошадушек! — сказал Большой Клаус.

Взял он обух, которым вколачивают в поле колья для привязи лошадей, и так хватил лошадь Маленького Клауса по лбу, что убил ее наповал.

— Эх, нет теперь у меня ни единой лошадки! — сказал Маленький Клаус и принялся плакать.

Потом он снял с лошади шкуру, высушил ее хорошенько на ветру, положил в мешок, взвалил мешок на спину и пошел в город продавать шкуру.

Идти пришлось очень далеко, через большой темный лес, а тут еще как на грех разыгралась непогода и Маленький Клаус заблудился, а когда опять выбрался на дорогу, совсем уже стемнело. До города было еще далеко, да и домой назад не близко; до ночи ни за что не добраться ни туда, ни сюда.

На дороге стоял как раз большой крестьянский двор; ставни в доме были уже закрыты, но сквозь щели светился огонь.

«Вот тут я, верно, найду себе приют на ночь», — подумал Маленький Клаус и постучался.

Хозяйка отперла, узнала, что ему надо, и велела идти своей дорогой; мужа ее не было дома, а без него она не могла принимать гостей.

— Видно придется переночевать на дворе! — сказал Маленький Клаус, — ведь хозяйка заперла перед ним дверь.

Возле дома стоял большой стог сена, а между стогом и домом — сарайчик с плоской соломенной крышей.

— Вон там я и улягусь! — сказал Маленький Клаус, увидев эту крышу. — Чудесная постель! Авось, аист не прилетит и не ущипнет меня за ногу!

Это он сказал потому, что на крыше дома было гнездо и стоял живой аист.

Маленький Клаус влез на крышу сарая, растянулся на соломе и принялся ворочаться с боку на бок, стараясь улечься поудобнее. Ставни не доходили до верха окон, и ему видна была вся горница.

В горнице был накрыт большой стол; чего-чего только на нем не было: и вино, и жаркое, и чудеснейшая рыба; за столом сидели хозяйка и пономарь, — больше никого.

Хозяйка паливала гостю вино, а он уплетал рыбу, — он был большой до нее охотник.

«Вот бы мне присоседиться!» — подумал Маленький Клаус и, вытянув шею, заглянул в окно. Боже, какой дивный пирог он увидал! Вот так пир!

Но тут он услышал, что кто-то подъезжает к дому верхом, — это вернулся домой хозяйкин муж. Он был очень добрый человек, но за ним водилась одна слабость: он видеть не мог пономарей. Стоило ему встретить пономаря — и он приходил в бешенство. Поэтому пономарь и пришел в гости к его жене в то время, когда мужа не было дома, а добрая женщина постаралась угостить его на славу. Оба они очень испугались, услышав, что хозяин вернулся, и хозяйка попросила гостя поскорее влезть в большой пустой сундук, который стоял в углу. Пономарь послушался, — он ведь знал, что бедняга-муж видеть не может пономарей, — а хозяйка проворно убрала все угощение в печку: если бы муж увидал все это, он, конечно, спросил бы, кого она вздумала угощать.

Ах! — вздохнул Маленький Клаус на крыше, глядя, как она прятала кушанье и вино.

— Кто там? — спросил крестьянин и вскинул глаза на Маленького Клауса. — Чего ж ты лежишь тут? Пойдем-ка лучше в горницу!

Маленький Клаус объяснил, как он заблудился и попросился ночевать.

— Ладно,— сказал крестьянин.— Только сперва нам надо с тобой подкрепиться с дороги.

Жена приняла их обоих очень ласково, накрыла на стол и вынула из печки большой горшок каши.

Крестьянин проголодался и ел с аппетитом, а у Маленького Клауса из головы не шли жаркое, рыба и пирог, которые были спрятаны в печке.

Под столом, у ног Маленького Клауса, лежал мешок с лошадиной шкурой, с той самой, которую он нес продавать. Каша не лезла ему в горло, и вот он наступил на свой мешок ногой; сухая шкура громко заскрипела.

— Тсс! — сказал Маленький Клаус мешку, а сам опять наступил на него, и шкура заскрипела еще громче.

— Что там у тебя? — спросил хозяин.

— А это колдун мой! — сказал Маленький Клаус.— Он говорит, что не стоит есть кашу,— он наколдовал нам полную печку вкусных вещей — там и жаркое, и рыба, и пирог!

— Вот так штука! — сказал крестьянин, мигом открыл печку и увидел там чудесные кушанья. Их спрятала туда его жена, а он подумал, что это все колдун наколдовал!

Жена не посмела сказать ни слова и живо поставила все на стол, а муж с гостем принялись есть и жаркое, и рыбу, и пирог. Вдруг Маленький Клаус опять наступил на мешок, и шкура заскрипела.

— А что он теперь сказал? — спросил крестьянин.

— Да вот, говорит, что наколдовал нам еще три бутылки вина, они тоже в печке,— ответил Маленький Клаус.

Жене пришлось вытащить и вино. Крестьянин выпил стаканчик, другой, и ему стало так весело! Да, такого колдуна, как у Маленького Клауса, он не прочь был заполучить!

— А может он вызвать черта? — спросил крестьянин.— Вот на кого бы я посмотрел; ведь мне сейчас весело!

— Да,— сказал Маленький Клаус,— мой колдун может сделать все, чего я захочу. Правда? — спросил он у мешка, а сам наступил на него, и шкура заскрипела.

— Слышишь? Он отвечает «да». Только черт такой безобразный, что не стоит и смотреть на него!

— Но я его ни капельки не боюсь. А каков он на вид?

— Да он точь-в-точь пономарь!

— Тьфу! — сплюнул крестьянин.— Вот безобразие! Надо тебе сказать, что я видеть не могу пономарей! Но все равно, я ведь буду знать, что это черт, и мне не будет так противно! Теперь, кстати, я набрался храбрости! Только пусть он не подходит слишком близко!

— А вот я сейчас скажу колдуну! — сказал Маленький Клаус, наступил на мешок и прислушался.

— Ну что?

— Он велит вам пойти и открыть вон тот сундук в углу: там притаился черт. Но надо придерживать крышку, а то он выскочит.

— Так помогите мне придерживать! — сказал крестьянин и пошел к сундуку, куда жена спрятала настоящего пономаря.

Пономарь был ни жив ни мертв от страха. Крестьянин приоткрыл крышку и заглянул в сундук.

— Тьфу! — закричал он и отскочил прочь. — Видел, видел! Точь-в-точь наш пономарь! Вот гадость-то!

Такую неприятность надо было запить, и они пили до поздней ночи.

— А колдуна этого ты мне продай! — сказал крестьянин. — Проси, сколько хочешь, хоть целый четверик денег! ¹

— Нет, не могу! — сказал Маленький Клаус. — Подумай, сколько мне от него пользы!

— Ах, мне страсть как хочется! — сказал крестьянин и стал упрашивать Маленького Клауса.

— Ну ладно, — сказал наконец Маленький Клаус, — пусть будет по-твоему!

Ты ласково обошелся со мной, пустил меня почевать, так бери ж себе моего кодуна за четверик денег, только насыпай полный!

— Хорошо! — сказал крестьянин. — Но ты должен взять и сундук, я и часу не хочу держать его у себя в доме. Почем знать, может быть он все еще там сидит.

Маленький Клаус отдал крестьянину свой мешок с высушенной шкурой и получил за него полный четверик денег, да еще большую тачку, чтобы было на чем везти деньги и сундук.

— Прощай! — сказал Маленький Клаус и покатил тачку с деньгами и с сундуком, где все еще сидел пономарь.

По ту сторону леса протекал большой глубокий ручей, такой быстрый, что едва можно было справиться с течением. Через ручей был перекинут новый мост. Маленький Клаус встал посредине моста и сказал нарочно как можно громче, чтобы пономарь услышал:

— К чему мне этот дурацкий сундук? Он такой тяжелый, точно набит камнями! Я совсем измучусь с ним! Брошу-ка его в реку: приплывет он ко мне домой сам — ладно, а не приплывет — и не надо!

Потом он взял за сундук одною рукою и слегка приподнял его, точно собираясь столкнуть в воду.

— Постой! — закричал из сундука пономарь. — Выпусти сначала меня!

— Ай! — вскрикнул Маленький Клаус, притворяясь, что испугался. — Он все еще тут! В воду его скорее! Пусть тонет!

— Нет, нет! Это не черт, это я! — кричал пономарь. — Выпусти меня, я тебе дам целый четверик денег!

— Вот это другое дело! — сказал Маленький Клаус и открыл сундук.

Пономарь мигом выскочил оттуда и столкнул пустой сундук в воду. Потом они пошли к нему домой, и Маленький Клаус получил еще целый четверик денег. Теперь тачка была полна деньгами.

— А ведь лошадка принесла мне недурной барыш! — сказал себе Маленький Клаус, когда пришел домой и высыпал на пол целую кучу денег. — Вот Большой Клаус-то рассердится, когда узнает, как я разбогател от своей единственной лошади. Только пусть не ждет, чтобы я сказал ему всю правду!

И он послал к Большому Клаусу мальчика попросить меру, которою мерят зерно.

«На что ему эта мера» — подумал Большой Клаус и слегка смазал дно меры дегтем, — авось, мол, к нему что-нибудь да пристанет. Так оно и вышло: получив меру назад, Большой Клаус увидел, что ко дну прилипли три новеньких серебряных монетки.

— Вот так штука! — сказал Большой Клаус и сейчас же побежал к Маленькому Клаусу.

— Откуда у тебя столько денег?

— Я продал вчера вечером шкуру своей лошади.

— С барышом продал! — сказал Большой Клаус, побежал домой, взял топор и убил всех своих четырех лошадей, снял с них шкуры и отправился в город продавать.

— Шкуры! Шкуры! Кому надо шкуры! — кричал он по улицам.

Все сапожники и кожевники сбежались к нему и стали спрашивать, сколько он просит за шкуры.

— Четверик денег за штуку! — отвечал Большой Клаус.

— Да ты в уме? — возмутились покупатели. — У нас деньги не водятся четвериками!

— Шкуры! Шкуры! Кому надо шкуры! — кричал он опять и всем, кто спрашивал, почему у него шкуры, отвечал: — Четверик денег за штуку!

— Да он нас дурачить вздумал! — закричали сапожники и кожевники, и вот, одни схватили свои ремни, другие свои кожаные передники и принялись хлестать ими Большого Клауса.

— «Шкуры! Шкуры!» — передразнивали они его. — Вот мы покажем тебе шкуры! Вон из города!

И Большой Клаус давай бог ноги! Сроду еще его так не колотили!

— Ну, — сказал он, добравшись до дому, — заплатится же мне за это Маленький Клаус! Убью его!

А у Маленького Клауса умерла старая бабушка; она не очень-то ладила с ним, была злая и жадная, но он все-таки очень жалел ее и положил на ночь в свою теплую постель — авось отогреется и оживет, — а сам уселся в углу на стуле: ему не впервой было так ночевать.

Ночью дверь отворилась, и вошел Большой Клаус с топором в руках. Он знал, где стоит кровать Маленького Клауса, подошел к ней и ударил мертвую бабушку по голове, думая, что это Маленький Клаус.

— Вот тебе! Не будешь больше меня дурачить! — сказал Большой Клаус и пошел домой.

— Вот злодей! — сказал Маленький Клаус. — Это он меня хотел убить! Хорошо, что бабушка-то была мертвая, а то бы ей не поздоровилось!

Потом он одел бабушку в праздничное платье, попросил у соседа лошадь, запряг ее в тележку, хорошенько усадил старуху на заднюю скамейку гак, чтобы она не свалилась, когда поедут, и покатил с ней через лес. Когда солнышко встало, они подъехали к большому постоялому двору. Маленький Клаус остановился и пошел спросить себе чего-нибудь закусить.

У хозяина постоялого двора было много-много денег, и сам он был человек очень добрый, но такой горячий, точно весь начинен перцем и табаком.

— Здравствуй! — сказал он Маленькому Клаусу. — Чего это ты нынче спозаранку расфрантился?

— Да вот, — отвечал Маленький Клаус, — надо с бабушкой в город съездить; она осталась там, в тележке — ни за что не хочет вылезать. Пожалуйста, отнесите ей туда стаканчик меду. Только говорите с ней погромче, она глуховата!

— Ладно! — согласился хозяин, взял большой стакан меду и повес старухе.

— Вот, внучек прислал вам стаканчик медку! — сказал хозяин, подойдя к тележке, но старуха не ответила ни слова и даже не шевельнулась.

— Слышите? — закричал хозяин во все горло. — Ваш внук посылает вам стакан меду!

Еще раз прокричал он то же самое и еще раз, а она все не шевелилась; тогда он рассердился и запустил ей стаканом прямо в лицо, так что мед потек у нее по носу, а сама она опрокинулась навзничь, потому что Маленький Клаус только посадил ее на скамейку, но не привязывал.

— Что ты наделал? — завопил Маленький Клаус, выскочил из дверей и схватил хозяина за ворот.— Ты убил мою бабушку! Погляди, какая у нее дыра во лбу!

— Вот беда-то! — захохотал хозяин, всплеснув руками.— И все это из-за моей горячности! Маленький Клаус, друг ты мой, я тебе целый четверик денег дам и бабушку твою похороню, как свою собственную, только молчи об этом, не то мне отрубят голову, а ведь это ужасно неприятно!

И вот Маленький Клаус получил целый четверик денег, а хозяин схоронил его старую бабушку, точно свою собственную.

Маленький Клаус вернулся домой опять с целой кучей денег и сейчас же послал к Большому Клаусу мальчика попросить меру.

— Как так? — удивился Большой Клаус.— Разве я не убил его? Надо посмотреть самому!

И он сам понес меру Маленькому Клаусу.

— Откуда это у тебя такая куча денег? — спросил он и просто глаза вытаращил от удивления.

— Ты убил-то не меня, а мою бабушку,— сказал Маленький Клаус,— и я ее продал за четверик денег!

— С барышом продал! — сказал Большой Клаус, побежал домой, взял топор и убил свою старую бабушку, потом положил ее в тележку, приехал с ней в город к аптекарю и предложил ему купить мертвого человека.

— Кто это, и где вы его взяли? — спросил аптекарь.

— Это моя бабушка! — ответил Большой Клаус.— Я убил ее, чтобы продать за четверик денег!

— Господи помилуй! — воскликнул аптекарь.— Вы сами не знаете, что говорите! Смотрите, ведь это может стоить вам головы!

И он растолковал Большому Клаусу, что он такое наделал, какой он дурной человек и как его за это накажут. Большой Клаус перепугался, опрометью выскочил из аптеки, сел в тележку, стегнул по лошадям и помчался домой. Аптекарь и весь народ подумали, что он сумасшедший, и потому не стали его ловить.

— Поплатишься же ты мне за это, поплатишься, Маленький Клаус! — сказал Большой Клаус, выехав на дорогу, и, как только добрался до дому, взял большущий мешок, пошел к Маленькому Клаусу и сказал:

— Ты опять одурачил меня? Сперва я убил своих лошадей, а теперь и бабушку! Все это по твоей милости! Но уж больше тебе не дурачить меня!

И вот он схватил Маленького Клауса и засунул в мешок, завязал его, вскинул на спину и закричал:

— Пойду да утоплю тебя!

До реки было не близко, и Большому Клаусу тяжело стало тащить Маленького. Дорога шла мимо церкви, оттуда слышались звуки органа и чудное пение. Большой Клаус поставил мешок с Маленьким Клаусом у самых церковных дверей и подумал, что не худо бы зайти в церковь, прослушать псалом, а потом уж идти дальше. Маленький Клаус не мог ведь вылезти из мешка сам, а весь народ уж был в церкви. И вот Большой Клаус зашел в церковь.

— Ох, ох! — вздыхал Маленький Клаус, ворочаясь в мешке, но, как он ни старался, развязать мешок ему не удавалось. В это самое время мимо прохо-

дл старый, седой как лунь пастух с большой клюкой в руках; он погнал его стадо. Коровы и быки набежали на мешок с Маленьким Клаусом и повалили его.

— О-ох! — вздохнул Маленький Клаус.— Такой я молодой еще, а уж должен отправляться в царство небесное!

— А я, бедняга, такой старик и все не могу попасть туда! — сказал пастух.

— Так развяжи мешок, — закричал Маленький Клаус. — Полезай на мое место и живо попадешь туда!

— С удовольствием! — сказал пастух и развязал мешок, а Маленький Клаус мигом выскочил оттуда.

— Теперь тебе смотреть за стадом! — сказал старик и влез в мешок.

Маленький Клаус завязал его и погнал себе стадо дальше.

Немного погодя вышел из церкви Большой Клаус, взвалил мешок на спину, и ему сразу показалось, что мешок стал гораздо легче. — Маленький Клаус весил ведь чуть не вдвое больше против старика пастуха.

«Ишь как теперь легко стало! А все оттого, что я побывал в церкви!» — подумал Большой Клаус, дошел до широкой и глубокой реки, бросил туда мешок с пастухом и, думая, что там сидит Маленький Клаус, закричал:

— Ну вот, вперед не будешь меня дурачить!

После этого он отправился домой, но у самого перекрестка встретил Маленького Клауса с целым стадом!

— Вот тебе раз! — сказал Большой Клаус. — Разве я не утопил тебя?

— Конечно! — сказал Маленький Клаус. — Полчаса тому назад ты бросил меня в реку!

— Так откуда же ты взял такое чудесное стадо? — спросил Большой Клаус.

— Это водяное стадо! — ответил Маленький Клаус. — Вот послушай, сейчас я тебе расскажу, как все было. Спасибо тебе, что ты утопил меня, теперь я разбогател, как видишь! А страшно мне было в мешке! Ветер так и засвистал у меня в ушах, когда ты бросил меня с моста в холодную воду! Я сразу пошел ко дну, но не ушибся, — там внизу растет такая нежная, мягкая травка, на нее я и упал. Мешок сейчас же развязался, и прелестнейшая девушка в белом как снег платье, с венком из зелени на мокрых волосах, протянула мне руку и сказала: «А это ты, Маленький Клаус? Ну вот, прежде всего бери это стадо, а в миле отсюда, на дороге пасется другое, побольше, — ступай, я тебе его дарю».

Тут я увидел, что река была для водяных жителей все равно что дорога: они ездили и ходили по дну от самого озера и до того места, где реке конец. Ах, как там было хорошо! Какие цветы, какая свежая трава! А рыбки шныряли мимо моих ушей точь-в-точь как у нас здесь птицы! Что за красивые люди попадались мне навстречу и какие чудесные стада паслись у изгородей и канав!

— Зачем же ты так скоро вернулся? — спросил Большой Клаус. — Уж меня бы не выманили оттуда, если там так хорошо!

— Я ведь это неспроста сделал! — сказал Маленький Клаус. — Ты слышал, что водяная девушка велела мне отправиться за другим стадом, которое пасется на дороге всего в одной версте оттуда? Дорогой она называет реку — другой дороги они ведь там не знают, — а река так петляет, что мне пришлось

бы задать здоровый крик. Вот я и решился выйти на сушу да пойти прямо-ком к тому месту, где ждет мое стадо; так я выгадаю почти полмили пути!

— Экий счастливец! — сказал Большой Клаус. — А как ты думаешь, получу я стадо, если спущусь на дно?

— Конечно! — сказал Маленький Клаус. — Только я не могу тащить тебя в мешке до реки, ты больно тяжелый. А вот, коли хочешь, дойди сам да влезь в мешок, а я с удовольствием тебя сброшу в воду!

— Спасибо! — сказал Большой Клаус. — Но если я не получу там стада, я тебя изобью, так и знай!

— Ну-ну, не сердись! — сказал Маленький Клаус, и они пошли к реке.

Когда стадо увидело воду, оно так и бросилось к ней; коровам очень хотелось пить.

— Погляди, как они торопятся! — сказал Маленький Клаус. — Ишь, как соскучились по воде: домой, на дно, знать, захотелось!

— Да, да! Ты вот помоги-ка мне лучше, а не то я тебя изобью! — сказал Большой Клаус и влез в большой мешок, который лежал на спине у одного из быков. — Да положи мне в мешок камень, а то я, пожалуй, не пойду ко дну!

— Пойдешь! — сказал Маленький Клаус, но все-таки положил в мешок большой камень, крепко завязал мешок и толкнул его в воду. Бултых! И Большой Клаус пошел прямо ко дну.

— Ох, боюсь, не найдет он там ни коров, ни быков! — сказал Маленький Клаус и погнал свое стадо домой.

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ

Жил-был принц, и хотелось ему взять за себя тоже принцессу, только настоящую. Вот он и объездил весь свет, а такой что-то не находилось. Принцесс-то было сколько угодно, но были ли они настоящие, он никак не мог дознаться. Так и вернулся он домой ни с чем и очень горевал, — уж больно хотелось ему найти настоящую принцессу.

Раз вечером разыгралась непогода: молния так и сверкала, гром гремел, а дождь лил как из ведра; ужас что такое!

Вдруг в городские ворота постучали, и старый король пошел отворять.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на что она была похожа! Вода бежала с ее волос и платья прямо в носки башмаков и вытекала из пяток, а она все-таки уверяла, что она настоящая принцесса!

«Ну, уж это мы узнаем!» — подумала старая королева, но не сказала ни слова, пошла в спальню, сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски горошину; поверх горошины постлала двадцать тюфяков, а еще сверху двадцать пуховиков.

На эту постель и уложили принцессу на ночь.

Утром ее спросили, как она почивала.

— Ах, очень дурно! — сказала принцесса. — Я почти глаз не сомкнула! Бог знает что у меня была за постель! Я лежала на чем-то таком твердом, что у меня все тело теперь в синяках! Просто ужасно!

Тут-то все и увидели, что она была настоящею принцессой! Она почувствовала горошину через сорок тюфяков и пуховиков, — такую деликатною особой могла быть только настоящая принцесса.

И принц женился на ней. Теперь он знал, что берет за себя настоящую принцессу! А горошину отправили в кунсткамеру¹; там она и лежит, если только никто ее не украл.

Да, вот какая была история!

ЦВЕТЫ МАЛЕНЬКОЙ ИДЫ

Бедные мои цветочки совсем завяли! — сказала маленькая Ида. — Вчера вечером они были такие красивые, а теперь совсем повесили головки! Отчего это? — спросила она студента, сидевшего на диване.

Она очень любила этого студента, — он умел рассказывать чудеснейшие истории и вырезать презабавные фигурки¹: сердечки с крошками танцовщицами внутри, цветы и великолепные дворцы с дверями и окнами, которые можно было открывать. Большой весельчак был этот студент!

— Что же с ними? — спросила она опять и показала ему свой завядший букет.

— Знаешь что? — сказал студент. — Цветы были сегодня ночью на балу, вот и повесили теперь головки!

— Да ведь цветы не танцуют! — сказала маленькая Ида.

— Танцуют! — отвечал студент. — По ночам, когда кругом темно и мы все спим, они так весело пляшут друг с другом, такие балы задают — просто чудо!

— А детям нельзя прийти к ним на бал?

— Отчего же, — сказал студент, — ведь маленькие маргаритки и ландыши тоже танцуют.

— А где танцуют самые красивые цветы? — спросила Ида.

— Ты ведь бывала за городом, там, где большой дворец, в котором живет король и где такой чудесный сад с цветами? Помнишь лебедей, которые подплывали к тебе за хлебными крошками? Вот там-то и бывают настоящие балы!

— Я еще вчера была там с мамой, — сказала маленькая Ида, — но на деревьях нет больше листьев, и во всем саду ни одного цветка! Куда они все девались? Их столько было летом!

— Они все во дворце!² — сказал студент. — Надо тебе сказать, что как только король и придворные переезжают в город, все цветы сейчас же убегают из сада прямо во дворец, и там у них начинается веселье! Вот бы тебе посмотреть! Две самые красивые розы садятся на трон — это король с королевой. Красные петушки гребешки становятся по обеим сторонам и кланяются — это камер-юнкеры. Потом приходят все остальные прекрасные цветы, и начинается бал. Голубые фиалки изображают маленьких морских кадетов и танцуют с барышнями — гиацинтами и крокусами, а тюльпаны и большие желтые лилии — это пожилые дамы, они смотрят, чтобы танцевали прилично и вообще вели себя чинно.

— А цветочкам не может достаться за то, что они танцуют в королевском дворце? — спросила маленькая Ида.

— Да ведь никто же не знает об этом! — сказал студент. — Правда, ночью заглянет иной раз во дворец старик смотритель с большою связкою ключей в руках, но цветы, как только слышат звяканье ключей, сейчас присмирели, спрячутся за длинные занавески, что висят на окнах, и только чуть-чуть выглядывают оттуда одним глазком. «Тут что-то пахнет цветами!» — бормочет старик смотритель, а видеть ничего не видит.

— Вот забавно! — сказала маленькая Ида и даже в ладоши захлопала. — И я тоже не могу их увидеть?

— Можешь, — сказал студент. — Стоит только, как опять пойдешь туда, заглянуть в окошки. Вот я сегодня видел там длинную желтую лилию; она лежала и потягивалась на диване — воображала себя придворной дамой.

— А цветы из Ботанического сада³ тоже могут прийти туда? Ведь это далеко!

— Не бойся, — сказал студент, — они могут летать, если захотят! Ты видела красивых красных, желтых и белых бабочек, похожих на цветы? Они ведь и были прежде цветами, только соскочили со своих стебельков, забили в воздухе лепесточками, точно крылышками, и полетели. Они вели себя хорошо, за то и получили позволение летать и днем; другие должны сидеть смиренно на своих стебельках, а они летают, и лепестки их стали наконец настоящими крылышками. Ты сама видела их! А впрочем, может быть, цветы из Ботанического сада и не бывают в королевском дворце! Может быть, они даже и не знают, что там идет по ночам такое веселье. Вот что я скажу тебе! то-то удивится потом профессор ботаники⁴ — который живет тут рядом! — когда придешь в его сад, расскажи какому-нибудь цветочку про большие балы в королевском дворце. Тот расскажет об этом остальным и они все упорхнут. Профессор придет в сад, а там ни единого цветочка, и он в толк не возьмет, куда они девались!

— Да как же цветок расскажет другим? У цветов нет языка!

— Конечно, нет, — сказал студент, — зато они умеют объясняться пантомимой! Ты сама видела, как они качаются и шевелят своими зелеными листочками, чуть подует ветерок. Это у них так мило выходит — точно они разговаривают.

— А профессор понимает их пантомиму? — спросила маленькая Ида.

— Как же! Раз утром он пришел в свой сад и видит, что большая крапива

делает листочками знаки прелестной красной гвоздике; этим она хотела сказать гвоздике: «Ты так мила, и я очень люблю тебя!» Профессору это не понравилось, и он сейчас ударил крапиву по листочкам, — листочки у нее все равно, что пальцы, — да обжегся! С тех пор и не смеет трогать крапиву.

— Вот забавно! — сказала Ида и засмеялась.

— Ну можно ли набивать ребенку голову такими бреднями? — сказал скучный советник, который тоже пришел в гости и сидел на диване.

Он терпеть не мог студента и вечно ворчал на него, особенно когда тот вырезывал затейливые и забавные фигурки, вроде человека на виселице и с сердцем в руках — его повесили за то, что он воровал сердца, — или старой ведьмы на помеле, с мужем на носу. Все это очень не нравилось советнику, и он всегда повторял:

— Ну можно ли набивать ребенку голову такими бреднями? Глупые выдумки!

Но Иду очень позабавил рассказ студента о цветах, и она думала об этом целый день.

«Так цветочки повесили головки потому, что устали после бала!» И маленькая Ида пошла к своему столику, где стояли все ее игрушки; ящик столика тоже битком был набит разным добром. Кукла Софи лежала в своей кровати и спала, но Ида сказала ей:

— Тебе придется встать, Софи, и полежать эту ночь в ящике; бедные цветы больны, их надо положить в твою постельку, — может быть они и выздоровеют!

И она вынула куклу из кровати. Софи посмотрела на Иду очень недовольно и не сказала ни слова, — она рассердилась за то, что у нее отняли постель.

Ида уложила цветы в постельку, укрыла их хорошенько одеяльцем и велела им лежать смирно, за это она обещала напоить их чаем, и тогда они встали бы завтра утром совсем здоровыми! Потом она задернула полог, чтобы солнышко не светило цветочкам в глаза.

Рассказ студента не шел у нее из головы, и, собираясь идти спать, маленькая Ида не могла удержаться, чтобы не заглянуть за спущенные на ночь оконные занавески; на окошках стояли чудесные мамины цветы — тюльпаны и гиацинты, и маленькая Ида шепнула им:

— Я знаю, что у вас ночью будет бал!

Цветы стояли себе, как ни в чем не бывало, и даже не шелохнулись, ну да маленькая Ида что знала, то знала.

В постели Ида долго еще думала о том же и все представляла себе, как это должно быть мило, когда цветочки танцуют! «Неужели и мои цветы были на балу во дворце?» — подумала она и заснула.

Но посреди ночи маленькая Ида вдруг проснулась; она видела сейчас во сне цветы, студента и советника, который бранил студента за то, что тот набивает ей голову пустяками. В комнате, где лежала Ида, было тихо, на столе горел ночник, и папа с мамой крепко спали.

— Хотелось бы мне знать: спят ли мои цветы в кукольной постельке? — сказала маленькая Ида про себя и слегка приподнялась с подушки, чтобы посмотреть в полуоткрытую дверь, за которой были ее игрушки и цветы;

потом она прислушалась,— ей показалось, что в той комнате играют на фортепьяно, да так тихо и нежно, как она никогда еще не слыхала.

— Это, верно, цветы танцуют! — сказала Ида.— Господи, как бы мне хотелось посмотреть!

Но она не смела встать с постели, чтобы не разбудить папу с мамой.

— Хоть бы цветы вошли сюда! — сказала она.

По цветы не входили, а музыка все продолжалась, такая тихая, нежная, просто чудо! Тогда маленькая Ида не выдержала, потихоньку вылезла из кровати, прокралась на цыпочках к дверям и заглянула в соседнюю комнату. Что за прелесть была там!

В той комнате не горело ночника, а было все-таки светло, как днем, от месяца, глядевшего из окошка прямо на пол, где в два ряда стояли тюльпаны и гиацинты; на окнах не осталось ни единого цветка — там стояли одни горшки с землей. Цветы очень мило танцевали друг с другом: они то становились в круг, то кружились парами, взявшись за длинные зеленые листочки, точно за руки. На фортепьяно играла большая желтая лилия — это наверное, ее маленькая Ида видела летом! Она хорошо помнила, как студент сказал: «Ах, как она похожа на фрёкен Лину!» Все посмеялись тогда над ним, но теперь Ида и в самом деле показалось, что длинная желтая лилия похожа на Лину; она и на рояле играла так же, как Лина: поворачивала свое продолговатое лицо то в одну сторону, то в другую и кивала в такт чудесной музыке. Никто не заметил Иды.

Вдруг маленькая Ида увидела, что большой голубой крокус вскочил прямо на середину стола с игрушками, подошел к кукольной кровати и отдернул полог; там лежали большие цветы, но они живо встали и кивнули головками, давая знать, что и они тоже хотят танцевать. Старый Курилка со сломанной нижней челюстью встал и поклонился прекрасным цветам; они совсем не были похожи на больных — прыгнули со стола и принялись веселиться вместе со всеми.

В эту минуту где-то стукнуло, как будто что-то упало на пол. Ида посмотрела в ту сторону — это была масленичная верба³: она тоже прыгнула со стола к цветам, считая, что она им сродни. Верба была довольно мила; ее украшали бумажные цветы, а на верхушке ее сидела восковая куколка в широкополой черной шляпе, точь-в-точь как у советника. Верба прыгала посреди цветов и громко топала своими тремя деревянными ходульками,— она танцевала мазурку, а другие цветы не умели плясать мазурку, потому что были слишком легки и не могли так топать.

Но вот восковая куколка на вербе вдруг вытянулась, завертелась над бумажными цветами и громко закричала:

— Ну можно ли набивать ребенку голову такими бреднями? Глупые выдумки!

Теперь кукла была точь-в-точь сам советник, в его черной широкополой шляпе, такая же желтая и сердитая! Но бумажные цветы ударили ее по тонким ножкам, и она опять съежилась в маленькую восковую куколку. Это было так забавно, что Ида не могла удержаться от смеха.

Верба продолжала плясать, и советнику волей-неволей приходилось пля-

сать вместе с нею, все равно — вытягивался ли он во всю длину, или оставался маленькою восковою куколкой в черной широкополой шляпе. Наконец уж цветы, особенно те, что лежали в кукольной кровати, стали просить за него, и верба оставила его в покое. Вдруг что-то громко застучало в ящике, где лежала кукла Софи и другие игрушки. Курилка побежал по краю стола, лег на живот и приотворил ящик. Софи встала и удивленно огляделась.

— У вас бал? — проговорила она. — Что же это вы мне не сказали?

— Хочешь танцевать со мной? — спросил Курилка.

— Хорош кавалер! — сказала Софи и повернулась к нему спиной⁶; потом уселась на ящик и стала ждать — авось ее пригласит кто-нибудь из цветов, но никто и не думал. Она громко кашлянула, но и тут никто не подошел к ней. Курилка плясал один, и очень недурно!

Видя, что цветы и не глядят на нее, Софи вдруг свалилась с ящика на пол и наделала такого шума, что все сбежались к ней и стали спрашивать, не ушиблась ли она? Все разговаривали с нею очень ласково, особенно те цветы, которые только что спали в ее кровати; Софи нисколько не ушиблась, и цветы маленькой Иды стали благодарить ее за чудесную постельку, потом увели с собой в лунный кружок на полу и принялись танцевать с ней, а другие цветы кружились около них. Теперь Софи была очень довольна и сказала цветочкам, что охотно уступает им свою кровать, — ей хорошо в ящике!

— Спасибо! — сказали цветы. — Но мы не можем жить так долго! Утром мы совсем умрем! Скажи только маленькой Иде, чтобы она схоронила нас в саду, где зарыта канарейка; летом мы опять вырастем и будем еще красивее!

— Нет, вы не должны умирать! — сказала Софи и поцеловала цветы. В это время дверь отворилась, и в комнату вошла целая толпа цветов. Ида никак не могла понять, откуда они взялись, — должно быть, из королевского дворца. Впереди всех шли две прелестные розы с маленькими золотыми коронами на головах, — это были король с королевой. За ними, раскланиваясь на все стороны, шли чудесные левкои и гвоздики. Музыканты — крупные маки и пионы — дули в пустые стручки от горошка и совсем покраснели от натуги, а маленькие голубые колокольчики и беленькие подснежники звенели, точно на них были надеты бубенчики. Вот была забавная музыка! Затем шла целая толпа других цветов, и все они танцевали — и голубые фиалки, и оранжевые ноготки, и маргаритки, и ландыши. Цветы так мило танцевали и целовались, что просто загляденье!

Наконец цветы пожелали друг другу спокойной ночи, а маленькая Ида тихонько пробралась в свою кровать, и ей всю ночь снились цветы и все, что она видела.

Утром она встала и побежала к своему столику посмотреть, там ли ее цветочки.

Она отдернула полог — да, они лежали в кровати, но совсем, совсем завяли! Софи тоже лежала на своем месте в ящике и казалась ужасно сонной.

— А ты помнишь, что тебе надо передать мне? — спросила ее Ида.

Но Софи глупо смотрела на нее и не раскрывала рта.

— Какая же ты нехорошая! — сказала Ида — А они еще танцевали с тобой!

Потом она взяла картонную коробочку с хорошенькою нарисованною птичкой на крышке, раскрыла ее и положила туда мертвые цветы.

— Вот вам и гробик! — сказала она. — А когда придут мои норвежские кузены, мы вас зароем в саду, чтобы на будущее лето вы выросли еще красивее!

Йонас и Адольф, норвежские кузены⁷, были бойкие мальчуганы; отец подарил им по новому луку, и они пришли показать их Иде. Она рассказала им про бедные цветы, которые умерли, и позволила похоронить их. Мальчики шли впереди с луками на плечах; за ними маленькая Ида с мертвыми цветами в коробочке. Вырыли в саду могилку. Ида поцеловала цветы и опустила коробочку в ямку, а Йонас с Адольфом выстрелили над могилкой из луков, — ни ружей, ни пушек у них ведь не было.

ПЕРВЫЙ ТОМ

ВТОРОЙ ВЫПУСК

1835

ДЮЙМОВОЧКА¹

Жила-была женщина; ей страх как хотелось иметь ребеночка, да где его взять? И вот она отправилась к одной старой колдунье и сказала ей:

— Мне так хочется иметь ребеночка; не скажешь ли ты, где мне его взять?

— Отчего же! — сказала колдунья. — Вот тебе ячменное зерно; это не простое зерно, не из тех, что растут у крестьян на полях или что бросают курам; посади-ка его в цветочный горшок — увидишь, что будет!

— Спасибо! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать скиллингов²; потом пошла домой, посадила ячменное зерно в цветочный горшок, и вдруг из него вырос большой чудесный цветок вроде тюльпана, но лепестки его были еще плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой славный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пестрые лепестки.

Тогда что-то щелкнуло, и цветок распустился совсем. Это был точь-в-точь тюльпан, но в самой чашечке на зеленом стульчике сидела крошечная девочка, и за то, что она была такая нежная, маленькая, всего с дюйм ростом, ее прозвали Дюймовочкой.

Блестящая лакированная скорлупка грецкого ореха была ее колыбелькой, голубые фиалки — матрацем, а лепесток розы — одеяльцем; в эту колыбельку ее укладывали на ночь, а днем она играла на столе. На стол женщина поставила тарелку с водою, а на края тарелки положила венок из цветов; длинные стебли цветов купались в воде, у самого же края плавал большой лепесток тюльпана. На нем Дюймовочка могла переправляться с одной стороны тарелки

на другую; вместо весел у нее были два белых конских волоса. Все это было прелесть как мило! Дюймовочка умела и петь, и такого нежного, красивого голоска никто еще не слыхивал!

Раз ночью, когда она лежала в своей колыбельке, через разбитое оконное стекло пролезла большущая жаба, мокрая, безобразная! Она вспрыгнула прямо на стол, где спала под розовым лепесточком Дюймовочка.

— Вот жена моему сынку! — сказала жаба, взяла ореховую скорлупу с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

Там протекала большая, широкая река; у самого берега было топко и вязко; здесь-то, в тине, и жила жаба с сыном. У! Какой он был тоже гадкий, противный! Точь-в-точь мамаша.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! ³ — только и мог он сказать, когда увидал прелестную крошку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Она еще проснется, пожалуй, да убежит от нас, — сказала старуха жаба. — Она ведь легче лебединого пуха! Высадим-ка ее посредине реки на широкий лист кувшинки — это ведь целый остров для такой крошки, оттуда она не сбежит, а мы пока разуберем там, внизу, наше гнездышко, и заживете вы в нем на славу.

В реке росло множество кувшинок; их широкие зеленые листья плавали по поверхности воды. Самый большой лист был всего дальше от берега; к этому-то листу подплыла жаба и поставила туда ореховую скорлупу с девочкой.

Бедная крошка проснулась рано утром, увидала, куда она попала, и горько заплакала: со всех сторон была вода, и ей никак нельзя было перебраться на сушу!

А старая жаба сидела внизу, в тине, и убирала свое жилье тростником и желтыми кувшинками — надо же было приукрасить все для молодой невестки! Потом она поплыла со своим безобразным сынком к листу, где сидела Дюймовочка, чтобы взять прежде всего ее хорошенькую кроватку и поставить в спальне невесты. Старая жаба очень низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок, твой будущий муж! Вы славно заживете с ним у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

Они взяли хорошенькую кроватку и уплыли с ней, а девочка осталась одна-одинешенька на зеленом листе и горько-горько плакала, — ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выйти замуж за ее противного сына. Маленькие рыбки, которые плавали под водой, верно, видели жабу с сынком и слышали, что она говорила, потому что все повысунули из воды головки, чтобы поглядеть на крошку невесту. А как они увидели ее, им стало ужасно жалко, что такой милой девочке приходится идти жить к старой жабе в тину. Не бывать же этому! Рыбки столпились внизу, у стебля, на котором держался лист, и живо перегрызли его своими зубами; листок с девочкой поплыл по течению, дальше, дальше... Теперь уж жабе ни за что было не догнать крошку!

Дюймовочка плыла по реке все дальше и дальше, и маленькие птички, которые сидели в кустах, увидав ее, пели:

— Какая хорошенькая девочка!

А листок все плыл да плыл, и вот Дюймовочка попала за границу.

Красивый белый мотылек все время порхал вокруг нее и наконец уселся на самый листок — уж очень ему понравилась Дюймовочка! А она ужасно радовалась: гадкая жаба не могла теперь догнать ее, а вокруг все было так красиво! Солнце так и горело золотом на воде! Дюймовочка сняла с себя пояс, одним концом обвязала мотылька, а другой привязала к своему листку, и листок поплыл еще быстрее.

Мимо летел майский жук, увидел девочку, обхватил ее за тонкую талию лапкой и унес на дерево, а зеленый листок поплыл дальше, и с ним мотылек — он ведь был привязан к листку и не мог освободиться.

Ах, как перепугалась бедняжка, когда жук схватил ее и полетел с ней на дерево! Особенно ей жаль было хорошенького мотыльчка, которого она привязала к листку; ему придется теперь умереть с голоду, если не удастся освободиться. Но майскому жуку и горя было мало.

Он уселся с крошкой на самый большой зеленый лист, напоил ее сладким цветочным соком и сказал, что она прелесть какая хорошенькая, хоть и совсем непохожа на майского жука.

Потом к ним пришли с визитом другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они оглядывали девочку с головы до ног, и жучки-барышни пожимали щупальцами и говорили:

— У нее только две ножки! Жалко смотреть!

— У нее нет щупальцев!

— Какая у нее тонкая талия! Фи! Она совсем как человек! Как некрасиво! — сказали в один голос все жучки женского пола.

А Дюймовочка была премиленькая! Майскому жуку, который принес ее, она тоже очень понравилась сначала, а тут вдруг и он нашел, что она безобразна, и не захотел больше держать ее у себя — пускай идет, куда знает. Он слетел с нею с дерева и посадил на ромашку. Тут девочка принялась плакать о том, что она такая безобразная: даже майские жуки не захотели держать ее у себя! А на самом-то деле она была прелестнейшим созданием в свете: нежная, ясная, точно лепесток розы.

Целое лето прожила Дюймовочка одна-одинешенька в лесу. Она сплела себе колыбельку и подвесила ее под большой лопушиный лист — там дождик не мог достать ее. Ела крошка сладкую цветочную пыльцу, а пила росу, которую каждое утро находила на листочках. Так прошли лето и осень; но вот дело пошло к зиме, длинной холодной зиме. Все певушки птички разлетелись — кусты и цветы увяли, большой лопушиный лист, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, весь засох и свернулся в трубочку. Сама крошка мерзла от холода: платьице ее все разорвалось, а она была такая маленькая, нежная — долго ли тут замерзнуть! Пошел снег, и каждая снежинка была для нее то же, что для нас целая лопата снега; мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм! Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и бедняжка сама дрожала как лист.

Возле леса, куда она попала, лежало большое поле; хлеб давно был убран. одни голые, сухие стебельки торчали из мерзлой земли; для Дюймовочки это был целый лес. Ух! Как она дрожала от холода! И вот пришла бедняжка к дверям полевой мыши; дверью была маленькая дырочка, прикрытая сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: все помещение было битком набито хлебными зернами, кухня и кладовая у нее были на заглядение! Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зерна — она два дня ничего не ела!

— Ах ты бедняжка! — сказала полевая мышь: она была, в сущности, добрая старуха. — Ступай сюда, погрейся да поешь со мною!

Девочка понравилась мыши, и мышь сказала:

— Ты можешь жить у меня всю зиму, только убирай хорошенько мои комнаты да рассказывай мне сказки — я до них большая охотница.

И Дюймовочка стала делать все, что приказывала ей мышь, и зажила отлично.

— Скоро, пожалуй, у нас будут гости, — сказала как-то полевая мышь. — Мой сосед обычно навещает меня раз в неделю. Он живет куда лучше меня: у него огромные залы, а ходит он в чудесной бархатной шубе. Вот если бы тебе удалось выйти за него замуж! Ты бы зажила на славу! Беда только, что он слеп и не может видеть тебя; зато ты должна рассказать ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но девочке мало было дела до всего этого: ей вовсе не хотелось выйти замуж за соседа — ведь это был крот. Он в самом деле скоро пришел в гости к полевой мыши. Правда, он носил черную бархатную шубу, был очень богат и учен; по словам полевой мыши, помещение у него было в двадцать раз просторнее, чем у нее, но он совсем не любил ни солнца, ни прекрасных цветочков и отзывался о них очень дурно — он ведь никогда не видел их. Девочке пришлось петь, и она спела две песенки: «Майский жук, лети, лети» и «Бродит по лугам монах», да так мило, что крот совсем в нее влюбился. Но он не сказал ни слова — он был такой степенный и солидный господин.

Крот недавно прорыл под землей новую длинную галерею от своего жилья к дверям полевой мыши и позволил мыши и девочке гулять по этой галерее сколько угодно. Крот просил только не пугаться мертвой птицы, которая лежала там. Это была настоящая птица, с перьями, с клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и ее закопали как раз там, где крот прорыл свою галерею.

Крот взял в рот гнилушку — в темноте это ведь все равно, что свечка — и пошел вперед, освещая длинную темную галерею. Когда они дошли до места, где лежала мертвая птица, крот проткнул своим широким носом в земляном потолке дыру, и в галерею пробрался дневной свет. В самой середине галереи лежала мертвая ласточка; хорошенькие крылья были крепко прижаты к телу, ножки и головка спрятаны в перышки; бедная птичка, верно, умерла от холода. Девочке стало ужасно жаль ее, она очень любила этих милых птичек, которые целое лето так чудесно пели ей песенки, но крот толкнул птичку своими короткими лапами и сказал:

— Небось не свистит больше! Вот горькая участь родиться пичужкой! Слава богу, что моим детям нечего бояться этого! Этакая птичка только и умеет чирикать — поневоле замерзнешь зимой!

— Да, да, правда ваша, — сказала полевая мышь. — Какой прок от этого чириканья? Что оно приносит птице? Холод и голод зимой? Много, нечего сказать!

Дюймовочка не сказала ничего, но, когда крот с мышью повернулись к птице спиной, нагнулась к ней, раздвинула перышки и поцеловала ее прямо в закрытые глазки. «Может быть, эта самая так чудесно распевала летом! — подумала девочка. — Сколько радости доставила ты мне, милая, хорошая птичка!»

Крот опять загнул дыру в потолке и проводил дам обратно. Но девочке не спалось ночью. Она встала с постели, сплела из сухих былинки большой славный ковер, снесла его в галерею и завернула в него мертвую птичку; потом отыскала у полевой мыши пуху и обложила им всю ласточку, чтобы ей было потеплее лежать на холодной земле.

— Прощай, миленькая птичка, — сказала Дюймовочка. — Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда все деревья были такие зеленые, а солнышко так славно грело!

И она склонила голову на грудь птички, но вдруг испугалась — внутри что-то застучало. Это забилося сердечко птицы: она была не совсем мертвая, а только окоченела от холода, теперь же согрелась и ожила.

Осенью ласточки улетают в теплые края, а если которая запоздает, то от холода окоченеет, упадет замертво на землю, и ее засыплет холодным снегом.

Девочка вся задрожала от испуга — птица ведь была в сравнении с крошкой просто великаном, — но все-таки собралась с духом, еще больше закутала ласточку, потом сбегала принесла листок мяты, которым покрывалась вместо одеяла сама, и покрыла им голову птички.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Птичка совсем уже ожила, только была еще очень слаба и еле-еле открыла глаза, чтобы посмотреть на девочку, которая стояла перед нею с кусочком гнилушки в руках, — другого фонаря у нее не было.

— Благодарю тебя, милая крошка! — сказала больная ласточка. — Я так славно согрелась. Скоро я совсем поправлюсь и опять вылечу на солнышко.

— Ах, — сказала девочка, — теперь так холодно, идет снег! Останься лучше в своей теплой постельке, я буду ухаживать за тобой.

И Дюймовочка принесла птичке воды в цветочном лепестке. Ласточка попила и рассказала девочке, как поранила себе крылышко о терновый куст и потому не могла улететь вместе с другими ласточками в теплые края, как упала на землю и... Да больше она уж ничего не помнила и как попала сюда — не знала.

Всю зиму прожила тут ласточка, и Дюймовочка ухаживала за ней. Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом — они ведь совсем не любили птичек. Когда настала весна и пригрело солнышко, ласточка распрошталась с девочкой, и Дюймовочка ототкнула дыру, которую проделал крот.

Солнце так славно грело, и ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с ней, — пускай сядет к ней на спину, и они полетят в зеленый лес! Но Дюймовочка не хотела так бросить полевую мышь — она ведь знала, что старуха очень огорчится.

— Нет, нельзя! — сказала девочка ласточке.

— Прощай, прощай, милая крошка! — сказала ласточка и вылетела на солнышко.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и у нее даже слезы навернулись на глаза, — уж очень полюбила ее бедная птичка.

— Кви-вить, кви-вить! — прощепетала птичка и скрылась в зеленом лесу.

Девочке было очень грустно. Ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а хлебное поле так все заросло высокими толстыми колосьями, что стало для бедной крошки дремучим лесом.

— Летом тебе придется готовить себе приданое! — сказала ей полевая мышь.

Оказалось, что скучный сосед в бархатной шубе посватался за девочку.

— Надо, чтобы у тебя всего было вдоволь, а там выйдешь замуж за крота и подавно ни в чем нуждаться не будешь!

И девочке пришлось прясть по целым дням, а старуха мышь наняла четырех науков для тканья, и они работали день и ночь.

Каждый вечер крот приходил к полевой мыши в гости и все толковал о том, что вот скоро лету будет конец, солнце перестанет так палить землю, — а то она совсем уж как камень стала, — и тогда они сыграют свадьбу. Но девочка была совсем не рада: ей не нравился скучный крот. Каждое утро на восходе солнышка и каждый вечер при закате Дюймовочка выходила на порог мышиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть

кусочек голубого неба. «Как светло, как хорошо там, на воле!» — думала девочка и вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно: должно быть, она летала там, далеко-далеко, в зеленом лесу!

К осени Дюймовочка приготовила все свое приданое.

— Через месяц твоя свадьба! — сказала девочке полевая мышь.

Но крошка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

— Пустяки! — сказала старуха мышь. — Только не капризничай, а то возьму да укушу тебя белым зубом. У тебя будет чудеснейший муж. У самой королевы нет такой черной бархатной шубки, как у него! Да и в кухне и в погребе у него не пусто! Благодарите бога за такого мужа!

Наступил день свадьбы. Крот пришел за девочкой. Теперь ей приходилось идти за ним в его нору, жить там, глубоко-глубоко под землей, и никогда не выходить на солнышко, — крот ведь терпеть его не мог! А бедной крошке было так тяжело навсегда распрощаться с красным солнышком! У полевой мыши она все-таки могла хоть изредка любоваться на него.

И Дюймовочка вышла взглянуть на солнце в последний раз. Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от дверей подальше, и протянула к солнцу руки:

— Прощай, ясное солнышко, прощай!

Потом она обняла ручонками маленький красный цветочек, который рос тут, и сказала ему:

— Клянись от меня милой ласточке, если увидишь ее!

— Кви-вить, кви-вить! — вдруг раздалось над ее головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а девочка заплакала и рассказала ласточке, как ей не хочется выходить замуж за гадкого крота и жить с ним глубоко под землей, куда никогда не заглянет солнышко.

— Скоро придет холодная зима, — сказала ласточка, — и я улетаю далеко-далеко, в теплые края. Хочешь лететь со мной? Ты можешь сесть ко мне на спину — только привяжи себя крепче поясом, — и мы улетим с тобой далеко от гадкого крота, далеко за синие моря, за высокие горы, в теплые края, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудные цветы! Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в темной, холодной яме.

— Да, да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка, села птичке на спину, уперлась ножками в ее распростертые крылья и крепко привязала себя поясом к самому большому перу.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над темными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было страсть как холодно; Дюймовочка вся зарылась в мягкие перья ласточки и только одну головку высунула, чтобы видеть чудесные места, над которыми она пролетала.

Но вот и теплые края! Тут солнце сияло уже гораздо ярче, небо стояло выше, а около канав и изгородей вился чудесный зеленый и черный виноград. В лесах зрели лимоны и апельсины, пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкам бегали прелестные ребятишки и ловили больших пестрых бабочек.

Но ласточка летела все дальше и дальше, и чем дальше, тем было все лучше. На берегу чудесного голубого озера, посреди зеленых кудрявых деревьев стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились ласточкины гнезда. В одном из них и жила ласточка, которая принесла Дюймовочку.

— Вот мой дом! — сказала ласточка. — А ты выбери себе внизу какой-нибудь красивый цветок, я тебя посажу в него и ты заживешь как нельзя лучше!

— Ах, как чудесно! — сказала крошка и захлопала ручонками.

Внизу лежали большие куски мрамора, — это свалилась верхушка одной колонны, — разбилась на три куска, а между ними росли чудеснейшие крупные белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на один из широких лепестков. Но вот диво! В самой чашечке цветка сидел маленький человечек, беленький и прозрачный, точно хрустальный. На голове у него сияла прелестная золотая корона, за плечами развевались блестящие крылышки, а сам он был не больше Дюймовочки.

Это был эльф⁴. В каждом цветке живет эльф или эльфа, а тот, который сидел рядом с Дюймовочкой, был сам король эльфов.

— Ах, как он хорош! — шепнула Дюймовочка ласточке.

Маленький король совсем перепугался при виде ласточки. Он был такой крошечный, нежный, и она показалась ему огромным страшилищем. Зато он очень обрадовался, увидав нашу крошку, — он никогда еще не видывал такой хорошенькой девочки! И он снял свою золотую корону, надел ее Дюймовочке на голову и спросил, как ее зовут и хочет ли она быть его женой, царицей цветов? Вот это так муж! Не то что гадкий сын жабы или крот в бархатной шубе! И девочка согласилась. Тогда из каждого цветка вылетели эльф или эльфа — такие хорошенькие, что просто прелесть! Все они поднесли Дюймовочке подарки. Самым лучшим была пара прозрачных стрекозиных крылышек. Их прикрепили к спинке девочки, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок! То-то было радости! А ласточка сидела наверху, в своем гнездышке и пела им, как только умела. Но самой ей было очень грустно: она ведь крепко полюбила девочку и хотела бы век не расставаться с ней.

— Тебя больше не будут звать Дюймовочкой! — сказал эльф. — Это гадкое имя, а ты такая хорошенькая! Мы будем звать тебя Майей!

— Прощай, прощай! — прощбетала ласточка и опять полетела из теплых краев — в далекую Данию. Там у нее было маленькое гнездышко, как раз над окном человека, большого мастера рассказывать сказки. Ему-то она и спела свое «кви-вить», от нее-то мы и узнали эту историю.

НЕХОРОШИЙ МАЛЬЧИК

Жил-был старый поэт, такой настоящий хороший старый поэт. Раз вечером сидел он дома, а на дворе разыгралась ужасная непогода. Дождь лил как из ведра, но старому поэту было так уютно и тепло возле печки, где ярко горел огонь и, весело шипя, пеклись яблоки.

— Бедные те, кто мокнет сейчас под дождем — сухой нитки на них не останется! — сказал он, потому что он был очень добрый, поэт.

— Впустите, впустите меня! Я озяб и весь промок! — закричал за дверями ребенок.

Он плакал и стучал в дверь, а дождь так и лил, ветер так и бился в окошки.

— Бедняжка! — сказал старый поэт и пошел отворять двери.

За дверями стоял маленький мальчик, совсем голенючий. С его длинных золотистых волос стекала вода, он дрожал от холода; если бы его не пустили, он бы, наверное, не вынес такой непогоды.

— Бедняжка! — сказал старый поэт и взял его за руку. — Пойдем ко мне, я обогрею тебя, дам тебе винца и яблоко; ты такой хорошенький мальчуган!

Он и в самом деле был прехорошенький — глазенки у него сияли как две звездочки, а мокрые золотистые волосы вились кудрями — ну, совсем ангелочек! — только он весь посинел от холода и дрожал как осиновый лист. В руках у него был чудесный лук; да вот беда — он весь испортился от дождя, краски на длинных стрелах совсем полиняли.

Старый поэт уселся возле печки, взял малютку на колени, выжал его мокрые кудри, согрел ручонки в своих руках и вскипятил ему сладкого вина. Мальчик оправился, щечки у него зарумянились, он спрыгнул на пол и стал плясать вокруг старого поэта.

— Ишь ты, какой веселый мальчуган! — сказал старик-поэт. — А как тебя зовут?

— Амур! — отвечал мальчик. — Ты разве не знаешь меня? Вот и лук мой. Я умею стрелять! Посмотри, погода разгулялась, месяц светит.

— А лук-то твой испортился! — сказал старый поэт.

— Вот было бы горе! — сказал мальчуган, взял лук и стал его осматривать. — Он совсем высох, и ему ничего не сделалось! Тетива натянута как следует! Сейчас я его поправлю.

И он натянул лук, положил стрелу, прицелился и выстрелил старику-поэту прямо в сердце!

— Вот видишь, мой лук совсем не испорчен! — закричал он, громко засмеялся и убежал.

— Нехороший мальчик! Выстрелить в старого поэта, который впустил его к себе, обогрел и приласкал, дал ему чудесного вина и самое лучшее яблоко!

Добрый старик лежал на полу и плакал; он был ранен в самое сердце. Потом он сказал:

— Фи, какой нехороший мальчик этот Амур! Я расскажу о нем всем хорошим детям, чтобы они береглись, не связывались с ним, — он и их обидит.

И все хорошие дети — и мальчики и девочки — стали остерегаться злого Амура, но он все-таки умеет иногда обмануть их: такой плут!

Идут себе студенты с лекций, и он рядом; книжка под мышкой, в черном сюртуке, и не узнаешь его! Они думают, что он тоже студент, возьмут его под руку, а он и пустит им в грудь стрелу.

Идут тоже девушки от священника или в церковь — он уже тут как тут; вечно он преследует людей! А то заберется иногда в большую люстру в театре и горит там ярким пламенем; люди-то думают сначала, что это лампа, и уж потом только разберут в чем дело. Бегает он и по королевскому саду и по крепостному валу! А раз, так он ранил в сердце твоих родителей! Спроси-ка у них, они тебе расскажут. Да, злой мальчик этот Амур, никогда не связывайся с ним! Он только и делает, что бегает за людьми. Подумай, раз он пустил стрелу даже в твою старую бабушку! Было это давно, давно прошло и быльем поросло, а все-таки не забылось, да и не забудется никогда! Фи! Злой Амур! Но теперь ты знаешь о нем, знаешь, какой он нехороший мальчик!

ДОРОЖНЫЙ ТОВАРИЩ

Бедняга Йоханнес был в большом горе; отец его лежал при смерти. Они были одни в своей каморке; лампа на столе догорала; дело шло к ночи.

— Ты был мне добрым сыном, Йоханнес! — сказал больной. — Бог не оставит тебя своей милостью!

И он ласково и серьезно взглянул на Йоханнеса, глубоко вздохнул и умер, точно заснул. Йоханнес заплакал. Теперь он остался круглым сиротой: ни отца у него, ни матери, ни сестер, ни братьев! Бедняга Йоханнес! Долго стоял он на коленях перед кроватью и целовал руки умершего, заливаясь горькими слезами, но потом глаза его закрылись, голова склонилась на край постели, и он заснул.

И приснился ему удивительный сон.

Он видел, что солнце и месяц преклонились перед ним¹, видел своего отца опять свежим и бодрым, слышал его смех, каким он всегда смеялся, когда был особенно весел; прелестная девушка с золотою короной на чудных длинных волосах протягивала Йоханнесу руку, а отец его говорил: «Видишь, какая у тебя невеста? Первая красавица на свете!»

Тут Йоханнес проснулся, и — прощай все это великолепие! Отец его лежал мертвый, холодный, и никого, никого не было у Йоханнеса! Бедняга Йоханнес!

Через неделю умершего хоронили; Йоханнес шел за гробом. Не видать ему больше своего доброго отца, который так любил его! Йоханнес слышал, как ударялась о крышку гроба земля, видел, как гроб засыпали все больше и больше; вот уж виден только один краешек, но еще горсть земли — и гроб скрылся совсем. У Йоханнеса чуть сердце не разорвалось от горя. Над могилой пели псалмы: чудное пение растрогало Йоханнеса до слез, он заплакал, и на душе у него стало полегче. Солнышко так приветливо сияло на зеленые деревья, как будто говорило: «Не тужи, Йоханнес! Посмотри, как красиво голубое небо — там твой отец молится за тебя!»

— Я буду жить праведно и честно! — сказал Йоханнес. — И тогда тоже попаду на небо к отцу. Вот будет радость, когда мы опять свидимся! Сколько

у меня будет рассказов! А он покажет мне все чудеса и красоту неба и опять будет учить меня, как учил, бывало, здесь на земле. Вот будет радость!

И он так живо представил себе все это, что даже улыбнулся сквозь слезы. Птички, сидевшие на ветвях каштанов, громко чирикали и пели; им было весело, хотя они только что присутствовали при погребении, но они ведь знали, что умерший теперь на небе, что у него выросли крылья, куда красивее и больше, чем у них, и что он вполне счастлив, так как вел здесь, на земле, добрую жизнь. Йоханнес увидел, как птички вспорхнули с зеленых деревьев и полетели вдаль, и ему самому захотелось улететь куда-нибудь подальше. Но сначала он сколотил на могилу отца деревянный крест, а когда вечером он принес его туда, то увидел, что могила вся усыпана песком и убрана цветами, — об этом позаботились посторонние люди, очень любившие доброго его отца.

На другой день рано утром Йоханнес связал все свое добро в маленький узелок, спрятал в пояс все свое наследство, — пятьдесят риксдалеров² и еще две мелкие серебряные монетки и был готов пуститься в путь-дорогу. Но прежде он отправился на кладбище, на могилу отца, прочел над ней «Отче наш» и сказал:

— Прощай, милый отец! Я постараюсь всегда быть добрым, а ты помолись за меня на небе!

Потом Йоханнес свернул в поле. В поле росло много свежих, красивых цветов; они грелись на солнце и качали на ветру головками, точно говорили: «Добро пожаловать! Не правда ли, как у нас тут хорошо?» Йоханнес еще раз обернулся, чтобы взглянуть на старую церковь, где его крестили ребенком и куда он ходил по воскресеньям со своим добрым отцом петь псалмы. Высоко-высоко, на самом верху колокольни, в одном из круглых окошечек Йоханнес увидел крошку домового в красной остроконечной шапочке, который стоял, заслонив глаза от солнца правой рукой. Йоханнес поклонился ему, и крошка домового высоко взмахнул в ответ своей красной шапкой, прижал руку к сердцу и послал Йоханнесу несколько воздушных поцелуев — вот как горячо желал он Йоханнесу счастливого пути и всего хорошего!

Йоханнес стал думать о чудесах, которые ему предстояло увидеть в обширном и прекрасном мире, и бодро шел вперед все дальше и дальше, туда, где он еще никогда не бывал; вот уже пошли чужие города, незнакомые лица, и он очутился далеко-далеко от своей родины.

Первую ночь ему пришлось провести в поле, на стогу сена, — другой постели взять было негде. «Ну и что ж, — думалось ему, — лучшей спальни не найдется у самого короля!» В самом деле, поле с ручейком, стог сена и голубое небо над головой — чем не спальня? Вместо ковра — зеленая травка с красными и белыми цветочками, вместо букетов в вазах — кусты бузины и шиповника, а вместо умывальника — целый ручей с хрустальной свежей водой, над которым кланялись камыши и желали ему доброй ночи и доброго утра. Высоко под голубым потолком висел огромный ночник — месяц; уж этот ночник не подожжет полога! И Йоханнес мог заснуть совершенно спокойно. Так он и сделал, крепко проспал всю ночь и проснулся только, когда солнце уже сняло, а птицы пели:

— Здравствуй! Здравствуй! Ты еще не встал?

Колокола звонили к обедне, было воскресенье; народ шел в церковь; пошел за ним и Йоханнес, пропел псалом, послушал слова божьего, и ему показалось, что он был в своей родной церкви, где его крестили и где он пел псалмы с отцом.

На церковном кладбище было много могил, совсем заросших сорной травой. Йоханнес вспомнил о могиле отца, которая могла со временем придти в такой же вид, — некому ведь было больше ухаживать за ней! Он присел на землю и стал обрывать сорную траву, поправил покачнувшиеся кресты и положил на место сорванные ветром венки, думая при этом: «Может статься, кто-нибудь сделает то же на могиле моего отца теперь, когда я не могу этого сделать сам!»

У ворот кладбища стоял старый калека нищий; Йоханнес отдал ему свои серебряные монеты и, счастливый и довольный, пошел дальше по белу свету.

К вечеру собралась гроза; Йоханнес торопился дойти до дома, где бы он мог укрыться, но скоро наступила полная темнота. Наконец он дошел до часовни, одиноко возвышавшейся на придорожном холме; дверь, к счастью, была приоткрыта, и он вошел туда, чтобы переждать непогоду.

— Тут я и посижу в уголке! — сказал Йоханнес. — Я страшно устал, и мне надо отдохнуть.

И он сел, сложил руки, прочел вечернюю молитву и сам не заметил, как заснул и спал спокойно, пока в поле сверкала молния и грохотал гром.

В глухую полночь Йоханнес проснулся, гроза уже прошла, и месяц светил прямо в окна. Посреди часовни стоял раскрытый гроб с покойником, которого еще не успели похоронить. Йоханнес несколько не испугался, — совесть у него была чиста, и он хорошо знал, что мертвые никому не делают зла, не то что живые злые люди. Двое таких как раз и стояли возле мертвого, поставленного в часовню в ожидании погребения. Они хотели обидеть бедного умершего — выбросить его из гроба за порог.

— Зачем вы это делаете? — спросил их Йоханнес. — Это очень дурно и грешно! Оставьте его покоиться с миром!

— Вздор! — сказали злые люди. — Он падул нас! Взял у нас деньги, не заплатил и умер! Теперь мы не получим с него ни гроша; так вот хоть отомстим ему — пусть валяется, как собака, за дверьми!

— У меня всего пятьдесят риксдалеров, — сказал Йоханнес, — это все мое наследство, но я охотно отдам его вам, если вы дадите мне слово оставить бедного умершего в покое! Я обойдусь и без денег, у меня есть пара здоровых рук, да и бог не оставит меня!

— Хорошо, — сказали злодеи, — если ты заплатишь нам за него, мы не сделаем ему ничего дурного, будь спокоен!

И вот они взяли у Йоханнеса деньги, посмеялись над его простотой и пошли своей дорогой, а Йоханнес хорошенько уложил покойника в гробу, скрестил ему руки, простился с ним и с веселым сердцем вновь пустился в путь.

Идти пришлось через лес; между деревьями, освещенными лунным сиянием, резвились прелестные малютки эльфы; они ничуть не пугались Йоханнеса; они хорошо знали, что он добрый, невинный человек, а ведь только злые люди не могут видеть эльфов. Некоторые из малюток были не больше мизинца и расчесывали свои длинные белокурые волосы золотыми гребнями, другие

качались на больших каплях росы, лежавших на листьях и стебельках трав; иногда капля скатывалась, а с нею и эльфы, прямо в густую траву, и тогда между остальными малютками подымались такой хохот и возня! Ужасно забавно было! Они пели, и Йоханнес узнал все хорошенькие песенки, которые он певал еще ребенком. Большие пестрые пауки с серебряными коронами на головах должны были перекидывать для эльфов с куста на куст всякие мосты и ткать целые дворцы, которые, если на них попадала капля росы, сверкали при лунном свете чистым хрусталем. Но вот встало солнце, малютки эльфы вскарабкались в чашечки цветов, а ветер подхватил их мосты и дворцы и понес по воздуху, точно простые паутинки.

Йоханнес уже вышел из леса, как вдруг позади него раздался звучный мужской голос:

— Эй, приятель, куда путь держишь?

— Куда глаза глядят! — сказал Йоханнес. — У меня нет ни отца, ни матери. Я круглый сирота, но бог не оставит меня!

— Я тоже иду по белу свету, куда глаза глядят, — сказал незнакомец. — Давай будем товарищами!

— Ладно! — сказал Йоханнес и они пошли вместе.

Скоро они очень полюбились друг другу: оба они были славные люди. Но Йоханнес заметил, что незнакомец был гораздо умнее его, обошел чуть не весь свет и умел порассказать обо всем.

Солнце стояло уже высоко, когда они присели под большим деревом закутить. И тут к ним подошла старая-престарая бабушка, вся сторбленная, с клюкой в руках; за спиной у нее была вязанка хвороста, а из высоко подоткнутого передника торчали три больших пучка папоротника³ и ивовых прутьев. Когда старуха поравнялась с Йоханнесом и его товарищем, она вдруг поскользнулась, упала и громко вскрикнула; бедняга сломала себе ногу.

Йоханнес сейчас же предложил товарищу отнести старуху домой, но незнакомец открыл свою котомку, вынул оттуда баночку и сказал старухе, что у него есть такая мазь, которая сразу вылечит ее, и она пойдет домой, как ни в чем не бывало. Но за это она должна подарить ему те три пучка, которые у нее в переднике.

— Плата хороша! — сказала старуха и как-то странно покачала головой. Ей не хотелось расставаться со своими прутьями, но и лежать со сломанной ногой было тоже неприятно, и вот она отдала ему веники, а он сейчас же помазал ей ногу мазью; раз, два — и старушка вскочила и зашагала живее прежнего. Вот так мазь была! Такой не достанешь в аптеке!

— На что тебе эти веники? — спросил Йоханнес у товарища.

— А чем не букеты? — сказал тот. — Они мне очень понравились: я ведь чудак!

Потом они прошли еще добрый конец дороги.

— Смотри, как заволакивает, — сказал Йоханнес, указывая перед собой пальцем. — Какие страшные мрачные тучи!

— Нет, — сказал его товарищ, — это не облака, а горы, чудные, высокие горы, по которым можно добраться до самых облаков. Ах, как там хорошо! Завтра мы будем уже далеко-далеко!

Горы были совсем не так близко, как казалось: Йоханнес с товарищем

шли еще целый день, прежде чем добрались до того места, где начинались темные леса, взбиравшиеся чуть не к самому небу, и лежали каменные громады величиной с город; подняться на горы было не шуткой, и потому Йоханнес с товарищем зашли на постоянный двор, чтобы переночевать и собраться с силами к следующему утру.

В нижнем этаже, в пивной, собралось много народа: там давалось кукольное представление⁴; хозяин марионеток поставил посреди комнаты свой маленький театр, а народ уселся перед ним полукругом, чтобы полюбоваться представлением. Впереди всех, на самом лучшем месте, уселся толстый мясник с большим бульдогом. У, как свирепо глядел бульдог! Он тоже уселся на полу и таращился на представление.

Представление началось и шло прекрасно: на бархатном троне восседали король с королевой с золотыми коронами на головах и в платьях с длинными-длинными шлейфами,— такая роскошь была им по средствам. У всех входов стояли великолепнейшие деревянные куклы со стеклянными глазами и большими усами и распахивали двери, чтобы проветрить комнаты. Словом, представление было чудесное и совсем не печальное; но вот королева встала, и только она прошла несколько шагов, как бог знает что сделалось с бульдогом; хозяин не держал его, он вскочил прямо на сцену, схватил королеву зубами за тоненькую талию и — крак! — перекусил ее пополам. Вот был ужас!

Бедный хозяин марионеток ужасно перепугался и огорчился за бедную королеву: это была самая красивая из всех его кукол, и вдруг гадкий бульдог изуродовал ее! Но вот народ разошелся, и товарищ Йоханнеса сказал, что почиит королеву, вынул баночку с той же мазью, которой мазал сломанную ногу старухи, и помазал куклу: кукла сейчас же опять стала целехонька и вдобавок начала сама двигать руками и ногами, так что ее больше не нужно было дергать за веревочки: выходило, что кукла была совсем как живая, только говорить не могла. Хозяин марионеток остался этим очень доволен; теперь ему не нужно было управлять королевой, она могла танцевать сама, не то что другие куклы!

Ночью, когда все люди в гостинице улеглись спать, кто-то вдруг завздыхал, так глубоко и протяжно, что все повставали посмотреть, что и с кем случилось, а хозяин марионеток подошел к своему маленькому театру,— вздохи слышались оттуда. Все деревянные куклы, и король и телохранители, лежали вперемешку, глубоко вздыхали и тарашили свои стеклянные глаза; им тоже хотелось, чтобы их помазали, как королеву,— тогда бы и они могли двигаться сами! Королева же встала на колени и протянула свою золотую корону, как бы говоря: «Возьмите ее, только помажьте моего супруга и моих придворных!» Бедняга хозяин не мог удержаться от слез, так ему жаль стало своих кукол, пошел к товарищу Йоханнеса и пообещал отдать ему все деньги, которые соберет за вечернее представление, если тот помажет четыре-пять лучших из его кукол. Товарищ Йоханнеса сказал, что денег он не возьмет, а потребовал у хозяина большую саблю, которая висела у него на боку. Получив ее, он помазал шесть кукол, которые сейчас же заплясали, да так чудесно, что, глядя на них, заплясали и все живые, настоящие девушки, заплясали и кучер, и кухарка, и лакеи, и горничные, все гости и даже кочерга со шипцами; ну, да эти-то двое растянулись с первого же прыжка. Да, веселая выдалась ночька!

На следующее утро Йоханнес и его товарищ ушли из гостиницы, взобрались на высокие горы и вступили в необозримые сосновые леса. Путники поднялись наконец так высоко, что колокольни внизу казались им красненькими ягодками⁵ в зелени, и, куда ни оглянись, видно было на несколько миль кругом. Такой красоты Йоханнес еще не видывал; теплое солнышко ярко светило с голубого прозрачного неба, в горах раздавались звуки охотничьих рогов. Божий мир был так чудно хорош, что у Йоханнеса выступили от радости на глазах слезы, и он не мог не воскликнуть:

— Боже ты мой! Как бы я расцеловал тебя за то, что ты такой добрый и создал для нас весь этот чудесный мир!

Товарищ Йоханнеса тоже стоял со скрещенными на груди руками и смотрел на леса и города, освещенные солнцем. В эту минуту над головами их раздалось чудесное пение: они подняли головы — в воздухе плыл большой прекрасный белый лебедь и пел⁶, как не петь ни одной птице; но голос его звучал все слабее и слабее, он склонил голову и тихо-тихо опустился на землю: прекрасная птица лежала у ног Йоханнеса и его товарища мертвой!

— Какие чудные крылья! — сказал товарищ Йоханнеса. — Такие большие и белые, цены им нет! Они могут нам пригодиться! Видишь, хорошо, что я взял с собой саблю!

И он одним ударом отрубил у мертвого лебедя оба крыла.

Потом они прошли еще много-много миль⁷ и наконец увидели перед собой большой город с сотнями башен, которые блестели на солнце, как серебряные; в середине города стоял великолепный мраморный дворец с крышей из червонного золота; тут жил король.

Йоханнес с товарищем не захотели сейчас же идти осматривать город, а остановились на одном постоялом дворе, чтобы немножко пообчиститься с дороги и принарядиться, прежде чем показаться на улицах. Хозяин постоялого двора рассказал им, что король — человек очень добрый и никогда не делает людям ничего худого, но что дочь у него злая-презлая. Конечно, она первая красавица на свете, но что толку, если она при этом злая ведьма, из-за которой погибло столько прекрасных принцев. Дело в том, что всякому — и принцу и нищему — было позволено свататься за нее; жених должен был только отгадать три вещи, которые задумывала принцесса; отгадай он — она вышла бы за него замуж, и он стал бы, по смерти ее отца, королем над всей страной, нет — и его вешали или отрубали ему голову. Вот какая злая была красавица принцесса! Старик король, отец ее, очень грустил об этом, но не мог ничего с ней поделать и раз навсегда отказался иметь дело с ее женихами, — пусть-де она ведается с ними сама, как знает. И вот являлись жених за женихом, их заставляли отгадывать и за неудачу казнили — могли бы не свататься, ведь их предупреждали заранее!

Старик король, однако, так грустил об этом, что раз в год по целому дню простаивал в церкви на коленях, да еще со всеми своими солдатами, моля бога о том, чтобы принцесса стала добрее, но она и знать ничего не хотела. Старухи, любившие выпить, окрашивали водку в черный цвет, — чем иначе могли они выразить свою печаль?

— Гадкая принцесса! — сказал Йоханнес. — Ее бы следовало высечь. Уж будь я королем-отцом, я бы задал ей перцу!

В эту самую минуту народ на улице закричал «ура». Мимо проезжала принцесса; она в самом деле была так хороша, что все забывали, какая она злая, и кричали ей «ура». Принцессу окружали двенадцать красавиц-амазонок на вороных конях; все они были в белых шелковых платьях, с золотыми тюльпанами в руках. Сама принцесса ехала на белой, как снег, лошади; вся сбруя была усыпана бриллиантами и рубинами; платье на принцессе было из чистого золота, а хлыст в руках сверкал, точно солнечный луч; на голове красавицы сияла корона, вся сделанная будто из настоящих звездочек, а на плечи был наброшен плащ, сшитый из сотни тысяч красивейших бабочкиных крыльев, но сама принцесса была все-таки гораздо лучше всех своих нарядов.

Йоханнес взглянул на нее, покраснел, как маков цвет, и не мог вымолвить ни слова: она как две капли воды была похожа на ту девушку в золотой короне, которую он видел во сне в ночь смерти отца. Ах, она была так хороша, что Йоханнес не мог не полюбить ее. «Не может быть,— сказал он сам себе,— чтобы она в самом деле была такая ведьма и приказывала вешать и казнить людей, если они не отгадывают того, что она задумала. Всем позволено свататься за нее, даже последнему нищему; пойду же и я во дворец! От судьбы, видно, не уйдешь!»

Все стали отговаривать его,— ведь и с ним случилось бы то же, что с другими. Дорожный товарищ Йоханнеса тоже не советовал ему пробовать счастья, но Йоханнес решил, что, бог даст, все пойдет хорошо, вычистил сапоги и кафтан, умылся, причесал свои красивые белокурые волосы и пошел один-одинешенек в город, а потом во дворец.

— Войдите! — сказал старый король, когда Йоханнес постучал в дверь.

Йоханнес отворил дверь, и старый король встретил его одетый в халат; на ногах у него были вышитые туфли, на голове корона, в одной руке скипетр, в другой — держава.

— Постой! — сказал он и взял державу под мышку, чтобы протянуть Йоханнесу руку.

Но как только он услышал, что перед ним новый жених, он начал плакать, выронил из рук и скипетр и державу и принялся утирать слезы полами халата. Бедный старичок король!

— И не пробуй лучше! — сказал он. — С тобой будет то же, что со всеми! Вот погляди-ка!

И он свел Йоханнеса в сад принцессы. Брр... какой ужас! На каждом дереве висело по три, по четыре принца, которые когда-то сватались за принцессу, но не сумели отгадать того, что она задумала. Стоило подуть ветерку, и кости громко стучали одна о другую, пугая птиц, которые не смели даже заглянуть в этот сад. Кольшками для цветов там служили человечьи кости, в цветочных горшках торчали черепа с оскаленными зубами — вот так сад был у принцессы!

— Вот видишь! — сказал старик король. — И с тобой будет то же, что с ними! Не пробуй лучше! Ты ужасно огорчаешь меня, я так близко принимаю это к сердцу.

Йоханнес поцеловал руку доброму королю и сказал, что все кончится хорошо, потому что он без памяти полюбил прекрасную принцессу.

В это время во двор въехала принцесса со своими дамами, и король с Йоханнесом вышли к ней поздороваться. Она была в самом деле прелестна, протянула Йоханнесу руку, и он полюбил ее еще больше прежнего. Нет, конечно, она не могла быть такою злой, гадкой ведьмой, как говорили люди.

Они отправились в залу, и маленькие пажи стали обносить их вареньем и медовыми пряниками, но старик король был так опечален, что не мог ничего есть, да и пряники были ему не по зубам!

Было решено, что Йоханнес придет во дворец на другое утро, а судьи и весь совет соберутся слушать, как он будет отгадывать. Справится он с задачей на первый раз — придет еще два раза; но никому еще не удавалось отгадать и одного раза, все платились головой за первую же попытку.

Йоханнеса ничуть не заботила мысль о том, что будет с ним; он был очень весел, думал только о прелестной принцессе и кренко верил, что бог не оставит его своей помощью; каким образом поможет он ему — Йоханнес не знал, да и думать об этом не хотел, а шел себе, приплясывая, по дороге, пока наконец не пришел обратно на постоялый двор, где его ждал товарищ.

Йоханнес без умолку рассказывал о прелестной принцессе, о том, как ласково она приняла его, и дожидаться не мог завтрашнего дня, когда пойдет наконец во дворец попытать счастья.

Но дорожный товарищ Йоханнеса грустно покачал головой и сказал:

— Я так люблю тебя, мы могли бы провести вместе еще много счастливых дней, и вдруг мне придется лишиться тебя! Мой бедный друг, я готов заплакать, но не хочу огорчать тебя: сегодня, может быть, последний день, что мы вместе! Повеселимся же хоть сегодня! Успею наплакаться и завтра, когда ты уйдешь во дворец!

Весь город сейчас же узнал, что у принцессы новый жених, и все страшно опечалились. Театр закрылся, торговки сладостями обвязали своих сахарных поросят черным крепом, а король и священники собрались в церкви и на колени молились богу. Горе было всеобщее; ведь и с Йоханнесом должно было случиться то же, что с прочими женихами.

Вечером товарищ Йоханнеса приготовил пунш и предложил Йоханнесу хорошенько повеселиться и выпить за здоровье принцессы. Йоханнес выпил два стакана, и ему ужасно захотелось спать, глаза у него закрылись сами собой, и он уснул крепким сном. Товарищ поднял его со стула и уложил в постель, а сам, дождавшись ночи, взял два больших крыла, которые отрубил у мертвого лебеда, привязал их к плечам, сунул в карман самый большой пучок розог из тех, что получил от старухи, сломавшей себе ногу, открыл окно и полетел прямо ко дворцу. Там он уселся в уголке под окном принцессиной спальни и стал ждать.

В городе было тихо, тихо; вот пробило три четверти двенадцатого, окно распахнулось, и вылетела принцесса в длинном белом плаще, с большими черными крыльями за спиной. Она направилась прямо к высокой горе, но дорожный товарищ Йоханнеса сделался невидимкой и полетел за ней следом, хлеща ее розгами до крови. Брр... вот так был полет! Ее плащ раздувался от ветра, точно парус, и через него просвечивал месяц.

— Что за град! Что за град! — говорила принцесса при каждом ударе розог, и поделом ей было.

Наконец она добралась до горы и постучала. Раздался точно удар грома, и гора раскрылась; принцесса вошла, а за ней и товарищ Йоханнеса — ведь никто не мог видеть его, он сделался невидимкой. Они прошли длинный-длинный коридор с какими-то странно сверкающими стенами, — по ним бегали тысячи огненных пауков, горевших как жар. Затем принцесса и ее невидимый спутник вошли в большую залу из серебра и золота; на стенах сияли большие красные и голубые цветы вроде подсолнечников, но боже упаси сорвать их! Стебли их были гадкими ядовитыми змеями, а самые цветы — пламенем, выходящим у них из пасти. Потолок был усеян светляками и голубоватыми летучими мышами, которые беспрерывно хлопали своими тонкими крыльями; удивительное было зрелище! Посреди залы стоял трон на четырех лошадиных

остовах вместо пожек; сбруя на лошадях была из огненных пауков, самый трон из молочно-белого стекла, а подушки на нем из черненьких мышек, вцепившихся друг другу в хвосты зубами. Над тронном был балдахин из ярко-красной паутины, усеянной хорошенькими зелеными мухами, блестящими не хуже драгоценных камней. На троне сидел старый тролль⁸; его безобразная голова была увенчана короной, а в руках он держал скипетр. Тролль поцеловал принцессу в лоб и усадил ее рядом с собой на драгоценный трон. Тут заиграла музыка; большие черные кузнечики играли на губных гармониках, а сова била себя крыльями по животу. Вот был концерт! Маленькие домовые, с блуждающими огоньками на колпачках⁹ плясали по залу. Никто не видал дорожного товарища Йоханнеса, а он стоял позади трона, и видел и слышал все!

Постепенно в зал набралось много придворных, они держались очень чинно и прилично, но тот, у кого были глаза во лбу, заметил бы, что придворные это не больше не меньше, как простые палки с кочнами капусты вместо голов,— тролль оживил их и нарядил в расшитые золотом платья; впрочем, не все ли равно, если они служили только для парада!

Когда пляска кончилась, принцесса рассказала троллю о новом женихе и спросила, о чем бы ей загадать на следующее утро, когда он придет во дворец.

— Знаешь,— сказал тролль,— надо выбрать самое простое, что ему и в голову не придет. Задумай, например, о своем башмачке. Ни за что не отгадает! Вели тогда отрубить ему голову, да не забудь принести мне завтра ночью его глаза, я их съем!

Принцесса низко присела и сказала, что не забудет. Затем тролль раскрыл гору, и принцесса полетела домой, а товарищ Йоханнеса опять летел следом и так хлестал ее розгами, что она стонала и жаловалась на сильный град и изо всех сил торопилась добраться до окна своей спальни. Дорожный товарищ Йоханнеса полетел обратно на постоянный двор; Йоханнес еще спал; товарищ его отвязал свои крылья и тоже улегся в постель,— еще бы, устал порядком!

Чуть занялась заря, Йоханнес был уже на ногах; дорожный товарищ его тоже встал и рассказал ему чудесный сон, который он видел ночью; он видел, что принцесса загадала про свой башмачок, и потому просил Йоханнеса непременно назвать принцессе башмачок. Он как раз слышал об этом в горе у тролля, но не хотел рассказывать Йоханнесу.

— Что ж, для меня все равно, что ни назвать! — сказал Йоханнес. — Может быть, твой сон и в руку: я ведь все время думал, что бог поможет мне! Но я все-таки прошусь с тобой — если я не угадаю, мы больше не увидимся.

Они поцеловались, и Йоханнес отправился во дворец. Зала была битком набита народом; судьи сидели в креслах, прислонившись головами к подушкам из гагачьего пуха,— им ведь приходилось так много думать! Старик король стоял и вытирал глаза белым носовым платком. Но вот вошла принцесса; она была еще краше вчерашнего, мило раскланялась со всеми, а Йоханнесу подала руку и сказала:

— Ну, здравствуй!

Теперь надо было отгадывать, о чем она задумала. Господи, как ласково смотрела она на Йоханнеса! Но как только он произнес: «башмачок», она побелела как мел и задрожала всем телом. Делать, однако, было нечего — Йоханнес угадал.

Эх! Старик король даже перекувырнулся на радостях, — все и рты разинули! И принялись хлопать королю, да и Йоханнесу тоже — за то, что он правильно угадал.

Дорожный товарищ был тоже очень доволен, что все сошло так благополучно, а Йоханнес поблагодарил бога, надеясь, что он поможет ему и в следующие разы. Ведь на другой день надо было приходиться опять.

Вечер прошел так же, как и накануне. Когда Йоханнес заснул, товарищ его опять полетел за принцессой и хлестал ее еще сильнее, чем в первый раз, так как взял с собой два пучка розог; никто не видал его, и он опять подслушал совет тролля. Принцесса должна была на этот раз загадать о своей перчатке, что товарищ и передал Йоханнесу, снова сославшись на свой сон. Йоханнес угадал и во второй раз, и во дворце пошло такое веселье, что только держись! Весь двор стал кувыркаться — ведь сам король подал вчера пример. Зато принцесса лежала на диване и не хотела даже разговаривать. Теперь все дело было в том, отгадает ли Йоханнес в третий раз; если да, то женится на красавице принцессе и унаследует по смерти старика короля все королевство, — нет — его казнят, и тролль съест его прекрасные голубые глаза.

В этот вечер Йоханнес рано улегся в постель, прочел молитву на сон грядущий и спокойно заснул, а товарищ его привязал себе крылья, пристегнул сбоку саблю, взял все три пучка розог и полетел ко дворцу.

Тьма была — хоть глаз выколи; бушевала такая гроза, что черепицы валились с крыш, а деревья в саду со скелетами гнулись от ветра, как тростинки. Молния сверкала ежеминутно, и гром сливался в один сплошной раскат. Но вот открылось окно, и вылетела принцесса, бледная как смерть; но она смеялась над непогодой — ей все еще было мало; белый плащ ее бился на ветру, как огромный парус, а дорожный товарищ Йоханнеса до крови хлестал ее всеми тремя пучками розог, так что под конец она едва могла лететь и еле-еле добралась до горы.

— Град так и сечет! Ужасная гроза! — сказала она. — Сроду не приходилось мне вылетать из дома в такую непогоду.

— Да, видно, что тебе порядком досталось! — сказал тролль.

Принцесса рассказала ему, что Йоханнес угадал и во второй раз; случись то же и в третий, он выиграет дело, и ей нельзя будет больше прилетать в гору и колдовать. Было поэтому о чем печалиться.

— Не угадает он больше! — сказал тролль. — Я найду что-нибудь такое, чего ему и в голову прийти не может, иначе он тролль почище меня. А теперь будем плясать!

И он взял принцессу за руки, и они принялись танцевать вместе с гномами и блуждающими огоньками, а красные пауки весело прыгали вверх и вниз по стенам, точно живые огоньки. Сова била в барабан, сверчки свистели, а черные кузнечики играли на губных гармониках. Развеселый был бал!

Натаццевавшись вдвоём, принцесса стала торопиться домой, иначе ее могли там хватиться; тролль сказал, что проводит ее, и они, таким образом, подольше побудут вместе.

Они летели, а товарищ Йоханнеса хлестал их всеми тремя пучками розог; никогда еще троллю не случалось вылетать в такой град.

Перед дворцом он простился с принцессой и шепнул ей на ухо:

— Загадай о моей голове!

Товарищ Йоханнеса, однако, расслышал его слова, и в ту самую минуту, как принцесса скользнула в окно, а тролль хотел повернуть назад, схватил его за длинную черную бороду и срубил ему саблей гадкую голову по самым плечи!

Троль и глазом моргнуть не успел! Тело тролля товарищ Йоханнеса бросил в озеро, а голову окупул в воду, затем завязал в шелковый платок и полетел с этим узлом домой.

Наутро дорожный товарищ отдал Йоханнесу узел, но не велел ему развязывать его, пока принцесса не спросит, о чем она загадала.

Большая дворцовая зала была битком набита народом; люди жались друг к другу, точно сельди в бочонке. Совет заседал в креслах с мягкими подушками под головами, а старик король разделся в новое платье, корона и скипетр его были вычищены на славу; зато принцесса была бледна и одета в траур, точно собралась на похороны.

— О чем я загадала? — спросила она Йоханнеса.

Тот сейчас же развязал платок и сам испугался при виде гадкой головы тролля. Все вздрогнули от ужаса, а принцесса сидела, как окаменелая, не говоря ни слова. Наконец она встала, подала Йоханнесу руку — он ведь угадал — и, не глядя ни на кого, сказала с глубоким вздохом:

— Теперь ты мой господин! Вечером сыграем свадьбу!

— Вот это я люблю! — сказал старик король. — Вот это дело!

Народ закричал «ура», дворцовая стража заиграла марш, колокола зазвонили, и торговки сладостями сняли с сахарных поросят траурный креп — теперь повсюду была радость! На площади были выставлены три жареных быка с начинкой из уток и кур — все могли подходить и отрезать себе по куску; в фонтанах било чудеснейшее вино, а в булочных каждому, кто покупал кренделей на два гроша, давали в придачу шесть больших пышек с изюмом!

Вечером весь город был иллюминирован, солдаты палили из пушек, мальчишки — из хлопушек, а во дворце ели, пили, чокались и плясали. Знатные кавалеры и красивые девицы танцевали друг с другом и пели так громко, что на улице было слышно:

Много тут девиц прекрасных,
Любо им плясать и петь!
Так играйте ж плясовую,
Полно девицам сидеть!
Эй, девица, веселей,
Башмачков не пожалей!

Но принцесса все еще оставалась ведьмой и совсем не любила Йоханнеса; дорожный товарищ его не забыл об этом, дал ему три лебединых пера и пузырек с какими-то каплями и велел поставить перед кроватью принцессы чан с водой; потом Йоханнес должен был вылить туда эти капли и бросить перья, а когда принцесса станет ложиться в постель, столкнуть ее в чан и погрузить в воду три раза, — тогда принцесса освободится от колдовства и крепко его полюбит.

Йоханнес сделал все так, как ему было сказано. Принцесса, упав в воду, громко вскрикнула и забилась у Йоханнеса в руках, превратившись в большую, черную как смоль лебедь со сверкающими глазами; во второй раз она вынырнула из воды уже белой лебедью с небольшим черным кольцом вокруг шеи. Йоханнес воззвал к богу и погрузил птицу в третий раз — и в то же мгновение она опять сделалась красавицей принцессой. Она была еще лучше прежнего и со слезами в чудных глазах благодарила Йоханнеса за то, что он освободил ее от чар.

Утром явился к ним старик король со всею свитой, и пошли поздравления. После всех пришел дорожный товарищ Йоханнеса с палкой в руках и котомкой за плечами. Йоханнес расцеловал его и стал просить остаться — ему ведь был он обязан своим счастьем! Но тот покачал головой и ласково сказал:

— Нет, настал мой час! Я только заплатил тебе свой долг. Помнишь бедного умершего человека, которого хотели обидеть злые люди? Ты отдал им все, что имел, только бы они не тревожили его в гробу. Этот умерший — я!

В ту же минуту он скрылся.

Свадебные торжества продолжались целый месяц. Йоханнес и принцесса крепко любили друг друга, и старик король прожил еще много счастливых лет, качая на коленях и забавляя своими скипетром и державой внучат, в то время как Йоханнес правил королевством.

ПЕРВЫЙ ТОМ

ТРЕТИЙ ВЫПУСК

1837

К ВЗРОСЛЫМ ЧИТАТЕЛЯМ

Ни одно из моих сочинений не получило столь разноречивых откликов, как «Сказки, рассказанные детям»¹. В то время как отдельные люди, чьим мнением я особенно дорожу, ставили их выше всего остального, что мной напечатано, другие полагали их крайне незначительными и советовали мне не писать более подобных вещей. Столь разноречивые суждения и очевидное молчание, коим обходила их официальная критика, отбивали у меня охоту предлагать вниманию публики такого сочинения. Поэтому минул целый год, прежде чем за двумя первыми последовал этот третий выпуск сказок.

Однако во время работы над одной, совершенно отличной от этих, большой вещью у меня возник замысел новой сказки «Русалочка»², который властно требовал воплощения... Пришлось и ее написать.

Если б я выпустил эту сказку в виде отдельной маленькой книжицы, о ней, пожалуй, стали бы судить чересчур строго. Потому-то я и решил присоединить ее к уже начатому циклу сказок. Остальные же сказки, наверное, больше подходят для детей, нежели эта, чей скрытый смысл способен понять только взрослый человек. Однако же смею думать, что и ребенку эта новая сказка также доставит удовольствие, а сама концовка ее просто захватит его. Итак, я публикую ныне третий выпуск своих сказок.

Коротенькая сказка: «Новый наряд короля», помещенная в конце выпуска, — испанского происхождения. Ее забавной фабулой мы обязаны принцу Дон Хуану Мануэлю³, родившемуся в 1277, а умершему в 1347 году.

Говоря об этих двух сказках, я хочу воспользоваться случаем, чтобы сказать несколько слов и о ранее опубликованных.

В детстве я любил слушать сказки и истории; многие из них еще живо хранятся в моей памяти; некоторые кажутся мне по своему происхождению датскими, целиком возникшими в среде нашего народа. Нигде больше на чужбине подобные им не встречались. Я рассказал их на свой лад, позволив себе внести в них всяческие изменения, которые почитал необходимыми, дабы с помощью фантазии освежить поблекшие краски. Так возникли четыре сказки: «Огниво», «Маленький Клаус и Большой Клаус», «Принцесса на горошине» и «Дорожный товарищ». Фабула сказки «Нехороший мальчик» заимствована, как известно, из стихотворения Анакреонта.

Всецело моего собственного сочинения — три сказки:

«Цветы маленькой Иды»,

«Дюймовочка»,

«Русалочка».

Вкупе с третьим выпуском сказки составят небольшую книжку. Останется ли она единственной, зависит от того, какой прием ей окажет публика.

В маленькой стране поэт всегда остается бедняком; поэтому признание — та жар-птица, за которой ему особенно надобно охотиться. Посмотрим, помогут ли мне поймать ее рассказанные мной сказки.

Х. К. Андерсен

РУСАЛОЧКА

В открытом море вода совсем синяя, как лепестки хорошеньких васильков, и прозрачная, как стекло, — но зато и глубоко там! Ни один якорь не достанет до дна; на дно моря пришлось бы поставить одну на другую много-много колоколен, чтобы они могли высунуться из воды. На самом дне живут русалки.

Не подумайте, что там, на дне один голый белый песок; нет, там растут удивительнейшие деревья и цветы с такими гибкими стебельками и листьями, что они шевелятся, как живые, при малейшем движении воды. Между ветвями шныряют большие и маленькие рыбы — точь-в-точь как у нас здесь птицы. В самом глубоком месте стоит коралловый дворец морского царя с большими остроконечными окнами из чистейшего янтаря и с крышей из раковин, которые то открываются, то закрываются смотря по приливу или отливу, это очень красиво, потому что в каждой раковине лежит по жемчужине такой красоты, что и одна из них украсила бы корону любой королевы.

Морской царь давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла его старуха мать, женщина умная, но очень гордая своим родом: она носила на хвосте целую дюжину устриц, тогда как вельможи имели право носить только по шести. Вообще же она была особа достойная, особенно потому, что очень любила своих маленьких внучек. Все шестеро принцесс были прехорошенькими русалочками, но лучше всех была самая младшая, нежная и прозрачная, как лепесток розы, с глубокими синими, как море, глазами. Но и у нее, как у других русалок, не было ножек, а только рыбий хвост.

День-деньской играли принцессы в огромных дворцовых залах, где по стенам росли живые цветы. В открытые янтарные окна врывались рыбки, как у нас, бывает, влетают ласточки; рыбки подплывали к маленьким принцессам, или из их рук и позволяли себя гладить.

Возле дворца был большой сад; там росло много огненно-красных и темно-голубых деревьев с вечно колеблющимися ветвями и листьями; плоды их при этом сверкали, как золото, а цветы — как огоньки. Земля была усыпана мелким голубоватым, как серное пламя, песком; на дне морском на всем лежал какой-то удивительный голубоватый отблеск, — можно было подумать, что витаешь высоко-высоко в воздухе, причем небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие можно было видеть солнце; оно казалось пурпуровым цветком, из чашечки которого лился свет.

У каждой принцессы было в саду свое местечко; тут они могли копать и сажать, что хотели. Одна сделала себе цветочную грядку в виде кита, другой захотелось, чтобы ее грядка была похожа на русалочку, а самая младшая сделала себе грядку круглую, как солнце, и засадила ее ярко-красными цветами. Странное дитя была эта русалочка; такая тихая, задумчивая... Другие сестры украшали свои садики разными разностями, которые доставались им с затонувших кораблей, а она любила только свои яркие, как солнце, цветы да прекрасного белого мраморного мальчика, упавшего на дно моря с какого-то погибшего корабля. Русалочка посадила у статуи красную плакучую иву, которая чудесно разрослась; ветви ее перевешивались через статую и клонились к голубому песку, где колебалась их фиолетовая тень, — вершина и корни точно играли и целовались друг с другом!

Больше всего любила русалочка слушать рассказы о людях, живущих наверху на земле. Старухе бабушке пришлось рассказать ей все, что она знала о кораблях и городах, о людях и о животных. Особенно занимало и удивляло русалочку то, что цветы на земле пахли, — не то, что тут в море! — что леса там были зеленые, а рыбки, которые жили в ветвях, звонко пели. Бабушка называла рыбками птичек, иначе внучки не поняли бы ее; они ведь сроду не выдввали птиц.

— Когда вам исполнится пятнадцать лет, — говорила бабушка, — вам тоже можно будет всплывать на поверхность моря, сидеть при свете месяца на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли, на леса и города!

В этот год старшей принцессе как раз должно было исполниться пятнадцать лет, но другим сестрам — а они все были погодки — приходилось еще ждать, и дольше всех — целых пять лет — самой младшей. Но каждая обещала рассказать остальным сестрам о том, что ей больше всего понравится в первый день, — рассказы бабушки мало удовлетворяли их любопытство, им хотелось знать обо всем поподробнее.

Никого не тянуло так на поверхность моря, как самую младшую, тихую, задумчивую русалочку, которой приходилось ждать дольше всех. Сколько ночей провела она у открытого окна, вглядываясь в синеву моря, где шевелили своими плавниками и хвостами целые стаи рыбок! Она могла разглядеть сквозь воду месяц и звезды; они, конечно, блестели не так ярко, но зато казались гораздо больше, чем кажутся нам. Случалось, что под ними скользило как будто большое темное облако, и русалочка знала, что это или проплывал над нею кит, или проходил корабль с сотнями людей; они и не думали о хорошенькой русалочке, что стояла там, в глубине моря, и протягивала к килю корабля свои белые ручки.

Но вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность моря. Вот было рассказов, когда она вернулась назад! Лучше же всего, по ее словам, было лежать в тихую погоду на песчаной отмели и нежиться при свете месяца, любуясь раскинувшимся по берегу городом; там, точно сотни звездочек, горели огни, слышалась музыка, шум и грохот экипажей, виднелись башни со шпилями, звонили колокола. Да, именно потому, что ей нельзя было попасть туда, ее больше всего и манило это зрелище.

Как жадно слушала ее рассказы самая младшая сестра! Стоя вечером у открытого окна и вглядываясь в морскую синеву, она только и думала, что

о большом шумном городе, и ей казалось даже, что она слышит звон колоколов.

Через год и вторая сестра получила позволение подниматься на поверхность моря и плыть, куда хочет. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и нашла, что лучше этого зрелища ничего и быть не может. Небо сияло, как расплавленное золото, рассказывала она, а облака... да тут у нее уж и слов не хватало! Окрашенные в пурпуровые и фиолетовые цвета, они быстро неслись по небу, но еще быстрее их неслась к солнцу, точно длинная белая вуаль, стоя лебедей; русалочка тоже поплыла было к солнцу, но оно опустилось в море, и по небу и воде разлилась розовая вечерняя заря.

Еще через год всплыла на поверхность моря третья принцесса; эта была смелее всех и проплыла в широкую реку, которая впадала в море. Тут она увидела зеленые холмы, покрытые виноградниками, дворцы и дома, окруженные чудесными рощами, где пели птицы; солнце светило и грело так, что ей не раз приходилось нырять в воду, чтобы освежить свое пылающее лицо. В маленькой бухте она увидела целую толпу голеньких человечков, которые плескались в воде; она хотела было поиграть с ними, но они испугались ее и убежали, а вместо них появился какой-то черный зверек и так страшно прыгнул на нее твякать, что русалка перепугалась и уплыла назад в море; это была собака, но русалка ведь никогда еще не видала собак.

И вот принцесса все вспоминала эти чудные леса, зеленые холмы и престелстных детей, которые умели плавать, хоть у них и не было рыбьего хвоста!

Четвертая сестра не была такой смелой; она держалась больше в открытом море и рассказывала, что это было лучше всего; куда ни оглянись, на много-много миль вокруг одна вода да небо, опрокинутое над водой, точно огромный стеклянный купол; вдали, как морские чайки, виднелись большие корабли, играли и кувыркались веселые дельфины и огромные киты пускали из ноздрей сотни фонтанов.

Потом пришла очередь предпоследней сестры; ее день рождения был зимой, и поэтому она увидела то, чего не видели другие: море было зеленоватого цвета, повсюду плавали большие ледяные горы — ни дать ни взять жемчужины, рассказывала она, но такие огромные, выше самых высоких колоколен, построенных людьми! Некоторые из них были очень причудливой формы и блестели, как алмазы. Она уселась на самую большую, ветер развевал ее длинные волосы, а моряки испуганно обходили гору подальше. К вечеру небо покрылось тучами, засверкала молния, загредел гром, и темное море стало бросать ледяные глыбы из стороны в сторону, а они так и сверкали при блеске молнии. На кораблях убирали паруса, люди метались в страхе и ужасе, а она спокойно плыла себе на ледяной горе и смотрела, как огненные зигзаги молний, прорезав небо, падали в море.

Вообще каждая из сестер была в восторге от того, что видела в первый раз, — все было для них ново и поэтому правилось; но, получив, как взрослые девушки, позволение плавать повсюду, они скоро присмотрелись ко всему и через месяц стали уже говорить, что везде хорошо, а дома лучше.

Часто по вечерам все пять сестер, взявшись за руки, подымались на поверхность воды, у всех были чудеснейшие голоса, каких не бывает у людей на земле, и вот, когда начиналась буря и они видели, что кораблям грозит опасность, они подплывали к ним, пели о чудесах подводного царства и проси-

ли моряков не бояться опуститься на дно; но моряки не могли разобрать слов; им казалось, что это просто шумит буря; да им все равно и не удалось бы увидеть на дне никаких чудес — если корабль погибал, люди тонули и приплывали ко дворцу морского царя уже мертвыми.

Младшая же русалочка, в то время как сестры ее всплывали рука об руку на поверхность моря, оставалась одна-одинешенька и смотрела им вслед, готовая заплакать, но русалки не могут плакать, и от этого ей было еще тяжелей.

— Ах, когда же мне будет пятнадцать лет? — говорила она. — Я знаю, что очень полюблю и тот мир и людей, которые там живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет.

— Ну вот, вырастили и тебя! — сказала бабушка, вдовствующая королева. — Поди сюда, надо и тебя принарядить, как других сестер!

И она надела русалочке на голову венец из белых жемчужных лилий, — каждый лепесток был половинкой жемчужины — потом, для обозначения высокого сана принцессы, приказала прицепиться к ее хвосту восьмерым устрицам.

— Да это больно! — сказала русалочка.

— Ради красоты надо потерпеть! ¹ — сказала старуха.

Ах, с каким удовольствием скинула бы с себя русалочка все эти уборы и тяжелый венец — красненькие цветочки из ее садика шли ей куда больше, не делать нечего!

— Прощайте! — сказала она и легко и плавно, точно прозрачный водяной пузырь, поднялась на поверхность.

Солнце только что село, но облака еще сияли пурпуром и золотом, тогда как в красноватом небе уже зажглась ясная вечерняя звезда; воздух был мягок и свеж, а море неподвижно, как зеркало. Неподалеку от того места, где вынырнула русалочка, стоял трехмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом, — не было ведь ни малейшего ветерка; на вантах и реях сидели матросы, с палубы неслись звуки музыки и песен; когда же совсем стемнело, корабль осветился сотнями разноцветных фонариков; казалось, что в воздухе замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла к самым окнам каюты, и когда волны слегка приподымали ее, она могла заглянуть в каюту. Там было множество разодетых людей, но лучше всех был молодой принц с большими черными глазами. Ему, наверное, было не больше шестнадцати лет; в тот день праздновалось его рождение, оттого на корабле и шло такое веселье. Матросы плясали на палубе, а когда вышел туда молодой принц, кверху взвились сотни ракет, и стало светло как днем, так что русалочка совсем перепугалась и нырнула в воду, но скоро опять высунула голову, и ей показалось, что все звездочки небесные попадали к ней в море. Никогда еще не видела она такой огненной потехи: большие солнца вертелись колесом, огромные огненные рыбы били в воздухе хвостами, и все это отражалось в тихой, ясной воде. На самом корабле было так светло, что можно было различить каждую веревку, а людей и подавно. Ах, как хорош был молодой принц! Он пожимал людям руки, улыбался и смеялся, а музыка все гремела и гремела в тишине чудной ночи.

Становилось уже поздно, но русалочка глаз не могла оторвать от корабля и от красавца принца. Разноцветные огоньки потухли, ракеты больше не взлетали в воздух, не слышалось и пушечных выстрелов, зато загудело и застонало само море. Русалочка качалась на волнах рядом с кораблем и все заглядывала

в каюту, а корабль несся все быстрее и быстрее, паруса разворачивались один за другим, ветер крепчал, заходили волны, облака сгустились и засверкали молнии. Начиналась буря! Матросы принялись убирать паруса; огромный корабль страшно качало, а ветер так и мчал его по бушующим волнам; вокруг корабля вставали высокие водяные горы, грозившие сомкнуться над мачтами корабля, но он нырял между водяными стенами, как лебедь, и снова взлетал на хребет волн. Русалочку буря только забавляла, а морякам приходилось плохо. Корабль трещал, толстые бревна разлетались в щепки, волны перекачивались через палубу; грот-мачта переломилась, как тростинка, корабль перевернулся набок, и вода хлынула в трюм. Тут русалочка поняла опасность; ей и самой приходилось остерегаться бревен и обломков, носившихся по волнам. На минуту сделалось вдруг так темно, что хоть глаз выколи; но вот опять блеснула молния, и русалочка вновь увидела всех бывших на корабле людей; каждый спасался, как умел. Русалочка отыскала глазами принца и увидела, как он погрузился в воду, когда корабль разбился на части. Сначала русалочка очень обрадовалась тому, что он попадет теперь к ним на дно, но потом вспомнила, что люди не могут жить в воде и что он может приплыть во дворец ее отца только мертвым. Нет, нет, он не должен умирать! И она поплыла между бревнами и досками, совсем забывая, что они всякую минуту могут раздавить ее самое. Приходилось то нырять в самую глубину, то взлетать кверху вместе с волнами; но вот наконец она настигла принца, который уже почти совсем выбился из сил и не мог больше плыть по бурному морю; руки и ноги отказались ему служить, а прелестные глаза закрылись; он умер бы, не явись ему на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и предоставила волнам нести их обоих куда угодно.

К утру непогода стихла; от корабля не осталось и щепки; солнце опять засияло над водой, и его яркие лучи как будто вернули щекам принца их живую окраску, но глаза его все еще не открывались. Русалочка откинула со лба принца волосы и поцеловала его в высокий, красивый лоб; ей показалось, что принц похож на мраморного мальчика, что стоял у нее в саду; она поцеловала его еще раз и пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец она завидела твердую землю и высокие, уходящие в небо горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. У самого берега зеленела чудная роща, а повыше стояло какое-то здание вроде церкви или монастыря. В роще росли апельсиновые и лимонные деревья, а у ворот здания — высокие пальмы. Море врезывалось в белый песчаный берег небольшим заливом, где вода была очень тиха, но глубока; сюда-то, к утесу, возле которого море намыло мелкий белый песок, и приплыла русалочка и положила принца, позаботившись о том, чтобы голова его лежала повыше и на самом солнце.

В это время в высоком белом здании зазвонили в колокола, и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше, за высокие камни, которые торчали из воды, покрыла себе волосы и грудь морской пеной — теперь никто не различил бы в этой пене ее беленького личика — и стала ждать: не придет ли кто на помощь бедному принцу.

Ждать пришлось недолго: к принцу подошла одна из молодых девушек и сначала очень испугалась, но скоро собралась с духом и позвала на помощь людей. Затем русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем, кто был

возле него. А ей он не улыбнулся, он даже не знал, что она спасла ему жизнь! Грустно стало русалочке, и, когда принца увели в большое белое здание, она печально нырнула в воду и уплыла домой. И прежде она была тихой и задумчивой, теперь же стала еще тише, еще задумчивее. Сестры спрашивали ее, что она видела в первый раз на поверхности моря, но она не рассказала им ничего.

Часто и вечером и утром приплывала она к тому месту, где оставила принца, видела, как созрели в садах плоды, видела, как стоял снег на высоких горах, но принца так больше и не видела и возвращалась домой с каждым разом все печальнее и печальнее. Единственной отрадой было для нее сидеть в своем садике, обвивая руками красивую мраморную статую, похожую на принца, но за цветами она больше не ухаживала; они росли, как хотели, по тропинкам и дорожкам, переплелись своими стебельками и листочками с ветвями дерева, и в садике стало совсем темно. Наконец она не выдержала и рассказала обо всем одной из своих сестер; за ней узнали и все остальные сестры, но больше никто, кроме разве еще двух-трех русалок, да их самых близких подруг. Одна из русалок тоже знала принца, видела праздник на корабле и даже знала, где находится королевство принца.

— Поплыли с нами, сестрица! — сказали русалочке сестры и рука об руку поднялись все вместе на поверхность моря близ того места, где стоял дворец принца.

Дворец был из светло-желтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо в море. Великолепные вызолоченные купола высились над крышей, а в нишах, между колоннами, окружавшими все здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые. Сквозь высокие зеркальные окна виднелись роскошные покои; всюду висели дорогие шелковые занавеси, были разостланы ковры, а стены украшены большими картинами. Загляденье да и только! Посреди самой большой залы журчал большой фонтан; струи воды били высоко-высоко под самый стеклянный купол потолка, через который на воду и на диковинные растения, росшие в широком бассейне, лились лучи солнца.

Теперь русалочка знала, где живет принц, и стала приплывать ко дворцу почти каждый вечер или каждую ночь. Ни одна из сестер не осмеливалась подплывать к земле так близко, как она: она же заплывала и в узкий канал, который протекал как раз под великолепным мраморным балконом, бросающим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на молодого принца, а он-то думал, что гуляет при свете месяца один-одинешенек.

Много раз видела она, как он катался с музыкантами на своей прекрасной лодке, украшенной развевающимися флагами, — русалочка выглядывала из зеленого тростника, и если люди иной раз замечали ее длинную серебристо-белую вуаль, развевающуюся по ветру, то думали, что это лебедь взмахнул крылом. Много раз слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам рыбу; они рассказывали о нем много хорошего, и русалочка радовалась, что спасла ему жизнь, когда он полумертвым носился по волнам; она вспоминала, как его голова покоилась на ее груди, когда она поцеловала так нежно его красивый лоб. А он-то ничего не знал о ней, она ему даже и во сне не снилась!

Все больше и больше начинала русалочка любить людей, все сильнее

и сильнее тянуло ее к ним; их земной мир казался ей куда больше, нежели ее подводный; они могли ведь переплывать на своих кораблях море, взбираться на высокие горы к самым облакам, а бывшие в их владении пространства земли с лесами и полями тянулись далеко-далеко, и глазом было их не окинуть! Русалочке очень хотелось побольше узнать о людях и об их жизни, но сестры не могли ответить на все ее вопросы, и она обращалась к бабушке: старуха хорошо знала «высший свет», как она справедливо называла землю, лежавшую над морем.

— Если люди не тонут, — спрашивала русалочка, — тогда они живут вечно, не умирают, как мы?

— Как же! — отвечала старуха. — Они тоже умирают, их век даже короче нашего. Мы живем триста лет, зато, когда нам приходит конец, от нас остается одна пена морская, у нас нет даже могил близких нам. Нам не дано бессмертной души, и мы никогда уже не будем жить, мы — как тростник; раз срезанный, он не зазеленеет вновь! У людей, напротив, есть бессмертная душа, которая живет вечно, даже и после того, как тело превращается в прах; она улетает тогда в синее небо, туда, к ясным звездочкам! Как мы можем подняться со дна морского и увидеть землю, где живут люди, так они могут подняться после смерти в неведомые блаженные страны, которых нам не видеть никогда!

— А почему у нас нет бессмертной души? — грустно спросила русалочка. — Я бы отдала все свои триста лет за один день человеческой жизни, с тем, чтобы потом принять участие в небесном блаженстве людей.

— Вздор! Нечего и думать об этом! — сказала старуха. — Нам тут живется куда лучше, чем людям на земле!

— Значит, и я умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыки волн, не увижу чудесных цветов и красного солнышка! Неужели же я никак не могу обрести бессмертную душу?

— Можешь, — сказала бабушка, — пусть только кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, пусть отдастся он тебе всем своим сердцем и всеми помыслами и велит священнику соединить ваши руки в знак вечной верности друг другу; тогда частица его души сообщится тебе и ты тоже вкусишь вечного блаженства. Он даст тебе душу и сохранит при себе свою. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас считается красивым, твой рыбий хвост, люди находят безобразным; они нимало не смыслят в красоте; по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжих подпорки — ноги, как они их называют.

Глубоко вздохнула русалочка и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

— Будем жить — не тужить! — сказала старуха. — Повеселимся вволю свои триста лет — это-таки порядочный срок, тем слаще будет отдых по смерти! Сегодня вечером у нас при дворе бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок танцевальной залы били из толстого, но прозрачного стекла; вдоль стен рядами лежали сотни огромных пурпурных и травянисто-зеленых раковин с голубыми огоньками в середине; огни эти ярко освещали всю залу, а через стеклянные стены — и самое море. Видно было, как к стенам подплывали стаи и больших и малых рыб, сверкавших пурпурно-золотистой и серебристой чешуей.

Посреди зала вода бежала широким потоком, и в нем танцевали водяные и русалки под свое чудное пение. Таких чудных голосов не бывает у людей. Русалочка же пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделалось весело при мысли о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у нее; но потом она опять стала думать о надводном мире, о прекрасном принце и печалиться о том, что у нее нет бессмертной души. Она незаметно ускользнула из дворца, и, пока там пели и веселились, грустно сидела в своем садике. Вдруг сверху до нее донеслись звуки волторн, и она подумала: «Вот он опять катается на лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Я принадлежу ему всем сердцем, всеми своими помыслами, ему я бы охотно вручила счастье всей моей жизни! На все бы я пошла ради него и ради бессмертной души! Пока сестры танцуют в отцовском дворце, я поплыву к морской ведьме: я всегда боялась ее, но, может быть, она что-нибудь посоветует или как-нибудь поможет мне!»

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Ей еще ни разу не приходилось проплывать этой дорогой; тут не было ни цветов, ни даже травы — один только голый серый песок; вода в водоворотах бурлила и шумела, как под мельничными колесами, и увлекала за собой в глубину все, что только встречала на пути. Русалочке пришлось плыть как раз между такими бурлящими водоворотами; затем на пути к жилищу ведьмы лежало еще большое пространство, покрытое горячим, пузырившимся илом; это место ведьма называла своим торфяным болотом. За ним уже показалось и самое жилище ведьмы, окруженное диковинным лесом: деревья и кусты были полипами — полуживотными-полурастениями, похожими на стоголовых змей, росших прямо из песка; ветви их были длинными осклизлыми руками с пальцами, извивающимися, как черви; полипы ни на минуту не переставали шевелить всеми своими суставами, от корня до самой верхушки, они хватали гибкими пальцами все, что только им попадалось, и уже никогда не выпускали обратно. Русалочка испуганно приостановилась, сердечко ее забилося от страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принце, о бессмертной душе и собралась с духом: крепко обвязала вокруг головы свои длинные волосы, чтобы их не схватили полипы, скрестила на груди руки, и, как рыба, поплыла между гадкими полипами, которые тянули к ней свои извивающиеся руки. Она видела, как крепко, точно железными клещами, держали они своими пальцами все, что удавалось им схватить; белые скелеты утонувших людей, корабельные рули, ящики, остовы животных, даже одну русалочку. Полипы поймали и задушили ее. Это было страшнее всего!

Но вот она очутилась на скользкой лесной поляне, где кувыркались, показывая свое гадкое светло-желтое брюшко, большие, жирные водяные ужи. Посреди поляны был выстроен дом из белых человеческих костей; тут же сидела сама морская ведьма и кормила изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Гадких жирных ужей она звала своими дыплатками и позволяла им валяться на своей большой ноздреватой, как губка, груди.

— Знаю, знаю, зачем ты пришла! — сказала русалочке морская ведьма. — Глупости ты затеваешь, ну да я все-таки помогу тебе — тебе же на беду, моя красавица! Ты хочешь получить вместо своего рыбьего хвоста две подпорки, чтобы ходить, как люди; хочешь, чтобы молодой принц полюбил тебя, а ты получила бы бессмертную душу!

И ведьма захохотала так громко и гадко, что и жаба и ужи попадали с нее и растянулись на песке.

— Ну ладно, ты пришла в самое время! — продолжала ведьма. — Приди ты завтра поутру, было бы поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше будущего года. Я изготовлю для тебя питье, ты возьмешь его, поплывешь с ним на берег еще до восхода солнца, сядешь там и выпьешь все до капли; тогда твой хвост раздвоится и превратится в пару чудных, как скажут люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят насквозь острым мечом. Зато все, кто ни увидит тебя, скажут, что такой прелестной девушки они еще не встречали! Ты сохранишь свою плавную скользящую походку — ни одна танцовщица не сравнится с тобой; но помни, что каждый шаг будет причинять тебе нестерпимую боль, так что изранишь свои ножки в кровь. Согласна ты? Хочешь моей помощи?

— Да! — сказала русалочка дрожащим голосом и подумала о принце и о бессмертной душе.

— Помни, — сказала ведьма, — что раз ты примешь человеческий образ, тебе уже не сделаться вновь русалкой! Не видать тебе больше ни морского дна, ни отцовского дома, ни сестер! А если принц не полюбит тебя так, что забудет для тебя и отца и мать, не отдастся тебе всем сердцем и не велит священнику соединить ваши руки, так что вы станете мужем и женой, ты не получишь бессмертной души. С первой же зарей после его женитьбы на другой твое сердце разорвется на части, и ты станешь пеной морской!

— Пусть! — сказала русалочка и побледнела как смерть.

— Ты должна еще заплатить мне за помощь, — сказала ведьма. — А я недешево возьму! У тебя чудный голос, и им ты думаешь обворожить принца, но ты должна отдать свой голос мне. Я возьму за свой драгоценный напиток самое лучшее, что есть у тебя: я ведь должна примешать к напитку свою собственную кровь, для того, чтобы он стал остер, как лезвие меча.

— Если ты возьмешь мой голос, что же останется у меня? — спросила русалочка.

— Твое прелестное лицо, твоя скользящая походка и твои говорящие глаза — довольно, чтобы покорить человеческое сердце! Ну полно, не бойся; высунешь язычок, я и отрежу его в уплату за волшебный напиток!

— Хорошо! — сказала русалочка, и ведьма поставила на огонь котел, чтобы сварить питье.

— Чистота — лучшая красота! — сказала она и обтерла котел связкой живых ужей, а потом расцарапала себе грудь; в котел закапала черная кровь, от которой стали подыматься клубы пара, принимавшие такие причудливые формы, что просто страх брал глядя на них. Ведьма поминутно подбавляла в котел новых и новых снадобий, и когда питье закипело, послышался точно плач крокодила. Наконец напиток был готов и имел вид прозрачайшей ключевой воды!

— Вот тебе! — сказала ведьма, отдавая русалочке напиток; потом отрезала ей язычок, и русалочка стала немая — не могла больше ни петь, ни говорить!

— Если полипы захотят схватить тебя, когда ты поплывешь назад, — сказала ведьма, — брызни на них каплю этого питья, и их руки и пальцы разлетятся на тысячи кусков!

Но русалочке не пришлось этого сделать — полипы с ужасом отворачивались при одном виде напитка, сверкавшего в ее руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она лес, миновала болото и бурлящие водовороты.

Вот и отцовский дворец; огни в танцевальной зале потушены, все спят. Русалочка не посмела больше войти туда, — она была немая и собиралась покинуть отцовский дом навсегда. Сердце ее готово было разорваться от тоски и печали. Она проскользнула в сад, взяла по цветку с грядки у каждой сестры, послала родным тысячи воздушных поцелуев и поднялась на темно-голубую поверхность моря.

Солнце еще не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на великолепную мраморную лестницу. Месяц озарял ее своим чудесным голубым сиянием. Русалочка выпила сверкающий острый напиток, и ей показалось, будто ее пронзили писквось обоюдоострым мечом, она потеряла сознание и упала как мертвая. Когда она очнулась, над морем уже сияло солнце; во всем теле она чувствовала жгучую боль, зато перед ней стоял красивый принц и смотрел на нее своими черными, как ночь, глазами; она ступилась и увидела, что вместо рыбьего хвоста у нее были две чудесные ножки, беленькие и маленькие, как у ребенка. Но она была совсем голешенька и потому закуталась в свои длинные, густые волосы. Принц спросил, кто она такая и как сюда попала, но она только кротко и грустно смотрела на него своими темно-голубыми глазами: говорить ведь она не могла. Тогда он взял ее за руку и повел во дворец. Ведьма сказала правду: с каждым шагом русалочка как будто ступала на острые ножи и иголки; но она терпеливо переносила боль и шла об руку с принцем легкая, воздушная, как водяной пузырек, принц и все окружающие только дивились ее чудной, скользящей походке.

Русалочку раздели в шелк и кисею, и она стала первой красавицей при дворе, но оставалась по-прежнему немой, не могла ни петь, ни говорить. Красивые рабыни, все в шелку и золоте, появились перед принцем и его царственными родителями и стали петь. Одна из них пела особенно хорошо, и принц хлопал в ладоши и улыбался ей; русалочке стало очень грустно: когда-то и она могла петь, и несравненно лучше! — «Ах, если бы он знал, что я навсегда рассталась со своим голосом, чтобы только быть возле него!» Потом рабыни стали танцевать под звуки чудеснейшей музыки; тут и русалочка подняла свои хорошенькие ручки, встала на дыпочки и понеслась в легком, воздушном танце; так не танцевал еще никто! Каждое движение лишь увеличивало ее красоту, одни глаза ее говорили сердцу больше, чем пение всех рабынь.

Все были в восхищении, особенно принц, назвавший русалочку своим маленьким найденышем, и русалочка все танцевала и танцевала, хотя каждый раз, как ножки ее касались земли, ей было так больно, будто она ступала на острые ножи. Принц сказал, что она всегда должна быть возле него, и ей было позволено спать на бархатной подушке перед дверями его комнаты.

Он велел шить ей мужской костюм, чтобы она могла сопровождать его на прогулках верхом. Они ездили по благоухающим лесам, где в свежей листве пели птички, а зеленые ветви били ее по плечам, они взбирались на высокие горы, и хотя из ее ног сочилась кровь и все видели это, она смеялась и продолжала следовать за принцем на самые вершины; там они любовались облаками, плывшими у их ног, точно стаи птиц, улетающих в чужие страны,

Когда же они оставались дома, русалочка ходила по ночам на берег моря, спускалась по мраморной лестнице, ставила свои пылавшие, как в огне, ноги в холодную воду и думала о родном доме и о дне морском.

Раз ночью всплыли из воды рука об руку ее сестры и запели печальную песню; она кивнула им, они узнали ее и рассказали ей, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали ее каждую ночь, а один раз она увидела в отдалении даже свою старую бабушку, которая уже много-много лет не подымалась из воды, и самого морского царя с короной на голове; они простирали к ней руки, но не смели подплывать к земле так близко, как сестры.

День ото дня принц привязывался к русалочке все сильнее и сильнее, но он любил ее только как милое, доброе дитя, сделать же ее своей женой и королевой ему и в голову не приходило, а между тем ей надо было стать его женой, иначе она не могла ведь обрести бессмертной души и должна была, в случае его женитьбы на другой, превратиться в морскую пену.

«Любишь ли ты меня больше всех на свете?» — казалось, спрашивали глаза русалочки, в то время, как принц обнимал ее и целовал в лоб.

— Да, я люблю тебя! — говорил принц. — У тебя доброе сердце, ты предана мне больше всех и похожа на молодую девушку, которую я видел однажды и, верно, больше уж не увижу! Я плыл на корабле, корабль разбился, волны выбросили меня на берег вблизи чудного храма, где служат богу молодые девушки; самая младшая из них нашла меня на берегу и спасла мне жизнь; я видел ее всего два раза, но ее одну в целом мире мог бы я полюбить! Ты похожа на нее, и почти вытеснила из моего сердца ее образ. Она принадлежит святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя; никогда я не расстанусь с тобой!

«Увы! Он не знает, что это я спасла ему жизнь! — думала русалочка. — Я вынесла его из волн морских на берег и положила в роше, где был храм, а сама спряталась в морской пене и смотрела, не придет ли кто-нибудь к нему на помощь. Я видела эту красавицу-девушку, которую он любит больше, чем меня! — И русалочка глубоко-глубоко вздыхала, плакать она не могла. — Но та девушка принадлежит храму, никогда не появится в свет, и они никогда не встретятся! Я же нахожусь возле него, вижу его каждый день, могу ухаживать за ним, любить его, отдать за него жизнь!»

Но вот стали поговаривать, что принц женится на прелестной дочери соседнего короля и потому снаряжает свой великолепный корабль в плаванье. Принц поедет к соседнему королю как будто для того, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом-то деле, чтобы увидеть принцессу; с ним отправится большое посольство. Русалочка на все эти речи только покачивала головой и смеялась — она ведь лучше всех знала мысли принца.

— Я должен ехать! — говорил он ей. — Мне надо увидеть прекрасную принцессу; этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, я же никогда не полюблю ее! Она ведь непохожа на ту красавицу, на которую похожа ты. Если уж мне придется наконец избрать себе невесту, так я лучше выберу тебя, мой немой найденныш с говорящими глазами!

И он целовал ее розовые губы, играл ее длинными волосами и клал свою голову на ее грудь, где билось сердце, жаждавшее человеческого блаженства и бессмертной души.

— Ты ведь не боишься моря, моя немая крошка? — говорил он, когда они уже стояли на великолепном корабле, который должен был отвезти их в земли соседнего короля.

И принц рассказывал ей о бурях, и о штиле, о диковинных рыбах, что живут в глубинах моря, и о том, что видели там водолазы, а она только улыбалась, слушая его рассказы, — она-то лучше всех знала, что есть на дне морском.

В ясную лунную ночь, когда все, кроме рулевого, спали, она села у самого борта и стала смотреть в прозрачные волны; и вот ей показалось, что она видит отцовский дворец; старуха бабушка в серебряной короне стояла на вышке и смотрела сквозь волнующиеся струи воды на киль корабля. Затем на поверхность моря всплыли ее сестры; они печально смотрели на нее и ломали свои белые руки, а она кивнула им головой, улыбнулась и хотела рассказать о том, как ей хорошо здесь, но тут к ней подошел корабельный юнга, и сестры вырнули в воду, юнга же подумал, что это мелькнула в волнах белая морская пена.

Наутро корабль вошел в гавань великолепной столицы соседнего королевства. И вот в городе зазвонили в колокола, с высоких башен раздались звуки рогов, а на площадях стали строиться полки солдат с блестящими штыками и развевающимися знаменами. Начались празднества, балы следовали за балами, но принцессы еще не было, — она воспитывалась где-то далеко в монастыре, куда ее отдали учиться всем королевским добродетелям. Наконец прибыла и она. Русалочка жадно смотрела на нее и не могла не признать, что лица милее и прекраснее она еще не видала. Кожа на лице принцессы была такая нежная, прозрачная, а из-за длинных темных ресниц улыбались темно-синие кроткие глаза.

— Это ты! — сказал принц. — Ты спасла мне жизнь, когда я полумертвый лежал на берегу моря!

И он крепко прижал к сердцу свою краснеющую невесту.

— Ах, я так счастлив! — сказал он русалочке. — То, о чем я не смел и мечтать, сбылось! Ты порадуешься моему счастью, ты ведь так любишь меня!

Русалочка поцеловала ему руку, и ей показалось, что сердце ее вот-вот разорвется от боли: его свадьба должна ведь убить ее, превратить в морскую пену!

Колокола в церквях звонили, по улицам разъезжали герольды, оповещая народ о помолвке принцессы. На алтарях были зажжены серебряные светильники, в которых горело ароматное масло; из каминов священников струилось благоухание ладана. Жених и невеста подали друг другу руки и получили благословение епископа. Русалочка, разодетая в шелк и золото, держала шлейф невесты, но уши ее не слышали праздничной музыки, глаза не видели блестящей церемонии, она думала о своем смертном часе и о том, что она теряет с жизнью.

В тот же вечер жених с невестой должны были отплыть на родину принца; пушки палили, флаги развевались, а на палубе корабля был раскинут роскошный шатер из золота и пурпура, устланный мягкими подушками; в шатре возвышалось чудное ложе для новобрачных. Паруса надулись от ветра, корабль легко и плавно скользнул по волнам и понесся вперед.

Как только смерклось, на корабле зажглись сотни разноцветных фонариков, а матросы стали весело плясать на палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые всплыла на поверхность моря и увидела то же великолепие и пестроту на корабле. И вот она понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая коршуном. Все были в восторге; никогда еще она не танцевала так чудесно! Ее нежные ножки резало, как ножами, но она не чувствовала этой боли — сердцу ее было еще больнее. Лишь один вечер осталось ей пробыть с тем, ради кого она оставила родных и отцовский дом, отдала свой чудный голос и ежедневно терпела бесконечные мучения, тогда как он и не подозревал о том. Лишь одну ночь еще оставалось ей дышать одним воздухом с ним, видеть синее море и звездное небо, а там наступит для нее вечная ночь, без мыслей, без сновидений. Ей ведь не было дано бессмертной души! Далеко за полночь продолжались на корабле танцы и музыка, и русалочка смеялась и танцевала с смертельной мукой в сердце; принц же целовал красавицу невесту, а она играла его черными волосами; наконец рука об руку удалились они в свой великолепный шатер.

На корабле все стихло, один рулевой остался у руля. Русалочка оперлась своими белыми руками о борт и, обернувшись лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который, как она знала, должен был убить ее. И вдруг она увидела, как из моря поднялись ее сестры; они были бледны, как и она, но их длинные, роскошные волосы не развевались больше по ветру — они были обрезаны.

— Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавить тебя от смерти! Она дала нам вот этот нож — видишь, какой он острый? Прежде чем взойдет солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и когда теплая кровь его брызнет тебе на ноги, они опять срастутся в рыбий хвост и ты опять станешь русалкой, спустишься к нам в море и проживешь свои триста лет, прежде чем сделаешься соленой морской пеной. Но спеш! Или он, или ты — один из вас должен умереть до восхода солнца! Наша старая бабушка так печалится, что потеряла от горя все свои седые волосы, а наши волосы остригла ведьма! Убей принца и вернись к нам! Торопись, видишь на небе показались красная полоска! Скоро взойдет солнце, и ты умрешь!

С этими словами они глубоко вздохнули и погрузились в море.

Русалочка приподняла пурпуровую занавесь шатра и увидела, что головка прелестной невесты покоится на груди принца. Русалочка наклонилась и поцеловала его в прекрасный лоб, посмотрела на небо, где разгоралась утренняя заря, потом посмотрела на острый нож и опять устремила взор на принца, который во сне произнес имя своей невесты — она одна была у него в мыслях! — и нож дрогнул в руках русалочки. Еще минута — и она бросила его в волны, которые покраснели, точно окрасились кровью, в том месте, где он упал. Еще раз посмотрела она на принца полуогасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело ее расплывается пеной.

Над морем поднялось солнце; лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала смерти: она видела ясное солнышко и каких-то прозрачных чудных созданий, сотнями реявших над ней. Она могла видеть сквозь них белые паруса корабля и красные облака в небе; голос их звучал как музыка, но такая неземная, что ничье человеческое ухо

не могло слышать ее, так же как ничей человеческий глаз не мог видеть их самих. У них не было крыльев, и они носились по воздуху только благодаря своей собственной легкости. Русалочка увидела, что и у нее такое же тело, как у них, и что она все больше и больше отделяется от морской пены.

— К кому я иду? — спросила она, поднимаясь на воздух, и ее голос звучал такую же дивною неземною музыкой, какой не в силах передать никакие земные звуки.

— К дочерям воздуха! — ответили ей воздушные создания. — У русалки нет бессмертной души, и обрести ее она не может иначе, как благодаря любви человека. Ее вечное существование зависит от чужой воли. У дочерей воздуха тоже нет бессмертной души, но они сами могут приобрести ее себе добрыми делами. Мы прилетаем в жаркие страны, где люди гибнут от знойного, зачумленного воздуха, и навеем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и приносим с собой людям исцеление и отраду. По прошествии же трехсот лет, во время которых мы творим сильное добро, мы получаем в награду бессмертную душу и сможем принять участие в вечном блаженстве человека. Ты, бедная русалочка, всем сердцем стремишься к тому же, что и мы, ты любила и страдала, подымись же вместе с нами в заоблачный мир. Теперь ты сама сможешь обрести себе бессмертную душу.

И русалочка протянула свои прозрачные руки к божьему солнышку и в первый раз почувствовала у себя на глазах слезы.

На корабле за это время все опять пришло в движение, и русалочка увидела, как принц с невестой искали ее. Печально смотрели они на волнующуюся морскую пену, точно знали, что русалочка бросилась в волны. Невидимо поцеловала русалочка красавицу невесту в лоб, улыбнулась принцу и поднялась вместе с другими детьми воздуха к розовым облакам, плававшим в небе.

— Через триста лет мы войдем в божье царство!

— Может быть, и раньше! — прошептала одна из дочерей воздуха. — Невидимками влетаем мы в жилища людей, где есть дети, и если найдем там доброе, послушное дитя, радующее своих родителей и достойное их любви, мы улыбаемся, и срок испытания сокращается на целый год.

Дитя не знает, что если мы, залетев в комнату, улыбнемся от радости, наш трехсотлетний срок сократится на целый год, зато если мы встретим там злого, непослушного ребенка, мы горько плачем, и каждая слеза прибавляет к долгову сроку нашего испытания еще лишний день!

НОВЫЙ НАРЯД КОРОЛЯ

Давным-давно жил-был на свете король; он так любил наряжаться, что тратил на наряды все свои деньги, и смотры войскам, театры, загородные прогулки занимали его только потому, что он мог тогда показаться в новом наряде. На каждый час дня у него был особый наряд, и как про других королей часто говорят: «Король в совете», так про него говорили: «Король в гардеробной».

В столице короля жилось очень весело; каждый день почти приезжали иностранные гости, и вот раз явились двое обманщиков. Они выдали себя за ткачей, которые умеют изготовлять такую чудесную ткань, лучше которой ничего и представить себе нельзя: кроме необыкновенно красивого рисунка и расцветки, она отличалась еще удивительным свойством — становиться невидимой для всякого человека, который был не на своем месте или непроходимо глуп.

«Да, вот это будет платье! — подумал король. — Тогда ведь я могу узнать, кто из моих сановников не на своем месте и кто умен, а кто глуп. Пусть поскорее изготовят для меня такую ткань».

И он дал обманщикам большой задаток, чтобы они сейчас же принялись за дело.

Те поставили два ткацких станка и стали делать вид, будто усердно работают, а у самих на станках ровно ничего не было. Нимало не стесняясь, они требовали для работы тончайшего шелку и чистейшего золота, все это припрятавали в карманы и продолжали сидеть за пустыми станками с утра до поздней ночи.

«Хотелось бы мне посмотреть, как подвигается дело!» — думал король. Но тут он вспоминал о чудесном свойстве ткани, и ему становилось как-то не по

себе. Конечно, ему печего бояться за себя, но... все-таки пусть бы сначала пошел кто-нибудь другой! А между тем молва о диковинной ткани облетела весь город, и всякий горел желанием поскорее убедиться в глупости или негодности своего ближнего.

«Пошлю-ка я к ним своего честного старика министра, — подумал король. — Уж он-то рассмотрит ткань; он умен и с честью занимает свое место».

И вот старик министр вошел в покой, где сидели за пустыми станками обманщики.

«Господи помилуй! — думал министр, тараща глаза. — Я ведь ничего не вижу!»

Только он не сказал этого вслух.

Обманщики почтительно попросили его подойти поближе и сказать, как нравятся ему узор и краски. При этом они указывали на пустые станки, а бедный министр, как ни тарашил глаза, все-таки ничего не видел. Да и нечего было видеть.

«Ах ты господи! — думал он. — Неужели я глуп? Вот уж чего никогда не думал! Спаси боже, если кто-нибудь узнает!.. Или, может быть, я не гожусь для своей должности?.. Нет, нет, никак нельзя признаваться, что я не вижу ткани!»

— Что ж вы ничего не скажете нам? — спросил один из ткачей.

— О, это премило! — ответил старик министр, глядя сквозь очки. — Какой узор, какие краски! Да, да, я доложу королю, что мне чрезвычайно понравилась ваша работа!

— Рады стараться! — сказали обманщики и принялись расписывать, какой тут необычайный узор и сочетание красок. Министр слушал очень внимательно, чтобы потом повторить все это королю. Так он и сделал.

Теперь обманщики стали требовать еще больше денег, шелку и золота; но они только набивали себе карманы, а на работу не пошло ни одной ниточки. Как и прежде, они сидели у пустых станков и делали вид, что ткут.

Потом король послал к ткачам другого достойного сановника. Он должен был посмотреть, как идет дело, и узнать, скоро ли работа будет закончена. С ним было то же, что и с первым. Уж он смотрел, смотрел, а все ничего, кроме пустых станков, не высмотрел.

— Ну, как вам нравится? — спросили его обманщики, показывая ткань и объясняя узоры, которых и в помине не было.

«Я не глуп, — думал сановник. — Значит, я не на своем месте? Вот тебе раз! Однако нельзя и виду подавать!»

И он стал расхваливать ткань, которой не видел, восхищаясь чудесным рисунком и сочетанием красок.

— Премило, премило! — доложил он королю.

Скоро весь город заговорил о восхитительной ткани.

Наконец король сам пожелал полюбоваться диковинкой, пока она еще не снята со станка.

С целою свитой избранных придворных и сановников, в числе которых находились и первые два, уже видевшие ткань, явился король к хитрым обманщикам, ткавшим изо всех сил на пустых станках.

— Magnifique! * Не правда ли? — заговорили первые два сановника. — Не угодно ли полюбоваться? Какой рисунок! Какие краски!

И они тыкали пальцами в пространство, воображая, что все остальные видят ткань.

— Да что же это такое! — подумал король. — Я ничего не вижу! Ведь это ужасно! Глуп я, что ли? Или не гожусь в короли? Это было бы хуже всего!»

— О да, очень, очень мило! — сказал наконец король. — Вполне заслуживает моего одобрения.

И он с довольным видом кивал головой, рассматривая пустые станки, — он не хотел признаться, что ничего не видит. Свита короля глядела во все глаза, но видела не больше его самого, и тем не менее все повторяли в один голос: «Очень, очень мило!» — и советовали королю сделать себе из этой ткани наряд для предстоящей торжественной процессии.

— Magnifique! Чудесно! Excellent! ** — только и слышалось со всех сторон; все были в таком восторге! Король наградил обманщиков рыцарским крестом в петлицу и пожаловал им звание придворных ткачей.

Всю ночь накануне торжества просидели обманщики за работой и сожгли больше шестнадцати свечей, — всем было ясно, что они старались кончить к сроку новый наряд короля. Они притворялись, что снимают ткань со станков, кроят ее большими ножницами и потом шьют иглами без ниток.

Наконец они объявили:

— Готово!

Король в сопровождении свиты сам пришел к ним одеваться. Обманщики поднимали сверху руки, будто держат что-то, приговаривая:

— Вот панталоны, вот камзол, вот кафтан! Чудесный наряд! Легок, как паутина, и не почувствуешь его на теле. Но в этом-то вся и прелесть!

— Да, да! — говорили придворные, но они ничего не видали, — нечего ведь было и видеть.

— А теперь, ваше королевское величество, соблаговолите раздеться и стать вот тут, перед большим зеркалом! — сказали королю обманщики. — Мы нарядим вас.

Король разделся, и обманщики принялись наряжать его: они делали вид, будто надевают на него одну часть одежды за другой и наконец прикрепляют что-то в плечах и на талии, — это они надевали на него королевскую мантию! А король в это время поворачивался перед зеркалом во все стороны.

— Боже, как идет! Как чудно сидит! — шептали в свите. — Какой узор, какие краски! Роскошное платье!

— Балдахин ждет! — доложил оберцеремониймейстер.

— Я готов! — сказал король. — Хорошо ли сидит платье?

И он еще раз повернулся перед зеркалом: надо ведь было показать, что он внимательно рассматривает свой наряд.

Камергеры, которые должны были нести шлейф королевской мантии, сделали вид, будто приподняли что-то с полу, и пошли за королем, вытягивая перед собой руки, — они не смели и виду подать, что ничего не видят.

* Изумительно! (франц.).

** Великолепно! (франц.).

Новый наряд короля

И вот король шествовал по улицам под роскошным балдахином, а в народе говорили:

— Ах, какой бесподобный наряд у короля! Как чудно сидит! Какая роскошная мантия!

Ни единый человек не сознался, что ничего не видит, никто не хотел показаться глупцом или никуда не годным человеком. Да, ни один наряд короля не вызывал еще таких восторгов.

— Да ведь он совсем голый! — закричал вдруг один маленький мальчик.

— Послушайте-ка, что говорит невинный младенец! — сказал его отец, и все стали шепотом передавать друг другу слова ребенка.

— Да ведь он совсем голый! — закричал наконец весь народ.

И королю стало жутко: ему казалось, что они правы, но надо же было довести церемонию до конца!

И он выступал под своим балдахином еще величавее, а камергеры шли за ним, поддерживая мантию, которой не было.

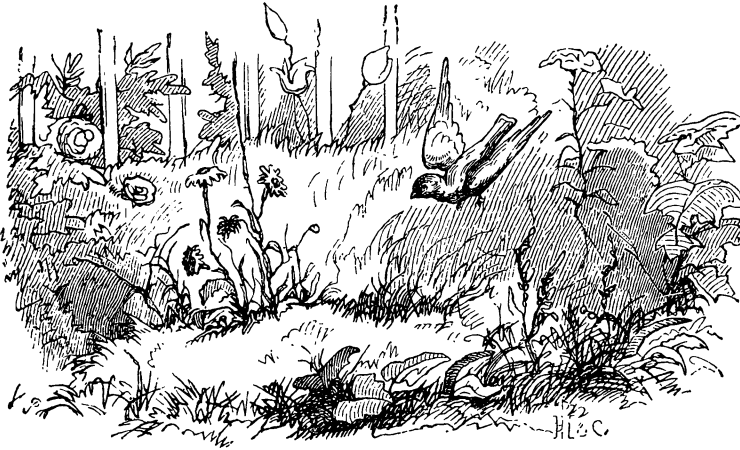

ВТОРОЙ (НОВЫЙ) ТОМ

*Йоханне Луисе Хейберг¹.
Вот говорят: нет больше фей на свете,
И королевство фей — лишь в рассказах да сказках,
Но вот явилась ты, и все узрели,
Что феи существуют в самом деле.*

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК

1838

РОМАШКА

Вот послушайте-ка!

За городом, у самой дороги, стояла дача. Вы, верно, видели ее? Перед ней еще небольшой садик, обнесенный крашеною деревянною решеткой.

Неподалеку от дачи, у самой канавы, росла в мягкой зеленой траве ромашка. Солнечные лучи грели и ласкали ее наравне с роскошными цветами, которые цвели в саду перед дачей, и наша ромашка росла не по дням, а по часам. В одно прекрасное утро она распустилась совсем — желтое, круглое, как солнышко, сердечко ее было окружено сиянием ослепительно белых мелких лучей-лепестков. Ромашку ничуть не заботило, что она такой беденький, простенький цветочек, которого никто не видит и не замечает в густой траве;

нет, она была довольна всем, жадно тянулась к солнцу, любовалась им и слушала, как поет где-то высоко-высоко в небе жаворонок.

Ромашка была так весела и счастлива, точно сегодня было воскресенье, а на самом-то деле был всего только понедельник; все дети смиренно сидели на школьных скамейках и учились у своих наставников; наша ромашка тоже смиренно сидела на своем стебельке и училась у ясного солнышка и у всей окружающей природы, училась познавать благодать божью. Ромашка слушала пение жаворонка, и ей казалось, что в его звонких песнях звучит как раз то, что таится у нее на сердце; поэтому ромашка смотрела на счастливую порхающую певунью птичку с каким-то особым почтением, но ничуть не завидовала ей и не печалилась, что сама не может ни летать, ни петь. «Я ведь вижу и слышу все! — думала она. — Солнышко меня ласкает, ветерок целует! Как я счастлива!»

В садике цвело множество пышных, гордых цветов, и чем меньше они благоухали, тем больше важничали. Пионы так и раздували щеки — им все хотелось стать побольше роз; да разве в величине дело? Пестрее, наряднее тюльпанов никого не было, они отлично знали это и старались держаться возможно прямее, чтобы больше бросаться в глаза. Никто из гордых цветов не замечал маленькой ромашки, росшей где-то у канавки. Зато ромашка часто заглядывалась на них и думала: «Какие они нарядные, красивые! К ним непременно прилетит в гости прелестная певунья птичка! Слава богу, что я стою так близко — увижу все, налюбуюсь вдоволь!» Вдруг раздалось «квир-квир-вит!», и жаворонок спустился... не в сад к пионам и тюльпанам, а прямехонько в травку, к скромной ромашке! Ромашка совсем растерялась от радости и просто не знала, что ей думать, как быть!

Птичка прыгала вокруг ромашки и распевала: «Ах, какая славная мягкая травка! Какой миленький цветочек в серебряном платьице, с золотым сердечком!»

Желтое сердечко ромашки и в самом деле сияло, как золотое, а ослепительно белые лепестки отливали серебром.

Ромашка была так счастлива, так рада, что и сказать нельзя. Птичка поцеловала ее, спела ей песенку и опять взвилась к синему небу. Прошла добрая четверть часа, пока ромашка опомнилась от такого счастья. Радостно-застенчиво глянула она на пышные цветы — они ведь видели, какое счастье выпало ей на долю, кому же и оценить его, как не им! Но тюльпаны вытянулись, надулись и покраснели с досады, а пионы прямо готовы были лопнуть! Хорошо, что они не умели говорить, — досталось бы от них ромашке! Бедняжка сразу поняла, что они не в духе, и очень огорчилась.

В это время в садике показалась девушка с острым блестящим ножом в руках. Она подошла прямо к тюльпанам и принялась срезать их один за другим. Ромашка так и ахнула. «Какой ужас! Теперь им конец!» Срезав цветы, девушка ушла, а ромашка порадовалась, что росла в густой траве, где ее никто не видел и не замечал. Солнце село, она свернула лепесточки и заснула, но и во сне все видела милую птичку и красное солнышко.

Утром цветочек опять расправил лепестки и протянул их, как дитя ручонки, к светлому солнышку. В ту же минуту послышался голос жаворонка, птич-

ка пела, но как грустно! Бедняжка попалась в западню и сидела теперь в клетке, висевшей у раскрытого окна. Жаворонок пел о воздушном просторе неба, о свежей зелени полей, о том, как хорошо и привольно было летать на свободе! Тяжело-тяжело было у бедной птички на сердце — она была в плену!

Ромашке всей душой хотелось помочь пленнице, но чем? И ромашка забыла и думать о том, как хорошо было вокруг, как славно грело солнышко, как блестели ее серебряные лепесточки; ее мучила мысль, что она ничем не могла помочь бедной птичке.

Вдруг из садика вышли два мальчугана; у одного из них в руках был такой же большой и острый нож, как тот, которым девушка срезала тюльпаны. Мальчики подошли прямо к ромашке, которая никак не могла понять, что им было тут нужно.

— Вот здесь можно вырезать славный кусочек дерна для нашего жаворонка! — сказал один из мальчиков и, глубоко запустив нож в землю, начал вырезать четырехугольный кусок дерна; ромашка очутилась как раз в середине его.

— Давай вырвем цветок! — сказал другой мальчик, и ромашка затрепетала от страха: если ее сорвут, она умрет, а ей так хотелось жить! Теперь она могла ведь попасть к бедному пленнику!

— Нет, пусть лучше останется! — сказал первый из мальчиков. — Так красивее!

И ромашка попала в клетку к жаворонку.

Бедняжка громко жаловался на свою неволю, метался и бился о железные прутья клетки. А бедная ромашка не умела говорить и не могла утешить его ни словечком. А уж как ей хотелось! Так прошло все утро.

— Тут нет воды! — жаловался жаворонок. — Они забыли дать мне напиться, ушли и не оставили мне ни глоточка воды! У меня совсем пересохло в горлышке! Я весь горю, и меня знобит! Как здесь душно! Ах, я умираю, прощай красное солнышко, и свежая зелень, и весь божий мир!

Чтобы хоть сколько-нибудь освежиться, жаворонок глубоко вонзил свой клюв в свежий, прохладный дерн, увидел ромашку, кивнул ей головой, поцеловал и сказал:

— И ты завянешь здесь, бедный цветочек! Тебя да этот клочок зеленого дерна — вот что они дали мне взамен всего божьего мира! Каждая травинка должна быть для меня зеленым деревцом, каждый твой лепесток — благоухающим цветком. Увы! Ты только напоминаешь мне, чего я лишился!

«Ах, чем бы мне утешить его!» — думала ромашка, но не могла шевельнуть ни листочком и только все сильнее и сильнее благоухала. Жаворонок заметил это и не тронул цветка, хотя повыщипал от жадности всю траву.

Вот и вечер пришел, а никто так и не принес бедной птичке воды. Тогда она распустила свои коротенькие крылышки, судорожно затрепетала ими и еще несколько раз жалобно пропищала:

— Пить! Пить!

Потом головка ее склонилась набок, и сердечко разорвалось от тоски и муки.

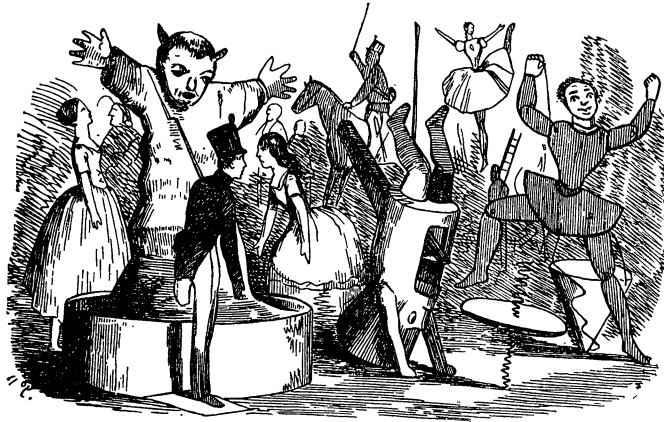
Ромашка

Ромашка также не могла больше свернуть своих лепестков и заснуть, как бывало: она была совсем больна и стояла грустно повесив головку.

Только на другое утро пришли мальчики и, увидав мертвого жаворонка, горько-горько заплакали, потом вырыли ему могилку и всю украсили ее цветами, а самого жаворонка положили в красивую красненькую коробочку — его хотели похоронить по-царски! Бедная птичка! Пока она жила и пела, они забывали о ней, оставили ее умирать в клетке от жажды, а теперь устраивали ей пышные похороны и проливали над ее могилкой горькие слезы!

Дерн с ромашкой был выброшен на пыльную дорогу; никто и не подумал о цветочке, который все-таки больше всех любил бедную птичку и всем сердцем желал ее утешить.

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Было когда-то двадцать пять оловянных солдатиков, родных братьев по матери — старой оловянной ложке; ружье на плече, голова прямо, красный с синим мундир — ну, прелесть что за солдаты! Первые слова, которые они услышали, когда открыли их домик-коробку, были: «Ах, оловянные солдатики!» Это закричал, хлопая в ладоши, маленький мальчик, которому подарили оловянных солдатиков в день его рождения. И он сейчас же принялся расставлять их на столе. Все солдатики были совершенно одинаковы, кроме одного, который был об одной ноге. Его отливали последним, и олова немножко не хватило, но он стоял на своей одной ноге так же твердо, как другие на двух; и он-то как раз и оказался самым замечательным из всех.

На столе, где очутились солдатики, было много разных игрушек, но больше всего бросался в глаза чудесный дворец из картона. Сквозь маленькие окна можно было видеть дворцовые покои; перед самым дворцом, вокруг маленького зеркальца, которое изображало озеро, стояли деревца, а по озеру плавали и любовались своим отражением восковые лебеди. Все это было чудо как мило, но милее всего была барышня, стоявшая на самом пороге дворца. Она тоже была вырезана из бумаги и одета в юбочку из тончайшего батиста; через плечо у нее шла узенькая голубая ленточка в виде шарфа, а на груди сверкала розетка величиною с лицо самой барышни. Барышня стояла на одной ножке, вытянув руки, — она была танцовщицей, — а другую ногу подняла так высоко, что наш солдатик совсем не мог видеть ее, и подумал, что красавица тоже одноногая, как он.

«Вот бы мне жена! — подумал он. — Только она, как видно, из знатных, живет во дворце, а у меня только и есть, что коробка, да и то в ней нас набито двадцать пять штук, ей там не место! Но познакомиться все же не мешает».

И он притаился за табакеркой, которая стояла тут же на столе; отсюда ему отлично было видно прелестную танцовщицу, которая все стояла на одной ноге, не теряя равновесия.

Поздно вечером всех других оловянных солдатиков уложили в коробку, и все люди в доме легли спать. Теперь игрушки сами стали играть в гости, в войну и в бал. Оловянные солдатики принялись стучать в стенки коробки —

они тоже хотели играть, да не могли приподнять крышки. Щелкунчик кувыр-кался, грифель плясал по доске; поднялся такой шум и гам, что проснулась канарейка и тоже заговорила, да еще стихами! Не трогались с места только танцовщица и оловянный солдатик; она по-прежнему держалась на вытянутом носке, простирая руки вперед, он бодро стоял под ружьем и не сводил с нее глаз.

Пробило двенадцать. Щелк! — табакерка раскрылась. Там не было табаку, а сидел маленький черный тролль; табакерка-то была с фокусом!

— Оловянный солдатик, — сказал тролль, — нечего тебе заглядываться!

Оловянный солдатик будто и не слышал.

— Ну постой же! — сказал тролль.

Утром дети встали, и оловянного солдатика поставили на окно.

Вдруг — по милости ли тролля или от сквозняка — окно распахнулось, и наш солдатик полетел головой вниз с третьего этажа, — только в ушах зашумело! Минута — и он уже стоял на мостовой кверху ногой: голова его в каске и ружье застряли между камнями мостовой.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали на поиски, но, сколько ни старались, найти солдатика не могли; они чуть не наступали на него ногами и все-таки не замечали его. Закричи он им: «Я тут!» — они, конечно, сейчас же нашли бы его, но он считал неприличным кричать на улице; он ведь носил мундир!

Начал накрапывать дождик; сильнее, сильнее, наконец хлынул настоящий ливень. Когда опять прояснилось, пришли двое уличных мальчишек.

— Гляди! — сказал один. — Вон оловянный солдатик. Отправим его в плавание!

И они сделали из газетной бумаги лодочку, посадили туда оловянного солдатика и пустили в канавку. Сами мальчишки бежали рядом и хлопали в ладоши. Ну и ну! Вот так волны ходили по канавке! Течение так и несло, — не мудрено после такого ливня!

Лодочку бросало и вертело во все стороны, так что оловянный солдатик весь дрожал, но он держался стойко: ружье на плече, голова прямо, грудь вперед!

Лодку понесло под длинные мостки; стало так темно, точно солдатик опять попал в коробку.

«Куда меня несет? — думал он. — Да, это все штуки гадкого тролля! Ах, если бы со мною в лодке сидела та красавица, — по мне, будь хоть вдвое темнее!

В эту минуту из-под мостков высочила большая крыса.

— Паспорт есть? — спросила она. — Давай паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и только крепко держал ружье. Лодку несло, а крыса плыла за ней вдогонку. У! Как она скрежетала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам:

— Держи, держи его! Он не внес пошлины, не показал паспорта!

Но течение несло лодку все быстрее и быстрее, и оловянный солдатик уже видел впереди свет, как вдруг услышал такой страшный шум, что струсил бы любой храбрец. Представьте себе, там, где кончались мостки, канавка впадала в большой канал! Это было для солдатика так же страшно, как для нас нестись на лодке к большому водопаду.

Канал был уже совсем близко и остановиться было нельзя. Лодка с солдатиком скользнула вниз; бедняга держался по-прежнему в струнку и даже глазом не моргнул. Лодка завертелась... Раз, два — наполнилась водой до краев и стала тонуть. Оловянный солдатик очутился по горло в воде; дальше больше... вода покрыла его с головой! Тут он подумал о своей красавице: не видать ему ее больше. В ушах у него звучало:

Вперед стремись, о воин,
И смерть спокойно встретить!

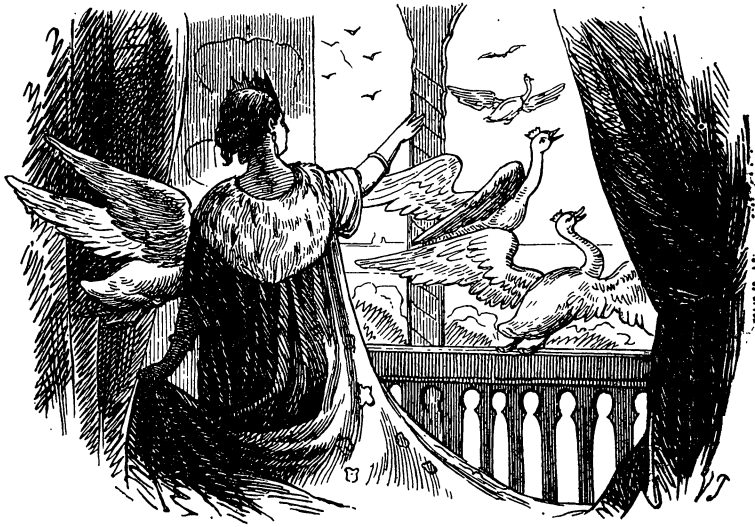
Бумага разорвалась, и оловянный солдатик пошел было ко дну, но в ту же минуту его проглотила рыба.

Какая темнота! Хуже, чем под мостками, да еще страх как тесно! Но оловянный солдатик держался стойко и лежал, вытянувшись во всю длину, крепко прижимая к себе ружье.

Рыба металась туда и сюда, выделяла самые удивительные скачки, но вдруг замерла, точно в нее ударила молния. Блеснул свет, и кто-то закричал: «Оловянный солдатик!» Дело в том, что рыбу поймали, свезли на рынок, потом она попала на кухню, и кухарка распоролла ей брюхо большим ножом. Кухарка взяла оловянного солдатика двумя пальцами за талию и понесла в комнату, куда сбежались посмотреть на замечательного путешественника все домашние. Но оловянный солдатик ничуть не загордился. Его поставили на стол, и — чего-чего не бывает на свете! — он очутился в той же самой комнате, увидел тех же детей, те же игрушки и чудесный дворец с прелестной маленькой танцовщицей! Она по-прежнему стояла на одной ножке, высоко подняв другую. Вот так стойкость! Оловянный солдатик был тронут и чуть не заплакал оловом, но это было бы неприлично, и он удержался. Он смотрел на нее, она на него, но они не обмолвились ни словом.

Вдруг один из мальчиков схватил оловянного солдатика и ни с того ни с сего швырнул его прямо в печку. Наверное, это все тролль подстроил! Оловянный солдатик стоял в полном освещении; ему было ужасно жарко, от огня или от любви — он и сам не знал. Краски с него совсем слезли, он весь полинял; кто знает отчего — от дороги или от горя? Он смотрел на танцовщицу, она на него, и он чувствовал, что тает, но все еще держался стойко, с ружьем на плече. Вдруг дверь в комнате распахнулась, ветер подхватил танцовщицу, и она, как сильфида, порхнула¹ прямо в печку к оловянному солдатiku, вспыхнула разом и — конец! А оловянный солдатик растаял и сплавился в комочек. На другой день горничная выбирала из печки золу и нашла маленькое оловянное сердечко — все, что осталось от солдатика; от танцовщицы же осталась одна розетка, да и та вся обгорела и почернела, как уголь.

ДИКИЕ ЛЕБЕДИ

Далеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. У него было одиннадцать сыновей и одна дочка, Элиза. Одиннадцать братьев-принцев уже ходили в школу; на груди у каждого красовалась звезда, а сбоку гремела сабля; писали они на золотых досках алмазными грифелями и отлично умели читать, хоть по книжке, хоть наизусть — все равно. Сразу было слышно, что читают настоящие принцы! Сестрица их Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, за которую было заплачено полкоролевства.

Да, хорошо жилось детям, только недолго!

Отец их, король той страны, женился на злой королеве, которая невзлюбила бедных деток. Им пришлось испытать это в первый же день: во дворце шло веселье, и дети затеяли игру в гости, но мачеха вместо разных пирожных и печеных яблок, которых им давали обычно сколько угодно, дала им чайную чашку песку и сказала, что они могут представить себе, будто это угощение.

Через неделю она отдала сестрицу Элизу на воспитание в деревню к каким-то крестьянам, а прошло еще несколько времени, и она успела столько наговорить королю о бедных принцах, что он больше и видеть их не хотел.

— Летите-ка подбодру-поздорову на все четыре стороны! — сказала злая королева. — Летите большими птицами без голоса и промышляйте о себе сами!

Но она не могла сделать им такого зла, как бы ей хотелось, — они превратились в одиннадцать прекрасных диких лебедей, с криком вылетели из дворцовых окон и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда они пролетали мимо избы, где спала еще крепким сном их сестрица Элиза. Они принялись летать над крышей, вытягивали свои гибкие шеи и хлопали крыльями, но никто не слышал и не видел их; так им и пришлось улететь ни с чем. Высоко-высоко взвились они к самым облакам и полетели в большой, темный лес, что тянулся до самого моря.

Бедняжка Элиза стояла в крестьянской избе и играла зеленым листочком — других игрушек у нее не было; она проткнула в листке дырочку, смотрела сквозь нее на солнышко, и ей казалось, что она видит ясные глаза своих братьев; когда же теплые лучи солнца скользили по ее щечке, она вспоминала их нежные поцелуи.

Дни шли за днями, один как другой. Колыхал ли ветер розовые кусты, росшие возле дома, и шептал розам: «Есть ли кто-нибудь красивее вас?» — розы качали головками и говорили: «Элиза красивее». Сидела ли в воскресный день у дверей своего домика какая-нибудь старушка, читавшая псалтырь, а ветер переворачивал листы, говоря книге: «Есть ли кто набожнее тебя?» — книга отвечала «Элиза набожнее!» И розы и псалтырь говорили сущую правду.

Но вот Элизе минуло пятнадцать лет, и ее отправили домой. Увидав, какая она хорошенькая, королева разгневалась и возненавидела падчерицу. Она с удовольствием превратила бы и ее в дикого лебедя, да нельзя было сделать этого сейчас же, потому что король хотел видеть свою дочь.

И вот рано утром королева пошла в мраморную купальню, убранную чудными коврами и мягкими подушками, взяла трех жаб, поцеловала каждую и сказала первой:

— Сядь Элизе на голову, когда она войдет в купальню; пусть она станет такою же тупой и ленивой, как ты! А ты сядь ей на лоб! — сказала она другой. — Пусть Элиза будет такою же безобразной, как ты, и отец не узнает ее! Ты же ляг ей на сердце! — шепнула королева третьей жабе. — Пусть она станет злой и мучится от этого!

Затем она спустила жаб в прозрачную воду, и вода сейчас же вся позеленела. Позвав Элизу, королева раздела ее и велела ей войти в воду. Элиза послушалась, и одна жаба села ей на темя, другая на лоб, а третья на грудь; но Элиза даже не заметила этого, и, как только вышла из воды, по воде поплыли три красных мака. Если бы жабы не были отравлены поцелуем ведьмы, они превратились бы, полежав у Элизы на голове и на сердце, в красные розы; девушка была так набожна и невинна, что колдовство никак не могло подействовать на нее.

Увидав это, злая королева натерла Элизу соком грецкого ореха, так что она стала совсем коричневой, вымазала ей личико вонищей мазью и спутала ее чудные волосы. Теперь нельзя было и узнать хорошенькую Элизу. Даже отец ее испугался и сказал, что это не его дочь. Никто не признавал ее, кроме цепной собаки да ласточек, но кто же стал бы слушать бедных тварей!

Заплакала Элиза и подумала о своих выгнанных братьях, тайком ушла из дворца и целый день брела по полям и болотам, пробираясь к лесу. Элиза и сама хорошенько не знала, куда надо ей идти, но так стосковалась по своим братьям, которые тоже были изгнаны из родного дома, что решила искать их повсюду, пока не найдет.

Недолго пробыла она в лесу, как уже настала ночь, и Элиза совсем сбилась с дороги; тогда она улеглась на мягкий мох, прочла молитву на сон грядущий и склонила голову на пень. В лесу стояла тишина, воздух был такой теплый, в траве мелькали, точно зеленые огоньки, сотни светлячков, а когда Элиза задела рукой за какой-то кустик, они посыпались в траву звездным дождем.

Всю ночь снились Элизе братья: все они опять были детьми, играли вместе, писали грифельми на золотых досках и рассматривали чудеснейшую книжку с картинками, которая стояла полкоролевства. Но писали они на досках не черточки и нулики, как бывало прежде, — нет, они описывали все, что видели и пережили. Картинки же в книжке были живые; птицы распевали, а люди соскакивали со страниц и разговаривали с Элизой и ее братьями; но стоило ей захотеть перевернуть лист, — они впрыгивали обратно, иначе в картинках вышла бы путаница.

Когда Элиза проснулась, солнышко стояло уже высоко, она даже не могла хорошенько видеть его за густой листвой деревьев, но отдельные лучи его пробивались между ветвями и бегали золотыми зайчиками по траве: от зелени шел чудный запах, а птички чуть не садились Элизе на плечи. Невдалеке слышалось журчание воды — оказалось, что несколько ручейков стекалось здесь в пруд с чудным песчаным дном. Правда, вокруг густо росли кусты, но в одном месте дикие олени проломали для себя широкий проход, и Элиза могла спуститься к самой воде. Вода в пруду была чистая и прозрачная; не шевели ветер ветвей деревьев и кустов, можно было бы подумать, что и деревья и кусты нарисованы на дне, так ясно они отражались в зеркале вод.

Увидав в воде свое лицо, Элиза совсем перепугалась, такое оно было черное и гадкое; но вот она зачерпнула горстью воды, потеряла глаза и лоб, и опять заблестела ее белая нежная кожа. Тогда Элиза разделась совсем и вошла в чистую прохладную воду. Такой хорошенькой принцессы поискать было по белу свету!

Одевшись и заплетя свои длинные волосы, она пошла к журчащему источнику, напилась воды из горсточки и потом пошла дальше по лесу, сама не зная куда. Она думала о своих братьях и надеялась, что бог не покинет ее: это он ведь повелел расти диким лесным яблокам, чтобы напитать ими голодных; он же указал ей одну из таких яблонь, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Утолив голод, Элиза подперла ветви палочками и углубилась в самую чащу леса. Там стояла такая тишина, что Элиза слышала свои собственные шаги, слышала шуршанье каждого сухого листка, попадавшегося ей под ноги. Ни единой птички не залетало в эту глушь, ни единый солнечный луч не проскальзывал сквозь сплошную чащу ветвей. Высокие стволы стояли плотными рядами, точно бревенчатые стены; никогда еще Элиза не бывала в такой глуши.

Ночью стало еще темнее; во мху не светилось ни единого светлячка. Печально улеглась Элиза на траву, и вдруг ей показалось, что ветви над ней раздвинулись и на нее глянул добрыми глазами сам господь бог; маленькие ангелочки выглядывали из-за его головы и из-под рук.

Проснувшись утром, она и сама не знала, было ли то во сне или наяву.

Отправившись дальше, Элиза встретила старушку с корзинкой ягод; старушка дала девушке горсточку ягод, а Элиза спросила ее, не проезжали ли тут, по лесу, одиннадцать принцев.

— Нет, — сказала старушка, — но вчера я видела здесь на реке одиннадцать лебедей в золотых коронах.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала река. По обоим берегам росли деревья, простершие навстречу друг другу свои длинные, густо

покрытые листьями ветви. Те из деревьев, которым в их естественном положении не удавалось сплести своих ветвей с ветвями их братьев на противоположном берегу, так вытягивались над водой, что корни их вылезали из земли, и они таки добывались своего.

Элиза простилась со старушкой и пошла к устью реки, впадавшей в открытое море.

И вот перед молодой девушкой открылось чудное безбрежное море, но на всем его просторе не виднелось ни одного паруса, не было ни единой лодочки, на которой бы она могла пуститься в дальнейший путь. Элиза посмотрела на бесчисленные камушки, выброшенные на берег морем,— вода отшлифовала их так, что они стали совсем гладкими и круглыми. Все остальные выброшенные морем предметы: стекло, железо и камни — тоже носили следы этой шлифовки, а между тем вода была мягче нежных рук Элизы, и девушка подумала: «Волны неустанно катятся одна за другой и наконец шлифуют самые твердые предметы. Буду же и я трудиться неустанно! Спасибо вам за науку, светлые быстрые волны! Сердце говорит мне, что когда-нибудь вы отнесете меня к моим милым братьям!»

На выброшенных морем сухих водорослях лежали одиннадцать белых лебединых перьев; Элиза собрала и связала их в пучок; на перьях еще блестели капли — росы или слез, кто знает? Пустынно было на берегу, но Элиза не чувствовала этого; море представляло собою вечное разнообразие; в несколько часов тут можно было насмотреться больше, чем в целый год на берегу пресных озер. Находила большая черная туча, ветер крепчал, и море как будто говорило: «Я тоже могу почернеть!» — начинало бурлить, волноваться и покрывалось белыми барашками. Если же облака были розоватого цвета, а ветер спал,— море было похоже на лепесток розы; иногда оно становилось зеленым, иногда белым; но как бы тихо оно ни покоилось, у берега постоянно было заметно легкое волнение,— вода тихо вздымалась, словно грудь спящего ребенка.

Когда солнце было близко к закату, Элиза увидела вереницу летевших к берегу диких лебедей в золотых коронах; всех лебедей было одиннадцать, и летели они один за другим, вытянувшись длинную белою лентой. Элиза взобралась на верх обрыва и спряталась за кустик. Лебеди спустились недалеко от нее и захлопали своими большими белыми крыльями.

В ту же самую минуту, как солнце скрылось под водой, оперение с лебедей вдруг спало, и на земле очутились одиннадцать красавцев принцев, Элизиных братьев! Элиза громко вскрикнула; она сразу узнала их, несмотря на то, что они успели сильно измениться; сердце подсказало ей, что это они! Она бросилась в их объятия, называла их всех по именам, а они-то как обрадовались, увидав и узнав свою сестрицу, которая так выросла и похорошела. Элиза и ее братья смеялись и плакали и скоро узнали друг от друга, как жестоко поступила с ними мачеха.

— Мы, братья,— сказал самый старший,— летаем дикими лебедями весь день, пока солнце стоит на небе; когда же оно заходит, мы опять принимаем человеческий образ. Поэтому ко времени захода солнца мы всегда должны иметь под ногами твердую землю; случись нам превратиться в людей во время нашего полета под облаками, мы тотчас же упали бы со страшной высоты. Живем же мы не тут; далеко-далеко за морем лежит такая же чудная страна,

как эта, но дорога туда длинна, приходится лететь через все море, а по пути нет ни единого острова, где бы мы могли переночевать. Только по самой середине моря торчит небольшой одинокий утес, на котором мы кое-как можем отдохнуть, тесно прижавшись друг к другу. Если море бушует, брызги воды перелетают даже через наши головы, но мы благодарим бога и за такое пристанище; не будь его, нам вовсе не удалось бы навестить нашей милой родины — и теперь-то для этого перелета нам приходится выбирать два самых длинных дня в году. Лишь раз в год позволено нам прилетать на родину; мы можем оставаться здесь одиннадцать дней и летать над этим большим лесом, откуда нам виден дворец, где мы родились и где живет наш отец, и колокольню церкви, где покоится наша мать. Тут даже кусты и деревья кажутся нам родными; тут по равнинам по-прежнему бегают дикие лошади, которых мы видели в дни нашего детства, а угольщики по-прежнему поют те песни, под которые мы плясали детьми. Тут наша родина, сюда тянет нас всем сердцем, и здесь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестричка! Два дня еще можем мы

пробыть здесь, а затем должны улететь за море, в чудную, но не родную нам страну! Как же нам взять тебя с собой? У нас нет ни корабля, ни лодки!

— Как бы мне освободить вас от чар? — спросила братьев сестра.

Так они проговорили почти всю ночь и задремали только на несколько часов.

Элиза проснулась от шума лебединых крыльев. Братья опять стали птицами и летали в воздухе большими кругами, а потом и совсем скрылись из виду. С Элизой остался только самый младший из братьев; лебедь положил свою голову ей на колени, а она гладила и перебирала его перышки. Целый день провели они вдвоем, к вечеру же прилетели и остальные, и, когда солнце село, все вновь приняли человеческий образ.

— Завтра мы должны улететь отсюда и не смеем вернуться раньше будущего года, но тебя мы не покинем здесь! — сказал младший брат. — Хватит ли у тебя мужества улететь с нами? Я достаточно силен, чтобы на руках пронести тебя через лес, — неужели же все наши крылья не смогут перенести тебя через море?

— Да, возьмите меня с собой! — сказала Элиза.

Всю ночь провели они за плетнем сетки из гибкой ивовой коры и тростника; сетка вышла большая и прочная; в нее положили Элизу; превратившись на восходе солнца в лебедей, братья схватили сетку клювами и взвились с милой сестрицей, спавшей еще крепким сном, к облакам. Лучи солнца светили ей прямо в лицо, поэтому один из лебедей полетел над ее головой, защищая ее от солнца своими широкими крыльями.

Они были уже далеко от земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видит сон наяву, так странно было ей лететь по воздуху. Возле нее лежали ветка с чудесными спелыми ягодами и пучок вкусных корней; их набрал и положил к ней самый младший из братьев, и она благодарно улыбнулась ему, — она догадалась, что это он летел над ней и защищал ее от солнца своими крыльями.

Высоко-высоко летели они, так что первый корабль, который они увидели в море, показался им плавающей на воде чайкой. В небе позади них стояло большое облако — настоящая гора! — и на нем Элиза увидела движущиеся исполинские тени одиннадцати лебедей и свою собственную. Вот была картина, каких ей еще не приходилось видеть! Но по мере того как солнце подымалось выше и облако оставалось все дальше и дальше позади, воздушные теневые картины мало-помалу исчезли.

Целый день летели лебеди, как пущенная из лука стрела, но все-таки медленнее обыкновенного; теперь ведь они несли сестру. День стал клониться к вечеру, разыгралась непогода; Элиза со страхом следила за тем, как опускалось солнце, — одинокого морского утеса все еще не было видно. Вот ей показалось, что лебеди как-то усиленно машут крыльями. Ах, это она была виновной того, что они не могли лететь быстрее! Зайдет солнце, они станут людьми, упадут в море и утонут! И она от всего сердца стала молиться богу, но утес все не показывался. Черная туча приближалась, сильные порывы ветра предвещали бурю, облака собрались в сплошную грозную свинцовую волну, катившуюся по небу; молния сверкала за молнией.

Одним своим краем солнце почти уже касалось воды; сердце Элизы затрепетало; лебеди вдруг полетели вниз с неимоверною быстротой, и девушка по-

думала уже, что все они падают; но нет, они опять продолжали лететь. Солнце наполовину скрылось под водой, и тогда только Элиза увидела под собой утес, величиною не больше тюленя, высунувшего из воды голову. Солнце быстро угасало; теперь оно казалось только небольшою блестящею звездочкой; но вот лебеди ступили ногой на твердую почву, и солнце погасло, как последняя искра догоревшей бумаги. Элиза увидела вокруг себя братьев, стоявших рука об руку; все они едва умещались на крошечном утесе. Море бешено билось об него и окатывало их целым дождем брызг; небо пылало от молний и ежеминутно грохотало гром, но сестра и братья держались за руки и пели псалом, вливавший в их сердца утешение и мужество.

На заре буря улеглась, опять стало ясно и тихо; с восходом солнца лебеди с Элизой полетели дальше. Море еще волновалось, и они видели с высоты, как плыла по темно-зеленой воде, точно миллионы лебедей, белая пена.

Когда солнце поднялось выше, Элиза увидела перед собой как бы плавающую в воздухе гористую страну с блестящими снежными вершинами; среди гор возвышался огромный замок, обвитый какими-то смелыми воздушными галереями из колонн; внизу под ним качались пальмовые леса и роскошные цветы, величиною с мельничные колеса. Элиза спросила, не туда ли они летят, но лебеди покачали головами; ведь она видела перед собой чудный, вечно изменяющийся облачный замок Фата-морганы; человеку путь туда заказан. Элиза опять устремила свой взор на замок, и вот горы, леса и замок рухнули, и из них образовались двадцать одинаковых величественных церквей с колокольнями и стрельчатыми окнами. Ей показалось даже, что она слышит звуки органа, но это шумело море. Теперь церкви были совсем близко, но вдруг превратились в целую флотилию кораблей; Элиза взгляделась пристальнее и увидела, что это просто морской туман, подымавшийся над водой. Да, перед глазами у нее были вечно сменяющиеся воздушные образы и картины. Но вот наконец показалась и настоящая земля, куда они летели. Там возвышались чудные горы, кедровые леса, города и замки. Задолго до захода солнца Элиза сидела на скале перед большою пещерой, точно обвешанной вышитыми зелеными коврами, — так обросла она нежно-зелеными ползучими растениями.

— Посмотрим, что приснится тебе тут ночью! — сказал младший из братьев и указал сестре ее спальню.

— Ах, если бы мне приснилось, как освободить вас от чар! — сказала она, и эта мысль так и не выходила у нее из головы.

Элиза стала усердно молиться богу и продолжала свою молитву даже во сне. И вот ей пригрезилось, что она летит высоко-высоко по воздуху к замку Фата-морганы, и что фея сама выходит ей навстречу, такая светлая и прекрасная, но в то же время удивительно похожая на ту старушку, которая дала Элизе в лесу ягод и рассказала о лебедях в золотых коронах.

— Твоих братьев можно спасти, — сказала она. — Но хватит ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоих нежных рук и все-таки точит камни, но она не ощущает боли, которую будут ощущать твои пальцы; у воды нет сердца, которое бы стало изнывать от страха и муки, как твое. Видишь, у меня в руках крапива? Такая крапива растет здесь возле пещеры, и только она, да еще та крапива, что растет на кладбищах, может тебе пригодиться; заметь же ее! Ты нарвешь этой крапивы, хотя руки твои покроются волдырями от

ожогов; потом разомнешь ее ногами, ссучишь из полученного волокна длинные нити, затем сплетишь из них одиннадцать кольчуг с длинными рукавами и набросишь их на лебедей; тогда колдовство исчезнет. Но помни, что с той минуты, как ты начнешь свою работу, и до тех пор, пока не окончишь ее, хотя бы она длилась целые годы, ты не должна говорить ни слова. Первое же слово, которое сорвется у тебя с языка, пронзит сердца твоих братьев, как кинжалом. Их жизнь и смерть будут в твоих руках! Помни же все это!

И фея коснулась ее руки жгучей крапивой; Элиза почувствовала боль, как от ожога, и проснулась. Был уже светлый день, и рядом с ней лежал пучок крапивы, точно такой же, как та, которую она видела сейчас во сне. Тогда она упала на колени, поблагодарила бога и вышла из пещеры, чтобы сейчас же приняться за работу.

Своими нежными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и руки ее покрывались крупными волдырями, но она с радостью переносила боль: только бы удалось ей спасти милых братьев! Потом она размяла крапиву голыми ногами и стала сучить зеленое волокно.

С заходом солнца явились братья и очень испугались, видя, что она стала немой. Они думали, что это новое колдовство их злой мачехи, но, взглянув на ее руки, поняли, что она стала немой ради их спасения. Самый младший из братьев заплакал; слезы его падали ей на руки, и там, куда упала слезинка, исчезали жгучие волдыри и утихала боль.

Ночь Элиза провела за своей работой; отдых не шел ей на ум; она думала только о том, как бы поскорее освободить своих милых братьев. Весь следующий день, пока лебеди летали, она оставалась одна-одинешенька, но никогда еще время не летело для нее с такой быстротой. Одна кольчуга была готова, и девушка принялась за следующую.

Вдруг в горах послышались звуки охотничьих рогов; Элиза испугалась; звуки все приближались, затем раздался лай собак. Девушка скрылась в пещеру, связала всю собранную ею крапиву в пучок и села на него.

В ту же минуту из-за кустов выпрыгнула большая собака, за ней другая и третья; они громко лаяли и бегали взад и вперед. Через несколько минут у пещеры собрались все охотники; самый красивый из них был король той страны; он подошел к Элизе, — никогда еще не встречал он такой красавицы!

— Как ты попала сюда, прелестное дитя? — спросил он, но Элиза только покачала головой; она ведь не смела говорить: от ее молчания зависела жизнь и спасение ее братьев. Руки свои Элиза спрятала под передник, чтобы король не увидал, как она страдает.

— Пойдем со мной! — сказал он. — Здесь тебе нельзя оставаться! Если ты так же добра, как хороша, я наряжу тебя в шелк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в моем великолепном дворце! — И он посадил ее на седло перед собой: Элиза плакала и ломала руки, но король сказал: — Я хочу только твоего счастья. Когда-нибудь ты сама поблагодаришь меня!

И повез ее через горы, а охотники скакали следом.

К вечеру перед ними показалась великолепная столица короля, с колокольнями и куполами, и король привел Элизу в свой дворец, где в высоких мраморных покоех журчали фонтаны, а стены и потолки были украшены

живописью. Но Элиза не смотрела ни на что, плакала и тосковала, безучастно отдалась она в руки прислужниц, и те надели на нее королевские одежды, вплели ей в волосы жемчужные нити и натянули на обожженные пальцы тонкие перчатки.

Богатые уборы так шли к ней, она была в них так ослепительно хороша, что весь двор преклонился перед ней, а король провозгласил ее своей невестой, хотя архиепископ и покачивал головой, нашептывая королю, что лесная красавица, должно быть, ведьма, что она отвела им всем глаза и околдовала сердце короля.

Король, однако, не стал его слушать, подал знак музыкантам, велел вызывать прелестнейших танцовщиц и подавать на стол дорогие блюда, а сам повел Элизу через благоухающие сады в великолепные покои. Но она даже ни разу не улыбнулась; казалось, что грусть и тоска навеки стали ее уделом. Но вот король открыл дверцу в маленькую комнатку, находившуюся как раз возле ее спальни. Комнатка вся была увешана зелеными коврами и напоми-

нала лесную пещеру, где нашли Элизу; на полу лежала связка крапивного волокна, а под потолком висела сплетенная Элизой кольчуга; все это, как дикивинку, захватил с собой из леса один из охотников.

— Вот тут ты можешь вспоминать свое прежнее жилище! — сказал король. — Тут и работа твоя; может быть, ты пожелаешь иногда поразвлечься среди всей окружающей тебя пышности воспоминаниями о прошлом!

Увидав дорогую ее сердцу работу, Элиза улыбнулась и покраснела; она подумала о спасении братьев и поцеловала у короля руку, а он прижал ее к сердцу и велел звонить в колокола по случаю своей свадьбы. Немая лесная красавица стала королевой.

Архиепископ продолжал нашептывать королю злые речи, но они не доходили до сердца короля, и свадьба состоялась. Архиепископ сам должен был надеть на невесту корону; с досады он так плотно надвинул ей на лоб узкий золотой обруч, что всякому стало бы больно, но она даже не обратила на это внимания: что значила для нее телесная боль, если сердце ее изнывало от тоски и жалости к милым братьям! Губы ее по-прежнему были сжаты, ни единого слова не вылетело из них — она знала, что от ее молчания зависит жизнь братьев, — зато в глазах светилась горячая любовь к доброму красивому королю, который делал все, чтобы только порадовать ее. С каждым днем она привязывалась к нему все больше и больше. О! Если бы она могла довериться ему, высказать ему свои страдания, но — увы! — она должна была молчать, пока не окончит своей работы. По ночам она тихонько уходила из королевской спальни в свою потаенную комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну кольчугу за другой, но когда принялась уже за седьмую, у нее вышло все волокно.

Она знала, что может найти такую крапиву на кладбище, но ведь она должна была рвать ее сама; как же быть?

«О, что значит телесная боль в сравнении с печалью, терзающею мое сердце! — думала Элиза. — Я должна решиться! Господь не оставит меня!»

Сердце ее сжималось от страха, точно она шла на дурное дело, когда пробиралась лунною ночью в сад, а оттуда по длинным аллеям и пустынным улицам на кладбище. На широких могильных плитах сидели отвратительные всдъмы-ламии¹; они сбросили с себя лохмотья, точно собирались купаться, разрывали своими костлявыми пальцами свежие могилы, вытаскивали оттуда тела и пожирали их. Элизе пришлось пройти мимо них, и они так и тарасили на нее свои злые глаза, но она сотворила молитву, набрала крапивы и вернулась во дворец.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел ее — архиепископ; теперь он убедился, что был прав, подозревая королеву; итак, она была ведьмой и потому сумела околдовать короля и весь народ.

Когда король пришел к нему в исповедальню, архиепископ рассказал ему о том, что видел и что подозревал; злые слова так и сыпались у него с языка, а резные изображения святых качали головами, точно хотели сказать: «Неправда, Элиза невинна!» Но архиепископ перетолковывал это по-своему, говоря, что и святые свидетельствуют против нее, недобрительно качая головами. Две крупные слезы покатались по щекам короля, сомнение и отчаяние овладели его сердцем. Ночью он только притворился, что спит, на самом же

деле сон бежал от его глаз. И вот он увидел, что Элиза встала и скрылась из спальни; в следующие ночи повторилось то же самое; он следил за ней и видел, как она исчезала в своей потаенной комнатке.

Чело короля становилось все мрачнее и мрачнее; Элиза замечала это, но не понимала причины; сердце ее ныло от страха и от жалости к братьям; на королевский пурпур катились горькие слезы, блестящие, как алмазы, а люди, видевшие ее богатые уборы, желали быть на месте королевы. Тем временем работа приближалась к концу; недоставало всего одной рубашки, и тут у Элизы опять не хватило волокна. Еще раз, последний раз, нужно было сходить на кладбище и нарвать несколько пучков крапивы. Она с ужасом подумала о пустынном кладбище и о страшных ведьмах; но решимость ее спасти братьев была непоколебима, как и вера в бога.

Элиза отправилась, но король с архиепископом следили за ней и увидали, как она скрылась за кладбищенскою оградой; подойдя поближе, они увидели сидевших на могильных плитах ведьм, и король отвернулся; между этими ведьмами находилась ведь и та, чья голова только что покоилась на его груди!

— Пусть судит ее народ! — сказал он.

И народ присудил — сечь королеву на костре.

Из великолепных королевских покоев Элизу перевели в мрачное, сырое подземелье с железными решетками на окнах, в которые со свистом врвался ветер. Вместо бархата и шелка дали бедняжке связку набранной ею на кладбище крапивы; эта жгучая связка должна была служить Элизе изголовьем, а сплетенные ею жесткие кольчуги подстилкой и одеялом; но дороже всего этого ей ничего и не могли дать, и она с молитвой вновь принялась за свою работу. С улицы доносились до Элизы оскорбительные песни насмехавшихся над нею уличных мальчишек; ни одна живая душа не обратилась к ней со словом утешения и сочувствия.

Вечером у решетки раздался шум лебединых крыл — это отыскал сестру самый младший из братьев, и она громко зарыдала от радости, хотя и знала, что ей оставалось жить всего одну ночь; зато работа ее подходила к концу, и братья были тут!

Архиепископ пришел провести с нею ее последние часы, — так обещал он королю, — но она покачала головой и взором и знаками попросила его уйти; в эту ночь ей ведь нужно было кончить свою работу, иначе пропали бы задаром все ее страдания, и слезы, и бессонные ночи! Архиепископ ушел, понося ее бранными словами, но бедняжка Элиза знала, что она невинна, и продолжала работать.

Чтобы хоть немножко помочь ей, мышки, шмыгавшие по полу, стали собирать и приносить к ее ногам разбросанные стебли крапивы, а дрозд, сидевший за решетчатым окном, всю ночь утешал ее своею веселою песенкой.

На заре, незадолго до восхода солнца, у дворцовых ворот появились одиннадцать братьев Элизы и потребовали, чтобы их пустили к королю. Им отвечали, что этого никак нельзя; король еще спал и никто не смел его беспокоить. Они продолжали просить, потом стали угрожать, явилась стража, а затем вышел и сам король узнать, в чем дело. Но в эту минуту взошло солнце, и никаких братьев больше не было — над дворцом взвились одиннадцать диких лебедей.

Народ валом повалил за город посмотреть, как будут жечь ведьму. Жалкая кляча везла телегу, в которой сидела Элиза; на нее накинули плащ из грубой мешковины; ее чудные, длинные волосы были распущены по плечам, в лице не было ни кровинки, губы тихо шевелились, шепча молитвы, а пальцы плели зеленую пряжу. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук начатой работы; десять кольчуг лежали у ее ног совсем готовые, одиннадцатую она плела. Чернь глумилась над нею.

— Посмотрите на ведьму! Ишь, бормочет! Небось не молитвенник у нее в руках — нет, все возится со своими колдовскими штуками! Вырвем-ка их у нее да разорвем в клочки.

И они теснились вокруг нее, собираясь вырвать из ее рук работу, как вдруг прилетели одиннадцать белых лебедей, сели вокруг нее по краям телеги и шумно захлопали могучими крыльями. Испуганная чернь отступила.

— Это знамение небесное! Она невинна, — шептали многие, но не смели сказать этого вслух.

Палач схватил Элизу за руку, но она поспешно набросила на лебедей одиннадцать кольчуг, и... перед ней встали одиннадцать красавцев принцев, только у самого младшего не хватало одной руки, вместо нее было лебединое крыло. Элиза не успела докончить последней рубашки, и в ней недоставало одного рукава.

— Теперь я могу говорить! — сказала она. — Я невинна!

И народ, видевший все, что произошло, преклонился перед ней, как перед святой, но она без чувств упала в объятия братьев — так подействовали на нее неустанный напряженный сил, страх и боль.

— Да, она невинна! — сказал самый старший брат и рассказал все, как было; и пока он говорил, в воздухе распространилось благоухание, точно от миллионов роз — это каждое полено в костре пустило корни и ростки, и образовался высокий благоухающий куст, покрытый красными розами. На самой же верхушке куста блестел, как звезда, ослепительно белый цветок. Король сорвал его, положил на грудь Элизы, и она пришла в себя на радость и на счастье!

Все церковные колокола зазвонили сами собой, птицы слетелись целыми стаями, и ко дворцу потянулось такое свадебное шествие, какого не видал еще ни один король!

ВТОРОЙ (НОВЫЙ) ТОМ

ВТОРОЙ ВЫПУСК

1839

РАЙСКИЙ САД ¹

Жил-был принц; ни у кого не было столько хороших книг, как у него; он мог прочесть в них обо всем на свете, обо всех странах и народах, и все было изображено в них на чудесных картинках. Об одном только не было сказано ни слова: о том, где находится Райский сад, а вот это-то как раз больше всего и интересовало принца.

Когда он был еще ребенком и только что принимался за азбуку, бабушка рассказывала ему, что каждый цветок в Райском саду — сладкое пирожное, а тычинки налиты тончайшим вином; в одних цветах лежит история, в других — география или таблица умножения; стоило съесть такой цветок-пирожное — и урок выучивался сам собой. Чем больше, значит, кто-нибудь ел пирожных, тем больше узнавал из истории, географии и арифметики!

В то время принц еще верил всем таким рассказам, но по мере того как подрастал, учился и делался умнее, стал понимать, что в Райском саду должны быть какие-нибудь совсем другие прелести.

Ах зачем Ева послушалась змия! Зачем Адам вкусил запретного плода! Будь на их месте я, никогда бы этого не случилось, никогда бы грех не проник в мир!

Так говорил он не раз и повторял то же самое теперь, когда ему было уже семнадцать лет; Райский сад наполнял все его мысли.

Раз пошел он в лес один-одинешенек, — он очень любил гулять один. Дело было к вечеру; набежали тучи и полил такой дождь, точно небо было одною сплошною плотиною, которую вдруг прорвало и из которой зараз хлынула вся вода; настала такая тьма, какая бывает разве только ночью на дне самого глубокого колодца. Принц то скользил по мокрой траве, то спотыкался о голые камни, торчавшие из скалистой почвы; вода лила с него ручьями, на нем не оставалось сухой нитки. То и дело приходилось ему перебираться через огромные каменные глыбы, обросшие мхом, из которого сочилась вода. Он уже готов был упасть от усталости, как вдруг услышал какой-то странный свист и увидел перед собой большую освещенную пещеру. Посреди пещеры был разведен огонь, над которым можно было бы изжарить целого оленя; да так оно и было: на вертеле, укрепленном между двумя срубленными соснами, жарился великолепный олень с большими ветвистыми рогами. У костра сидела пожилая женщина, такая сильная и высокая, словно это был переодетый мужчина, и подбрасывала в огонь одно полено за другим.

— Ну, подходи! — сказала она. — Присядь к огню да обсушись.
— Здесь ужасный сквозняк, — сказал принц, подсев к костру.
— Ужо, как вернутся мои сыновья, еще хуже будет! — отвечала женщина. — Ты ведь в пещере ветров; мои четверо сыновей — ветры. Понимаешь?
— А где твои сыновья?
— На глупые вопросы не легко отвечать! — сказала женщина. — Мои сыновья не на помочах ходят! Играют, верно, в лапту облаками, там, в большой зале!

И она указала пальцем на небо.

— Вот как! — сказал принц. — Вы выражаетесь несколько резко, не так, как женщины нашего круга, к которым я привык.

— Да тем, верно, и делать-то больше нечего! А мне приходится быть резкой и суровой, если хочу держать в повиновении моих сыновей! Да, я держу их в руках, даром, что они у меня упрямые головы! Видишь, вон те четыре мешка, что висят на стене? Сыновья мои боятся их так же, как ты, бывало, боялся пучка розог, заткнутого за зеркало! Я гну их в три погибели и сажаю в мешок без всяких церемоний! Они и сидят там, пока я не смилуюсь! Но вот один уж пожаловал!

Это был Северный ветер. Он внес с собой в пещеру ледящий холод; поднялась метель, и по земле запрыгал град. Одет он был в медвежьи шаровары и куртку; на уши спускалась шапка из тюленьей шкуры; на бороде висели ледяные сосульки, а с воротника куртки скатывались градины.

— Не подходите сразу к огню! — сказал принц. — Вы отморозите себе лицо и руки!

— Отморозу! — сказал Северный ветер и громко захохотал. — Отморозу! Да лучше мороза, по мне, нет ничего на свете! А ты что за кислятина? Как ты попал в пещеру ветров?

— Он мой гость! — сказала старуха. — А если тебе этого объяснения мало, можешь отправляться в мешок! Понял?

Угроза подействовала, и Северный ветер рассказал, откуда он явился и где пробыл почти целый месяц.

— Я прямо с Ледовитого океана! — сказал он. — Был на Медвежьем острове³, охотился на моржей с русскими промышленниками. Я сидел и спал на руле, когда они отплывали с Нордкапа⁴; просыпаясь время от времени, я видел, как под ногами у меня шныряли буревестники. Презабавная птица! Ударит раз крыльями, а потом распластает их, да так и держится на них в воздухе долго-долго!..

— Нельзя ли покороче! — сказала мать. — Ты был на Медвежьем острове?

— Да. Там чудесно! Вот так пол для пляски! Ровный, гладкий, как тарелка! Повсюду рыхлый снег пополам со мхом, острые камни да остовы моржей и белых медведей, покрытые зеленой плесенью, — можно подумать, словно кости великанов! Солнце, право, туда никогда, кажется, и не заглядывало. Я слегка подул и разогнал туман, чтобы рассмотреть какой-то сарай; оказалось, что это было жилье, построенное из корабельных обломков и покрытое моржовыми шкурами, вывернутыми наизнанку; на крыше сидел белый медведь и ворчал. Потом я пошел на берег, видел там птичьи гнезда, а в них голых птенцов; они пищали и разевали рты; я взял да и дунул в эти бесчисленные глотки — небось живо отучились разевать рот! У самого моря валялись будто живые кишки или исполинские черви с свиными головами и аршинными клыками, моржи!

— Славно рассказываешь, сынок! — сказала мать. — Просто слюнки текут, как послушаешь!

— Ну, а потом началась ловля! Как всадят гарпун моржу в грудь, так кровь и брызнет фонтаном на лед! Тогда и я задумал себя потешить, завел свою музыку и велел моим кораблям — ледяным горам — сдавить лодки промышленников. У! Вот пошел свист и крик, да меня не пересвистишь! Пришлось им выбрасывать убитых моржей, ящики и снасти на льдины! А я вытряхнул на них целый ворох снежных хлопьев и погнал их стиснутые льдами суда к югу — пусть похлебают соленькой водицы! Не вернуться им на Медвежий остров!

— Так ты порядком набедокурил! — сказала мать.

— О добрых делах моих пусть расскажут другие! — сказал он. — А вот и брат мой с запада! Его я люблю больше всех: он пахнет морем и дышит благодатным холодком.

— Так это маленький зефир? — спросил принц.

— Зефир-то зефир, только не из маленьких! — сказала старуха. — В старину и он был красивым мальчуганом, ну, а теперь не то!

Западный ветер выглядел дикарем; на нем была мягкая, толстая, предохраняющая голову от ударов и ушибов шапка, а в руках палица из красного дерева, срубленного в американских лесах, вон как!

— Где был? — спросила его мать.

— В девственных лесах, где между деревьями повисли целые изгороди из колючих лиан, а во влажной траве лежат огромные ядовитые змеи и где, кажется, нет никакой надобности в человеке! — отвечал он.

— Что ж ты там делал?

— Смотрел, как низвергается со скалы большая, глубокая река, как поднимается от нее к облакам водяная пыль и в ней возникает радуга. Смотрел, как переплывал реку дикий буйвол; течение увлекало его с собой, и он плыл

вниз по реке вместе со стаей диких уток, но те вспорхнули на воздух перед самым водопадом, а буйволу пришлось полететь головой вниз; это мне понравилось, и я учинил такую бурю, что вековые деревья поплыли по воде и превратились в щепки.

— И это все? — спросила старуха.

— Еще я кувыркался по саваннам, гладил диких лошадей и сшибал кокосовые орехи! О, у меня много о чем найдется порассказать, но не все же говорить, что знаешь. Так-то, старая!

И он так поцеловал мать, что та чуть не опрокинулась навзничь; такой уж он был необузданный парень.

Затем явился Южный ветер в чалме и развевающимся плаще бедуинов.

— Экая у вас тут стужа! — сказал он и подбросил в костер дров. — Видно, что Северный первым успел пожаловать.

— Здесь такая жарыща, что можно изжарить белого медведя! — возразил тот.

— Сам-то ты белый медведь! — сказал Южный.

— Что, в мешок захотели? — спросила старуха. — Садись-ка вот тут на камень да рассказывай, откуда ты.

— Из Африки, матушка, из земли кафров! — отвечал Южный ветер. — Охотился на львов с готтентотами! Какая трава растет там на равнинах! Чудесного оливкового цвета! Сколько там антилоп и страусов! Антилопы плясали, а страусы бегали со мной наперегонки, да я побыстрее их на ногу! Я доходил и до желтых песков пустыни — она похожа на морское дно. Там настиг я караван. Люди зарезали последнего своего верблюда, чтобы из его желудка добыть воды для питья, да немногим пришлось им поживиться! Солнце пекло их сверху, а песок поджаривал снизу. Конца не было безграничной пустыне! А я принялся валяться по мелкому, мягкому песку и крутить его огромными столбами; вот так пляска пошла! Посмотрела бы ты, как столпились в кучу дромадеры, а кучды накинули на головы капюшоны и попадали передо мною ниц, точно перед своим аллахом. Теперь все они погребены под высокой пирамидой из песка. Если мне когда-нибудь вздумается смести ее прочь, солнце выбелит их кости, и другие путники по крайней мере увидят, что тут бывали люди, а то трудно и поверить этому, глядя на голую пустыню!

— Ты, значит, только и делал одно зло! — сказала мать. — Марш в мешок!

И не успел Южный ветер опомниться, как мать схватила его за пояс и упрягла в мешок; он было принялся кататься в мешке по полу, но она усе-лась на него, и ему пришлось лежать смиренно.

— Бойкие же у тебя сыновья! — сказал принц.

— Ничего себе! — отвечала она. — Да я умею управляться с ними! А вот и четвертый!

Это был Восточный ветер, одетый китайцем.

— А, ты оттуда! — сказала мать. — Я думала, что ты был в Райском саду.

— Туда я полечу завтра! — сказал Восточный ветер. — Завтра будет ведь ровно сто лет, как я не был там! Теперь же я прямо из Китая, плясал на фарфоровой башне, так что все колокольчики звенели! Внизу, на улице, наказывали чиновников; бамбуковые трости так и гуляли у них по плечам, а это все были мандарины от первой до девятой степени! ⁵ Они кричали: «Великое

спасибо тебе, отец и благодетель!» — про себя же думали совсем другое. А я в это время звонил в колокольчики и припевал: «Тзинг, тзанг, тзу!»

— Шалун! — сказала старуха. — Я рада, что ты завтра отправляешься в Райский сад, это путешествие всегда приносит тебе большую пользу. Напейся там из источника Мудрости, да зачерпни из него полную бутылку водицы и для меня!

— Хорошо! — сказал Восточный ветер. — Но за что ты посадила брата Южного в мешок? Выпусти его! Он мне расскажет про птицу Феникс, о которой все спрашивает принцесса Райского сада. Развяжи мешок, милая, дорогая мамаша, а я подарю тебе целых два кармана зеленого свежего чая, только что с куста!

— Ну, разве за чай, да еще за то, что ты мой любимчик, так и быть, развяжу его!

И она развязала мешок: Южный ветер вылез оттуда с видом мокрой курицы: еще бы, чужой принц видел, как его наказали.

— Вот тебе для твоей принцессы пальмовый лист! — сказал он Восточному. — Я получил его от старой птицы Феникс⁶, единственной на свете; она начертила на нем клювом историю своей столетней земной жизни. Теперь принцесса может прочесть обо всем, что ей захотелось знать. Птица Феникс на моих глазах сама подожгла свое гнездо и была охвачена пламенем как индусская вдова! Как затрещали сухие ветки, какие пошли от них дым и благоухание! Наконец пламя пожрало все, и старая птица Феникс превратилась в пепел, но снесенное ею яйцо, горевшее в пламени, как жар, вдруг лопнуло с сильным треском, и оттуда вылетел молодой Феникс. Теперь он царь над всеми птицами и единственная птица Феникс на свете. Он поклонился на этом пальмовом листе дырочку: это его поклон принцессе!

— Ну, теперь пора нам подкрепиться немножко! — сказала мать ветров.

Все уселись и принялись за оленя. Принц сидел рядом с Восточным ветром, и они скоро стали друзьями.

— Скажи-ка ты мне, — спросил принц у соседа, — что это за принцесса, про которую вы столько говорили, и где находится Райский сад?

— Ого! — сказал Восточный ветер. — Коли хочешь побывать там, полетим завтра вместе! Но я должен тебе сказать, что со времен Адама и Евы туда не ступала нога человека! А это ты наверное знаешь из Библии?

— Знаю! — сказал принц.

— После того как они были изгнаны, — продолжал Восточный, — Райский сад ушел в землю, но в нем царит прежнее великолепие, по-прежнему светит солнце и в воздухе разлиты необыкновенные свежесть и аромат! Теперь в нем обитает королева фей. Там же находится чудно-прекрасный остров Блаженства⁷, куда никогда не заглядывает Смерть! Сядешь мне завтра на спину, и я снесу тебя туда. Я думаю, что это удастся. А теперь не болтай больше, я хочу спать!

И все заснули.

На заре принц проснулся, и ему сразу стало жутко; оказалось, что он уже летит высоко-высоко под облаками! Он сидел на спине у Восточного ветра, и тот добросовестно держал его, но принцу все-таки было боязно: они неслись так высоко над землею, что леса, поля, реки и моря казались нарисованными на огромной раскрашенной карте.

— С добрым утром! — сказал принцу Восточный ветер. — Ты мог бы еще поспать, посмотреть-то пока не на что! Разве церкви вздумаешь считать! Видишь, сколько их? Стоят, точно меловые точки на зеленой доске!

Зеленою доской он называл поля и луга.

— Как это вышло невежливо, что я не простился с твоею матерью и твоими братьями! — сказал принц.

— Сонному приходится извинить! — сказал Восточный ветер, и они полетели еще быстрее; это было заметно по тому, как шумели под ними верхушки лесных деревьев, как вздымались морские волны и как глубоко ныряли в них грудью, точно плавающие лебеди, корабли.

Под вечер, когда стемнело, было очень забавно смотреть на большие города, в которых то там, то сям вспыхивали огоньки, — так перебегают по зажженной бумаге, словно бегущие домой шаловливые школьники, мелкие искорки. И принц, глядя на это зрелище, захлопал в ладоши, но Восточный ветер попросил его вести себя потише да держаться покрепче — не мудрено ведь было и свалиться да повиснуть на каком-нибудь башенном шпиле.

Быстро мчался над дремучими лесами дикий орел, но Восточный ветер мчался еще быстрее; по равнине вихрем мчался казак на своей маленькой лошадке, да куда ему было угнаться за принцем!

— Ну вот тебе и Гималаи! — сказал Восточный ветер. — Это высочайшая горная цепь в Азии; скоро мы доберемся и до Райского сада!

Они свернули к югу, и вот в воздухе разлился сильный пряный аромат цветов. Финики, гранаты и виноград с синими и красными ягодами росли здесь в диком состоянии. Восточный ветер спустился с принцем на землю, и оба улеглись отдохнуть в мягкую траву, где цветы кивали ветру, как бы говоря: «Добро пожаловать!»

— Мы уже в Райском саду? — спросил принц.

— Что ты! — отвечал Восточный ветер. — Но скоро попадем и туда! Видишь эту отвесную, как стена, скалу и в ней большую пещеру, над входом которой свесились, будто зеленые портьеры, виноградные лозы? Мы должны пройти через эту пещеру! Завернись хорошенько в плащ: тут палит солнце, но один шаг — и нас охватит мороз. У птицы, пролетающей мимо пещеры, одно крыло чувствует летнее тепло, а другое — зимний холод!

— Так вот она, дорога в Райский сад! — сказал принц. Брр... Как им стало холодно, но к счастью, ненадолго.

Восточный ветер распростер свои крылья, и от них разлился свет, точно от яркого пламени. Ах, что это была за пещера! Над головами путников нависали огромные, имевшие самые причудливые формы каменные глыбы, с которых капала вода. Порой проход так суживался, что им приходилось пробираться ползком, иногда же своды пещеры опять поднимались на недосыгаемую высоту, и путники шли точно на вольном просторе под открытым небом. Пещера казалась какою-то гигантскою усыпальницей с немymi органами трубами и знаменами, выточенными из камня.

— Мы идем в Райский сад дорогой смерти! — оказал принц, но Восточный ветер не ответил ни слова и указал вперед собою рукою: навстречу им струился чудный голубой свет; каменные глыбы мало-помалу стали редеть, таять и стали походить на белые облачка при лунном свете. Тут они вышли на вольный

воздух — чудный, мягкий воздух, свежий, как на горной вершине и благоуханный, как в долине роз.

Тут же струилась река; вода в ней спорила прозрачностью с самим воздухом. В реке плавали золотые и серебряные рыбки, и пурпурно-красные угри сверкали при каждом движении голубыми искрами; огромные листья кувшинок пестрели всеми цветами радуги, а чашечки их горели желто-красным пламенем, поддерживаемым чистою водой, как пламя лампы поддерживается маслом. Через реку был переброшен мраморный мост такой тонкой и искусной работы, что, казалось, был сделан из кружев и бус; мост вел на остров Блаженства, на котором находился сам Райский сад.

Восточный ветер взял принца на руки и перенес его через мост. Цветы и листья пели чудесные песни, которые принц слышал еще в детстве, но теперь они звучали такою дивною музыкой, какой не может передать человеческий голос.

А это что? Пальмы или гигантские папоротники? Таких сочных, могучих деревьев принц никогда еще не видывал. Удивительнейшие ползучие растения обвивали их, спускались вниз, переплетались и образовывали самые причудливые, отливавшие по краям золотом и яркими красками гирлянды; такие гирлянды можно встретить разве только в заставках и начальных буквах старинных святцев. Тут были и яркие цветы, и птицы, и самые затейливые завитушки. В траве сидела, блестя распушенными хвостами, целая стая павлинов. Да павлинов ли? Конечно, павлинов! То-то что нет: принц потрогал их, и оказалось, что это вовсе не птицы, а растения, огромные кусты репейника, блестящего самыми яркими красками! Между зелеными благоухающими кустами прыгали, точно гибкие кошки, львы и тигры; кусты пахли оливками, а звери были совсем ручные; дикая лесная голубка, с жемчужным отливом на перьях, хлопала льва крылышками по гриве, а антилопа, вообще такая робкая и пугливая, стояла возле них и кивала головой, словно давая знать, что и она не прочь поиграть.

Но вот появилась сама фея; одежды ее сверкали, как солнце, а лицо сияло такою лаской и приветливою улыбкой, как лицо матери, радующейся на своего ребенка. Она была молода и чудо как хороша собой; ее окружали красавицы девушки с блестящими звездами в волосах.

Восточный ветер подал ей послание птицы Феникс, и глаза феи заблестели от радости. Она взяла принца за руку и повела его в свой замок; стены замка были похожи на лепестки тюльпана, если их держать против солнца, а потолок был блестящим цветком, опрокинутым вниз чашечкой, углублявшейся тем больше, чем дальше в нее всматривались. Принц подошел к одному из окон, поглядел в стекло, и ему показалось, что он видит древо познания добра и зла; в ветвах его прятался змий, а возле стояли Адам и Ева.

— Разве они не изгнаны? — спросил принц.

Фея улыбнулась и объяснила ему, что на каждом стекле время начертало неизгладимую картину⁸, озаренную жизнью: листья дерева шевелились, а люди двигались, — ну вот как бывает с отражениями в зеркале! Принц подошел к другому окну и увидел на стекле сон Иакова⁹: с неба спускалась лестница, а по ней сходили и восходили ангелы с большими крыльями за плечами. Да, все, что было или совершилось когда-то на свете, по-прежнему жило и дви-

галось на оконных стеклах замка; такие чудесные картины могло начертать своим неизгладимым резцом лишь время.

Фея, улыбаясь, ввела принца в огромный, высокий покой со стенами из прозрачных картин,— из них повсюду выглядывали головки, одна прелестнее другой. Это были сонмы блаженных духов; они улыбались и пели; голоса их сливались в одну дивную гармонию; самые верхние из них были меньше бутонов розы, если их нарисовать на бумаге в виде крошечных точек. Посреди этого покоя стояло дерево с пышными ветвями, среди которых сверкали большие и маленькие золотистые, как апельсины, яблоки. То было древо познания добра и зла, плодов которого вкусили когда-то Адам и Ева. С каждого листика капала блестящая красная роса,— дерево точно плакало кровавыми слезами.

— Сядем теперь в лодку! — сказала фея. — Там, над прохладной водой, мы отдохнем и подкрепимся! Представь, лодка только покачивается на волнах, но не двигается, а все страны света сами проходят мимо!

И в самом деле, это было поразительное зрелище; лодка стояла, а берега двигались! Вот показались высокие снежные Альпы с облаками и темными сосновыми лесами на вершинах, протяжно-жалобно прозвучал рог, и из долины неслась звучная песня горного пастуха. Вот над лодкой свесились длинные гибкие листья бананов; поплыли стаи черных, как смоль, лебедей; показались удивительнейшие животные и цветы, а вдали поднялись голубые горы; это была Новая Голландия¹⁰, пятая часть света. Вот послышалось пение жрецов, и под звуки барабанов и костяных флейт закружились в бешеной пляске толпы дикарей. Проплыли мимо вздымавшиеся к облакам египетские пирамиды, низверженные колонны и сфинксы, наполовину погребенные в песке. Вот осветились северным сиянием потухшие вулканы севера. Да, кто бы мог устроить подобный фейерверк? Принц был вне себя от восторга: еще бы, он-то видел ведь во сто раз больше, чем мы тут рассказываем.

— И я могу здесь остаться навсегда? — спросил он.

— Это зависит от тебя самого! — отвечала фея. — Если ты не станешь добиваться запрещенного, как твой прародитель Адам, то можешь остаться здесь навеки!

— Я не дотронусь до плодов познания добра и зла! — сказал принц. — Тут ведь тысячи других прекрасных плодов!

— Испытай себя, и если борьба покажется тебе слишком тяжелою, улетай обратно с Восточным ветром, который вернется сюда опять через сто лет! Сто лет пролетят для тебя, как сто часов, но для греха и соблазна это достаточно долгий срок. Каждый вечер, расставаясь с тобой, буду я звать тебя: «Ко мне, ко мне!» Стану манить тебя рукой, но ты не трогайся с места, не иди на мой зов; с каждым шагом тоска желания будет в тебе усиливаться и наконец увлечет тебя в тот покой, где древо познания добра и зла. Я буду спать под его благоухающими пышными ветвями, и ты наклонишься, чтобы рассмотреть меня поближе; я улыбнусь тебе, и ты поцелуешь меня... Тогда Райский сад уйдет в землю еще глубже и будет для тебя потерян. Резкий ветер будет пронизывать тебя до костей, холодный дождь — мочить твою голову; горе и бедствия будут твоим уделом!

— Я остаюсь! — сказал принц.

Восточный ветер поцеловал принца в лоб и сказал:

— Будь тверд, и мы свидимся опять через сто лет! Прощай, прощай!

И Восточный ветер взмахнул своими большими крылами, блеснувшими, как зарница во тьме осенней ночи или как северное сияние во мраке полярной зимы.

— Прощай! Прощай! — запели все цветы и деревья. Стаи аистов и пеликанов полетели, точно развевающиеся ленты, проводить Восточного ветра до границ сада.

— Теперь начнутся танцы! — сказала фея. — Но на закате солнца, танцуя с тобой, я начну манить тебя рукой и звать: «Ко мне! Ко мне!» Не слушай же меня! В продолжение ста лет каждый вечер будет повторяться то же самое, но ты с каждым днем будешь становиться все сильнее и сильнее и под конец перестанешь даже обращать на мой зов внимание. Сегодня вечером тебе предстоит выдержать первое испытание! Теперь ты предупрежден!

И фея повела его в обширный покой из белых прозрачных лилий с маленькими, игравшими сами собою, золотыми арфами вместо тычинок. Прелестные стройные девушки в прозрачных одеждах понесли в воздушной пляске и запели о радостях и блаженстве бессмертной жизни в вечно цветущем Райском саду.

Но вот солнце село, небо засияло, как расплавленное золото, и лилии окрасились в цвет чудеснейших роз. Принц выпил пенистого вина, поднесенного ему девушками, и почувствовал прилив несказанного блаженства. Вдруг задняя стена покоя раскрылась, и принц увидел древо познания добра и зла, окруженное ослепительным сиянием; из-за дерева неслась тихая, ласкающая слух песня; ему почудился голос его матери, певшей: «Дитя мое! Мое милое, дорогое дитя!»

И фея стала манить его рукой и звать нежным голосом: «Ко мне, ко мне!» Он двинулся за нею, забыв свое обещание в первый же вечер! А она все манила его и улыбалась... Пряный аромат, разлитый в воздухе, становился все сильнее; арфы звучали все слаще; казалось, что это пели хором улыбающиеся головки со стен зала. «Все нужно знать! Все надо изведать! Человек — царь на земле!» С дерева уже не капала больше кровь, а сыпались красные блестящие звездочки. «Ко мне! Ко мне!» — звучала воздушная мелодия, и с каждым шагом щеки принца разгорались, а кровь волновалась все сильнее и сильнее.

— Я должен идти! — говорил он. — В этом ведь нет и не может еще быть греха! Зачем убегать от красоты и наслаждения? Я только полюбуюсь, посмотрю на нее спящую! Я ведь не поцелую ее! Я достаточно тверд и сумею совладать с собой!

Сверкающий плащ упал с плеч феи; она раздвинула ветви дерева и в одно мгновение скрылась за ним.

— Я еще не согрешил! — сказал принц. — Да и не сделаю этого!

С этими словами он раздвинул ветви... Фея спала такая прелестная, какою может быть только фея Райского сада. Улыбка играла на ее устах, но на длинных ресницах дрожали слезинки.

— Ты плачешь из-за меня? — прошептал он. — Не плачь, чудесная! Теперь только я понял райское блаженство; оно течет огнем в моей крови, воспаляет мысли. Силу херувима и вечную жизнь ощущаю я в моем брэнном

теле. Пусть же настанет для меня потом вечная ночь — одна такая минута дороже всего в мире!

И он поцеловал слезы, дрожавшие на ее ресницах, уста его прикоснулись к ее устам.

Раздался страшный удар грома, какого не слышал еще никогда никто, и все смешалось в глазах принца; фея исчезла, цветущий Райский сад ушел глубоко в землю. Принц видел, как он исчезал во тьме непроглядной ночи, и вот от него осталась только маленькая сверкающая вдали звездочка. Смертный холод сковал его члены, глаза закрылись, и он упал, как мертвый.

Холодный дождь мочил ему лицо, резкий ветер леденил голову, и он снова очнулся.

— Что я наделал! — вздохнул он. — Я нарушил свой обет, как Адам, и вот Райский сад ушел глубоко в землю!

Он открыл глаза; вдали еще мерцала звездочка, последний след исчезнувшего рая. Это сияла на небе утренняя звезда¹¹.

Принц встал; он был опять в том же лесу, у пещеры ветров; возле него сидела мать ветров. Она сердито посмотрела на него и грозно подняла руку.

— В первый же вечер! — сказала она. — Так я и думала! Да, будь ты моим сыном, сидел бы ты теперь в мешке!

— Он еще попадет туда! — сказала Смерть — это был крепкий старик с косою в руке и большими черными крыльями за спиной. — И он уляжется в гроб, хоть и не сейчас. Я лишь отмечу его и дам ему время постранствовать по белу свету и искупить свой грех добрыми делами! Потом я приду за ним в тот час, когда он меньше всего будет ожидать меня, упрячу его в черный гроб, поставлю себе на голову и отнесу его вон на ту звезду, где тоже цветет Райский сад; если он окажется добрым и благочестивым, он вступит туда, если же его мысли и сердце будут по-прежнему полны греха, гроб опустится с ним еще глубже, чем опустился Райский сад. Но каждую тысячу лет буду я приходить за ним, для того, чтобы он мог или погрузиться еще глубже, или остаться навеки на сияющей небесной звезде!

СУНДУК-САМОЛЕТ

Жил-был купец, такой богач, что мог бы вымостить серебряными деньгами целую улицу, да еще переулочек в придачу; этого, однако, он не делал, — он знал, куда девать деньги, и если тратил скиллинг, то наживал целый далер¹. Уж такой он был купец! Но вот он умер, и все денежки достались его сыну.

Весело зажил сын купца: каждую ночь — в маскараде, пускал змеев из кредитных бумажек, а круги по воде — вместо камешков золотыми монетами. Не мудрено, что денежки прошли у него между пальцев и под конец из всего наследства осталось только четыре скиллинга, и из платья — старый халат да пара туфель. Друзья и знать его больше не хотели — им ведь тоже неловко было теперь показаться с ним на улице; но один из них, человек добрый, прислал ему старый сундук с советом: укладываться! Отлично; одно горе — нечего ему было укладывать; он взял да и уселся в сундук сам!

А сундук-то был не простой. Стоило нажать замок — и сундук взвивался в воздух. Купеческий сын так и сделал. Фьють! — сундук вылетел с ним в трубу и понесся высоко-высоко, под самыми облаками, — только дно потрескивало! Купеческий сын поэтому крепко побаивался, что вот-вот сундук разлетится вдребезги: славный прыжок пришлось бы тогда совершить ему! Боже упаси! Но вот он прилетел в Турцию, зарыл свой сундук в лесу в кучу сухих листьев, а сам отправился в город, — тут ему было нечего стесняться своего наряда: в Турции все ведь ходят в халатах и туфлях. На улице встретила его кормилица с ребенком, и он сказал ей:

— Послушай-ка, турецкая мамка! Что это за большой дворец тут, у самого города, еще окна так высоко от земли?

— Тут живет принцесса! — сказала кормилица. — Ей предсказано, что она будет несчастной по милости своего жениха; вот к ней и не смеет являться никто иначе, как в присутствии самих короля с королевой.

— Спасибо! — сказал купеческий сын, пошел обратно в лес, уселся в свой сундук, прилетел прямо на крышу дворца и влез к принцессе в окно.

Принцесса спала на диване и была так хороша собою, что он не мог не поцеловать ее. Она проснулась и очень испугалась, но купеческий сын сказал, что он турецкий бог, прилетевший к ней по воздуху, и ей это очень понравилось.

Они уселись рядышком, и он стал рассказывать ей сказки о ее глазах: это были два чудных темных озера, в которых плавали русалочки-мысли; о ее белом лбе: это была снежная гора, скрывавшая в себе чудные покои и картины; наконец, об аистах, которые приносят людям крошечных миленьких деток.

Да, чудесные были сказки! А потом он посватался за принцессу, и она сразу согласилась.

— Но вы должны прийти сюда в субботу! — сказала она ему. — Ко мне придут на чашку чая король с королевой. Они будут очень польщены тем, что я выхожу замуж за турецкого бога, и вы уж постарайтесь рассказать им сказку получше — мои родители очень любят сказки. Но мамаша любит слушать что-нибудь поучительное и серьезное, а папаша — веселое, чтобы можно было посмеяться.

— Я и не принесу никакого свадебного подарка, кроме сказки! — сказал купеческий сын. Принцесса подарила ему на прощанье саблю, всю выложенную червонцами, а их-то ему и недоставало. С тем они и расстались.

Сейчас же полетел он, купил себе новый халат, а затем уселся в лесу сочинять сказку; надо ведь было сочинить ее к субботе, а это не так-то просто, как кажется.

Но вот сказка была готова, и настала суббота.

Король, королева и весь двор собрались к принцессе на чашку чая. Купеческого сына приняли как нельзя лучше.

— Ну-ка, расскажите нам сказку! — сказала королева. — Только что-нибудь серьезное и поучительное.

— Но чтобы и посмеяться можно было! — прибавил король.

— Хорошо! — отвечал купеческий сын и стал рассказывать.

Слушайте же хорошенько!

— Жила-была пачка серных спичек, очень гордых своим высоким происхождением: родоначальница их семьи, то есть сосна, была одним из самых крупных и старейших деревьев в лесу. Теперь спички лежали на полке между огнивом и старым железным котелком и рассказывали соседям о своем детстве.

— Да, хорошо нам жилось, когда мы были еще зелеными веточками, — говорили они. — Каждое утро и каждый вечер у нас был бриллиантовый чай — роса, день-деньской светило на нас в ясную погоду солнышко, а птички должны были рассказывать нам сказки! Мы отлично понимали, что принадлежим к богатой семье: лиственные деревья были одеты только летом, а у нас хватало средств и на летнюю и на зимнюю одежду. Но вот явились раз дровосеки, и началась великая революция! И семья наша рассеялась по всему свету! Глава семьи — ствол получил после того место грот-мачты на великольном корабле, который мог бы объехать кругом всего света, если б только захотел; ветви же разбрелись кто-куда, а нам вот выпало на долю

служить свечками для черни. Вот ради чего очутились на кухне такие благородные господа, как мы!

— Ну, со мной не то было! — сказал котелок, рядом с которым лежали спички. — С самого моего появления на свет меня беспрестанно чистят, скребут и ставят на огонь. Я забочусь вообще о существенном и, говоря по правде, занимаю здесь в доме первое место. Единственное мое баловство — это вот лежать после обеда чистеньким на полке и вести приятную беседу с товарищами. Все мы вообще большие домоседы, если не считать ведра, которое бывает иногда во дворе; новости же нам приносит корзинка для провизии; она часто ходит на рынок, но у нее уж чересчур резкий язык. Послушать только, как она рассуждает о правительстве и о народе! На днях, слушая ее, свалился от страха с полки и разбился в черепки старый горшок! Да, немножко легкомысленна она, скажу я вам!

— Уж больно ты разболтался! — сказала вдруг огниво, и сталь так ударила по кремню, что посыпались искры. — Не устроить ли нам лучше вечеринку?

— Да, конечно. Побеседуем о том, кто из нас всех благороднее! — сказали спички.

— Нет, я не люблю говорить о самой себе, — сказала глиняная миска. — Будем просто вести беседу! Я начну и расскажу кое-что из жизни, что будет знакомо и понятно всем и каждому, а это ведь приятнее всего. Так вот: на берегу родного моря, под тенью датских букв...

— Чудесное начало! — сказали тарелки. — Вот это будет история как раз по нашему вкусу!

— Там в одной мирной семье провела я свою молодость. Вся мебель была полированная, пол чисто вымыт, а занавески на окнах сменялись каждые две недели.

— Как вы интересно рассказываете! — сказала метелка. — В вашем рассказе так и слышна женщина, чувствуется какая-то особая чистоплотность!

— Да, да! — сказала ведро и от удовольствия даже подпрыгнуло, плеснув на пол воду.

Глиняная миска продолжала свой рассказ, и конец был не хуже начала.

Тарелки загремели от восторга, а метелка достала из ящика с песком зелень петрушки и увенчала ею миску; она знала, что это раздосадует всех остальных, да к тому же подумала: «Если я увенчаю ее сегодня, она увенчает меня завтра!»

— Теперь мы попляшем! — сказали угольные щипцы и пустились в пляс. И боже мой, как они вскидывали то одну, то другую ногу! Старая обивка на стуле, что стоял в углу, не выдержала такого зрелища и лопнула!

— А нас увенчают? — спросили щипцы, и их тоже увенчали.

«Все это одна чернь!» — думали спички.

Теперь была очередь за самоваром; он должен был спеть. Но самовар отговорился тем, что простужен и может петь лишь тогда, когда внутри его кипит, — он просто важничал и не хотел петь иначе, как стоя на столе у господ.

На окне лежало старое гусиное перо, которым обыкновенно писала служанка; в нем не было ничего замечательного, кроме разве того, что его слишком глубоко макали в чернильницу, но именно этим оно и гордилось!

— Что ж, если самовар не хочет петь, так и не надо! — сказало оно. — За окном висит в клетке соловей — пусть он споет! Положим, он не из ученых, но об этом мы сегодня говорить не будем.

— По-моему, это в высшей степени неприлично — слушать какую-то пришлую птицу! — сказал большой медный чайник, кухонный певец и сводный брат самовара. — Разве это патриотично? Пусть рассудит корзинка для провизии!

— Я просто из себя выхожу! — сказала корзинка. — Вы не поверите, до чего я выхожу из себя! Разве так следует проводить вечера? Неужели нельзя поставить дом на надлежащую ногу? Каждый бы тогда знал свое место, и я руководила бы всем! Тогда дело пошло бы совсем иначе!

— Давайте же шуметь! — закричали все.

Вдруг дверь отворилась, вошла служанка, и — все пресмирели, никто ни гугу; но не было ни единого горшка, который бы не мечтал про себя о своей знатности и о том, что он мог бы сделать. «Уж если бы взялся за дело я, пошло бы веселье!» — думал про себя каждый.

Служанка взяла спички и зажгла ими свечку. Боже ты мой, как они зафыркали, загораясь!

«Вот теперь все видят, что мы здесь первые персоны! — думали они. — Какой от нас блеск, сколько света!»

Тут они и сгорели.

— Чудесная сказка! — сказала королева. — Я точно сама посидела в кухне вместе со спичками! Да, ты достоин руки нашей дочери.

— Конечно! — сказал король. — Свадьба будет в понедельник!

Теперь они уже говорили ему «ты» — он ведь скоро должен был сделаться членом их семьи.

Итак, день свадьбы был объявлен, и вечером в городе устроили иллюминацию, а в народ бросали пышки и крендели. Уличные мальчишки поднимались на дыпочки, чтобы поймать их, кричали «ура» и свистели в пальцы; великолепие было несказанное.

«Надо же и мне устроить что-нибудь!» — подумал купеческий сын; он накупил ракет, хлопушек и прочего, положил все это в свой сундук и взвился в воздух.

Пиф, паф! Шш-пиш! Вот так трескотня пошла, вот так шипенье!

Турки подпрыгивали так, что туфли летели им через головы; никогда еще не видывали они такого фейерверка. Теперь-то все поняли, что на принцессе женится сам турецкий бог.

Вернувшись со своим сундуком в лес, купеческий сын подумал: «Надо пойти в город послушать, что там говорят обо мне!» И не мудрено, что ему захотелось узнать это.

Ну и рассказов же ходило по городу! К кому он ни обращался, всякий, оказывается, видел и рассказывал о виденном по-своему, но все в один голос говорили, что это было дивное зрелище.

Сундук-самолет

— Я видел самого турецкого бога! — говорил один. — Глаза у него, что твои звезды, а борода что пена морская!

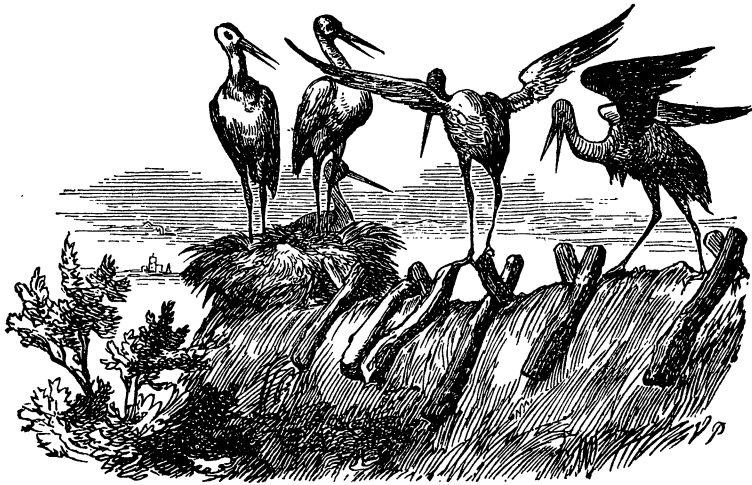
— Он летел в огненном плаще! — рассказывал другой. — А из складок выглядывали прелестнейшие ангельчики.

Да, много чудес рассказали ему, а на другой день должна была состояться и свадьба.

Пошел он назад в лес, чтобы опять сесть в свой сундук. Да куда ж он девался? Сгорел! Купеческий сын уронил в него искру от фейерверка, сундук тлел, тлел, да и вспыхнул; теперь от него оставалась одна зола. Так и не удалось купеческому сыну опять прилететь к своей невесте.

А она весь день стояла на крыше, дожидаясь его, да ждет и до сих пор! Он же ходит по белу свету и рассказывает сказки, только уж не такие веселые, как была его первая сказка о серных спичках!

АИСТЫ

На крыше самого крайнего домика в одном маленьком городке приютилось гнездо аиста. В нем сидела мамаша с четырьмя птенцами, которые высовывали из гнезда свои маленькие черные клювы,— они у них еще не успели покраснеть. Неподалеку от гнезда, на самом коньке крыши, стоял, вытянувшись в струнку и поджав под себя одну ногу, сам папаша; ногу он поджимал, чтобы не стоять на часах просто так. Можно было подумать, что он вырезан из дерева, до того он был неподвижен.

«Вот важно, так важно! — думал он. — У гнезда моей жены стоит часовой! Кто же знает, что я ее муж? Могут подумать, что я наряжен сюда в караул. То-то важно!» И он продолжал стоять на одной ноге.

На улице играла толпа ребятишек; увидав аиста, самый храбрый из мальчуганов затянул, как умел и помнил, старинную песенку об аистах; за ним подхватили все остальные.

Аист, аист белый,
Что стоишь день целый,
Словно часовой,
На ноге одной?
Или деток хочешь
Уберечь своих?
Попусту хлопчешь,—
Мы изловим их.
Одного повесим,
В пруд швырнем другого,
Третьего заколем,
Младшего ж живого
На костер мы бросим
И тебя не спросим.

— Послушай-ка, что поют мальчики! — сказали птенцы. — Они говорят, что нас повесят и утопят.

— Не нужно обращать на них внимания! — сказала им мать. — Только не слушайте, ничего и не будет!

Но мальчуганы не унимались, нели и дразнили аистов; только один из мальчиков, его звали Петер, не захотел пристать к товарищам, говоря, что грешно дразнить животных. А мать утешала птенцов.

— Не обращайтесь внимания! — говорила она. — Смотрите, как спокойно стоит ваш отец, и это на одной-то ноге!

— А нам страшно, — сказали птенцы и глубоко-глубоко запрятали головы в гнездо.

На другой день ребяташки опять высыпали на улицу, увидели аистов и опять запели:

Одного повесим,
В пруд швырнем другого...

— Так нас повесят и утопят? — опять спросили птенцы.

— Да нет же, нет! — отвечала мать. — А вот скоро мы начнем ученье! Вам нужно выучиться летать! Когда же выучитесь, мы отправимся с вами на луг в гости к лягушкам. Они будут приседать перед нами в воде и петь: «ква-ква-ква!» А мы съедим их — вот будет веселье!

— А потом? — спросили птенцы.

— Потом все мы, аисты, соберемся на осенние маневры. Вот уж тогда надо уметь летать как следует! Это очень важно! Того, кто будет летать плохо, генерал проколет своим острым клювом! Так вот, старайтесь изо всех сил, когда ученье начнется!

— Так нас все-таки убьют, как сказали мальчики! Слушай-ка они опять поют!

— Слушайте меня, а не их! — сказала мать. — После маневров мы улетим отсюда далеко-далеко, за высокие горы, за темные леса, в теплые края, в Египет! Там есть треугольные каменные дома; верхушки их упираются в самые облака, а зовут их пирамидами. Они построены давным-давно, так давно, что ни один аист и предтавить себе не может! Там есть тоже река, которая разливается, и тогда вся страна превращается в болото. Ходишь себе по болоту и кушаешь лягушек!

— О! — сказали птенцы.

— Да! Вот прелесть! Там день-деньской только и делаешь, что ешь. А вот в то время как нам там будет так хорошо, здесь на деревьях не останется ни единого листика, наступит такой холод, что облака застынут кусками и будут падать на землю белыми лоскутками!

Она хотела рассказать им про снег, да не умела объяснить хорошенько.

— А эти нехорошие мальчики тоже застынут кусками? — спросили птенцы.

— Нет, кусками они не застынут, но померзнуть им придется. Будут сидеть и скучать в темной комнате и носу не посмеют высунуть на улицу! А вы-то, будете летать в чужих краях, где цветут цветы и ярко светит теплое солнышко.

Прошло несколько времени, птенцы подросли, могли уже вставать в гнезде и озираться кругом. Папаша-аист каждый день приносил им вкусных лягушек, маленьких ужей и всякие другие лакомства, какие только мог достать. А как потешал он птенцов разными забавными штуками! Доставал голову свой хвост, щелкал клювом, точно у него в горле сидела трещотка, и рассказывал им разные болотные истории.

— Ну, пора теперь и за учебу приниматься! — сказала им в один прекрасный день мать, и всем четверым птенцам пришлось вылезть из гнезда на крышу. Батюшки мои, как они шатались, балансировали крыльями и все-таки чуть-чуть не свалились!

— Смотрите на меня! — сказала мать. — Голову вот так, ноги так! Раз-два! Раз-два! Вот что поможет вам пробить себе дорогу в жизни! — и она сделала несколько взмахов крыльями. Птенцы неуклюже подпрыгнули и — бац! — все так и растянулись. Они были еще тяжелы на подъем.

— Я не хочу учиться! — сказал один птенец и вскарабкался назад в гнездо. — Я вовсе не хочу лететь в теплые края!

— Так ты хочешь замерзнуть тут зимой? Хочешь, чтобы мальчишки пришли и повесили, утопили или сожгли тебя? Постой, я сейчас позову их!

— Ай, нет, нет! — сказал птенец и опять выпрыгнул на крышу.

На третий день они уже кое-как летали и вообразили, что могут также держаться в воздухе на распластанных крыльях. Но... сейчас же шлепнулись на крышу. Пришлось опять работать крыльями.

В это время на улице собрались мальчишки и запели:

Аист, аист белый,..

— А что, слетим да выключим им глаза? — спросили птенцы.

— Нет, не надо! — сказала мать. — Слушайте лучше меня, это куда важнее! Раз-два-три! Теперь полетим направо; раз-два-три! Теперь налево, кругом трубы! Отлично! Последний взмах крыльями удался так чудесно, что я позволяю вам завтра отправиться со мной на болото. Там соберется много других милых семейств с детьми, — вот и покажите себя! Я хочу, чтобы вы были самыми миленькими из всех. Держите головы повыше, так гораздо красивее и внушительнее!

— Но неужели мы так и не отомстим этим нехорошим мальчишкам? — спросили птенцы.

— Пусть они себе кричат что хотят! Вы-то полетите к облакам, увидите страну пирамид, а они будут мерзнуть здесь зимой, не увидят ни единого зеленого листика, ни сладкого яблочка!

— А мы все-таки отомстим! — шепнули птенцы друг другу и продолжили учебу.

Задорнее всех из ребятишек был самый маленький, тот, что первый затянул песенку об аистах. Ему было не больше шести лет, хотя птенцы-то и думали, что ему лет сто, — он был ведь куда больше их отца с матерью, а что же знали птенцы о годах детей и взрослых людей! И вот вся месть птенцов должна была обрушиться на этого мальчишка, который был зачинщиком и самым неугомонным из насмешников. Птенцы были на него ужасно сердиты и чем больше подрастали, тем меньше хотели сносить от него оби-

ды. В конце концов матери пришлось обещать им как-нибудь отомстить мальчугану, но не раньше, как перед самым отлетом их в теплые края.

— Посмотрим сначала, как вы будете вести себя па больших маневрах! Если дело пойдет плохо и генерал проколет вам грудь своим клювом, мальчики ведь будут правы. Вот увидим!

— Увидишь! — сказали птенцы и усердно принялись за упражнения. С каждым днем дело шло все лучше, и наконец они стали летать так легко и красиво, что просто любо!

Настала осень; аисты начали готовиться к отлету на зиму в теплые края. Вот так маневры пошли! Аисты летали взад и вперед над лесами и озерами: им надо было испытать себя — предстояло ведь огромное путешествие! Наши птенцы отличились и получили на испытании не кол с минусом, а пятерку с лягушкой и ужом! Лучше этого балла для них и быть не могло; лягушек и ужей можно ведь было съесть, что они и сделали.

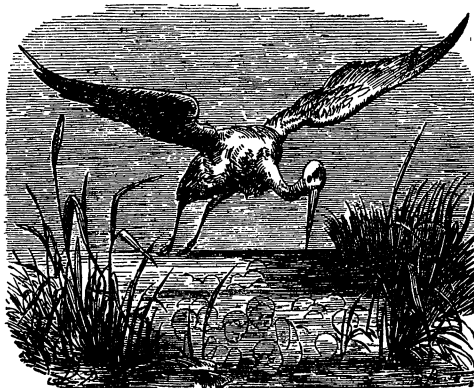
— Теперь будем мстить! — сказали они.

— Хорошо! — сказала мать. — Вот что я придумала — это будет лучше всего. Я знаю, где тот пруд, в котором сидят маленькие дети до тех пор, пока аист не возьмет их и не отнесет к папе с мамой. Прелестные крошечные детки спят и видят чудные сны, каких никогда уже не будут видеть после. Всем родителям очень хочется иметь такого малютку, а всем детям — крошечного братца или сестрицу. Полетим к пруду, возьмем оттуда малютку и отнесем к тем детям, которые не дразнили аистов; нехорошие же насмешники не получат ничего!

— А тому злому, который первый начал дразнить нас, ему что будет? — спросили молодые аисты.

— В пруду лежит один мертвый ребенок, он заспался до смерти; его-то мы и отнесем злому мальчику. Пусть поплачет, увидав, что мы принесли ему мертвого братца. А вот тому доброму мальчику, — надеюсь, вы не забыли его, — который сказал, что грешно дразнить животных, мы принесем зараз и братца и сестрицу. Его зовут Петер, будем же и мы в честь его звать Петерами! ¹

Как сказано, так и было сделано, и вот всех аистов зовут с тех пор Петерами.

ВТОРОЙ (НОВЫЙ) ТОМ

ТРЕТИЙ ВЫПУСК

1842

ОЛЕ-ЛУКОЙЕ

Никто не знает столько сказок, сколько знает их Оле-Лукойе. Вот мастер-то рассказывать!

Вечером, когда дети преспокойно сидят за столом или на своих скамеечках, является Оле-Лукойе. В одних чулках он тихо-тихо подымается по лестнице; потом осторожно приотворит дверь, неслышно шагнет в комнату и слегка прыснет детям в глаза сладким молоком. В руках у него маленькая спринцовка, и молоко брызжет из нее тоненькой-тоненькой струйкой. Тогда веки у детей начинают слипаться, и они уж не могут разглядеть Оле, а он подкрадывается к ним сзади и начинает легонько дуть им в затылки. Подует — и головки у них сейчас отяжелеют. Это совсем не больно, — у Оле-Лукойе нет ведь злого умысла; он хочет только, чтобы дети утомнились, а для этого их непременно надо уложить в постель! Ну вот он и уложит их, а потом уж начинает рассказывать сказки.

Когда дети заснут, Оле-Лукойе присаживается к ним на постель. Одет он чудесно: на нем шелковый кафтан, только нельзя сказать, какого цвета — он отликает то голубым, то зеленым, то красным, смотря по тому, в какую сторону повернется Оле. Под мышками у него по зонтику: один с картинками, который он раскрывает над хорошими детьми, и тогда им всю ночь снятся чудеснейшие сказки, а другой совсем простой, гладкий, который он развертывает над нехорошими детьми: эти спят всю ночь как чурбаны, и поутру оказывается, что они ровно ничего не видали во сне!

Послушаем же о том, как Оле-Лукойе навещал каждый вечер одного маленького мальчика, Яльмара¹, и рассказывал ему сказки! Это будет целых семь сказок, — в неделе ведь семь дней.

ПОНЕДЕЛЬНИК

— Ну вот,— сказал Оле-Лукойе, уложив Яльмара в постель.— Прежде всего я украшу комнату!

И в один миг все комнатные цветы выросли в большие деревья, которые протянули свои длинные ветви вдоль стен к самому потолку; вся комната превратилась в чудеснейшую беседку. Ветви деревьев были усеяны цветами; каждый цветок по красоте и запаху был лучше розы, а если бы вы захотели попробовать его, слаще варенья; плоды же блестели, как золотые. Еще на деревьях были пышки, которые чуть не лопались от изюмной начинки. Просто чудо что такое! Вдруг послышались ужасные стоны из ящика стола, где лежали учебные принадлежности Яльмара.

— Что там такое? — сказал Оле-Лукойе, пошел и выдвинул ящик.

Оказалось, что это трещала и скрипела аспидная доска: в решении написанной на ней задачи вкралась ошибка, и все вычисления готовы были распасться; грифель скакал и прыгал на своей веревочке, точно собачка; он очень желал помочь делу, да не мог. Громко стонала и тетрадь Яльмара; просто ужас брал, слушая ее! На каждой странице в начале каждой строки стояли чудесные большие и рядом с ними маленькие буквы,— это была пропись; возле же шли другие, воображавшие, что держатся так же твердо. Их писал сам Яльмар, и они, казалось, спотыкались об линейки, на которых должны были бы стоять.

— Вот как надо держаться! — говорила пропись.— Вот так, с легким наклоном вправо!

— Ах, мы бы и рады,— отвечали буквы Яльмара,— да не можем! Мы такие плохонькие!

— Так я угощу вас касторкой! — сказал Оле-Лукойе.

— Ай, нет, нет! — закричали они и выпрямились так, что любо было глядеть.

— Ну, теперь нам не до сказок! — сказал Оле-Лукойе.— Будем-ка упражняться! Раз-два! Раз-два!

И он довел буквы Яльмара до того, что они стояли ровно и бодро, как любая пропись. Но когда Оле-Лукойе ушел и Яльмар утром проснулся, они смотрели такими же жалкими, как прежде.

ВТОРНИК

Как только Яльмар улегся, Оле-Лукойе дотронулся своею волшебною спринцовкой до комнатной мебели, и все вещи сейчас же начали болтать между собою; все, кроме плевательницы; эта молчала и сердилась про себя на их суетность; говорят только о себе да о себе и даже не подумают о той, что так скромно стоит в углу и позволяет в себя плевать!

Над комодом висела большая картина в золоченой раме; на ней была изображена красивая местность; высокие старые деревья, трава, цветы и широкая река, убегавшая мимо чудных дворцов, за лес, в далекое море.

Оле-Лукойе дотронулся волшебною спринцовкой до картины, и нарисованные на ней птицы зашевелились, ветви деревьев зашевелились, а облака понеслись по небу; видно было даже, как скользила по картине их тень.

Затем Оле приподнял Яльмара к раме, и мальчик стал ногами прямо в высокую траву. Солнышко светило на него сквозь ветви деревьев, он побежал к воде и уселся в лодочку, которая колыхалась у берега. Лодочка была выкрашена красною и белую краской, наруса блестели, как серебряные, и шесть лебедей в золотых коронах с сияющими голубыми звездами на головах повлекли лодочку вдоль зеленых лесов, где деревья рассказывали о разбойниках и ведьмах, а цветы — о прелестных маленьких эльфах и о том, что рассказывали им бабочки.

Чудеснейшие рыбы с серебристою и золотистою чешуей плыли за лодкой, ныряли и плескали в воде хвостами; красные, голубые, большие и маленькие птицы летели за Яльмаром двумя длинными вереницами; комары танцевали, а майские жуки гудели; всем хотелось провожать Яльмара, и у каждого была для него наготове сказка.

Да, вот так было плаванье!

Леса то густели и темнели, то становились похожими на чудеснейшие сады, освещенные солнцем и усеянные цветами. По берегам реки возвышались большие хрустальные и мраморные дворцы; на балконах их стояли принцессы, и все это были знакомые Яльмару девочки, с которыми он часто играл.

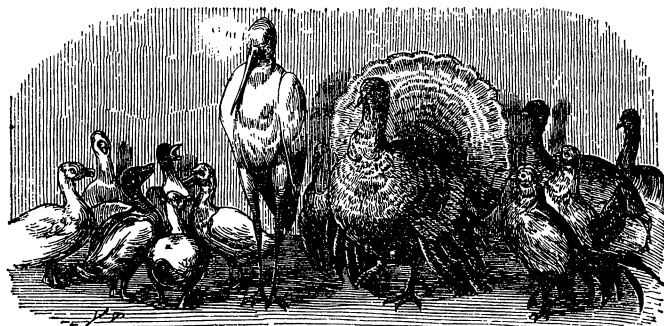
Они протягивали ему руки, и каждая держала в правой руке славного обсахаренного пряничного поросенка. Яльмар, проплывая мимо, схватывался

за один конец пряника, принцесса крепко держалась за другой, и пряник разламывался пополам; каждый получал свою долю: но Яльмар побольше, принцесса поменьше. У всех дворцов стояли на часах маленькие принцы; они отдавали Яльмару честь золотыми саблями и осыпали его дождем изюма и оловянных солдатиков, — вот что значит настоящие-то принцы!

Яльмар плыл через леса, через какие-то огромные залы и города... Проплыл он и через тот город, где жила его старая няня, которая нянчила его, когда он был еще малюткой, и очень любила его. И вот он увидел ее; она кланялась, посылала ему рукою воздушные поцелуи и пела хорошенькую песенку, которую сама сложила и прислала Яльмару:

Мой Яльмар, тебя вспоминаю
Почти каждый день, каждый час!
Сказать не могу, как желаю
Тебя увидеть вновь хоть раз!
Тебя ведь я в люльке качала,
Учила ходить, говорить,
И в щечки и в лоб целовала,
Так как мне тебя не любить?

И птички подпевали ей, цветы приплясывали, а старые ивы кивали головами, как будто Оле-Лукойе и им рассказывал сказку.

СРЕДА

Ну и дождь лил! Яльмар слышал этот страшный шум даже во сне; когда же Оле-Лукойе открыл окно, оказалось, что вода стояла вровень с окном. Целое озеро! Зато к самому дому причалил великоленнейший корабль.

— Хочешь прокатиться, Яльмар? — спросил Оле. — Побываешь ночью в чужих землях, а к утру — опять дома!

И вот Яльмар, разодетый по-праздничному, очутился на корабле. Погода сейчас же прояснилась, и они поплыли по улицам, мимо церкви, — кругом

было одно сплошное огромное озеро. Наконец они уплыли так далеко, что земля совсем скрылась у них из глаз. По поднебесью неслась стая аистов; они тоже собрались в чужие теплые края и летели длинною вереницей, один за другим. Они были в пути уже много-много дней, и один из них так устал, что крылья почти отказывались ему служить. Он летел позади всех, потом отстал и начал опускаться на своих распушенных крыльях все ниже и ниже, вот взмахнул ими еще раза два, но все напрасно! Скоро он задел за мачту корабля, скользнул по снастям и — бух! — упал прямо на палубу.

Юнга подхватил его и посадил в птичник к курам, уткам и индейкам². Бедняга аист стоял и уныло озирался кругом.

— Ишь какой! — сказали куры.

А индейский петух надулся, как только мог, и спросил у аиста, кто он таков; утки же пятились, подталкивая друг друга крыльями, и кричали.

И аист рассказал им о жаркой Африке, о пирамидах и о страусах, которые носятся по пустыне с быстротой диких лошадей, но утки ничего не поняли и опять стали подталкивать одна другую:

— Ну не глуп ли он?

— Конечно, дурак! — сказал индейский петух и сердито забормотал. Аист замолчал и стал думать о своей Африке.

— Какие у вас чудесные тонкие ноги! — сказал индейский петух. — Почему аршин?

— Кряк! Кряк! Кряк! — закричали смешливые утки, но аист как будто и не слышал.

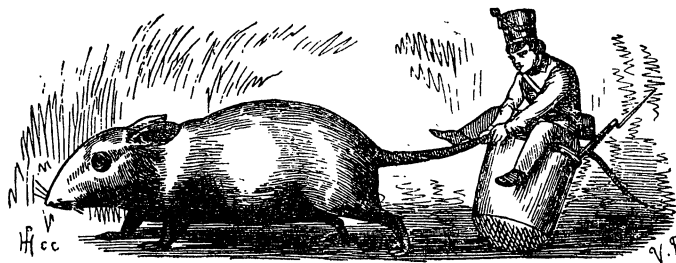
— Могли бы и вы посмеяться с нами! — сказал аисту индейский петух. — Очень забавно было сказано! Да куда, это, верно, слишком пизменно для него! Вообще нельзя сказать, чтобы он отличался понятливостью! Что ж, будем забавлять сами себя!

И куры кудахтали, утки кричали, и это их ужасно забавляло.

Но Яльмар подошел к птичнику, открыл дверцу, поманил аиста, и тот выпрыгнул к нему на палубу, — он уже успел отдохнуть. И вот аист как будто поклонился Яльмару в знак благодарности, взмахнул широкими крыльями и полетел в теплые края. А куры кудахтали, утки закричали, индейский же петух так надулся, что гребешок у него сделался пунцовым.

— Завтра из вас сварят суп! — сказал Яльмар и проснулся опять в своей маленькой кроватке.

Славное путешествие совершили они ночью с Оле-Лукойе!

ЧЕТВЕРГ

— Знаешь что? — сказал Оле-Лукойе. — Только не пугайся! Я сейчас покажу тебе мышку! — И правда, в руке у него была прехорошенькая мышка. — Она явилась пригласить тебя на свадьбу! Две мышки собираются сегодня ночью вступить в брак³. Живут они под полом в кладовой твоей матери. Чудесное помещение, говорят!

— А как же я пройду сквозь маленькую дырочку в полу? — спросил Яльмар.

— Уж ложись на меня! — сказал Оле-Лукойе. — Ты у меня сделаешься маленьким.

И он дотронулся до мальчика своею волшебною спринцовкой. Яльмар вдруг стал уменьшаться, уменьшаться и наконец сделался величиною с пальчик.

— Теперь можно будет одолжить мундир у оловянного солдатика. Я думаю, этот наряд будет вполне подходящим: мундир ведь так красит, ты же идешь в гости!

— Ну хорошо! — согласился Яльмар, и был наряжен чудеснейшим солдатиком.

— Не угодно ли вам сесть в наперсток вашей матушки? — сказала Яльмару мышка. — Я буду иметь честь отвезти вас.

— Ах, неужели вы сами будете беспокоиться, сударыня! — сказал Яльмар, и вот они поехали на мышиную свадьбу.

Проскользнув в дырочку, прогрызенную мышами в полу, они попали сначала в длинный узкий коридор, в котором как раз только и можно было проехать в наперстке. Коридор был празднично освещен гнилушками.

— Не правда ли, как хорошо здесь пахнет? — спросила мышка-возница. — Весь коридор смазан салом! Что может быть лучше?

Наконец добрались и до самой залы, где праздновалась свадьба. Направо, перешептываясь и пересмеиваясь между собой, стояли все мышки-дамы, а налево, покручивая лапками усы, — мышки-кавалеры, по самой же середине на выеденной корке сыра, возвышались сами жених с невестой и ужасно деловались на глазах у всех. Что ж, они были ведь обручены и готовились вступить в брак.

А гости все прибывали да прибывали; мыши чуть не давили друг друга насмерть, а счастливая парочка поместилась в самых дверях, так что никому больше нельзя было ни войти, ни выйти. Зала, как и коридор, вся была сма-

зана салом; другого угощения и не было; а на десерт гостей обносили горошиной, на которой одна родственница новобрачных выгрызла их имена, то есть, конечно, всего-навсего две первые буквы. Диво, да и только!

Все мыши объявили, что свадьба была великолепная и что время проведено очень приятно.

Яльмар поехал домой. Довелось ему побывать в знатной компании, хоть и пришлось порядком съезжиться и облечься в мундир оловянного солдата.

ПЯТНИЦА

— Просто не верится, сколько есть пожилых людей, которым страх как хочется заполучить меня к себе! — сказал Оле-Лукойе. — Особенно желают этого те, кто сделал что-нибудь дурное. «Добренький, миленький Оле, — говорят они мне, — мы просто не можем сомкнуть глаз, лежим без сна всю ночь напролет и видим вокруг себя все свои дурные дела. Они, точно гадкие маленькие тролли, сидят по краям постели и брызжут на нас кипятком. Хоть бы ты пришел и прогнал их. Мы бы с удовольствием заплатили тебе, Оле! — добавляют они с глубоким вздохом. — Спокойной же ночи, Оле! Деньги на окне!» Да что мне деньги! Я ни к кому не прихожу за деньги!

— Что будем делать сегодня ночью? — спросил Яльмар.

— Не хочешь ли опять побывать на свадьбе? Только не на такой, как вчера. Большая кукла твоей сестры, та что одета мальчиком и зовется Германом, хочет обвенчаться с куклой Бертой; кроме того, сегодня день рождения куклы, и потому готовится много подарков!

— Знаю, знаю! — сказал Яльмар. — Как только куклам понадобится новое платье, сестра сейчас же празднует их рождение или свадьбу. Это уж было сто раз!

— Да, а сегодня ночью будет сто первый и, значит, последний! Оттого и готовится нечто необыкновенное. Взгляни-ка!

Яльмар взглянул на стол. Там стоял домик из картона; окна были освещены, и все оловянные солдатики держали ружье на караул. Жених с невестой задумчиво сидели на полу, прислонившись к ножке стола; да, им было о чем задуматься! Оле-Лукойе, нарядившись в бабушкину черную юбку, обвенчал их, и вот вся комнатная мебель запела на мотив марша забавную песенку, которую написал карандаш:

Затянем песенку дружной,
Как ветер пусть несется!
Хотя чета наша, ей-ей,
Ничем не отзовется.
Из лайки оба и торчат
На палках без движенья,
Зато роскошен их наряд —
Ну просто загляденье!
Итак, прославим песней их:
Ура, невеста и жених!

Затем молодые получили подарки, но отказались от всего съедобного: они были сыты своей любовью.

— Что ж, поехать нам теперь на дачу или отправиться за границу? — спросил молодой.

На совет пригласили бывалую путешественницу ласточку и старую курицу, которая уже пять раз была наседкой. Ласточка рассказала о теплых краях, где зреют сочные, тяжелые кисти винограда, где воздух так мягок, а горы расцветены такими красками, о каких здесь не имеют и понятия.

— Зато там нет нашей зеленой капусты! — сказала курица. — Раз я со всеми своими цыплятами провела лето в деревне; там была целая куча песку, в котором мы могли рыться и копаться сколько угодно! Кроме того, нам был открыт вход в огород с капустой! Ах, какая она была зеленая! Не знаю, что может быть красивее!

— Да ведь один кочан похож на другой как две капли воды! — сказала ласточка. — К тому же здесь так часто бывает дурная погода.

— Ну, к этому можно привыкнуть! — сказала курица.

— А какой тут холод! Того и гляди замерзнешь! Ужасно холодно!

— То-то и хорошо для капусты! — сказала курица. — Да, наконец, и у нас бывает тепло! Ведь четыре года тому назад лето стояло у нас целых пять недель! Да какая жарыща-то была! Все задыхались! Кстати сказать, у нас нет тех ядовитых тварей, как у вас там! Нет и разбойников! Надо быть последней дрянью, чтобы не находить нашу страну самую лучшею в мире! Такая дрянь недостойна и жить в ней! — Тут курица заплакала. — Я ведь тоже путешествовала, как же! Целых двенадцать миль проехала з бочонке! И никакого удовольствия нет в путешествии!

— Да, курица — особа вполне достойная! — сказала кукла Берта. — Мне тоже вовсе не нравится ездить по горам — то вверх, то вниз! Нет, мы поедем на дачу в деревню, где есть песочная куча, и будем гулять в огороде с капустой.

На том и порешили,

СУББОТА

— А сегодня будешь рассказывать? — спросил Яльмар, как только Оле-Лукойе уложил его в постель.

— Сегодня некогда! — ответил Оле и раскрыл над мальчиком свой красивый зонтик. — Погляди-ка вот на этих китайцев!

Зонтик был похож на большую китайскую чашку, расписанную голубыми деревьями и узенькими мостиками, на которых кивая головамч стояли маленькие китайцы.

— Сегодня надо будет принарядить к завтрашнему дню весь мир! — продолжал Оле. — Завтра ведь святой день, воскресенье! Мне надо пойти на колокольню — посмотреть, вычистили ли церковные домовые все колокола, не то они плохо будут звонить завтра, потом надо в поле — посмотреть, смел ли ветер пыль с травы и листьев. Самая же трудная работа еще впереди: надо снять с неба и перечистить все звездочки. Я собираю их в свой передник, но приходится ведь нумеровать каждую звездочку и каждую дырочку, где она сидела, чтобы потом разместить их, все по местам, иначе они плохо будут держаться и посыпятся с неба одна за другой!

— Послушайте-ка вы, господин Оле-Лукойе! — сказал вдруг висевший на стене старый портрет. — Я прадедушка Яльмара и очень вам благодарен за то, что вы рассказываете мальчику сказки; но вы не должны извращать его понятий. Звезды нельзя снимать с неба и чистить. Звезды — такие же светила, как наша Земля, тем-то они и хороши!

— Спасибо тебе, прадедушка! — отвечал Оле-Лукойе. — Спасибо! Ты — всей семьи голова, но я все-таки постарше тебя! Я старый язычник; греки и римляне звали меня богом сновидений! Я имел и имею вход в знатнейшие дома и знаю, как обходиться и с большими и с малыми! Можешь теперь рассказывать сам!

И Оле-Лукойе ушел, взяв под мышку свой зонтик.

— Ну уж, нельзя и своего мнения высказать! — сказал старый портрет. Тут Яльмар проснулся.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

— Добрый вечер! — сказал Оле-Лукойе.

Яльмар кивнул ему головкой, вскочил и повернул прадедушкин портрет лицом к стене, чтобы он опять не вмешался в разговор.

— А теперь ты расскажи мне сказки про пять зеленых горошин, родившихся в одном стручке, про петушиную ногу, которая ухаживала за куриной ногой, и про штопальную иглу⁵, что воображала себя швейной иглой.

— Ну, хорошенького понемножку! — сказал Оле-Лукойе. — Я лучше покажу тебе кое-что. Я покажу тебе своего брата, его тоже зовут Оле-Лукойе, но он ни к кому не является больше одного раза в жизни. Когда же явится, берет человека, сажает к себе на коня и рассказывает сказки. Он знает только две: одна так бесподобно хороша, что никто и представить себе не может, а другая так ужасна, что... да нет, невозможно даже и сказать!

Тут Оле-Лукойе приподнял Яльмара, поднес его к окну и сказал:

— Сейчас увидишь моего брата, другого Оле-Лукойе. Люди зовут его также Смертью. Видишь, он вовсе не такой страшный, каким рисуют его на картинках! Кафтан на нем весь вышит серебром, что твой гусарский мундир; за плечами развеивается черный бархатный плащ! Гляди, как он скачет!

И Яльмар увидел, как мчался во весь опор другой Оле-Лукойе и сажал к себе на лошадь и старых и малых. Одних он сажал перед собою, других позади; но сначала всегда спрашивал:

— Какие у тебя отметки за поведение?

— Хорошие! — отвечали все.

— Покажи-ка! — говорил он.

Приходилось показывать; и во. тех, у кого были отличные или хорошие отметки, он сажал впереди себя и рассказывал им чудную сказку, а тех, у кого были посредственные или плохие, — позади себя, и эти должны были

слушать страшную сказку. Они тряслись от страха, плакали и хотели спрыгнуть с лошади, да не могли — они сразу крепко прирастали к седлу.

— Но ведь Смерть — чудеснейший Оле-Лукойе! — сказал Яльмар. — И я ничуть не боюсь его!

— Да и нечего бояться! — сказал Оле. — Смотри только, чтобы у тебя всегда была хорошая отметка за поведение!

— Да, вот это поучительно! — пробормотал прадедушкин портрет. — Все-таки, значит, не мешает иногда высказать свое мнение!

И он был очень доволен.

Вот тебе и вся история об Оле-Лукойе! А вечером пусть он сам расскажет тебе еще что-нибудь.

ЭЛЬФ РОЗОВОГО КУСТА

В саду красовался розовый куст, весь усыпанный чудными розами. В одной из них, самой прекрасной меж всеми, жил эльф, такой крошечный, что человеческим глазом его и не разглядеть было. За каждым лепестком розы у него было по спальне; сам он был удивительно нежен и мил, ну точь-в-точь хорошенький ребенок, только с большими крыльями за плечами. А какой аромат стоял в его комнатах, как красивы и прозрачны были их стены! То были ведь нежные лепестки розы.

Весь день эльф играл на солнышке, порхал с цветка на цветок, плясал на крыльях у резвых мотыльков и подсчитывал, сколько шагов пришлось бы ему сделать, чтобы обежать все дорожки и тропинки на одном липовом листе. За дорожки и тропинки он принимал жилки листа, да они и были для него бесконечными дорогами! Раз не успел он обойти и половины их, глядь — солнышко уж закатилось; он и начал-то, впрочем, не рано.

Стало холодно, пала роса, подул ветер, эльф рассудил, что пора домой и заторопился изо всех сил, но когда добрался до своей розы, оказалось, что она уже закрылась и ему нельзя было попасть в нее; успели закрыться и все остальные розы. Бедный крошка эльф перепугался: никогда еще не оставался он на ночь без приюта, всегда сладко спал между розовыми лепестками, а теперь!.. Ах, верно, не миновать ему смерти!

Вдруг он вспомнил, что на другом конце сада есть беседка, вся увитая чудеснейшими каприфолиями; в одном из этих больших пестрых цветков, похожих на рога, он и решил проспать до утра.

И вот он полетел туда. Тсс! Тут были люди: красивый молодой человек и премиленкая девушка. Они сидели рядышком и хотели бы век не расставаться — они так горячо любили друг друга, куда горячее, нежели самый добрый ребенок любит своих маму и папу.

— Увы! Мы должны расстаться! — сказал молодой человек. — Твой брат не хочет нашего счастья и потому отсылает меня с поручением далеко-далеко за море! Прощай же, дорогая моя невеста! Я все-таки имею право назвать тебя так!

И они поцеловались. Молодая девушка заплакала и дала ему на память о себе розу, но сначала запечатлела на ней такой крепкий и горячий поцелуй, что цветок раскрылся. Эльф сейчас же влетел в него и прислонился головкой к нежным, душистым стенкам.

Вот раздалось последнее «прощай», и эльф почувствовал, что роза заняла место на груди молодого человека. О, как билось его сердце! Крошка эльф просто не мог заснуть от этой стукотни.

Недолго, однако, пришлось розе покоиться на груди. Молодой человек вынул ее и, проходя по большой темной роще, целовал цветок так часто и так крепко, что крошка эльф чуть не задохся. Он ощущал сквозь лепестки цветка, как горели губы молодого человека, сама роза раскрылась, словно под лучами полуденного солнца.

Тут появился другой человек — мрачный и злой, это был брат красивой молодой девушки. Он вытащил большой острый нож и убил молодого человека, целовавшего цветок, затем отрезал ему голову и зарыл ее вместе с туловищем в рыхлую землю под липой.

«Теперь о нем не будет и помина! — подумал злой брат. — Небось не вернется больше. Ему предстоял далекий путь за море, а в таком пути нетрудно протеряться с жизнью; ну вот так оно и случилось! Вернуться он больше не вернется, и спрашивать о нем сестра меня не посмеет».

И он нашвырял ногами на то место, где схоронил убитого, сухих листьев и пошел домой. Но шел он во тьме ночной не один; с ним был крошка эльф. Эльф сидел в сухом, свернувшемся в трубочку, липовом листке, упавшем злодею на голову в то время, как тот зарывал яму. Окончив работу, убийца надел на голову шляпу; под ней было страшно темно, и крошка эльф весь дрожал от ужаса и от негодования на злодея.

На заре злой человек воротился домой, снял шляпу и прошел в спальню сестры. Молодая цветущая красавица спала и видела во сне того, кого она так любила и кто уехал теперь, как она думала, за море. Злой брат наклонился над ней и засмеялся злобным, дьявольским смехом; сухой листок выпал из его волос на одеяло сестры, но он не заметил этого, и ушел к себе соснуть до утра. Эльф выкарабкался из сухого листка, приблизился к самому уху молодой девушки и рассказал ей во сне об ужасном убийстве, описал место, где оно произошло, цветущую липу, под которой убийца зарыл тело, и наконец добавил: «А чтобы ты не приняла всего этого за простой сон, я оставлю на твоей постели сухой листок». И она нашла этот листок, когда проснулась.

О, как горько она плакала! Но никому не смела бедняжка доверить своего горя. Окно стояло отворенным целый день, крошка эльф легко мог выпорхнуть в сад и лететь к розам и другим цветам, но ему не хотелось оставлять бедняжку одну. На окне в цветочном горшке росла роза; он уселся в один из ее цветков и глаз не сводил с убитой горем девушки. Брат ее несколько раз входил в комнату и был злобно-весел; она же не смела и заикнуться ему о своем сердечном горе.

Как только настала ночь, девушка потихоньку вышла из дома, отправилась в рошу прямо к липе, разбросала сухие листья, разрыла землю и нашла убитого. Ах, как она плакала и молила бога, чтобы он послал смерть и ей.

Она бы охотно унесла с собой дорогое тело, да нельзя было, и вот она взяла бледную голову с закрытыми глазами, поцеловала холодные губы и отряхнула землю с прекрасных волос.

— Оставляю же себе хоть это! — сказала она, зарыла тело и опять набросала на то место сухих листьев, а голову унесла с собой, вместе с небольшою веточкой жасмина, который цвел в роше.

Придя домой, она отыскала самый большой цветочный горшок, положила туда голову убитого, засыпала ее землей и посадила жасминовую веточку.

— Прощай! Прощай! — прошептал крошка эльф; он не мог вынести такого печального зрелища и улетел в сад к своей розе, но она уже отцвела, и вокруг зеленого плода держалось всего два-три поблекших лепестка.

— Ах, как скоро приходит конец всему хорошему и прекрасному! — вздохнул эльф.

В конце концов он отыскал себе другую розу и уютно зажил между ее благоухающими лепестками. Но каждое утро летал он к окну несчастной девушки и всегда находил ее всю в слезах подле цветочного горшка. Горькие слезы ручьями лились на жасминовую веточку, и по мере того как сама девушка день ото дня бледнела и худела, веточка все росла да зеленела, пуская один отросток за другим. Скоро появились и маленькие бутончики; девушка целовала их, а злой брат сердился и спрашивал, не сошла ли она с ума; иначе он ничем не мог объяснить себе эти вечные слезы, которые она проливала над цветком. Он ведь не знал, чьи закрытые глаза, чьи розовые губы превратились в землю в этом горшке. А бедная сестра его склонила раз головку к цветку, да так и задремала; как раз в это время прилетел крошка эльф, прильнул к ее уху и стал рассказывать ей о последнем ее свидании с милым в беседке, о благоухании роз, о любви эльфов... Девушка спала так сладко, и среди этих чудных грез незаметно отлетела от нее жизнь. Она умерла и соединилась на небе с тем, кого так любила.

На жасмине раскрылись белые цветы, похожие на колокольчики, и по всей комнате разлился чудный, нежный аромат — только так могли цветы оплакать усопшую.

Злой брат посмотрел на красивый цветущий куст, взял его себе в наследство после умершей сестры и поставил у себя в спальне возле самой кровати. Крошка эльф последовал за ним и стал летать от одного колокольчика к другому; в каждом жил маленький дух, и эльф рассказал им всем об убитом молодом человеке, о злом брате и о бедной сестре.

— Знаем! Знаем! Ведь мы выросли из глаз и из губ убитого! — ответили духи цветов и при этом как-то странно покачали головками.

Эльф не мог понять, как могут они оставаться такими равнодушными, полетел к пчелам, которые собирали мед, и тоже рассказал им о злом брате. Пчелы пересказали это своей царице, и та решила, что все они на следующее же утро накажут убийцу.

А ночью — это была первая ночь после смерти сестры, — когда брат спал близ благоухающего жасминового куста, каждый колокольчик раскрылся,

и оттуда вылетел невидимый, но вооруженный ядовитым копьем дух цветка. Все они подлетели к уху спящего и стали нашептывать ему страшные сны, потом сели на его губы и вонзили ему в язык свои ядовитые копья.

— Теперь мы отомстили за убитого! — сказали они и опять спрятались в белые колокольчики жасмина.

Утром окно в спальне вдруг распахнулось, и влетели эльф и царица пчел с своим роем; они явились убить злого брата.

Но он уже умер. Вокруг постели толпились люди и говорили:

— Его убил сильный запах цветов.

Тогда эльф понял, что то была месть цветов, и рассказал об этом царице пчел, а она со всем своим роем принялась летать и жужжать вокруг благоухающего куста. Нельзя было отогнать пчел, и кто-то из присутствовавших хотел унести куст в другую комнату, но одна пчела ужалила его в руку, он уронил цветочный горшок, и тот разбился вдребезги.

Тут все увидели череп убитого и поняли, кто был убийца.

А царица пчел с шумом полетела по воздуху и жужжала о мести цветов, об эльфе и о том, что даже за самым крошечным лепестком скрывается кто-то, кто может рассказать о преступлении и наказать преступника.

СВИНОПАС

Жил-был бедный принц. Королевство у него было маленькое-премаленькое, но жениться все-таки было можно, а жениться-то принцу хотелось.

Разумеется, с его стороны было несколько смело заявить дочери императора: «Хочешь за меня замуж?» Впрочем, он носил славное имя и знал, что сотни принцесс с благодарностью ответили бы на его предложение согласиём. Да вот, ждите-ка этого от императорской дочки!

Послушаем же, как было дело.

На могиле покойного отца принца вырос розовый куст несказанной красоты; цвел он только раз в пять лет, и распускалась на нем всего одна-единственная роза. Зато она разливала такой сладкий аромат, что, впивая его, можно было забыть все свои горести и заботы. Еще был у принца соловей, который пел так дивно, словно у него в горлышке были собраны все чудеснейшие мелодии, какие только есть на свете. И роза и соловей предназначены были в дар принцессе; их положили в большие серебряные ларцы и отослали к ней.

Император велел принести ларцы прямо в большую залу, где принцесса играла со своими фрейлинами в гости; других занятий у них не было. Увидав большие ларцы с подарками, принцесса захлопала от радости в ладоши.

— Ах, если бы тут была маленькая киска! — сказала она.

Но появилась прелестная роза.

— Ах, как это мило сделано! — сказали все фрейлины.

— Больше чем мило! — сказал император. — Это прямо недурно!

Но принцесса потрогала розу и чуть не заплакала.

— Фи, папа! — сказала она. — Она не искусственная, а настоящая!

— Фи! — повторили все придворные. — Настоящая!

— Погодим сердиться! Посмотрим сначала, что в другом ларце! — возразил император.

И вот из ларца появился соловей и запел так чудесно, что нельзя было сейчас же найти какого-нибудь недостатка.

— Superbe! Charmant! * — сказали фрейлины; все они болтали по-французски, одна хуже другой.

— Как эта птичка напоминает мне органчик покойной императрицы! — сказал один старый придворный. — Да, тот же тон, та же манера давать звук!

— Да! — сказал император и заплакал, как ребенок.

— Надеюсь, что птица не настоящая? — спросила принцесса.

— Настоящая! — ответили ей доставившие подарки послы.

— Так пусть себе летит! — сказала принцесса и так и не позволила принцу явиться к ней самому.

Но принц не унывал, вымазал себе все лицо черной и бурой краской, нахлобучил шапку и постучался.

— Здравствуйте, император! — сказал он. — Не найдется ли у вас для меня во дворце какого-нибудь местечка?

— Много вас тут ходит да ищет! — ответил император. — Впрочем, покой, мне нужен свинопас! У нас пропасть свиней!

И вот принца утвердили придворным свинопасом и отвели ему жалкую, крошечную каморку рядом со свинными закутками. Весь день просидел он за работой и к вечеру смастерил чудесный горшочек. Горшочек был весь увешан бубенчиками, и когда в нем что-нибудь варили, бубенчики названивали старую песенку:

Ach, mein lieber Augustin,
Alles ist hin, hin, hin!**

Занимательнее же всего было то, что, держа над подымавшимся из горшочка паром руку, можно было узнать, какое у кого в городе готовилось кушанье. Да уж, горшочек не чета был какой-нибудь розе!

Вот принцесса отправилась со своими фрейлинами на прогулку и вдруг услышала мелодичный звон бубенчиков. Она сразу же остановилась и вся просияла: она тоже умела наигрывать на фортепиано «Ах, мой милый Августин». Только одну эту мелодию она и наигрывала, зато одним пальцем.

— Ах, ведь и я это играю! — сказала она. — Так свинопас-то у нас образованный! Слушайте, пусть кто-нибудь из вас пойдет и спросит у него, что стоит этот инструмент.

Одной из фрейлин пришлось надеть деревянные башмаки и пойти на задний двор.

— Что возьмешь за горшочек? — спросила она.

— Десять принцессиних поцелуев! — отвечал свинопас.

— Божи избави! — сказала фрейлина.

— А дешевле нельзя! — отвечал свинопас.

* Бесподобно! Прелестно! (франц.).

** Ах, мой милый Августин,
Все прошло, прошло, прошло!

-- Вот невежа! — сказала принцесса и пошла было, но... бубенчики зазвенели так мило:

Ach, mein lieber Augustin,
Alles ist hin, hin, hin!

— Послушай! — сказала принцесса фрейлине. — Пойди спроси, не возьмет ли он десять поцелуев моих фрейлин?

— Нет, спасибо! — ответил свинопас. — Десять поцелуев принцессы или горшочек останется у меня.

— Как это скучно! — сказала принцесса. — Ну, придется вам стать вокруг меня, чтобы никто нас не увидал!

Фрейлины обступили ее и растопырили свои юбки; свинопас получил десять принцессиных поцелуев, а принцесса — горшочек.

Вот была радость! Целый вечер и весь следующий день горшочек не сходил с очага, и в городе не осталось ни одной кухни, от камергерской до кухни простого сапожника, о которой бы они ни знали, что в ней стряпалось. Фрейлины прыгали и хлопали в ладоши.

— Мы знаем, у кого сегодня сладкий суп и блинчики! Мы знаем, у кого каша и свиные котлеты! Как интересно!

— Еще бы! — подтвердила обер гофмейстера.

— Да, но держите язык за зубами, я ведь императорская дочка!

— Помилуйте! — сказали все.

А свинопас (то есть принц, но для них-то он был ведь свинопасом) даром времени не терял и смастерил трещотку; когда ею начинали вертеть по воздуху, раздавались звуки всех вальсов и полек, какие только есть на белом свете.

— Но это superbe! — сказала принцесса, проходя мимо. — Вот так попури! Лучше этого я ничего не слыхала! Послушайте, спросите, что он хочет за этот инструмент. Но целоваться я больше не стану!

— Он требует сто принцессиных поцелуев! — доложила фрейлина, побывав у свинопаса.

— Да что он, в уме? — сказала принцесса и пошла своей дорогой, но сделала два шага и остановилась.

— Надо поощрять искусство! — сказала она. — Я ведь императорская дочь! Скажите ему, что я дам ему по-вчерашнему десять поцелуев, а остальные пусть дополучит с моих фрейлин!

— Ну, нам это вовсе не по вкусу! — сказали фрейлины.

— Пустяки! — сказала принцесса. — Уж если я могу целовать его, то вы и подавно! Не забывайте, что я кормлю вас и плачу вам жалованье!

И фрейлине пришлось еще раз отправиться к свинопасу.

— Сто принцессиных поцелуев! — повторил он. — А нет — каждый останется при своем.

— Становитесь вокруг! — скомандовала принцесса, и фрейлины обступили ее, а свинопас стал ее целовать.

— Что это за сборище у свинных закуток? — спросил, выйдя на балкон, император, протер глаза и надел очки. — Э, да это фрейлины опять что-то затеяли! Надо пойти посмотреть.

И он расправил задки своих туфель. Туфлями служили ему старые стоптанные башмаки. Эх ты, ну, как он зашлепал в них!

Придя на задний двор, он потихоньку подкрался к фрейлинам, а те все были ужасно заняты счетом поцелуев, — надо же было следить за тем, чтобы расплата была честной и свинопас не получил ни больше, ни меньше, чем ему следовало. Никто поэтому не заметил императора, а он привстал на цыпочки.

— Это еще что за штуки! — сказал он, увидав целующихся, и швырнул в них туфель как раз в ту минуту, когда свинопас получал от принцессы восемьдесят шестой поцелуй. — Вон! — закричал рассерженный император и прогнал из своего государства и принцессу и свинопаса.

Принцесса стояла и плакала, свинопас бранился, а дождик так и поливал на них.

— Ах, я несчастная! — плакала принцесса. — Что бы мне выйти за прекрасного принца! Ах, какая я несчастная!

А свинопас зашел за дерево, стер с лица черную и бурюю краску, сбросил грязную одежду и явился перед ней во всем своем королевском величии и красе, так что принцесса невольно преклонилась перед ним.

— Теперь я только презираю тебя! — сказал он. — Ты не захотела выйти за честного принца! Ты не поняла толку в соловье и розе, а свинопаса целовала за игрушки! Поделом же тебе!

И он ушел к себе в королевство, крепко захлопнув за собой дверь. А ей оставалось стоять да петь:

Ach, mein lieber Augustin,
Alles ist hin, hin, hin!

ГРЕЧИХА

Часто, после грозы видишь, что гречиха в поле опалена дочерна, будто по ней пробежал огонь; крестьяне в таких случаях говорят: «Это ее опалило молнией!» Но почему?

А вот что я слышал от воробья, которому рассказывала об этом старая ива, растущая возле гречишного ися, — дерево такое большое, почтенное и старое-престарое, все корявое, с трещиной посредине. Из трещины растет трава и ежевика; ветви дерева, словно длинные зеленые кудри, свешиваются до самой земли.

Другие поля вокруг ивы были засеяны рожью, ячменем и овсом — чудесным овсом, похожим, когда созреет, на веточки, усеянные маленькими желтенькими канарейками. Хлеба стояли прекрасные, и чем полнее были колосья, тем ниже склоняли они в благочестивом смирении свои головы к земле.

Тут же, возле самой ивы, было поле с гречихой; гречиха не склоняла головы, как другие хлеба, а держалась гордо и прямо.

— Я не беднее хлебных колосьев! — говорила она. — Да к тому же еще красивее. Мои цветы не уступят цветам яблони. Любо-дорого посмотреть! Знаешь ты, старая ива, кого-нибудь красивее меня?

Но ива только качала головой, как бы желая сказать: «Конечно, знаю!» А гречиха надменно говорила:

— Глубое дерево, у него от старости в животе трава растет!

Вдруг поднялась страшная непогода; все полевые цветы свернули лепесточки и склонили свои головки; одна гречиха красовалась по-прежнему.

— Склони голову! — говорили ей цветы.

— Незачем! — отвечала гречиха.

— Склони голову, как мы! — закричали ей колосья. — Сейчас промчится под облаками ангел бури! Крылья его доходят до самой земли! Он снесет тебе голову, прежде чем ты успеешь взмолиться о пощаде!

— Ну, а я все-таки не склоню головы! — сказала гречиха.

— Сверни лепестки и склони голову! — сказала ей и старая ива.— Не гляди на молнию, когда разверзаются облака! Сам человек не дерзает этого; в это время можно заглянуть в самое небо господне, но за такой грех господь карает человека слепотой. Что же ожидает тогда нас? Мы, бедные полевые злаки, ведь куда ниже, ничтожнее человека!

— Ниже? — сказала гречиха.— Так вот же я загляну в небо господне!

И она в самом деле решилась на это в своем горделивом упорстве. Все кругом запылало от молний, когда же снова прояснилось, цветы и хлеба, освеженные и омытые дождем, радостно вдыхали в себя мягкий, чистый воздух. А гречиха была вся опалена молнией, она погибла и никуда больше не годилась.

Старая ива тихо шевелила ветвями на ветру; с зеленых листьев падали крупные дождевые капли; дерево будто плакало, и воробьи спросили его:

— О чем ты? Посмотри, как славно кругом, как светит солнышко, как бегут облака! А что за аромат несется от цветов и кустов! О чем же ты плачешь, старая ива?

Тогда ива рассказала им о высокомерной гордости и казни гречихи; гордость всегда ведь бывает наказана. От воробьев же услышал эту историю и я; они прошебетали мне ее как-то раз вечером, когда я просил их рассказать мне сказку.

НОВЫЕ СКАЗКИ

ПЕРВЫЙ ТОМ

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК

1844

*Поэту Карлу Баггеру¹
приношу я в дар эти страницы,
как скромный знак благодарности
за те свежие мысли и теплые чувства,
коими одарили меня
его богатейшие поэтические сочинения*

АНГЕЛ

Каждый раз, как умирает доброе, хорошее дитя, с неба спускается божий ангел, берет дитя на руки и облетает с ним на своих больших крыльях все его любимые места. По пути ангел с ребенком набирают целый букет разных цветов и берут их с собою на небо, где они расцветают еще пышнее, чем на земле. Бог прижимает все цветы к своему сердцу, а один цветок, который покажется ему милее всех, целует; цветок получает тогда голос и может присоединиться к хору блаженных духов.

Все это рассказывал божий ангел умершему ребенку, неся его в своих объятиях на небо; дитя слушало ангела, как сквозь сон. Они пролетали над теми местами, где так часто играло дитя при жизни, пролетали над зелеными садами, где росло множество чудесных цветов.

— Какие же взять нам с собою на небо? — спросил ангел.

В саду стоял прекрасный, стройный розовый куст, но чья-то злая рука надломил его, так что ветви, усыпанные большими полураспустившимися бутонами, почти совсем завяли и печально повисли.

— Бедный куст! — сказала дитя. — Возьмем его, чтобы он опять расцвел там, у боженки.

Ангел взял куст и так крепко поцеловал дитя, что оно слегка приоткрыло глазки. Потом они нарвали еще много пышных цветов, но, кроме них, взяли и скромный златоцвет и протенькие анютины глазки.

— Ну вот, теперь и довольно! — сказал ребенок, но ангел покачал головой и они полетели дальше.

Ночь была тихая, светлая; весь город спал; они пролетали над одной из самых узких улиц. На мостовой валялась солома, зола и всякий хлам; черепки, обломки алебаstra, тряпки, старые доньшки от шляп, словом, все, что уже отслужило свой век или потеряло всякий вид; накануне как раз был день переезда¹.

И ангел указал на валявшийся среди этого хлама разбитый цветочный горшок, из которого вывалился ком земли, весь оплетенный корнями большого полевого цветка; цветок завял и никуда больше не годился, его и выбросили.

— Возьмем его с собою! — сказал ангел. — Я расскажу тебе про этот цветок, пока мы летим!

И ангел стал рассказывать.

— В этой узкой улице, в низком подвале, жил бедный больной мальчик. С самых ранних лет он вечно лежал в постели; когда же чувствовал себя особенно хорошо, то проходил на костылях по своей каморке раза два взад и вперед, вот и все. Иногда летом солнышко заглядывало на полчаса и в подвал; тогда мальчик садился на солнышке и, держа руки против света, любовался, как просвечивает в его тонких пальцах алая кровь; такое сидение на солнышке заменяло ему прогулку. О богатом весеннем уборе лесов он знал только потому, что сын соседа приносил ему весной первую распустившуюся буквою веточку; бедняжка держал ее над головой и переносил мыслью под зеленые буки, где сияло солнышко и распевали птички. Раз сын соседа принес мальчику и полевых цветов, между ними был один с корнем; мальчик посадил его в цветочный горшок и поставил на окно близ своей кровати. Видно, легкая рука посадила цветок: он прижился, стал расти, пускать новые отростки, каждый год цвел и был для мальчика целым садом, его маленьким земным сокровищем. Мальчик поливал его, ухаживал за ним и заботился о том, чтобы его не миновал ни один луч, который только пробирался в каморку. Ребенок жил и дышал своим любимцем, ведь тот цвел, благоухал и хорошел для него одного. К цветку повернулся мальчик даже в ту последнюю минуту, когда его отзывал к себе господь бог... Вот уже целый год, как мальчик у бога; целый год стоял цветок, всеми забытый, на окне, завял, засох и был выброшен на улицу вместе с прочим хламом. Этот-то бедный, увядший цветочек мы и взяли с собой: он доставил куда больше радости, чем самый пышный цветок в саду королевсы.

— Откуда ты знаешь все это? — спросило дитя.

— Знаю! — отвечал ангел. — Ведь я сам был тем бедным калекою мальчиком, что ходил на костылях! Я узнал свой цветок!

И дитя широко-широко открыло глазки, вглядываясь в прелестное, радостное лицо ангела. В ту же самую минуту они очутились на небе у бога, где царят вечные радость и блаженство. Бог прижал к своему сердцу умершее дитя — и у него выросли крылья, как у других ангелов, и он полетел рука об руку с ними. Бог прижал к сердцу и все цветы, поцеловал же только бедный, увядший полевой цветок, и тот присоединил свой голос к хору ангелов, которые окружали бога; одни летали возле него, другие подалше, третьи еще дальше, и так до бесконечности, но все были равно блаженны. Все они пели — и малые, и большие, и доброе, только что умершее дитя, и бедный полевой цветочек, выброшенный на мостовую вместе с сором и хламом.

СОЛОВЕЙ

В Китае, как ты знаешь, и сам император и все окружающие его — китайцы. Дело было давно, но потому-то и стоит о нем послушать, пока оно не забудется совсем! В целом мире не нашлось бы дворца лучше императорского; он весь был из драгоценнейшего фарфора, зато такой хрупкий, что страшно было до него и дотронуться. В саду росли чудеснейшие цветы; к самым лучшим из них были привязаны серебряные колокольчики; звон их должен был обращать на цветы внимание каждого прохожего. Вот как тонко было придумано! Сад тянулся далеко-далеко, так далеко, что и сам садовник не знал, где он кончается. Из сада можно было попасть прямо в густой лес; в чаще его таились глубокие озера, и доходил он до самого синего моря. Корабли проплывали под нависшими над водой вершинами деревьев, а в ветвях их жил соловей, который пел так чудесно, что его заслушивался, забывая о своем неводе, даже бедный, удрученный заботами рыбак. «Господи, как хорошо!» — вырывалось наконец у рыбака, но потом бедняк опять принимался за свое дело и забывал соловья, на следующую же ночь снова заслушивался его и снова повторял то же самое: «Господи, как хорошо!»

Со всех концов света стекались в столицу императора путешественники; все они дивились на великолепный дворец и на сад, но, услышав соловья, говорили: «Вот это лучше всего!»

Возвращаясь домой, путешественники рассказывали обо всем виденном; ученые описывали столицу, дворец и сад императора, но не забывали упомянуть и о соловье и даже ставили его выше всего; поэты слагали в честь крылатого певца, жившего в лесу, на берегу синего моря, чудеснейшие стихи.

Книги расходились по всему свету, и вот некоторые из них дошли и до самого императора. Он восседал в своем золотом кресле, читал-читал и по-минутно кивал головой — ему очень приятно было читать похвалы своей столице, двору и саду. «Но соловей лучше всего!» — стояло в книге.

— Что такое? — удивился император. — Соловей? А я ведь и не знаю его! Как? В моем государстве и даже в моем собственном саду живет такая удивительная птица, а я ни разу и не слышал о ней! Пришлось вычитать о ней из книг!

И он позвал к себе первого из своих приближенных; а тот напускал на себя такую важность, что, если кто-нибудь из людей попроще осмеливался заговорить с ним или спросить его о чем-нибудь, отвечал только: «Пф!» — а это ведь ровно ничего не означает.

— Оказывается, у нас здесь есть замечательная птица, по имени соловей. Ее считают первую достопримечательностью моего великого государства! — сказал император. — Почему же мне ни разу не доложили о ней?

— Я даже и не слышал о ней! — отвечал первый приближенный. — Она никогда не была представлена ко двору!

— Я желаю, чтобы она была здесь и пела предо мною сегодня же вечером! — сказал император. — Весь свет знает, что у меня есть, а сам я не знаю!

— И не слыхивал о такой птице! — повторил первый приближенный. — Но я разыщу ее!

Легко сказать! А где ее разыщешь?

Первый приближенный императора бегал вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, но никто из встречных, к кому он ни обращался с расспросами, и не слыхивал о соловье. Первый приближенный вернулся к императору и доложил, что соловья-де, верно, выдумали книжные сочинители.

— Ваше величество не должны верить всему, что пишут в книгах: все это одни выдумки, так сказать черная магия!..

— Но ведь эта книга прислана мне самим могущественнейшим повелителем Японии, и в ней не может быть неправды! Я хочу слышать соловья! Он должен быть здесь сегодня же вечером! Я объявляю ему мое высочайшее благоволение! Если же его не будет здесь в назначенное время, я прикажу после ужина надовать всем придворным палочных ударов по животу!

— Тзинг-пе! — сказал первый приближенный и опять забегал вверх и вниз по лестницам, по коридорам и залам; с ним бегала и добрая половина придворных, — никому не хотелось отведать палок. У всех на языке был один вопрос: что это за соловей, которого знал весь свет, но ни одна душа при дворе.

Наконец на кухне нашли одну беденькую девочку, которая сказала:

— Господи! Как не знать соловья! Вот уж поет-то! Мне позволено отпосить по вечерам моей бедной больной матушке остатки от обеда. Живет матушка у самого моря, и вот, когда я иду назад и сяду отдохнуть в лесу, я каждый раз слышу пение соловья! Слезы так и потекут у меня из глаз, а на душе станет так радостно, словно матушка целует меня!..

— Кухарочка! — сказал первый приближенный императора. — Я определю тебя на штатную должность при кухне и выхлопочу тебе позволение по-

смотреть, как кушает император, если ты сведешь нас к соловью! Он приглашен сегодня вечером ко двору!

И вот все отправились в лес, где обыкновенно распевал соловей; отправилась туда чуть не половина всех придворных. Шли, шли, вдруг замычала корова.

— О! — сказали молодые придворные. — Вот он! Какая, однако, сила! И это у такого маленького созданища! Но мы положительно слышали его раньше!

— Это мычит корова! — сказала девочка. — Нам еще далеко до места. В пруду заквакали лягушки.

— Чудесно! — сказал придворный бонза. — Теперь я слышу! Точь-в-точь наши колокольчики в молельне!

— Нет, это лягушки! — сказала опять девочка. — Но теперь, я думаю, скоро услышим и его!

И вот запел соловей.

— Вот это соловей! — сказала девочка. — Слушайте, слушайте! А вот и он сам! — И она указала пальцем на маленькую серенькую птичку, сидевшую в ветвях.

— Неужели! — сказал первый приближенный императора. — Никак не вообразил себе его таким! Самая простая наружность! Верно, он потерял все свои краски при виде стольких знатных особ!

— Соловушка! — громко закричала девочка. — Наш милостивый император желает послушать тебя!

— Очень рад! — ответил соловей и запел так, что просто чудо.

— Словно стеклянные колокольчики звенят! — сказал первый приближенный. — Смотрите, как работает это маленькое горлышко! Удивительно, что мы ни разу не слышали его раньше! Он будет иметь огромный успех при дворе!

— Спеть ли мне императору еще? — спросил соловей. Он думал, что тут был и сам император.

— Несравненный соловушка! — сказал первый приближенный императора. — На меня возложено приятное поручение пригласить вас на имеющий быть сегодня вечером придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете его величество своим дивным пением!

— Пение мое гораздо лучше слушать в зеленом лесу! — сказал соловей. — Но я охотно отправлюсь с вами, если это угодно императору.

При дворе шла суетня и приготовления к празднику. В фарфоровых стенах и в полу сияли отражения стен тысяч золотых фонариков; в коридорах рядами были расставлены чудеснейшие цветы с колокольчиками, которые от всей этой беготни, стукотни и сквозняка звенели так, что не слышно было человеческого голоса.

Посреди огромной залы, где сидел император, возвышался золотой шест для соловья. Все придворные были в полном сборе; позволили стоять в дверях и кухарочке, — теперь ведь она получила звание лейб-поварихи. Все были разодеты в пух и прах и глаз не сводили с маленькой серенькой птички, которой император милостиво кивнул головой.

И соловей запел так дивно, что у императора выступили на глазах слезы и покатились по щекам. Тогда соловей залился еще громче, еще слаще; пение его так и хватало за сердце. Император был очень доволен и сказал, что жалует соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей поблагодарил и отказался, говоря, что довольно награжден и без того.

— Я видел на глазах императора слезы — какой еще награды желать мне! В слезах императора дивная сила! Бог видит — я награжден с избытком!

И опять зазвучал его чудный, сладкий голос.

— Вот самое очаровательное кокетство! — сказали придворные дамы и стали набирать в рот воды, чтобы она булькала у них в горле, когда они будут с кем-нибудь разговаривать. Этим они думали походить на соловья. Даже лакеи и горничные объявили, что очень довольны, а это ведь много значит: известно, что труднее всего угодить этим особам. Да, соловей имел положительный успех.

Его оставили при дворе, отвели ему особую комнатку, разрешили гулять на свободе два раза в день и раз ночью и приставили к нему двенадцать слуг; каждый держал его за привязанную к его ножке шелковую ленточку. Большое удовольствие было от такой прогулки!

Весь город заговорил об удивительной птице, и если встречались на улице двое знакомых, один сейчас же говорил: «соло», а другой подхватывал: «вей», после чего оба вздыхали, сразу поняв друг друга.

Одиннадцать сыновей мелочных лавочников получили имена в честь соловья, но ни у одного из них не было и признака голоса.

Раз императору доставили большой пакет с надписью: «Соловей».

— Ну, вот еще новая книга о нашей знаменитой птице! — сказал император.

Но то была не книга, а затейливая штучка: в ящичке лежал искусственный соловей, похожий на настоящего, но весь осыпанный бриллиантами, рубинами и сапфирами. Стоило завести птицу — и она начинала петь одну из мелодий настоящего соловья и поводить хвостиком, который отливал золотом и серебром. На шейке у птицы была ленточка с надписью: «Соловей императора японского жалок в сравнении с соловьем императора китайского».

— Какая прелесть! — сказали все, и явившегося с птицей посланца императора японского сейчас же утвердили в звании «чрезвычайного императорского поставщика соловьев».

— Теперь пусть-ка споют вместе, вот будет дуэт!

Но дело не пошло на лад: настоящий соловей пел по-своему, а искусственный — как заведенная шарманка.

— Это не его вина! — сказал придворный капельмейстер. — Он безукоризненно держит такт и поет совсем по моей методе.

Искусственного соловья заставили петь одного. Он имел такой же успех, как настоящий, но был куда красивее, весь так и сверкал, как браслеты и брошки!

Тридцать три раза пропел он одно и то же и не устал. Окружающие охотно послушали бы его еще раз, да император нашел, что надо заставить спеть и живого соловья. Но куда же он девался?

Никто и не заметил, как он вылетел в открытое окно и унесся в свой зеленый лес.

— Что же это, однако, такое! — сгорчился император, а придворные назвали соловья неблагодарной тварью.

— Лучшая-то птица у нас все-таки осталась! — сказали они, и искусственному соловью пришлось петь то же самое в тридцать четвертый раз.

Никто, однако, не успел еще выучить мелодии наизусть, такая она была трудная. Капельмейстер расхваливал искусственную птицу и уверял, что она даже выше настоящей не только платьем и бриллиантами, но и по внутренним своим достоинствам.

— Что касается живого соловья, высокий повелитель мой и вы, милостивые господа, то никогда ведь нельзя знать заранее, что именно споет он, у искусственного же все известно наперед! Можно даже отдать себе полный отчет в его искусстве, можно разобрать его и показать все его внутреннее устройство — плод человеческого ума, расположение и действие валиков, все, все!

— Я как раз того же мнения! — сказал каждый из присутствовавших, и капельмейстер получил разрешение показать птицу в следующее же воскресенье народу.

— Надо и народу послушать ее! — сказал император.

Народ послушал и был очень доволен, как будто до-весела напился чаю, — это ведь совершенно по-китайски. От восторга все в один голос восклицали: «О!», поднимали вверх указательные пальцы и кивали головами. Но бедные рыбаки, слышавшие настоящего соловья, говорили:

— Недурно и даже похоже, но все-таки не то! Чего-то недостает в его пении, а чего — мы и сами не знаем!

Настоящего соловья объявили изгнанным из пределов государства.

Искусственная птица заняла место на шелковой подушке возле императорской постели. Кругом нее были разложены все пожалованные ей драгоценности. Величали же ее теперь «императорского ночного столика первым певцом с левой стороны», — император считал более важною именно ту сторону, на которой находится сердце, а сердце находится слева даже у императора. Капельмейстер написал об искусственном соловье двадцать пять томов книг, ученых-преученных и полных самых мудреных китайских слов.

Придворные, однако, говорили, что читали и поняли все, иначе ведь их прозвали бы дураками и отколотили палками по животу.

Так прошел целый год; император, весь двор и даже весь народ знали наизусть каждую нотку искусственного соловья, но потому-то пение его им так и нравилось: они сами могли теперь подпевать птице. Уличные мальчишки пели: «Ци-ци-ци! Клюк-клюк-клюк!» Сам император напевал то же самое. Ну что за престель!

Но раз вечером искусственная птица только что распелась перед императором, лежавшим в постели, как вдруг внутри ее зашипело, зажужжало, колеса завертелись, и музыка смолкла.

Император вскочил и послал за придворным медиком, но что же мог тот поделать! Призвали часовщика, и этот после долгих разговоров и осмотров кое-как исправил птицу, но сказал, что с ней надо обходиться крайне бе-

режио: зубчики поистерлись, а поставить новые так, чтобы музыка пла по-прежнему, верно, было нельзя. Вот так горе! Только раз в год, да и то едва-едва, позволили заводить птицу. Но капельмейстер произнес краткую, зато полную мудреных слов речь, в которой доказывал, что птица ничуть не сделалась хуже. Ну, значит, так оно и было.

Прошло еще пять лет, и страну постигло большое горе: все так любили императора, а он, как говорили, был при смерти. Провозгласили уже нового императора, но народ толпился на улице и спрашивал первого приближенного императора о здоровье своего старого повелителя.

— Пф! — отвечал приближенный и покачивал головой.

Бледный, похолодевший лежал император на своем великолепном ложе; все придворные считали его умершим, и каждый спешил поклониться новому императору. Лакеи бегали взад и вперед, перебрасываясь новостями, а служанки проводили приятные часы в болтовне за чашкой кофе. По всем залам и коридорам были разостланы ковры, чтобы не слышно было шума шагов, и во дворце стояла мертвая тишина. Но император еще не умер, хотя и лежал на своем великолепном ложе, под бархатным балдахином с золотыми кистями, совсем недвижный и мертвенно-бледный. Сквозь открытое окно глядел на императора и искусственного соловья ясный месяц.

Бедный император почти не мог вздохнуть, и ему казалось, что кто-то сидит у него на груди. Он приоткрыл глаза и увидел, что на груди у него сидела Смерть. Она надела на себя корону императора, забрала в одну руку его золотую саблю, а в другую — богатое знамя. Из складок бархатного балдахина выглядывали какие-то странные головы: одни гадкие и злые, другие добрые и милые на вид. То были злые и добрые дела императора, смотревшие на него, в то время как Смерть сидела у него на груди.

— Помнишь это? — шептали они, одна за другой. — Помнишь это? — и рассказывали ему так много, что на лбу у него выступал холодный пот.

— Я и не знал об этом! — говорил император. — Музыку сюда, музыку! Большие китайские барабаны! Я не хочу слышать их речей!

Но они все продолжали, а Смерть, как китаец, кивала на их речи головой.

— Музыку сюда, музыку! — кричал император. — Пой хоть ты, милая, славная золотая птичка! Я одарил тебя золотом и драгоценностями, я повесил тебе на шею свою золотую туфлю, пой же, пой!

Но птица молчала — некому было завести ее, а иначе она петь не могла. Смерть продолжала смотреть на императора своими большими пустыми глазами. В комнате было тихо-тихо.

Вдруг за окном раздалось чудное пение. То прилетел, узнав о болезни императора, утешить и ободрить его, живой соловей. Он пел, и призраки все бледнели, кровь прилиwała к сердцу императора все живее и живее; сама Смерть заслушалась соловья и все повторяла: «Пой, пой еще, соловушка!»

— А ты отдашь мне за это драгоценную саблю? А дорогое знамя? А корону? — спрашивал соловей.

И Смерть отдавала одну драгоценность за другую, а соловей продолжал петь. Вот он запел наконец о тихом кладбище, где цветут белые розы, благоухает бузина и свежая трава орошается слезами живых, оплакивающих усопших... Смерть вдруг охватила такая тоска по своему саду, что она свилась в белый холодный туман и вылетела в окно.

— Спасибо, спасибо тебе, милая птичка! — сказал император. — Я узнал тебя! Я изгнал тебя из моего государства, а ты отогнала от моей постели ужасные призраки, отогнала самую Смерть! Чем мне вознаградить тебя!

— Ты уже вознаградил меня раз и навсегда! — сказал соловей. — Я видел слезы на твоих глазах в первый же раз, как пел перед тобою, — этого я не забуду никогда! Слезы — вот драгоценнейшая награда для сердца певца. Но

засни теперь и просыпайся здоровым и бодрым! Я буду баюкать тебя своєю песней!

И он запел опять, а император заснул здоровым, благодатным сном.

Когда он проснулся, в окна уже светило солнце. Никто из его слуг не заглядывал к нему; все думали, что он умер, один соловей сидел у окна и пел.

— Ты должен остаться у меня навсегда! — сказал император. — Ты будешь петь, только когда сам захочешь, а искусственную птицу я разобью вдребезги!

— Не надо! — сказал соловей. — Она принесла столько пользы, сколько могла! Пусть она остается у тебя по-прежнему! Я же не могу жить во дворце. Позволь мне только прилетать к тебе, когда захочу. Тогда я каждый вечер буду садиться у твоего окна и петь тебе; моя песня и порадует тебя и заставит задуматься. Я буду петь тебе о счастливых и о несчастных, о добре и о зле, что таятся вокруг тебя. Маленькая певчая птичка летает повсюду, залетает и под крышу бедного рыбака и поселянина, которые живут вдали от тебя. Я люблю тебя за твое сердце больше, чем за твою корону, и все же корона окружена каким-то особым священным обаянием! Я буду прилетать и петь тебе! Но обещай мне одно!..

— Все! — сказал император и встал во всем своем царственном величии; он успел надеть на себя свое царское одеяние и прижимал к сердцу тяжелую золотую саблю.

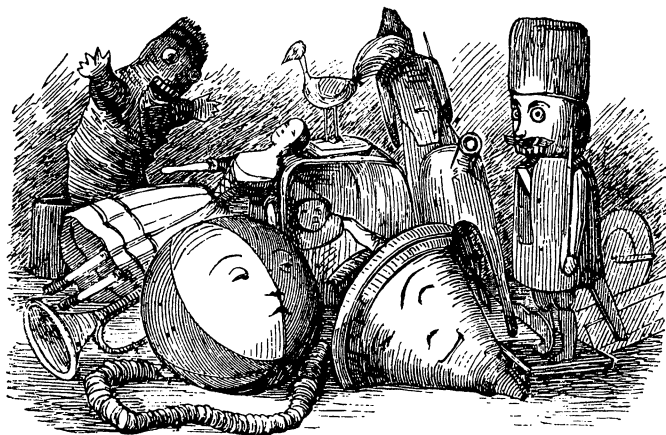
— Об одном прошу я тебя — не говори никому, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всем. Так дело пойдет лучше!

И соловей улетел.

Слуги вошли поглядеть на мертвого императора и застыли на пороге, а император сказал им:

— Здравствуйте!

ПАРОЧКА

Молодчик-кубарь и барышня-мячик лежали рядом в ящике с игрушками, и кубарь сказал соседке:

— Не пожениться ли нам? Мы ведь лежим в одном ящике.

Но мячик — сафьянового происхождения и воображавший о себе не меньше, чем любая барышня, — гордо промолчал.

На другой день пришел мальчик, хозяин игрушек, и выкрасил кубарь в красный с желтым цвет, а в самую серединку вбил медный гвоздик. Вот-то красиво было, когда кубарь завертелся!

— Посмотрите-ка на меня! — сказал он мячику. — Что вы скажете теперь? Не пожениться ли нам? Чем мы не пара? Вы прыгаете, а я танцую. Поискать такой славной парочки!

— Вы думаете? — сказал мячик. — Вы, должно быть, не знаете, что я веду свое происхождение от сафьяновых туфель и что внутри у меня пробка?

— А я из красного дерева, — сказал кубарь. — И меня выточил сам городской голова! У него свой собственный токарный станок, и он с таким удовольствием занимался мной!

— Так ли? — усомнился мячик.

— Пусть больше не коснется меня кнутик, если я лгу! — сказал кубарь.

— Вы очень красноречивы, — сказал мячик. — Но я все-таки не могу. Я уж почти невеста! Стоит мне взлететь вверх как из гнезда высовывается стриж и все спрашивает: «Согласны? Согласны?» Мысленно я всякий раз говорю: «Да», значит дело почти слажено. Но я обещаю вам никогда вас не забывать!

— Вот еще! Очень нужно! — сказал кубарь, и они перестали говорить друг с другом.

На другой день мячик взяли. Кубарь смотрел, как он, точно птица, взвивался в воздух все выше, выше... и наконец совсем исчезал из глаз, потом опять падал и, коснувшись земли, снова взлетал кверху; потому ли, что его влекло туда, или потому, что внутри у него сидела пробка — неизвестно. В девятый раз мячик взлетел и — поминай как звали! Мальчик искал, искал — нет нигде, да и только!

— Я знаю, где мячик! — вздохнул кубарь. — В стрижином гнезде. замужем за стрижем!

И чем больше думал кубарь о мячике, тем больше влюблялся. Сказать правда, так он потому все сильнее влюблялся, что не мог жениться на своей возлюбленной, подумать только — она предпочла ему другого!

Кубарь плясал и пел, но не переставал думать о мячике, который представлялся ему все прекраснее и прекраснее.

Так прошло много лет; любовь кубаря стала уже старой любовью.

Да и сам кубарь был немолод... Раз его взяли и вызолотили. То-то было великолепиие! Он весь стал золотой и кружился и жужжал так, что любо! Да уж, нечего сказать! Вдруг он подпрыгнул повыше и — пропал!

Искали, искали, даже в погреб слезили, — нет, нет и нет!

Куда же он попал?

В помойное ведро! Оно стояло как раз под водосточным желобом и было полно разной дряни: обгрызенных кочерыжек, щенок, сора.

— Угодил, нечего сказать! — вздохнул кубарь. — Тут вся позолота разом сойдет! И что за дрянь тут валяется?

И он покосился на длинную обгрызенную кочерыжку и еще на какую-то странную круглую вещь, вроде старого яблока. Но это было не яблоко, а старая барышня-мячик, который застрял когда-то в водосточном желобе, пролежал там много-много лет, весь промок и наконец упал в ведро.

— Слава богу! Наконец-то хоть кто-нибудь из нашего круга, с кем можно поговорить! — сказал мячик, посмотрев на вызолоченный кубарь. — Я ведь, в сущности, из сафьяна и сшита девичьими ручками, а внутри у меня пробка! А кто это скажет, глядя на меня? Я чуть не вышла замуж за стрижа, да вот попала в водосточный желоб и пролежала там целых пять лет! Это не шутка! Особенно для девицы!

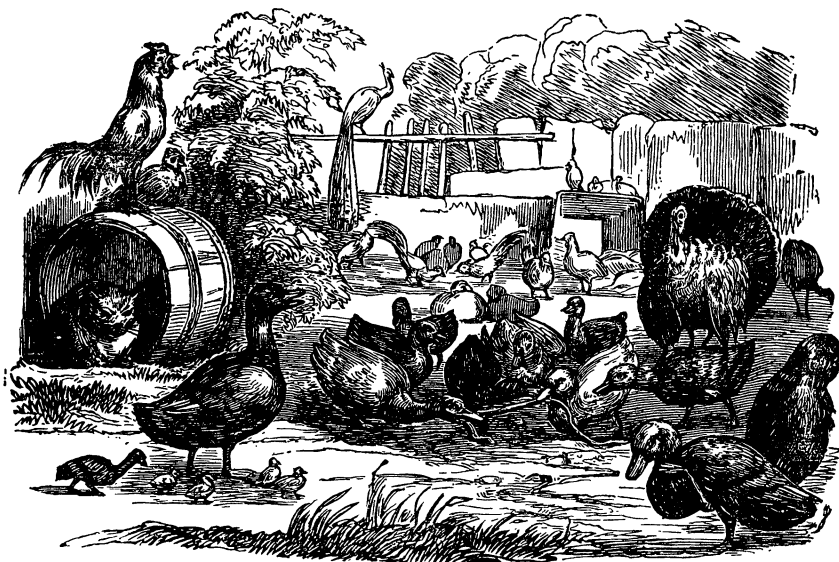
Кубарь молчал; он вспомнил о своей старой возлюбленной и все больше и больше убеждался, что это она.

Пришла служанка, чтобы опорожнить ведро.

— А, вот где наш кубарь! — сказала она.

И кубарь опять попал в комнаты и в честь, а о мячике не было и помину. Сам кубарь никогда больше и не заикался о своей старой любви: любовь как рукой снимет, если предмет ее пролежит пять лет в водосточном желобе, да еще встретится вам в помойном ведре! Тут его и не узнаешь!

ГАДКИЙ УТЕНОК

Хорошо было за городом! Стояло лето, рожь уже пожелтела, овсы зеленели, сено было сметано в стоги; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — он выучился этому языку от матери. За полями и лугами тянулись большие леса с глубокими озерами в чаще. Да, хорошо было за городом! Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окруженная глубокими канавами с водой; от самой ограды вплоть до воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребяташки могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост. В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей порядком надоело это сидение, ее мало навещали: другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухе да кричать с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали. «Пи! пи!» — послышалось из них: яичные желтки ожили и повысунули из скорлупок носики.

— Живо! Живо! — закричала утка, и утята заторопились, кое-как выкарабкались и начали озираться кругом, разглядывая зеленые листья лопуха; мать не мешала им — зеленый свет полезен для глаз.

— Как мир велик! — сказали утята.

Еще бы! Теперь у них было куда больше места, чем тогда, когда они лежали в яйцах.

— А вы думаете, что тут и весь мир? — сказала мать. — Нет! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, к полю священника, но там я от роду не бывала. Ну, все, что ли, вы тут? — И она встала. — Ах нет, не все! Самое

большое яйцо целехонько! Да скоро ли этому будет конец! Право, мне уж надоело.

И она уселась опять.

— Ну, как дела? — заглянула к ней старая утка.

— Да вот, еще одно яйцо остается! — сказала молодая утка. — Сижу, сижу, а все толку нет! Но посмотри-ка на других! Просто прелесть! Ужасно похожи на отца! А он-то, негодный, и не навестил меня ни разу!

— Постой-ка, я взгляну на яйцо! — сказала старая утка. — Может статься, это индюшечье яйцо! Меня тоже надули раз! Ну и маялась же я, как вывела индюшат! Они ведь страсть боятся воды; уж я и крикала, и звала, и толкала их в воду — не идут, да и конец! Дай мне взглянуть на яйцо! Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка его да ступай учи других плавать!

— Посижу уж еще! — сказала молодая утка. — Сидела столько, что можно посидеть и еще немножко.

— Как угодно! — сказала старая утка и ушла.

Наконец затрещала скорлупка и самого большого яйца. «Пи! пи-и!» — и оттуда вывалился огромный некрасивый птенец. Утка оглядела его.

— Ужасно велик! — сказала она. — И совсем непохож на остальных! Неужели это индюшонок? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопух весь был залит солнцем. Утка со всею своею семьей отправилась к канаве. Бултых! — и утка очутилась в воде.

— За мной! Живо! — позвала она утят, и те один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головками, но затем они вынырнули и поплыли так, что любо. Лапки у них так и работали; некрасивый серый утенок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Ишь как славно гребет лапками, как прямо держится! Нет, это мой собственный сын! Да он вовсе и недурен, как посмотришь на него хорошенько! Ну, живо, живо, за мной! Я сейчас введу вас в общество — мы отправимся на птичий двор. Но держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум и гам! Две семьи дрались из-за одной угриной головки, и в конце концов она досталась кошке.

— Вот как идут дела на белом свете! — сказала утка и облизнула язычком клюв, — ей тоже хотелось отведать угриной головки. — Ну, ну, шевелите лапками! — сказала она утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех! Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскуток? Как красиво! Это знак высшего отличия, какого только может удостоиться утка. Люди дают этим понять, что не желают потерять ее; по этому лоскутку ее узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утенок должен держать лапки врозь и выворачивать их наружу, как папаша с мамашей! Вот так! Кланяйтесь теперь и крикайте!

Они так и сделали; но другие утки оглядывали их и громко говорили: — Ну вот, еще целая орава! Точно нас мало было! А один-то какой безобразный! Его уж мы не потерпим!

И сейчас же одна утка подскочила и клюнула его в шею.

— Оставьте его! — сказала утка-мать. — Он ведь вам ничего не сделал!

— Положим, но он такой большой и странный! — отвечала забияка. — Ему надо задать хорошенькую трепку!

— Славные у тебя детки! — сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. — Все очень милы, кроме одного... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

— Никак нельзя, ваша милость! — ответила утка-мать. — Он некрасив, но у него доброе сердце, и плавает он не хуже, смею даже сказать — лучше других. Я думаю, что он вырастет, похорошеет, или станет со временем поменьше. Он залежался в яйце, оттого и не совсем удался. — И она провела носиком по перышкам большого утенка. — Кроме того, он селезень, а селезенью красота не так ведь нужна. Я думаю, что он возмужает и пробьет себе дорогу!

— Остальные утята очень-очень милы! — сказала старая утка. — Ну, будьте же как дома, а найдете угрюмую головку, можете принести ее мне.

Вот они и стали вести себя как дома. Только бедного утенка, который вылутился позже всех и был такой безобразный, клевали, толкали и осыпали насмешками решительно все — и утки и куры.

— Он больно велик! — говорили все, а индейский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел к утенку, поглядел на него и сердито залопотал: гребешок у него так весь и налился кровью. Бедный утенок просто не знал, что ему делать, как быть. И надо же ему было уродиться таким безобразным, посмешищем для всего птичьего двора!

Так прошел первый день, затем пошло еще хуже. Все гнали бедняжку, даже братья и сестры сердито говорили ему:

— Хоть бы кошка утащила тебя, несносного урода!

А мать прибавляла:

— Глаза бы мои тебя не видали!

Утки клевали его, куры шипали, а девушка, которая давала птицам корм, толкала ногою.

Не выдержал утенок, перебежал двор и — через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

«Они испугались меня, такой я безобразный!» — подумал утенок и пустился с закрытыми глазами дальше, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Усталый и печальный, он просидел тут всю ночь.

Утром утки вылетели из гнезд и увидали нового товарища.

— Ты кто такой? — спросили они, а утенок вертелся, раскланиваясь на все стороны, как умел.

— Ты пребезобразный! — сказали дикие утки. — Но нам до этого нет дела, только не вздумай породниться с нами!

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Лишь бы позволили ему посидеть тут в камышах да попить болотной водицы.

Два дня провел он в болоте, на третий день явились два диких гусака. Они недавно вылупились из яиц и потому выступали с большим форсом.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой урод, что, право, нравишься нам! Хочешь бродить с нами и быть вольной птицей? Недалеко отсюда, в другом болоте, живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: «Рап, рап!» Ты такой урод, что, чего доброго, будешь иметь у них большой успех!

«Пиф! паф!» — раздаюсь вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мертвыми; вода окрасилась кровью. «Пиф! паф!» — раздаюсь опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пошла пальба. Охотники обложили болото со всех сторон; некоторые из них сидели в нависших над болотом ветвях деревьев. Голубой дым облаками окутывал деревья и стлался над водой. По болоту шлепали охотничьи собаки; камыш качался из стороны в сторону. Бедный утенок был ни жив ни мертв от страха и только что хотел спрятать голову под крыло, как глядь — перед ним охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она приблизилась к утенку свою пасть, оскалила острые зубы и — шлеп, шлеп — побежала дальше.

— Слава богу! — перевел дух утенок. — Слава богу! Я так безобразен, что даже собаке противно укусьить меня!

И он притаился в камышах; над головою его то и дело летали дробинки, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утенок долго еще боялся пошевелиться. Прошло еще несколько часов, пока он осмелился встать, оглядеться и пуститься бежать дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утенок еле-еле мог двигаться.

К ночи он добежал до бедной избушки. Избушка так уж обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, оттого и держалась. Ветер так и подхватывал утенка — приходилось упираться в землю хвостом!

Ветер, однако, все крепчал: что было делать утенку? К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит совсем криво; можно было свободно проскользнуть через эту щель в избушку. Так он и сделал.

В избушке жила старушка с котом и курицей. Кота она звала сыночком; он умел выгибать спинку, мурлыкать и даже испускать искры, если его гладили против шерсти. У курицы были маленькие, коротенькие ножки, ее и прозвали Коротконожкой; она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром пришельца заметили; кот начал мурлыкать, а курица хлоптать.

— Что там? — спросила старушка, осмотрелась кругом и заметила утенка, но по слепоте своей приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка! — сказала старушка. — Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну да увидим, испытаем!

И утенка приняли на испытание, но прошло недели три, а яиц все не было. Господином в доме был кот, а госпожою курица, и оба всегда говорили: «Мы и свет!»¹ Они считали самих себя половиной всего света, притом — лучшею его половиной. Утенку же казалось, что можно на этот счет быть и другого мнения. Курица, однако, этого не потерпела.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утенка.

— Нет!

— Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спинку, мурлыкать и испускать искры?

— Нет!

— Так и не суйся с своим мнением, когда говорят умные люди!

И утенок сидел в углу нахохлившись. Вдруг вспомнились ему свежий воздух и солнышко, и ему страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Да что с тобой?! — спросила она. — Бездельничаешь, вот тебе блажь в голову и лезет! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдет!

— Ах, плавать по воде так приятно! — сказал утенок. — А что за наслаждение нырять в самую глубь с головой!

— Хорошо наслаждение! — сказала курица. — Ты совсем рехнулся! Спроси у кота, он умнее всех, кого я знаю, нравится ли ему плавать или нырять! О себе самой я уж не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки госпожи, умнее ее нет никого на свете! По-твоему, и ей хочется плавать или нырять?

— Вы меня не понимаете! — сказал утенок.

— Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймет! Что ж, ты хочешь быть умнее кота и госпожи, не говоря уже обо мне? Не дури, а благодари-ка лучше создателя за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, тебя окружает такое общество, в котором ты можешь чему-нибудь научиться, но ты пустая голова, и говорить-то с тобой не стоит! Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя — по этому всегда узнаются истинные друзья! Старайся же нести яйца или выучись мурлыкать да пускать искры!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят! — сказал утенок.

— И с богом! — отвечала курица.

И утенок ушел. Он плавал и нырял, но все животные по-прежнему презирали его за безобразие.

Настала осень; листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер подхватывал и кружил их по воздуху; наверху, в небе, стало так холодно, что тяжелые облака сеяли градом и снегом, а на изгороди сидел ворон и каркал от холода во все горло. Брр! Замерзнешь при одной мысли о таком холоде! Плохо приходилось бедному утенку.

Раз вечером, когда солнце так красиво закатывалось, из-за кустов поднялась целая стая чудных, больших птиц; утенок сроду не видал таких красавцев: все они были белы как снег, с длинными, гибкими шеями! То были лебеди. Они испустили какой-то странный крик, взмахнули великолепными, большими крыльями и полетели с холодных лугов в теплые края, за синее море. Они поднялись высоко-высоко, а бедного гадкого утенка охватило какое-то смутное волнение. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже испустил такой громкий и странный крик, что и сам испугался. Чудные птицы не шли у него из головы, и когда они окончательно скрылись из виду, он нырнул на самое дно, вынырнул опять и был словно вне себя. Утенок не знал, как зовут этих птиц, и куда они летели, но полюбил их, как не любил до сих пор никого. Он не завидовал их красоте; ему и в голову не могло прийти пожелать походить на них; он рад бы

был и тому, чтоб хоть утки-то его от себя не отталкивали. Бедный безобразный утенок!

А зима стояла холодная-прехолодная. Утенку приходилось плавать по воде без отдыха, чтобы не дать ей замерзнуть совсем, но с каждой ночью свободное ото льда пространство становилось все меньше и меньше. Морозило так, что ледяная кора трещала. Утенок без устали работал лапками, но под конец обессилел, приостановился и весь обмерз.

Рано утром мимо проходил крестьянин, увидел примерзшего утенка, разбил лед своим деревянным башмаком и принес птицу домой к жене. Утенка отогрели.

Но вот дети вздумали играть с ним, а он вообразил, что они хотят обидеть его, и шарханулся со страха прямо в подойник с молоком — молоко все расплескалось. Женщина вскрикнула и всплеснула руками; утенок между тем влетел в кадку с маслом, а оттуда в бочонок с мукой. Батюшки, на что он был похож! Женщина вопила и гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь стояла отворенной, утенок выбежал, кинулся в кусты, прямо на свежевывапший снег и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы чересчур печально описывать все злоключения утенка за эту суровую зиму. Когда же солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами, он лежал в болоте, в камышах. Запели жаворонки, пришла весна-красна.

Утенок взмахнул крыльями и полетел; теперь крылья его шумели и были куда крепче прежнего. Не успел он опомниться, как уже очутился в большом саду. Яблони стояли все в цвету; душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом.

Ах, как тут было хорошо, как пахло весной! Вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утенок узнал красивых птиц, и его охватила какая-то странная грусть.

«Полечу-ка я к этим царственным птицам; они, наверное, убьют меня за то, что я, такой безобразный, осмелился приблизиться к ним, но пусть! Лучше быть убитым ими, чем сносить щипки уток и кур, толчки птичницы да терпеть холод и голод зимою!»

И он слетел на воду и поплыл навстречу красавцам лебедям, которые, завидя его, тоже устремились к нему.

— Убейте меня! — сказал бедняжка и опустил голову, ожидая смерти, но что же увидел он в чистой, как зеркало, воде? Свое собственное изображение, но он был уже не безобразною темно-серою птицей, а — лебедем!

Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылутился из лебединого яйца!

Теперь он был рад, что перенес столько горя и бедствий, — он лучше мог оценить свое счастье и все окружавшее его великолепие. Большие лебеди плавали вокруг него и ласкали его, гладили клювами по перышкам.

В сад прибежали маленькие дети; они стали бросать лебедям хлебные крошки и зерна, а самый меньшой из них закричал:

— Новый, новый!

И все остальные подхватили:

— Да, новый, новый! — хлопали в ладоши и приплясывали от радости; потом побежали за отцом с матерью и опять бросали в воду крошки хлеба и пирожного. Все говорили, что новый красивее всех. Такой молоденький, прелестный!

И старые лебеди склонили перед ним головы.

А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он был чересчур счастлив, но нисколько не возгордился — доброе сердце не знает гордости — он вспоминал то время, когда все его презирали и гнали. А теперь все говорят, что он прекраснейший между прекрасными птицами! Сирень склоняла к нему в воду свои душистые ветви, солнышко светило так славно... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был еще гадким утенком!

ПЕРВЫЙ ТОМ

ВТОРОЙ ВЫПУСК

1845

*Поэту господину профессору,
кавалеру Фредрику Хёг-Гульдбергу¹,
первому, кто в давние дни
заронил луч солнца в сказку моей жизни²,
посвящаю я эти страницы*

ЕЛЬ

В лесу стояла чудесная елочка. Место у нее было хорошее, воздуха и света вдоволь; кругом росли подруги постарше — и ели и сосны. Елочке ужасно хотелось поскорее вырасти; она не думала ни о теплом солнышке, ни о свежем воздухе, не было ей дела и до болтливых крестьянских ребятишек, что собирали в лесу землянику и малину; набрав полные кружки или нанизав ягоды, словно бусы, на тонкие соломинки, они присаживались возле елочки отдохнуть и всегда говорили:

— Вот славная елочка! Хорошенькая, маленькая!

Таких речей деревцо и слушать не хотело.

Прошел год — и у елочки прибавилось одно коленце, прошел еще год — прибавилось еще одно: так по числу коленцев и можно узнать, сколько лет ели.

— Ах, если бы я была такой же большой, как другие деревья! — вздыхала елочка. — Тогда бы и я широко раскинула свои ветви, высоко подняла го-

лову, и мне бы видно было далеко-далеко вокруг! Птицы свили бы в моих ветвях гнезда, и я при ветре так же важно кивала бы головой, как другие!

И ни солнышко, ни пение птичек, ни розовые утренние и вечерние облака не доставляли ей ни малейшего удовольствия.

Стояла зима; земля была устлана сверкающим снежным ковром; по снегу вет-вет да пробегал заяц и иногда даже перепрыгивал через елочку — вот обида! Но прошло еще две зимы, и к третьей деревцо подросло уже настолько, что зайцу приходилось обходить его.

«Да, расти, расти и поскорее сделаться большим, старым деревом — что может быть лучше этого!» — думалось елочке.

Каждую осень в лесу появлялись дровосеки и рубили самые большие деревья. Елочка каждый раз дрожала от страха при виде падавших на землю с шумом и треском огромных деревьев. Их очищали от ветвей, и они валялись на земле такими голыми, длинными и тонкими. Едва можно было узнать их! Потом их укладывали на дровни и увозили из леса.

Куда? Зачем?

Весною, когда прилетели ласточки и аисты, деревцо спросило у них:

— Не знаете ли, куда повезли те деревья? Не встречали ли вы их?

Ласточки ничего не знали, но один из аистов подумал, кивнул головой и сказал:

— Да, пожалуй! Я встречал на море, по пути из Египта, много новых кораблей с великолепными, высокими мачтами. От них пахло елью и сосной. Я привез вам поклон от этих важных особ!

— Ах, поскорей бы и мне вырасти да пуститься в море! А каково это море, на что оно похоже?

— Ну, это долго рассказывать! — отвечал аист и улетел.

— Радуйся своей юности! — говорили елочке солнечные лучи. — Радуйся своему здоровому росту, своей молодости и жизненным силам!

И ветер целовал дерево, роса проливалась над ним слезы, но ель ничего этого не ценила.

Около рождества срубили несколько совсем молоденьких елок; некоторые из них были даже меньше нашей елочки, которой так хотелось поскорее вырасти. Все срубленные деревца были прехорошенькие; их не очищали от ветвей, а прямо уложили на дровни и увезли из леса.

— Куда? — спросила ель. — Они не больше меня, одна даже меньше. И почему на них оставили все ветви? Куда их повезли?

— Мы знаем! Мы знаем! — прочирикали воробьи. — Мы были в городе и заглядывали в окна! Мы знаем куда их повезли! Они попадут в такую честь, что и сказать нельзя! Мы заглядывали в окна и видели! Их ставят посреди теплой комнаты и украшают чудеснейшими вещами, золочеными яблоками, медовыми пряниками и множеством свечей!

— А потом?... — спросила ель, дрожа всеми ветвями. — А потом?... Что было с ними потом?

— А больше мы ничего не видали! Но это было бесподобно!

— Может быть, и я пойду такую же блестящую дорогой! — радовалась ель. — Это получше, чем плавать по морю! Ах, я просто изнываю от тоски и

нетерпения! Хоть бы поскорее пришло рождество! Теперь и я стала такою же высокою и раскидистою, как те, что были срублены прошлый год! Ах, если б я уже лежала на дровнях! Ах, если б я уже стояла разубранною всеми этими прелестями, в теплой комнате! А потом что?.. Потом, верно, будет еще лучше, иначе зачем бы и наряжать меня!.. Только что именно? Ах, как я тоскую и рвусь отсюда! Просто и сама не знаю, что со мной!

— Радуйся нам! — сказали ей воздух и солнечный свет. — Радуйся своей юности и лесному приволью!

Но она и не думала радоваться, а все росла да росла. И зиму и лето стояла она в своем зеленом уборе, и все, кто видел ее, говорили: «Вот чудесное деревцо!» Подошло наконец и рождество, и елочку срубили первую. Жгучая боль и тоска не дали ей даже подумать о будущем счастье; грустно было расставаться с родным лесом, с тем уголком, где она выросла, — она ведь знала, что никогда больше не увидит своих милых подруг — елей и сосен, кустов, цветов, а может быть, даже и птичек! Как тяжело, как грустно!..

Деревцо пришло в себя только тогда, когда очутилось вместе с другими деревьями на дворе и услышало возле себя чей-то голос:

— Чудесная елка! Такую-то нам и нужно!

Явились двое разодетых слуг, взяли елку и внесли ее в огромную, великолепную залу. По стенам висели портреты, а на большой кафельной печке стояли китайские вазы со львами на крышках; повсюду были расставлены кресла-качалки, обитые шелком диваны и большие столы, заваленные альбомами, книжками и игрушками на несколько сот далеров — так по крайней мере говорили дети. Елку посадили в большую кадку с песком, обернули кадку зеленою материей и поставили на пестрый ковер. Как трепетала елочка! Что-то теперь будет? Явились слуги и молодые девушки и стали наряжать ее. Вот на ветвях повисли набитые сладями маленькие сетки, вырезанные из цветной бумаги, выросли золоченые яблоки и орехи и закачались куклы — ни дать ни взять живые человечки; таких елка еще не видывала. Наконец к ветвям прикрепили сотни разноцветных маленьких свечек — красных, голубых, белых, а к самой верхушке ели — большую звезду из сусального золота. Ну, просто глаза разбегались, глядя на все это великолепие!

— Как заблестит, засияет елка вечером, когда зажгутся свечки! — сказали все.

«Ах! — подумала елка. — Хоть бы поскорее настал вечер и зажгли свечки! А что же будет потом? Не явятся ли сюда из лесу, чтобы полюбоваться на меня, другие деревья? Не прилетят ли к окошкам воробьи? Или, может быть, я вращу в эту кадку и буду стоять тут такою нарядной и зиму и лето?»

Да, много она знала!.. От напряженного ожидания у нее даже заболела кора, а это для дерева так же неприятно, как для нас головная боль.

Но вот зажглись свечи. Что за блеск, что за роскошь! Елка задрожала всеми ветвями, одна из свечек поднадела зеленые иглы, и елочка преобильно обожглась.

— Ай-ай! — закричали барышни и поспешно затушили огонь,

Больше елка дрожать не смела. И напугалась же она! Особенно потому, что боялась лишиться хоть малейшего из своих украшений. Но весь этот блеск просто ошеломлял ее... Вдруг обе половинки дверей распахнулись, и ворвалась целая толпа детей; можно было подумать, что они намеревались свалить дерево! За ними степенно вошли старшие. Малыши остановились как вкопанные, но лишь на минуту, а потом поднялся такой шум и гам, что просто в ушах звенело. Дети поплясали вокруг елки, и мало-помалу все подарки с нее были сорваны.

«Что же это они делают? — думала елка. — Что это значит?»

Свечки догорели, их потушили, а детям позволили обобрать дерево. Как они набросились на него! Только ветви затрещали! Не будь верхушка с золотой звездой крепко привязана к потолку, они бы повалили елку.

Потом дети опять принялись плясать, не выпуская из рук своих чудесных игрушек. Никто больше не глядел на елку, кроме старой няни, да и та высматривала только, не осталось ли где в ветвях яблочка или финика.

— Сказку! Сказку! — закричали дети и подтащили к елке маленького, толстенького господина.

Он уселся под деревом и сказал:

— Вот мы и в лесу! Да и елка кстати послушает! Но я расскажу только одну сказку! Какую хотите: про Иведе-Аведе¹ или про Клумпе-Думпе², который, хоть и свалился с лестницы, все-таки вошел в честь и добыл себе принцессу?

— Про Иведе-Аведе! — закричали одни.

— Про Клумпе-Думпе! — кричали другие.

Поднялся крик и шум; одна елка стояла смиренно и думала:

«А мне разве нечего больше делать?»

Она уж сделала свое дело!

И толстенький человек рассказал про Клумпе-Думпе, который, хоть и свалился с лестницы, все-таки прославился, вошел в честь и добыл себе принцессу.

Дети захлопали в ладоши и закричали:

— Еще, еще! — Они хотели послушать и про Иведе-Аведе, но остались при одном Клумпе-Думпе.

Тихо, задумчиво стояла елка, — лесные птицы никогда не рассказывали ничего подобного. «Клумпе-Думпе свалился с лестницы, и все же ему досталась принцесса! Да, вот что бывает на белом свете!» — думала елка; она вполне верила всему, что сейчас слышала, — рассказывал ведь такой почтенный человек. «Да, да, кто знает! Может быть, и мне придется свалиться с лестницы, а потом и мне достанется принцесса!» И она с радостью думала о завтрашнем дне: ее опять украсят свечками и игрушками, золотом и фруктами! «Завтра уж я не задрожу! — думала она. — Я хочу как следует насладиться своим великолепием! И завтра я опять услышу сказку про Клумпе-Думпе, а может статься, и про Иведе-Аведе». И деревцо смиренно простояло всю ночь, мечтая о завтрашнем дне.

Поутру явились слуги и горничная. «Сейчас опять начнут меня украшать?» — подумала елка, но они вытащили ее из комнаты, поволокли по

лестнице и сунули в самый темный угол чердака, куда даже не проникал дневной свет.

«Что же это значит? — думала елка. — Что мне здесь делать? Что я тут увижу и услышу?» И она прислонилась к стене и все думала, думала... Времени на это было довольно: проходили дни и ночи — никто не заглядывал к ней. Раз только пришли люди поставить на чердак какие-то ящики. Дерево стояло совсем в стороне, и о нем, казалось, забыли.

«На дворе зима! — думала елка. — Земля затвердела и покрылась снегом; нельзя, значит, снова посадить меня в землю, вот и приходится постоять под крышей до весны! Как это умно придумано! Какие люди добрые! Не будь только здесь так темно и так ужасно пусто!.. Нет даже ни единого зайчика!.. А в лесу-то как было весело! Кругом снег, а по снегу скачут зайчики! Хорошо было... Даже когда они прыгали через меня, хоть меня это и сердило! А тут как пусто!»

— Пи-ни! — пискнул вдруг мышонок и выскочил из норки, за ним еще один, маленький. Они принялись обняхивать дерево и шмыгать меж его ветвями.

— Ужасно холодно здесь! — сказали мышенята. — А то совсем бы хорошо было! Правда, старая елка?

— Я вовсе не стара! — отвечала ель. — Есть много деревьев постарше меня!

— Откуда ты и что ты знаешь? — спросили мышенята; они были ужасно любопытны. — Расскажи нам, где самое лучшее место на земле? Ты была там? Была ты когда-нибудь в кладовой, где на полках лежат сыры, а под потолком висят окорока и где можно плясать на салных свечках? Туда войдешь тощим, а выйдешь оттуда толстым!

— Нет, такого места я не знаю! — сказало дерево. — Но я знаю лес, где светит солнышко и поют птички!

И она рассказала им о своей юности; мышенята никогда не слышали ничего подобного, выслушали рассказ елки и потом сказали:

— Как же ты много видела! Как ты была счастлива!

— Счастлива? — сказала ель и задумалась о том времени, о котором только что рассказывала. — Да, пожалуй, тогда мне жилось недурно!

Затем она рассказала им про тот вечер, когда была разубрана пряниками и свечками.

— О! — сказали мышенята. — Как же ты была счастлива, старая елка!

— Я совсем еще не стара! — возразила ель. — Я взята из лесу только нынешнею зимой! Я в самой поре! Только что вошла в рост!

— Как ты чудесно рассказываешь! — сказали мышенята и на следующую ночь привели с собой еще четырех, которым тоже надо было послушать рассказы елки. А сама ель чем больше рассказывала, тем яснее припоминала свое прошлое, и ей казалось, что она пережила много хороших дней.

— Но они же вернутся! Вернутся! И Клумпе-Думпе упал с лестницы, а все-таки ему досталась принцесса! Может быть, и мне достанется!

Тут дерево вспомнило хорошенькую березку, что росла в лесной чаще неподалеку от него, — она казалась ему настоящей принцессой.

— Кто это Клумпе-Думпе? — спросили мышенята, и ель рассказала им всю сказку; она запомнила ее слово в слово. Мышенята от удовольствия прыгали чуть не до самой верхушки дерева. На следующую ночь явилось еще несколько мышей, а в воскресенье пришли даже две крысы. Этим сказка вовсе не понравилась, что очень огорчило мышенят, но теперь и они перестали уже так восхищаться сказкою, как прежде.

— Вы только одну эту историю и знаете? — спросили крысы.

— Только! — отвечала ель. — Я слышала ее в счастливый вечер моей жизни; тогда-то я, впрочем, еще не сознавала этого!

— В высшей степени жалкая история! Не знаете ли вы чего-нибудь про жир или сальные свечи? Про кладовую?

— Нет! — ответило дерево.

— Так счастливо оставаться! — сказали крысы и ушли.

Мышенята тоже разбежались, и ель вздохнула:

— А ведь славно было, когда эти резвые мышенята сидели вокруг меня и слушали мои рассказы! Теперь и этому конец... Но уж теперь я не упущу своего, порадуюсь хорошенько, когда наконец снова выйду на белый свет!

Не так-то скоро это случилось!

Однажды утром явились люди прибрать чердак. Ящики были вытащены, а за ними и ель. Сначала ее довольно грубо бросили на пол, потом слуга поволок ее по лестнице вниз.

«Ну, теперь для меня начнется новая жизнь!» — подумала елка.

Вот на нее повеяло свежим воздухом, блеснул луч солнца — ель очутилась на дворе. Все это произошло так быстро, вокруг было столько нового и интересного для нее, что она не успела и поглядеть на самое себя. Двор примыкал к саду; в саду все зеленело и цвело. Через изгородь перевешивались свежие благоухающие розы, липы были покрыты цветом, ласточки летали взад и вперед и щебетали:

— Квир-вир-вит! Мой муж вернулся!

Но это не относилось к ели.

— Теперь я заживу! — радовалась она и расправляла свои ветви. Ах, как они поблекли и пожелтели!

Дерево лежало в углу двора, на крапиве и сорной траве; на верхушке его все еще сияла золотая звезда.

Во дворе весело играли те самые ребяташки, что прыгали и плясали вокруг разубранной елки в сочельник. Самый младший увидел звезду и сорвал...

— Поглядите-ка, что осталось на этой гадкой, старой елке! — крикнул он и наступил на ее ветви; ветви захрустели.

Ель посмотрела на молодую, цветущую жизнь вокруг, потом поглядела на самое себя и пожелала вернуться в свой темный угол на чердак. Вспомнились ей и молодость, и лес, и веселый сочельник, и мышата, радостно слушавшие сказку про Клумпе-Думпе...

— Все прошло, прошло! — сказала бедная елка. — И хоть бы я радовалась, пока было время! А теперь... все прошло, прошло!

Пришел слуга и изрубил елку в куски, — вышла целая связка растопок. Как жарко запылали они под большим котлом! Дерево глубоко-глубоко вздыхало, и эти вздохи были похожи на слабые выстрелы. Прибежали дети, уселись перед огнем и встречали каждый выстрел веселым «няф! паф!» А ель, испуская тяжелые вздохи, вспоминала ясные летние дни и звездные зимние ночи в лесу, веселый сочельник и сказку про Клумпе-Думпе, единственную слышанную ею сказку!.. Так она вся и сгорела.

Мальчики опять играли во дворе; у младшего на груди сияла та самая золотая звезда, которая украшала елку в счастливейший вечер ее жизни. Теперь он прошел, канул в вечность, елке тоже пришел конец, а с нею и нашей истории. Конец, конец! Все на свете имеет свой конец!

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Сказка в семи историях

История первая

ЗЕРКАЛО И ЕГО ОСКОЛКИ

Ну, начнем! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь. Так вот, жил-был тролль, злощий-презлющий; то был сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало¹, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось до-нельзя, все же негодное и безобразное, напротив, выступало еще ярче, казалось еще хуже. Прелестнейшие ландшафты выглядели в нем вареным шпинатом, а лучшие из людей — уродами или казались стоящими сверху ногами и без животов. Лица искажались до того, что нельзя было и узнать их; случись же у кого на лице веснушка или родинка, она расплывалась во все лицо. Дьявола все это ужасно потешало. Добрая, благочестивая человеческая мысль отражалась в зеркале невообразимой гримасой, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля — у него была своя школа — рассказывали о зеркале, как о каком-то чуде.

— Теперь только, — говорили они, — можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!

И вот они бегали с зеркалом повсюду; скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нем в искаженном виде. Напоследок захотелось им добраться и до неба, чтобы посмеяться над ангелами и самим творцом. Чем выше поднимались они, тем сильнее кривлялось и корчилось зеркало от гримас; они еле-еле удерживали его в руках. Но вот они поднялись еще, и вдруг зеркало так перекосило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Миллионы, биллионы его осколков наделали, однако, еще больше бед, чем самое зеркало. Некото-

рые из них были не больше песчинки, разлетелись по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть все наыворот или замечать в каждой вещи одни лишь дурные стороны,— ведь каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось самое зеркало. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалось в кусок льда. Были между этими осколками и большие, такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уже в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были и такие осколки, которые пошли на очки, только беда была, если люди надевали их с целью смотреть на вещи и судить о них вернее! А злой тролль хохотал до колик, так приятно щекотал его успех этой выдумки. Но по свету летало еще много осколков зеркала. Послушаем же, что было дальше!

История вторая
МАЛЬЧИК И ДЕВОЧКА

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем и каждому удается отгородить себе хоть маленькое местечко для садика, и где поэтому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка. Они не были в родстве, но любили друг друга, как брат и сестра. Родители их жили в мансардах смежных домов. Кровли домов почти сходились, а под выступами кровель шло по водосточному желобу, приходившемуся как раз под окошком каждой мансарды. Стоило, таким образом, шагнуть из какого-нибудь окошка на желоб, и можно было очутиться у окна соседей.

У родителей было по большому деревянному ящику²; в них росли коренья и небольшие кусты роз — в каждом по одному, — осыпанные чудными цветами. Родителям пришло в голову поставить эти ящики поперек желобов;

таким образом, от одного окна к другому тянулись словно две цветочные грядки. Горех спускался из ящиков зелеными гирляндами, розовые кусты заглядывали в окна и сплетались ветвями; образовалось нечто вроде триумфальных ворот из зелени и цветов. Так как ящики были очень высоки и дети твердо знали, что им нельзя карабкаться на них, то родители часто позволяли мальчику с девочкой ходить друг к другу по крыше в гости и сидеть на скамеечке под розами. И что за веселые игры устраивали они тут!

Зимой это удовольствие прекращалось, окна зачастую покрывались ледяными узорами. Но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замерзшим стеклам — сейчас же оттаивало чудесное кругленькое отверстие, а в него выглядывал веселый, ласковый глазок, — это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка, Кай и Герда. Летом они одним прыжком могли очутиться в гостях друг у друга, а зимой надо было сначала спуститься на много-много ступеней вниз, а затем подняться на столько же вверх. На дворе перепархивал снежок.

— Это роятся белые пчелки! — говорила старушка бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик; он знал, что у настоящих пчел есть такая.

— Есть! — отвечала бабушка. — Снежинки окружают ее густым роем, но она больше их всех и никогда не остается на земле, вечно носится на черном облаке. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки; вот оттого-то они и покрываются ледяными узорами, словно цветами!

— Видели, видели! — сказали дети и поверили, что все это сушая правда.

— А Снежная королева не может войти сюда? — спросила девочка.

— Пусть-ка попробует! — сказал мальчик. — Я посажу ее на теплую печку, вот она и растает!

Но бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был уже дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в маленький оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока наконец не превратилась в женщину, укутанную в томчайший белый тюль, сотканый, казалось, из миллионов снежных звездочек. Она была так прелестна, так нежна, вся из ослепительно белого льда и все же живая! Глаза ее сверкали, как звезды, но в них не было ни теплоты, ни кротости. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со студа; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный морозец, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна. Солнышко светило, цветочные ящики опять были все в зелени, ласточки вили под крышей гнезда, окна растворили, и детям опять можно было сидеть в своем маленьком садике на крыше.

Розы цвели все лето восхитительно. Девочка выучила псалом, в котором тоже говорилось о розах: девочка пела его мальчику, думая при этом о своих розах, и он подпевал ей:

Розы цветут... Красота, красота!

Скоро узрим мы младенца Христа.

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на ясное солнышко и разговаривали с ним, — им чудилось, что с него глядел на них сам младенец Христос. Что за чудное было лето, и как хорошо было под кустами благоухающих роз, которые, казалось, должны были цвести вечно!

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг мальчик. — Меня кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею, он мигал, но ни в одном глазу ничего как будто не было.

— Должно быть, выскочило! — сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. В сердце и в глаз ему попали два осколка дьявольского зеркала, в котором, как мы, конечно, помним, все великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное отражалось еще ярче, дурные стороны каждой вещи выступали еще резче. Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль в глазу и в сердце уже прошла, но самые осколки в них остались.

— О чем же ты плачешь? — спросил он Герду. — У! Какая ты сейчас безобразная! Мне совсем не больно! Фу! — закричал он вдруг. — Эту розу точит червь! А та совсем кривая! Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он, толкнув ящик ногою, сорвал две розы и бросил.

— Кай, что ты делаешь? — закричала девочка, а он, увидя ее испуг, сорвал еще одну и убежал от миленькой маленькой Герды в свое окно.

Приносила ли после того ему девочка книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; рассказывала ли что-нибудь старушка бабушка, он придирался к словам. Да хоть бы одно это! А то он дошел до того, что стал передразнивать ее походку, надевать ее очки и подражать ее голосу! Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик выучился передразнивать и всех соседей — он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, — и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему были осколки зеркала, что попали ему в глаз и в сердце. Потому-то он передразнивал даже миленькую маленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудреными. Раз зимою, когда перепархивал снежок, он явился с большим зажигательным стеклом и подставил под снег полу своей синей куртки.

— Погляди в стекло, Герда! — сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Чудо что такое!

— Видишь, как искусно сделано! — сказал Кай. — Это куда интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы они только не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиной, крикнул Герде в самое ухо: — Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками! — и убежал.

На площади каталось множество детей. Те, что были посмелее, привязывали свои санки к крестьянским саням, чтобы прокатиться как следует. Веселье так и кипело. В самый разгар его на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел человек, весь ушедший в белую меховую шубу и такую же шапку. Сани объехали кругом площади два раза; Кай живо привязал к ним свои санки и покатил. Большие сани понеслись быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он ехал дальше. Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, стемнело так, что кругом не было видно ни зги. Мальчик поспешно отпустил веревку, которую зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к большим саням и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал — никто не услышал его! Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал, хотел прочесть «Отче наш», но в уме у него вертелась одна таблица умножения.

Снежные хлопья все росли и обратились под конец в больших белых кур. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина — Снежная королева; и шуба и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались! — сказала она. — Но ты совсем замерз? Полезай ко мне в шубу!

И, посадив мальчика к себе в сани, она завернула его в свою шубу; Кай словно опустился в снежный сугроб.

— Все еще мерзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй ее был холоднее льда, пронизал его холодом насквозь и дошел до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Одну минуту Каю казалось, что вот-вот он умрет, но нет, напротив, стало легче, он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь мои санки! — спохватился он.

И санки были привязаны на спину одной из белых кур, которая и полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Каю еще раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше я не буду целовать тебя! — сказала она. — А не то зацелую до смерти!

Кай взглянул на нее; она была так хороша! Более умного, прелестного лица он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда она сидела за окном и кивала ему головой; теперь она казалась ему совершенством. Он совсем не боялся ее и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да еще с дробями, знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что он и в самом деле знает мало, и он устремил взор в бесконечное воздушное пространство. В тот же миг Снежная королева взвилась с ним на темное свинцовое облако, и они понеслись вперед. Буря выла и стонала, словно распевала старинные песни; они летели над лесами и озерами, над морями и твердой землей; под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, летали с криком черные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь, — днем он спал у ног Снежной королевы.

История третья

ЦВЕТНИК ЖЕНЩИНЫ, УМЕВШЕЙ КОЛДОВАТЬ

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? Куда он девался? Никто не знал этого, никто не мог сообщить о нем ничего. Мальчики рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большим великолепным саям, которые потом свернули в переулок и выехали за городские ворота. Никто не знал, куда он девался. Много было пролито о нем слез; горько и долго плакала Герда. Наконец порешили, что он умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнышко.

— Кай умер и больше не вернется! — сказала Герда.

— Не верю! — отвечал солнечный свет.

— Он умер и больше не вернется! — повторила она ласточкам.

— Не верим! — ответили они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои новые красные башмачки — Кай ни разу еще не видел их, — сказала она однажды утром, — да пойду к реке спросить про него.

Было еще очень рано; она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинешенька за город, прямо к реке.

— Правда, что ты взяла моего названного братца? Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей; тогда она сняла свои красные башмачки, первую свою драгоценность, и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же вынесли их на сушу, — река как будто не хотела брать у девочки лучшую ее драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки недостаточно далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмаки в воду. Лодка не была привязана и оттолкнулась от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на сушу, но, пока пробиралась с кормы на нос, лодка уже отошла от берега на целый аршин и быстро понеслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьев, не слышал ее криков; воробьи же не могли перенести ее на сушу и только летели за ней вдоль берега да щебетали, словно желая ее утешить:

«Мы здесь! Мы здесь!»

Лодку уносило все дальше; Герда сидела смиренно, в одних чулках; красные башмачки ее плыли за лодкой, но не могли догнать ее.

Берега реки были очень красивы; повсюду виднелись чудеснейшие цветы, высокие, раскидистые деревья, луга, на которых паслись овцы и коровы, но людей не было ни души.

«Может быть, река несет меня к Каю?» — подумала Герда, повеселела, встала на нос и долго-долго любовалась красивыми зелеными берегами. Но вот она приплыла к большому вишневному саду, в котором приютился домик с цветными стеклами в окошках и соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали ружьями честь всем, кто проплывал мимо.

Герда закричала им — она приняла их за живых, — но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним еще ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала еще громче. Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты бедная крошка! — сказала старушка. — Как это ты попала на такую большую быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своею клюкой, притянула ее к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радешенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побавивалась чужой старухи.

— Ну, пойдем, да Расскажи мне, кто ты и как сюда попала? — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всем, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Но вот девочка кончила и спросила старуху, не видала ли она Кая. Та ответила, что он еще не проходил тут, но, верно, пройдет, так что девочке пока не о чем горевать — пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее нарисованных в любой книжке с картинками и все умеют рассказывать сказки! Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от полу и все из разноцветных — красных, голубых и желтых — стеклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным ярким, радужным светом. На столе стояла корзинка со спелыми вишнями, и Герда могла есть их сколько душе угодно; пока же она ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились кудрями и окружали свеженькое, круглое, словно роза, личико девочки золотым сиянием.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как ладно мы заживем с тобою!

И она продолжала расчесывать кудри девочки, и чем дольше чесала, тем больше Герда забывала своего названного брата Кая, — старушка умела колдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот

она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те, как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда при виде ее роз, вспомнит о своих, а там и о Кае, да и убежит от нее.

Сделав свое дело, старушка повела Герду в цветник. У девочки и глаза разбежались: тут были всевозможные цветы и притом всех времен года. Что за красота, что за благоухание! Во всем свете не сыскать было книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишневыми деревьями. Тогда ее уложили в чудесную постельку с красными шелковыми перинками, набитыми голубыми фиалками; девочка заснула, и ей снились такие сны, какие видит разве только королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть на солнышке. Так прошло много дней. Герда знала каждый цветочек в саду, но как ни много их было, ей все-таки казалось, что какого-то недостает, только какого же? Раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами; самым красивым из них была как раз роза, — старушка забыла ее стереть, когда загнала живые розы в землю. Вот что значит рассеянность!

— Как! Тут нет роз? — сказала Герда и сейчас же побежала искать их по всему саду — нет ни одной!

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Теплые слезы упали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и как только они смочили землю — куст мгновенно вырос из нее, такой же свежий, цветущий, как прежде. Герда обвила его ручонками, принялась целовать розы и вспомнила о тех чудных розах, что цвели у нее дома, а вместе с тем и о Кае.

— Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Мне ведь надо искать Кая!.. Не знаете ли вы, где он? — спросила она у роз. — Верите ли вы тому, что он умер и не вернется больше?

— Он не умер! — сказали розы. — Мы ведь были под землею, где лежат все умершие, но Кая меж ними не было.

— Спасибо вам! — сказала Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: «Не знаете ли вы, где Кай?»

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о собственной своей сказке или истории; их наслушалась Герда много, но ни один из цветов не сказал ни слова о Кае.

Что же рассказала ей огненная лилия?

— Слышишь, бьет барабан? Бум! Бум! Звуки очень однообразны: бум, бум! Слушай же заунывное пение женщин! Слушай крики жрецов!.. В длинном красном одеянии стоит на костре индийская вдова. Пламя вот-вот охватит ее и тело ее умершего мужа, но она думает о живом — о том, кто стоит здесь же, о том, чьи взоры жгут ее сердце сильнее пламени, которое сейчас испепелит ее тело. Разве пламя сердца может погаснуть в пламени костра!

— Ничего не понимаю! — сказала Герда.

— Это моя сказка! — отвечала огненная лилия.

Что рассказал вьюнок?

— Узкая горная тропинка ведет к гордо возвышающемуся на скале старинному рыцарскому замку. Старые кирпичные стены густо увиты плющом.

Листья его делятся за балкон, а на балконе стоит прелестная девушка; она перевесилась через перила и смотрит на дорогу. Девушка свежее розы, воздушнее колеблемого ветром цветка яблони. Как шелестит ее шелковое платье! «Неужели же он не придет?»

— Ты говоришь про Кая? — спросила Герда.

— Я рассказываю свою сказку, свои грезы! — отвечал вьюнок.

Что рассказал крошка подснежник?

— Между деревьями качается длинная доска — это качели. На доске сидят две маленькие девочки; платьица на них белые как снег, а на шляпках развеваются длинные зеленые шелковые ленты. Братишка, постарше их, стоит позади сестер обхватив веревки, потому что руки у него заняты: в одной — маленькая чашечка с мыльной водой, в другой — глиняная трубочка. Он пускает пузыри, доска качается, пузыри разлетаются по воздуху, переливаясь на солнце всеми цветами радуги. Вот один повис на конце трубочки и колышется от дуновения ветра. Доска качается. Черненькая собачонка, легкая, как мыльный пузырь, встает на задние лапки и хочет вскочить на качели, но доска взлетает кверху, собачонка падает, твякает и сердится. Дети поддразнивают ее, пузыри лопаются... Доска качается, пена разлетается — вот моя песенка!

— Она, может быть, и хороша, да ты говоришь все это таким печальным тоном! И онять ни слова о Кая! Что скажут гиацинты?

— Жили-были три стройные, воздушные красавицы сестрицы. На одной платье было красное, на другой голубое, на третьей совсем белое. Рука об руку танцевали они при ясном лунном свете у тихого озера. То не были эльфы, но настоящие девушки. В воздухе разлился сладкий аромат, и девушки скрылись в лесу. Вот аромат стал еще сильнее, еще слаще — из чащи леса выплыли три гроба; в них лежали красавицы сестрицы, а вокруг них порхали, словно живые огоньки, светляки. Спят ли девушки, или умерли? Аромат цветов говорит, что умерли. Вечерний колокол звонит по усопшим!

— Вы навели на меня грусть! — сказала Герда. — Ваши колокольчики тоже пахнут так сильно!.. Теперь у меня из головы не идут умершие девушки! Ах, неужели и Кай умер? Но розы были под землей и говорят, что его нет там!

— Динь-дан! — зазвенели колокольчики гиацинтов. — Мы звоним не над Каем! Мы и не знаем его! Мы звоним свою собственную песенку; другой мы не знаем!

И Герда пошла к золотому одуванчику, сиявшему в блестящей, зеленой траве.

— Ты, маленькое, ясное солнышко! — сказала ему Герда. — Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего названного братца?

Одуванчик засиял еще ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? Увы! И в этой песенке ни слова не говорилось о Кая!

— Ранняя весна; на маленький дворик приветливо светит ясное божье солнышко. Ласточки вьются возле белой стены, примыкающей ко двору соседней. Из зеленой травки выглядывают первые желтенькие цветочки, сверкающие на солнышке, словно золотые. На двор вышла посидеть старушка бабушка; вот пришла навестить ее внучка, бедная служанка, и крепко целует старушку. Поцелуй девушки дороже золота, — он идет прямо от сердца. Зо-

лото на ее губах, золото в ее сердечке, золото и на небе в утренний час! Вот и все! — сказал одуванчик.

— Бедная моя бабушка! — вздохнула Герда. — Как она скучает обо мне, как горюет! Не меньше, чем горевала о Кае! Но я скоро вернусь и приведу его с собой. Нечего больше и спрашивать цветы — у них ничего не добьешься, они знают только свои песенки!

И она подвизала юбочку повыше, чтобы удобнее было бежать, но когда хотела перепрыгнуть через желтую лилию, та хлестнула ее по ногам. Герда остановилась, посмотрела на длинный цветок и спросила:

— Ты, может быть, знаешь что-нибудь?

И она наклонилась к нему, ожидая ответа.

Что же рассказала желтая лилия?

— Я вижу себя! Я вижу себя! О, как я благоухаю!.. Высоко-высоко в маленькой каморке, под самой крышей, стоит полуодетая танцовщица. Она то балансирует на одной ножке, то опять твердо стоит на обеих и попирает ими весь свет, — она ведь один обман глаз. Вот она льет из чайника воду на какой-то белый кусок материи, который держит в руках. Это ее корсаж. Чистота — лучшая красота! Белая юбочка висит на гвозде, вбитом в стену; юбка тоже выстирана водою из чайника и высушена на крыше! Вот девушка одевается и повязывает на шею ярко-желтый платочек, еще резче оттеняющий белизну платица. Опять одна ножка взвивается в воздух! Гляди, как прямо она стоит на другой, точно цветок на своем стебельке! Я вижу себя, я вижу себя!

— Да мне мало до этого дела! — сказала Герда. — Печего мне об этом и рассказывать!

И она побежала из сада.

Дверь была заперта лишь на задвижку; Герда дернула ржавый засов, он подался, дверь отворилась, и девочка так, босоножкой, и пустилась бежать по дороге! Раза три оглядывалась она назад, но никто не гнался за нею. Наконец она устала, присела на камень и огляделась кругом: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень, а в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времен года, этого и не было заметно!

— Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! — сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как болели ее бедные, усталые ножки! Как холодно, сыро было в воздухе! Листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю; листья так и сыпались. Один терновник стоял весь покрытый вяжущими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым казался весь белый свет!

История четвертая
ПРИНЦ И ПРИНЦЕССА

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон; он долго-долго смотрел на девочку, кивая ей головою, и наконец заговорил:

— Кар-кар! Здррравствуй!

Чтше этого он выговаривать по-человечески не мог, но, видимо, желал девочке добра и спросил ее, куда это она бредет по белу свету одна-одиношенька? Слова «одна-одиношенька» Герда поняла отлично и сразу почувствовала все их значение. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видал ли он Кая?

Ворон задумчиво покачал головой и сказал:

— Может быть, может быть!

— Как? Правда? — воскликнула девочка и чуть не задушила ворона поцелуями.

— Поттише, поттише! — сказал ворон. — Я думаю, что это был твой Кай! Но теперь он, верно, забыл тебя со своей принцессой!

— Разве он живет у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай! — сказал ворон. — Только мне ужасно трудно говорить по-вашему! Вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всем куда лучше.

— Нет, этому меня не учили! — сказала Герда. — Бабушка — та понимает даже птичий язык! Хорошо бы и мне уметь!

— Ну, ничего! — сказал ворон. — Расскажу, как сумею, хоть и плохо.

И он рассказал обо всем, что только сам знал.

— В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты в свете и уж позабыла все, что прочла, — вот какая умница! Раз как-то сидела она на троне, — а веселья-то в этом ведь немного, как говорят люди — и напевала песенку: «Отчего ж бы мне не выйти замуж?» — «А ведь и в самом деле!» — подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья она хотела выбрать себе такого человека, кото-

рый бы сумел отвечать, когда с ним заговорят, а не такого, что умел бы только важничать,— это ведь так скучно! И вот создали по барабану всех придворных дам и объявили им волю принцессы. Все они были очень довольны и сказали: «Вот это нам нравится! Мы и сами недавно об этом думали!» Все это истинная правда! — прибавил ворон. — У меня при дворе есть невеста, она ручная — от нее-то я и знаю все это.

Невестою его была ворона — каждый ведь ищет жену себе под стать.

— На другой день все газеты вышли с каймой из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя вполне свободно, как дома, и окажется всех красноречивее, принцесса избрет себе в мужья! Да, да! — повторил ворон. — Все это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобою! Народ повалил во дворец валом, пошли давка и толкотня, но толку не вышло никакого ни в первый, ни во второй день. На улице все женихи говорили отлично, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию всю в серебре, а лакеев в золоте и вступить в огромные, залитые светом залы, как их брала оторопь. Подступят к трону, где сидит принцесса, да и повторяют только ее же последние слова, а ей вовсе не этого было нужно! Право, их всех точно опаивали дурманом! А вот выйдя за ворота, они опять обретали дар слова. От самых ворот до дверей дворца тянулся длинный-длинный хвост женихов. Я сам был там и видел! Женихам хотелось есть и пить, но из дворца им не давали даже стакана воды. Правда, кто был поумнее, запасся бутербродами, но запасливые уж не делились с соседями, думая про себя: «Пусть себе поголодают, отощуют — принцесса и не возьмет их!»

— Ну, а Кай-то, Кай? — спросила Герда. — Когда же он явился? И он пришел свататься?

— Постой! Постой! Теперь мы как раз дошли и до него! На третий день явился небольшой человечек, не в карете, не верхом, а просто пешком, и прямо вошел во дворец. Глаза его блестели, как твои; волосы у него были длинные, но одет он был бедно.

— Это Кай! — обрадовалась Герда. — Так я нашла его! — и она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка! — продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его саночки! — сказала Герда. — Он ушел из дома с санками!

— Очень возможно! — сказал ворон. — Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста рассказывала мне, что, войдя в дворцовые ворота и увидав гвардию в серебре, а на лестницах лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, кивнул головою и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут, на лестнице, я лучше войду в комнаты!» Залы все были залиты светом; вельможки расхаживали без сапог, разнося золотые блюда, — торжественнее уж пельзя было! А его сапоги так и скрипели³, но он и этим не смущался.

— Это, наверно, Кай! — воскликнула Герда. — Я знаю, что на нем были новые сапоги! Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке!

— Да, они таки скрипели порядком! — продолжал ворон. — Но он смело подошел к принцессе; она сидела на жемчужине величиною с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы и кавалеры со своими горничными, служанками горничных, камердинерами, слугами камердинеров и прислужником камердинерских слуг. Чем дальше кто стоял от принцессы и ближе к дверям, тем важнее, надменнее держал себя. На прислужника камердинерских слуг, стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без страха, такой он был важный!

— Вот страх-то! — сказала Герда. — А Кай все-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и помолвлен. Он вступил с принцессой в беседу и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи, — так по крайней мере сказала мне моя невеста. Держался он вообще очень свободно и мило и заявил, что пришел не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, он ей тоже!

— Да, да, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да еще с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать, — ответил ворон, — да как это сделать? Постой, я поговорю с моею невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких девочек!

— Меня впустят! — сказала Герда. — Только бы Кай услышал, что я тут, сейчас бы прибежал за мною!

— Подожди меня тут, у решетки! — сказал ворон, тряхнул головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и закаркал:

— Карр! карр! Моя невеста шлет тебе тысячу поклонов и вот этот маленький хлебец. Она стащила его в кухне — там их много, а ты, верно, голодна!.. Ну, во дворец тебе не попасть: ты ведь босая — гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты все-таки попадешь туда. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с черного хода, и знает, где достать ключ.

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, усыпанным пожелтевшими осенними листьями, и когда все огоньки в дворцовых окнах погасли один за другим, ворон провел девочку в маленькую полуотворенную дверцу.

О, как билось сердечко Герды от страха и радостного нетерпения! Она точно собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли ее Кай! Да, да, он, верно, здесь! Она так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы, улыбку... Как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз! А как обрадуется он теперь, когда увидит ее, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, узнает, как горевали о нем все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости.

Но вот они и на площадке лестницы; на шкафу горела лампа, а на полу сидела ручная ворона и осматривалась по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила ее бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, барышня! — сказала ручная ворона. — История вашей жизни — как это принято выражаться — также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперед. Мы пойдем прямою дорогой, тут мы никого не встретим!

— А мне кажется, кто-то идет за нами! — сказал Герда, и в ту же минуту мимо нее с легким шумом промчались какие-то тени; лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры верхами.

— Это сны! — сказала ручная ворона. — Они являются сюда, и мысли высоких особ уносятся с ними на охоту. Тем лучше для нас — удобнее будет рассмотреть спящих! Надеюсь, однако, что, войдя в честь, вы покажете, что у вас благодарное сердце!

— Не о чем тут и толковать! Само собою разумеется! — сказал лесной ворон.

Тут они вошли в первую залу, всю обтянутую розовым атласом, затканым цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела и рассмотреть всадников. Одна зала была великолепнее другой — просто оторопь брала. Наконец они дошли до спальни: потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стебель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая — красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела темно-русый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!

Принц походил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для нее вороны.

— Ах ты бедняжка! — сказали принц и принцесса, похвалили ворон, объявили, что ничуть не гnevаются на них — только пусть они не делают этого впредь, — и захотели даже наградить их.

— Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность придворных ворон, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили должности при дворе, — они подумали о старости и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде; больше он пока ничего не мог для нее сделать. А она сложила ручки и подумала: «Как добры все люди и животные!» — закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они были похожи на божьих ангелов и везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головою. Увы! Все это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

На другой день ее одели с ног до головы в шелк и бархат и позволили ей оставаться во дворце, сколько она пожелает. Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но она прогостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошадьёю и пару башмаков, — она опять хотела пуститься разыскивать по белу свету своего названного брата.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала золотая карета с сияющими как звезды, гербами принца и принцессы; у кучера, лакеев и форейторов — ей дали и форейторов — красовались на головах маленькие золотые короны. Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути. Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею, — он не мог ехать к лошадям спиной. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не поехала провожать Герду, потому что страдала головными болями с тех пор, как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета битком была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай! Прощай! — закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже. Так проехали они первые три мили. Тут простился с девочкой и ворон. Тяжелое было расставание! Ворон взлетел на дерево и махал черными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая, как солнце, не скрылась из виду.

История пятая

МАЛЕНЬКАЯ РАЗБОЙНИЦА

Вот Герда въехала в темный лес, но карета блестела, как солнце, и сразу бросилась в глаза разбойникам. Они не выдержали и налетели на нее с криками: «Золото! Золото!» Схватили лошадей под уздцы, убили маленьких форейторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь, какая славненькая, жирненькая. Орешками откормлена! — сказала старуха разбойница с длинной жесткой бородой и мохнатыми нависшими бровями. — Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый, сверкающий нож. Вот ужас!

— Ай! — закричала она вдруг: ее укусила за ухо ее собственная дочка, которая сидела у нее за спиной и была такая необузданная и своевольная, что любо!

— Ах ты дрянная девчонка! — закричала мать, но убить Герду не успела.

— Она будет играть со мной! — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, свое хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте. Разбойники захохотали:

— Ишь, как скачет со своей девчонкой!

— Я хочу сесть в карету! — закричала маленькая разбойница и настояла на своем — она была ужасно избалована и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались по пням и по кочкам в чашу леса. Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у нее были совсем черные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя! Ты, верно, принцесса?

— Нет! — отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьезно поглядела на нее, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я рассержусь на тебя, — я лучше сама убью тебя!

И она отерла слезы Герде, а потом спрятала обе руки в ее хорошенькую, мягкую и теплую муфточку.

Вот карета остановилась; они въехали во двор разбойничьего замка. Он весь был в огромных трещинах; из них вылетали вóроны и ворóны; откуда-то выскочили огромные бульдоги и смотрели так свирено, точно хотели всех съесть, но лаять не лаяли — это было запрещено.

Посреди огромной залы, с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом, пылал огонь; дым подымался к потолку и сам должен был искать себе выход; над огнем кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца! — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на жердочках больше сотни голубей; все они, казалось, спали, но когда девочки подошли, слегка зашевелились.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так тряхнула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя Герде прямо в лицо. — А вот тут сидят лесные плутишки! — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянной решеткой. — Эти двое — лесные плутишки! Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина

башка! — И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерет! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом — он смерть этого боится!

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Разве ты спишь с ножом? — спросила ее Герда, покосившись на острый нож.

— Всегда! — отвечала маленькая разбойница. — Как знать, что может случиться! Но Расскажи мне еще раз о Каяе и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету!

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали; маленькая разбойница обвила одною рукой шею Герды — в другой у нее был нож — и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют ее или оставят в живых. Разбойники сидели вокруг огня, пели песни и пили, а старуха разбойница кувыркалась. Страшно было глядеть на эту бедной девочке.

Вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, еще лежали в гнезде; она дохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих! Курр! Курр!

— Что вы говорите? — воскликнула Герда. — Куда же полетела Снежная королева?

— Она полетела, наверно, в Лапландию, — там ведь вечный снег и лед! Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи!

— Да, там вечный снег и лед, чудо как хорошо! — сказал северный олень. — Там прыгаешь себе на воле по огромным, блестящим ледяным равнинам! Там раскинут летний шатер Снежной королевы, а чертоги ее еще дальше — у Северного полюса, на острове Шницберген!

— О Кай, мой милый Кай! — вздохнула Герда.

— Лежи смирю! — сказала маленькая разбойница. — Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьезно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она затем у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне! — отвечал олень, и глаза его заблестели. — Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам!

— Так слушай! — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, все наши уши; дома одна мать; немного погодя она хлебнет из большой бутылки и вздремнет — тогда я кое-что сделаю для тебя!

Тут девочка вскочила с постели, обняла мать, дернула ее за бороду и сказала:

— Здравствуй, мой миленький козлик!

А мать надавала ей по носу щелчков, так что нос у девочки покраснел и посинел, но все это делалось любя.

Потом, когда старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Еще долго-долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочут острым ножом! Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отнести ко дворцу Снежной королевы вот эту девочку, — там ее названный братец. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а у тебя вечно ушки на макушке.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница подсадила на него Герду, крепко привязала ее, ради осторожности, и подсунула под нее мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть, — сказала она затем, — возьми назад свои меховые сапожки — будет ведь холодно! А муфту уж я оставляю себе, больно она хороша! Но мерзнуть я тебе не дам; вот огромные матушкины рукавицы, они дойдут тебе до самых локтей! Сунь в них руки! Ну вот, теперь руки у тебя, как у моей безобразной матушки!

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут! — сказала маленькая разбойница. — Теперь тебе надо смотреть весело! Вот тебе еще два хлеба и окорок! Что? Небось не будешь голодать!

И то и другое было привязано к оленю. Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом веревку, которою был привязан олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да береги смотри девочку!

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки, по лесу, по болотам и степям. Волки выли, вороны каркали, а небо вдруг зафукало и выбросило столбы огня.

— Вот мое родное северное сияние! — сказал олень. — Гляди, как горит!

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот Герда очутилась в Лапландии.

История шестая
ЛАПЛАНДКА И ФИНКА

Олень остановился у жалкой избушки; крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в нее на четвереньках. Дома была одна старуха лапландка, жарившая при свете жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную — она казалась ему гораздо важнее. Герда же так ооченела от холода, что и говорить не могла.

— Ах вы бедняги! — сказала лапландка. — Долгий же вам еще предстоит путь! Придется еделать сто миль с лишком, пока доберетесь до Финмарка⁴, где Снежная королева живет на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу пару слов на сушеной треске — бумаги у меня нет, — а вы снесете ее финке, которая живет в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала пару слов на сушеной треске, велела Герде хорошенько беречь ее, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался. Небо опять фукало и выбрасывало столбы чудесного голубого пламени. Так добежал олень с Гердой и до Финмарка и постучался в дымовую трубу финки — у нее и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в ее жиље! Сама финка, низенькая грязная женщина, ходила полуголая. Живо стащила она с Герды все платье, рукавицы и сапоги — иначе девочке было бы чересчур жарко, — положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написано на сушеной треске. Она прочла все от слова до слова три раза, пока не заучила наизусть и потом сунула треску в котел — рыба ведь годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка мигала своими умными глазками, но не говорила ни слова.

— Ты мудрая женщина! — сказал олень. — Я знаю, что ты можешь связать одной ниткой все четыре ветра; когда шкипер развяжет один узел — подует

попутный ветер, развяжет другой — погода разыграется, а развяжет третий и четвертый — подымется такая буря, что поломает в щепки деревья. Не изобразишь ли ты для девочки такое питье, которое бы дало ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву!

Силу двенадцати богатырей! — сказала финка. — Да, много в этом толку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: на нем стояли какие-то удивительные письма; финка принялась читать их и читала до того, что ее пот прошиб.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими, полными слез глазами, что та опять заморгала, отвела оленя в сторону и, переменяя ему на голове лед, шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше ему нигде и быть не может. Причиной же всему осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их надо удалить, иначе он никогда не будет человеком и Снежная королева сохранит над ним свою власть.

— Но не сможешь ли ты Герде как-нибудь уничтожить эту власть?

— Сильнее, чем она есть, я не могу ее сделать. Не видишь разве, как велика ее сила? Не видишь, что ей служат и люди и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Не у нас занимать ей силу! Сила — в ее милом, невинном детском сердечке. Если она сама не сможет проникнуть в чертоги Снежной королевы и извлечь из сердца Кая осколки, то мы и подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, спусти у большого куста, покрытого красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно!

С этими словами финка посадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ай, я без теплых сапог! Ай, я без рукавиц! — закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами; тут он спустил девочку, поцеловал ее в самые губы, и по щекам его покатались крупные блестящие слезы. Затем он стрелой пустился назад. Бедная девочка осталась одна-одинешенька, на трескучем морозе, без сапог, без рукавиц.

Она побежала вперед что было мочи; навстречу ей несли целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба — небо было совсем ясное, и на нем пылало северное сияние, — нет, они бежали по земле прямо на Герду и, по мере приближения, становились все крупнее и крупнее. Герда вспомнила большие красивые хлопья под зажигательным стеклом, но эти были куда больше, страшнее, самых удивительных видов и форм и все живые. Это были передовые отряда войска Снежной королевы. Одни напоминали собой больших безобразных ежей, другие — стоголовых змей, третьи — толстых медвежат с взъерошенной шерстью. Но все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Герда принялась творить «Отче наш»; было так холодно, что дыхание девочки сейчас же превращалось в густой туман. Туман этот все сгущался

и сгущался, но вот из него начали выделяться маленькие, светлые ангелочки, которые, ступив на землю, вырастали в больших грозных ангелов со шлемами на головах и копьями и щитами в руках. Число их все прибывало, и когда Герда окончила молитву, вокруг нее образовался уже целый легион. Ангелы приняли снежных страшилищ на копья, и те рассыпались на тысячу кусков. Герда могла теперь смело идти вперед; ангелы гладили ее руки и ноги, и ей не было уже так холодно. Наконец девочка добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что делал в это время Кай. Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она стоит перед замком.

История седьмая

**ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ЧЕРТОГАХ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ
И ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПОТОМ**

Стены чертогов Снежной королевы намела метель, окна и двери проделали буйные ветры. Сотни огромных, освещенных северным сиянием залтянулись одна за другой; самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда! Хоть бы редкий раз устроилась бы здесь медвежья вечеринка с танцами под музыку бури, в которых могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи, или составила партия в карты с ссорами и дракой, или, наконец, сошлись на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки лисички — нет, никогда этого не случилось! Холодно, пустынно, мертво! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую

минуту свет усилится и в какую ослабеет. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замерзшее озеро. Лед треснул на нем на тысячи кусков, ровных и правильных на диво. Посреди озера стоял трон Снежной королевы; на нем она восседала, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по ее мнению, это было единственное и лучшее зеркало в мире.

Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого, — поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и самое сердце его стало куском льда. Кай возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть ведь такая игра — складывание фигур из деревянных дощечек, которая называется «китайскою головоломкою». Кай тоже складывал разные затейливые фигуры из льдин, и это называлось «ледяной игрой разума». В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первой важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала! Он складывал из льдин и целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слова «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков». Но он никак не мог его сложить.

— Теперь я полечу в теплые края! — сказала Снежная королева. — Загляну в черные котлы!

Котлами она называла кратеры огнедышащих гор — Везувия и Этны.

— Я побелю их немножко! Это хорошо после лимонов и винограда!

И она улетела, а Кай остался один в необозримой пустынной зале, смотрел на льдины и все думал, думал, так что в голове у него трещало. Он сидел на одном месте — такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он замерз.

В это-то время в огромные ворота, проделанные буйными ветрами, вошла Герда. Она прочла вечернюю молитву, и ветры улеглись, точно заснули. Она свободно вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидела Кая. Девочка сейчас же узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

— Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел все такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слезы ее упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколок. Кай взглянул на Герду, а она запела:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро узрим мы младенца Христа.

Кай вдруг залился слезами и плакал так долго и так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и очень обрадовался.

— Герда! Милая моя Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? — И он оглянулся вокруг. — Как здесь холодно, пустынно!

И он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость была такая, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева; сложив его, он мог сделаться сам себе господином, да еще получить от нее в дар весь свет и пару новых коньков.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять зацвели розами, поцеловала его в глаза, и они заблестали, как ее глаза; поцеловала его руки и ноги, и он опять стал бодрым и здоровым.

Снежная королева могла вернуться когда угодно, — его вольная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из пустынных ледяных чертогов; они шли и говорили о бабушке, о своих розах, и на пути их стихали буйные ветры, проглядывало солнышко. Когда же они дошли до куста с красными ягодами, там уже ждал их северный олень. Он привел с собою молодую оленью матку, вымя ее было полно молока; она напоила им Кая и Герду и поцеловала их прямо в губы. Затем Кай и Герда отправились сначала к финке, ототрелись у нее и узнали дорогу домой, а потом к лапландке; та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Оленья парочка тоже провожала молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с оленями и с лапландкой.

— Счастливого пути! — крикнули им провожатые.

Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья покрылись зелеными почками. Из леса навстречу путникам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в ярко-красной шапочке и с пистолетами за поясом. Герда сразу узнала и лошадь — она была когда-то впряжена в золотую карету — и девушку. Это была маленькая разбойница; ей наскучило жить дома, и она захотела побывать на севере, а если там не понравится — и в других местах. Она тоже узнала Герду. То-то было радости!

— Ишь ты бродяга! — сказала она Каю. — Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света!

Но Герда потрепала ее по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края! — отвечала молодая разбойница.

— А ворон с вороной? — спросила Герда.

— Лесной ворон умер; ручная ворона осталась вдовой, ходит с черной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но все это пустяки, а ты вот расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла его.

Герда и Кай рассказали ей обо всем.

— Ну, вот и сказке конец! — сказала молодая разбойница, пожала им руки и обещала навесить их, если когда-нибудь заедет в их город. Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда своей. Они шли, и па их дороге расцветали весенние цветы, зеленела травка. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольный своего родного городка. Они подвинулись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где все было по-старому: так же тикали часы, так же двигалась часовая стрелка. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что успели за это время сделаться взрослыми людьми.

Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы было забыто ими, как тяжелый сон. Бабушка сидела на солнышке и громко читала Евангелие: «Если не будете как дети, не войдете в царствие небесное!»⁵

Кай и Герда взглянули друг на друга и тут только поняли смысл старого псалма:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро узрим мы младенца Христа.

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душой, а на дворе стояло теплое, благодатное лето!

ПЕРВЫЙ ТОМ

ТРЕТИЙ ВЫПУСК

1845

*Поэту Генрику Херцу¹
приношу в знак дружеского весеннего привета
эти сказки в благодарность за те сочинения,
коими одарила нас его глубоко поэтическая душа
и его блестящий ум*

ХОЛМ ЛЕСНЫХ ДУХОВ

Юркие ящерицы бегали по истрескавшемуся корявому стволу старого дерева; они отлично понимали друг друга, потому что говорили по-ящеричьи.

— Ишь, как шумит и гудит в холме у лесных духов! — сказала одна ящерица. — Из-за этого шума я уж две ночи кряду глаз сомкнуть не могу. Точно у меня зубы болят, — тогда я тоже не сплю.

— Там что-то затевается, — сказала другая. — Холм, как подыметя на своих четырех красных столбах, так и стоит, пока не запоют петухи, — верно, хотяг его хорошенько проветрить, — а дочери лесного царя выучились новым танцам с притоптыванием. Да, что-то затевается!

— Я говорила с одним моим знакомым, дождевым червяком, — сказала третья. — Он только что выполз из холма, где дни и ночи рылся, и там

подслушал кое-что. Видеть эта жалкая тварь ничего не видит, зато бродить ощупью да подслушивать — мастер. В холме ожидают заморских гостей! Важных-преважных! Кого именно — дождевой червяк сказать не хотел да, пожалуй, и сам не знал. Все блуждающие огоньки приглашены участвовать в факельном шествии — как это у них называется! И все золото и серебро, — а этого добра у них в холме довольно, — начищают до блеска и выставляют сушиться на лунный свет.

— Каких же это таких гостей ждут? — толковали ящерицы. — Что там затевается? Слышите, слышите, как там шумит и гудит?

В эту самую минуту холм лесных духов раскрылся и оттуда, семеня ножками выскочила старая лесная дева¹; у нее не было спины, но одета она была очень прилично. Это была ключница и дальняя родственница самого лесного царя, а потому носила на лбу янтарное сердце. Ножки у нее так и работали: топ! топ! — и она живо очутилась в болоте у ночного ворона².

— Вас приглашают в холм сегодня же ночью, — сказала она. — Но сначала я попросила бы вас оказать нам большую услугу — оповестить остальных приглашенных. Надо же быть чем-нибудь полезным, — своего хозяйства у вас ведь нет! Мы ждем очень важных чужеземцев, троллей с большим весом, и наш лесной царь не хочет ударить лицом в грязь.

— Кого же приглашать? — спросил ночной ворон.

— На большой бал может явиться кто угодно, даже люди, если только они говорят во сне или вообще стлчаются чем-нибудь в нашем роде. Званный обед — дело другое, тут надо выбирать да выбирать. Общество должно быть самое избранное! Я уж и то спорила с лесным царем насчет привидений: по-моему, и их нельзя допускать! Прежде всего придется, конечно, позвать морского царя с дочерьми; они не очень-то любят выходить на сушу, ну да ничего, мы посадим их на мокрый камень или еще что-нибудь придумаем — надеюсь, не откажутся! Потом надо позвать всех старых троллей первого класса, с хвостами, затем водяного и домовых, и, наконец, я думаю, нельзя обойти приглашением могильную свинью³, мертвую лошадь⁴ и церковного карлика: правда, они принадлежат к духовенству и у нас с ними ничего общего, однако же как-никак родня, они нас не забывают и наносят визиты.

— Карр! — крикнул ночной ворон и полетел приглашать.

Дочери лесного царя уже плясали на холме с длинными шарфами, сотканными из тумана и лунного света, — это очень красиво по мнению тех, кому такие вещи нравятся. Парадная зала холма была разубрана на славу: пол вымыт лунным светом, а стены натерты ведьминым салом, так что светились, как лепестки тюльпанов, пронизанные солнечным светом! В кухне жарились на вертелех сотни лягушек, готовились ужиные шкурки с начинкой из детских пальчиков и салат из мухоморов, сырых мышинных мордочек и белены. Пиво привезли от самой болотницы, из ее пивоварни⁵, а искрометное седитровое вино добыто из могильных склепов; словом, все было как следует. К десерту готовились гряда ржавых гвоздей и осколки церковных стекол.

Старый лесной царь велел вычистить свою золотую корону толченым грифелем; для этого нужно было добыть грифеля первых учеников, а это для лесного царя очень трудно. В спальне повесили занавески и прикрепили их слюной ужа. Вот возня-то была! Недаром шумело и гудело.

— Теперь остается покурить здесь волосом и щетиной,— и мое дело сделано! — сказала старая лесная дева.

— Папаша! — заговорила самая младшая дочка. — Скажи же, наконец, кто такие эти важные гости?

— Так и быть,— отвечал лесной царь,— скажу. Две из моих дочерей должны быть наготове. Две уж непременно выйдут замуж. Старый норвежский тролль, тот, что живет в скале Довре⁶, владеец множества гранитных дворцов и золотых россыпей,— они у него лучше, чем думают,— едет сюда женить двух своих сыновей. Старый тролль — истый норвежец старинной закалки, веселый и прямой! Я давно его знаю, мы даже пили с ним на «ты», когда он приезжал сюда жениться⁷. Жена его уж умерла; она была дочь короля меловых утесов на Мёне⁸. Ах, как мне хочется поскорее увидеть старого тролля! Сыновья-то у него, как слышно, не задались, задиры какие-то неотесанные. Ну, да это, может быть, пустые слухи; к тому же они с годами еще исправятся. Надеюсь, вы сумеете вышколить их!

— А когда они будут здесь? — спросила одна из дочерей.

— Смотря по погоде и по ветру,— сказал лесной царь.— Они очень расчетливы и едут морем с оказией. Я было советовал им ехать через Швецию, но старик до сих пор еще косится в ту сторону⁹. Он немножко отстал от века, и вот это мне не нравится.

Вдруг к ним поскакали во всю прыть два сторожевых блуждающих огонька,— один был проворнее другого и прибежал первым.

— Едут, едут! — кричали они.

— Подайте мне мою корону и пустите меня на лунный свет,— сказал лесной царь.

Дочери высоко подняли свои шарфы и присели чуть не до земли.

Старый тролль из Довре был в короне из ледяных сосулеч и полированных еловых шишек, в медвежьей шубе и меховых сапогах. А сыновья его ходили, напротив, с голыми шеями и без подтяжек, чтобы показать свою закалку.

— Разве это холм? — спросил младший, указывая пальцем на холм лесных духов.— По-нашему, по-норвежски, это — дыра!

— Вот так молодцы! — сказал старый тролль.— Дыра идет вниз, а холм вверх! Что ж вы ослепли, что ли?

Особенно удивляло молодцов, по их словам, то, что они так скоро выучились понимать здешний язык¹⁰.

— Ну, ну, только не представляйтесь, пожалуйста,— сказал им отец.— Можно подумать, что вы совсем неучи.

Потом все вошли в холм, где собралось самое что ни на есть избранное общество, да притом так скоро, точно их всех ветром намело. Каждому было приготовлено особое удобное местечко, морские гости сидели за столом в больших чанах с водой и чувствовали себя совсем как дома. Все вели

себя за столом очень прилично, кроме молодых норвежцев-троллей. Они положили ноги на стол, думая, что у них все выходит мило.

— Ноги долой! — сказал старый тролль, и они послушались, хотя и не сразу.

Своих соседок за столом они щекотали еловыми шишками, — у них были полные карманы этих шишек, — потом сняли с себя для удобства сапоги и дали их держать дамам. Старый тролль вел себя совсем не так: он рассказывал чудеснейшие истории о величественных норвежских скалах, о пениящихся водопадах, которые, с гулом и ревом, подобным раскатам грома и звукам органа, низвергаются в пучину; рассказывал о лососях, что прыгают и борются с течением под звуки золотой арфы водяного; рассказывал о звездных зимних ночах, когда весело звенят упряжные бубенчики, а молодые парни бегают с горящими смоляными факелами по гладкому льду. до того прозрачному, что видно, как под ним мечутся испуганные рыбы. Да, умел-таки он рассказывать! Слушатели словно видели и слышали все сами: водопады и водяные мельницы шумели, деревенские парни и девушки пели и отплясывали халлинг¹¹. Ух как! И старый тролль так расхотелся, что вдруг чмокнул старую лесную деву, точно старый дядюшка, а они вовсе и родственниками-то не были!

Потом дочерей лесного царя заставили танцевать. Они прекрасно исполнили несколько танцев, и простых, и с притоптываньем, и, наконец, должны были исполнить самый затейливый, проделать то, что они называли выйти из хоровода.

Эх! как они пошли вытягиваться! Где начало, где конец, где рука, где нога — ничего не разберешь, точно стружки закрутились! Под конец они так завертелись, что мертвую лошадь затошнило и она принуждена была выйти из-за стола.

— Бррррр! — сказал старый тролль. — Вот так задали работу своим ножкам! А что они еще умеют, кроме плясок, вытягивания ножек и головокружения?

— А вот сейчас узнаешь, — сказал лесной царь и вызвал самую младшую дочь; она была тонка и прозрачна, как лунный свет; это была самая нежная и изящная из всех сестер; она взяла в рот белый прутик, и — вдруг — нет ее, исчезла без следа! Вот было и все ее искусство.

Но старый тролль сказал, что такое искусство в жене ему вовсе не по вкусу, да и сыновьям его вряд ли понравится.

Вторая умела ходить сбоку самой себя, — выходило точно у нее была своя тень, а у троллей и духов ее ведь не бывает!

Третья сестра была совсем иного склада: она обучалась варить пиво у самой бабки-болотницы и отлично умела шпиговать болотные кочки светляками.

— Из нее выйдет отличная хозяйка! — сказал старый тролль, но чокаться с ней не стал, а только подмигнул, — он боялся выпить слишком много.

Четвертая вышла с золотою арфой в руках, ударила по одной струне, и все должны были поднять левую ногу, — тролли и духи все ведь левши, — ударила по другой, и все должны были плясать под ее музыку.

— Опасная особа! — сказал старый тролль, а молодые тролли взяли да ушли из зала, — им уж надоело все это.

— А следующая что умеет? — спросил старый тролль.

— Любить все норвежское, — сказала та. — Я выйду замуж только за норвежца.

А самая младшая сестра шепнула старому троллю на ухо:

— Это она узнала из одной норвежской песни, что при светопреставлении, когда все рушится, уцелеют одни норвежские скалы. Вот ей и хочется попасть в Норвегию: она страсть боится погибнуть.

— Эге! — сказал старый тролль. — Вот оно что! А седьмая и последняя что умеет?

— Перед седьмой есть еще шестая, — сказал старый лесной царь, — он умел считать.

Но шестая не хотела даже показаться.

— Я умею только говорить правду в глаза, — сказала она. — Поэтому я никому не нужна, да и дела у меня по горло: я шью себе погребальный саван.

Теперь дошла очередь и до седьмой. Что же она умела? Да она умела рассказывать сказки о чем угодно и сколько угодно.

— Вот тебе мои пять пальцев, — сказал старик-тролль. — Расскажи мне сказку о каждом¹².

И она взяла его руку и принялась рассказывать, а он смеялся до колик. Когда же она дошла до Златоперста, опоясанного золотым кольцом, словно в ожидании обручения, старик сказал:

— Стой! Держи его крепче! Рука эта — твоя! На тебе я сам женюсь!

Сказочница возразила, что он еще не дослушал о Златоперсте и о Петрушке-бездельнике.

— Зимой дослушаем, — сказал старый тролль. — Послушаем тогда и о них, и об елке, и о березке, и о трескучих морозах¹³, и о дарах хульдры¹⁴. Тебе предстоит отличиться у нас; там в Норвегии никто не умеет так рассказывать. Мы будем сидеть в горной пещере, при свете соновых лучин, и пить мед из золотых рогов викингов¹⁵. Водяной подарил мне парочку таких рогов. И Гарбу¹⁶ придет к нам в гости и споет тебе все песни горных пастушек. Вот веселье-то пойдет у нас! Лососи запрыгают в струях водопада и будут биться о стены пещеры; только не попасть им к нам! Эх! Хорошо в нашей старой славной Норвегии!.. А где же мои молодцы?

Да, куда же они девались? Они бегали по полю и задували блуждающие огоньки, которые так любезно явились участвовать в факельном шествии.

— Что вы шляется? — сказал старый тролль. — Я вот взял вам мать, а вы можете взять за себя которуюнибудь из теток.

Но молодцы сказали, что им больше нравится пить на «ты» и говорить речи, а жениться вовсе не хочется. И вот, они говорили речи, пили на «ты» и потом опрокидывали кубки себе на ногу, — это значило, что в них не осталось ни капли. Наконец они съяли с себя кафтаны и растянулись на столе отдыхать; они нисколько не стеснялись. А старый тролль пустился

со своею молодою невестой в пляс, и потом поменялся с ней сапогами,— это поновее, чем меняться кольцами!

— Чу! Запел петух! — сказала старая ключница. — Пора закрывать ставни, чтобы солнце не спекло нас.

И холм закрылся.

А по стволу гнилого дерева бегали взад и вперед ящерицы и таракорили:

— Ах, как мне понравился старый норвежский тролль!

— По-моему, молодежь лучше! — сказал дождевой червяк, — но ведь он был слеп, жалкая тварь!

КРАСНЫЕ БАШМАКИ

Жила-была девочка, премиленькая, прехорошенькая, но очень бедная, и летом ей приходилось ходить босиком, а зимою — в грубых деревянных башмаках, которые ужасно натирали ей шиколотки.

В деревне жила старушка башмачница. Вот она взяла да и сшила, как умела, из обрезков красного сукна пару башмачков. Башмаки вышли очень неуклюжие, но сшиты были с добрым намерением, — башмачница подарила их бедной девочке. Девочку звали Карен.

Она получила и обновила красные башмаки как раз в день похорон своей матери. Нельзя сказать, чтобы они годились для траура, но других у девочки не было; она надела их прямо на голые ножки и пошла за убогим соломенным гробом.

В это время по деревне проезжала большая старинная карета и в ней — важная старая барыня. Она увидела девочку, пожалела ее и сказала священнику.

— Послушайте, отдайте мне девочку, я позабочусь о ней.

Карен подумала, что это вышло благодаря ее красным башмакам, но старая барыня нашла их ужасными и велела сжечь. Карен приодели и стали учить читать и шить. Все люди говорили, что она очень мила, зеркало же твердило: «Ты больше чем мила, ты прелестна».

В это время по стране путешествовала королева со своею маленькой дочерью, принцессой. Народ сбегался ко дворцу, была тут и Карен. Принцесса в белом платье стояла у окошка, чтобы дать людям посмотреть на себя. У нее не было ни шлейфа, ни короны, зато на ножках красовались чудесные красные сафьяновые башмачки; нельзя было и сравнить их с теми, что сшила для Карен башмачница. В свете не могло быть ничего лучше этих красных башмачков!

Карен подросла, и пора было ей конфирмоваться; ей сшили новое платье и собирались купить новые башмаки. Лучший городской башмачник снял мерку с ее маленькой ножки. Карен с барыней сидели у него в мастерской; тут же стоял большой шкаф со стеклами, за которыми красовались прелестные башмачки и лакированные саночки. Можно было залюбоваться на них, только старая барыня не могла ничего разглядеть: она очень плохо видела. Между башмаками стояла и пара красных, они были точь-в-точь как те, что красовались на ножках принцессы. Ах, что за прелесть! Башмачник сказал, что они были заказаны для графской дочки, да не пришлось по ноге.

— Это ведь лакированная кожа? — спросила старая барыня. — Они блестят!

— Да, блестят! — ответила Карен.

Башмачки были примерены, оказались впору, и их купили. Но старая барыня не знала, что они красные, — она бы никогда не позволила Карен идти конфирмоваться в красных башмаках, а Карен как раз так и сделала.

Все люди в церкви смотрели на ее ноги, когда она проходила на свое место. Ей же казалось, что и старые портреты умерших пасторов и пасторш в длинных черных одеяниях и плоеных круглых воротничках тоже уставились на ее красные башмачки. Сама она только о них и думала, даже в то время, когда священник возложил ей на голову руки и стал говорить о святом крещении, о союзе с богом и о том, что она становится теперь взрослой христианкой. Торжественные звуки церковного органа и мелодичное пение чистых детских голосов наполняли церковь, старый регент подтягивал детям, но Карен думала только о своих красных башмаках.

После обедни старая барыня узнала от других людей, что башмаки были красные, объяснила Карен, как это гадко, неприлично, и велела ей ходить в церковь всегда в черных башмаках, хотя бы и в старых.

В следующее воскресенье надо было идти к причастию. Карен взглянула на красные башмаки, взглянула на черные, опять на красные — надела их.

Погода была чудная, солнечная; Карен со старой барыней прошли по тропинке через поле; было немного пыльно.

У церковных дверей стоял, опираясь на костыль, старый солдат с длиною, странною бородой: она была скорее рыжая, чем седая. Он поклонился им чуть не до земли и попросил старую барыню позволить ему смахнуть пыль с ее башмаков. Карен тоже протянула ему свою маленькую ножку.

— Ишь, какие славные бальные башмачки! — сказал солдат. — Сидите крепко, когда запляшете!

И он хлопнул рукой по подошвам.

Старая барыня дала солдату скиллинг и вошла вместе с Карен в церковь.

Все люди в церкви опять глядели на ее красные башмаки, все портреты — тоже. Карен преклонила колена перед алтарем, и золотая чаша приблизилась к ее устам, а она думала только о своих красных башмаках, — они словно плавали перед ней в самой чаше. И Карен забыла пропеть псалом, забыла прочесть «Отче наш».

Народ стал выходить из церкви; старая барыня села в карету, Карен тоже поставила было ногу на подножку, как вдруг возле нее очутился старый солдат и сказал:

— Ишь, какие славные бальные башмачки!

Карен не удержалась и сделала несколько па, и тут уж ноги ее пошли плясать сами собою, точно башмаки имели какую-то волшебную силу. Карен неслась все дальше и дальше, обогнула церковь и все не могла остановиться. Кучеру пришлось бежать за нею вдогонку, взять ее на руки и посадить в карету. Карен села, а ноги ее все продолжали приплясывать, так что доброй старой госпоже досталось немало пинков. Пришлось наконец снять башмаки, и ноги успокоились.

Приехали домой; Карен поставила башмаки в шкаф, но не могла не любоваться на них.

Старая барыня захворала, и сказали, что она не проживет долго. За ней надо было ходить, а кого же это дело касалось ближе, чем Карен. Но в городе давался большой бал, и Карен пригласили. Она посмотрела на старую барыню, которой все равно было не жить, посмотрела на красные башмаки — разве это грех? — потом надела их — и это ведь не беда, а потом... отправилась на бал и пошла танцевать.

Но вот она хочет повернуть вправо — ноги несут ее влево, хочет сделать круг по зале — ноги несут ее вон из залы, вниз по лестнице, на улицу и за город. Так доплясала она вплоть до темного леса.

Что-то засветилось между верхушками деревьев. Карен подумала, что это месяц, так как виднелось что-то похожее на лицо, но это было лицо старого солдата с рыжею бородой. Он кивнул ей и сказал:

— Ишь, какие славные бальные башмачки!

Она испугалась, хотела сбросить с себя башмаки, но они сидели крепко; она только изорвала в клочья чулки; башмаки точно приросли к ногам, и ей пришлось плясать, плясать по полям и лугам, в дождь и в солнечную погоду, и ночью и днем. Ужаснее всего было ночью!

И вот ноги принесли ее на кладбище; но все мертвые спокойно спали в своих могилах. У мертвых найдется дело получше, чем пляска. Она хотела присесть на одной бедной могиле, поросшей дикою рябинкой, но не тут-то было! Ни отдыха, ни покоя! Она все плясала и плясала, и очутившись перед церковью, увидела в ее открытых дверях ангела в длинном белом одеянии; за плечами у него были большие, спускавшиеся до самой земли крылья. Лицо ангела было строго и серьезно, в руке он держал блестящий меч.

— Ты будешь плясать, — сказал он, — плясать в своих красных башмаках, пока не побледнеешь, не похолодеешь, не высохнешь, как мумия! Ты будешь плясать от ворот до ворот и стучаться в двери тех домов, где живут гордые, тщеславные дети; твой стук будет пугать их! Будешь плясать, плясать!..

— Смилуйся! — вскричала Карен.

Но она уже не слышала ответа ангела — башмаки повлекли ее в калитку, за ограду кладбища, в поле, по дорогам и тропинкам.

Раз утром она пронеслась в пляске мимо знакомой двери; оттуда с пением псалмов выносили гроб, украшенный цветами. Тут она узнала, что старая барыня умерла, и ей показалось, что теперь она оставлена всеми, проклята ангелом господним.

И она все плясала, плясала, даже темною ночью. Башмаки несли ее по камням, сквозь лесную чащу и терновые кусты, колючки которых царапали

ее до крови. Так доплясала она до маленького уединенного домика, стоявшего в открытом поле. Она знала, что здесь живет палач, постучала пальцем в оконное стекло и сказала:

— Выйди ко мне! Сама я не могу войти к тебе, я пляшу!

И палач отвечал:

— Ты, верно, не знаешь, кто я? Я рублю головы дурным людям, и топор мой, как вижу, дрожит!

— Не руби мне головы! — сказала Карен. — Тогда я не успею покаяться в своем грехе. Отруби мне лучше ноги с красными башмаками.

И она исповедала весь свой грех. Палач отрубил ей ноги с красными башмаками, — пляшущие ножки понеслись по полю и скрылись в чаще леса.

Потом палач приделал ей вместо ног деревянные, дал костыли и выучил ее псалму, который всегда поют грешники. Карен поцеловала руку, державшую топор, и побрела по полю.

— Ну, довольно я страдалась из-за красных башмаков! — сказала она. — Пойду теперь в церковь, пусть люди увидят меня!

И она быстро направилась к церковным дверям; вдруг перед нею заплясали ее ноги в красных башмаках, она испугалась и повернула прочь.

Целую неделю тосковала и плакала Карен горькими слезами; но вот настало воскресенье, и она сказала:

— Ну, довольно я страдала и мучилась! Право же, я не хуже многих из тех, что сидят и величаются в церкви!

И она смело пошла туда, но дошла только до калитки, — тут перед нею опять заплясали красные башмаки. Она опять испугалась, повернула обратно и от всего сердца покаялась в своем грехе.

Потом она пошла в дом священника и попросилась в услужение, обещая быть прилежной и делать все, что сможет, без всякого жалованья, из-за куска хлеба и приюта у добрых людей. Жена священника сжалилась над ней и взяла ее к себе в дом. Карен работала не покладая рук, но была очень тиха и задумчива. С каким вниманием слушала она по вечерам священника, читавшего вслух Библию! Дети очень полюбили ее, но когда девочки болтали при ней о нарядах и говорили, что хотели бы быть на месте королевы, Карен печально качала головой.

В следующее воскресенье все собрались идти в церковь; ее спросили, не пойдет ли она с ними, но она только со слезами посмотрела на свои костыли. Все отправились слушать слово божье, а она ушла в свою каморку. Там умещались только кровать да стул; она села и набожно стала читать псалтырь. Вдруг ветер донес до нее звуки церковного органа. Она подняла от книги свое залитое слезами лицо и воскликнула:

— Помогите мне, господа!

И вдруг ее всю осыяло, как солнцем, — перед ней очутился ангел господень в белом одеянии, тот самый, которого она видела в ту страшную ночь у церковных дверей. Но теперь в руках он держал не острый меч, а чудесную зеленую ветвь, усеянную розами. Он коснулся ею потолка, и потолок поднялся высоко-высоко, а на том месте, до которого дотронулся ангел,

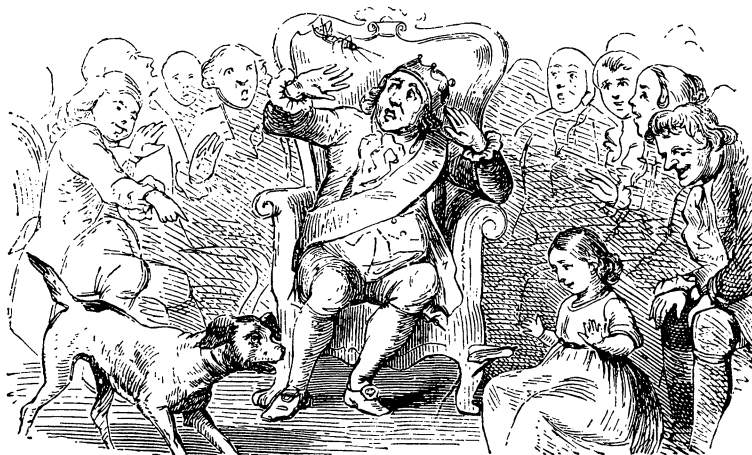
заблестала золотая звезда. Затем ангел коснулся стен — они раздались, и Карен увидела церковный орган, старые портреты пасторов и пасторш и весь народ; все сидели на своих скамьях и пели псалмы. Что это, преобразилась ли в церковь узкая каморка бедной девушки, или сама девушка каким-то чудом перенеслась в церковь? Карен сидела на своем стуле рядом с домашними священника, и когда те окончили псалом и увидали ее, то ласково кивнули ей, говоря:

— Ты хорошо сделала, что тоже пришла сюда, Карен!

— По милости божьей! — отвечала она.

Торжественные звуки органа сливались с нежными детскими голосами хора. Лучи ясного солнышка струились в окно прямо на Карен. Сердце ее так переполнилось всем этим светом, миром и радостью, что разорвалось. Душа ее полетела вместе с лучами солнца к богу, и там никто не спросил ее о красных башмаках.

ПРЫГУНЫ

Блоха, кузнечик и гусек-скакунок¹ хотели раз посмотреть, кто из них выше прыгает, и пригласили прийти полюбоваться на такое диво весь свет и — кто там еще захочет. Да, вот так прыгуны выступили перед собранием! Настоящие прыгуны-молодцы!

— Я выдам свою дочку за того, кто прыгнет выше всех! — сказал король. — Обидно было бы таким молодцам прыгать задаром!

Сначала вышла блоха: она держала себя в высшей степени мило и раскланялась на все стороны: в жилах ее текла кровь барышни, и вообще она привыкла иметь дело с людьми, а это ведь что-нибудь да значит!

Потом вышел кузнечик; он был, конечно, потяжеловеснее, но тоже очень приличен на вид и одет в зеленый мундир, — он и родился в мундире. Кузнечик говорил, что происходит из очень древнего рода, из Египта, и поэтому в большой чести в здешних местах: его взяли прямо с поля и посадили в трехэтажный карточный домик, который был сделан из одних фигур, обращенных лицевою стороной вовнутрь; окна же и двери в нем были прорезаны в туловище червонной дамы.

— Я пою, — прибавил кузнечик, — да так, что шестнадцать здешних сверчков, которые трещат с самого рожденья и все-таки не удостоились карточного домика, послушав меня, с досады похудели!

И блоха, и кузнечик полагали, таким образом, что достаточно зарекомендовали себя в качестве приличной партии для принцессы.

Гусек-скакунок не сказал ничего, но о нем говорили, что он зато много думает. А придворный пес, как только обнюхал его, так и сказал, что гусек-скакунок — из очень хорошего семейства. Старый же придворный советник, который получил три ордена за умение молчать, уверял, что гусек-скакунок отличается пророческим даром: по его спине можно узнать, мягкая или суровая будет зима, а этого нельзя узнать даже по спине самого составителя календарей!

Прыгуны

— Я пока ничего не скажу! — сказал старый король. — Но у меня свои соображения!

Теперь оставалось только прыгать.

Блоха прыгнула, да так высоко, что никто и не видал — как, и потому стали говорить, что она вовсе не прыгала; но это было нечестно. Кузнечик прыгнул вдвое ниже и угодил королю прямо в лицо, и тот сказал, что это очень гадко.

Гусек-скакунок долго стоял и думал; в конце концов все решили, что он вовсе не умеет прыгать.

— Только бы ему не сделалось дурно! — сказал придворный пес и принялся опять обнюхивать его.

Прыг! И гусек-скакунок маленьким косым прыжком очутился прямо на колених у принцессы, которая сидела на низенькой золотой скамеечке.

Тогда король сказал:

— Выше всего допрыгнуть до моей дочери — в этом ведь вся суть; но чтобы додуматься до этого, нужна голова, и гусек-скакунок доказал, что голова на плечах у него есть. И притом с мозгами!

И гуську-скакунку досталась принцесса.

— Я все-таки выше всех прыгнула! — сказала блоха. — Но все равно, пусть остается при своем дурацком гуське с палочкой и смолой! Я прыгнула выше всех, но на этом свете надо иметь крупное тело, чтобы тебя заметили!

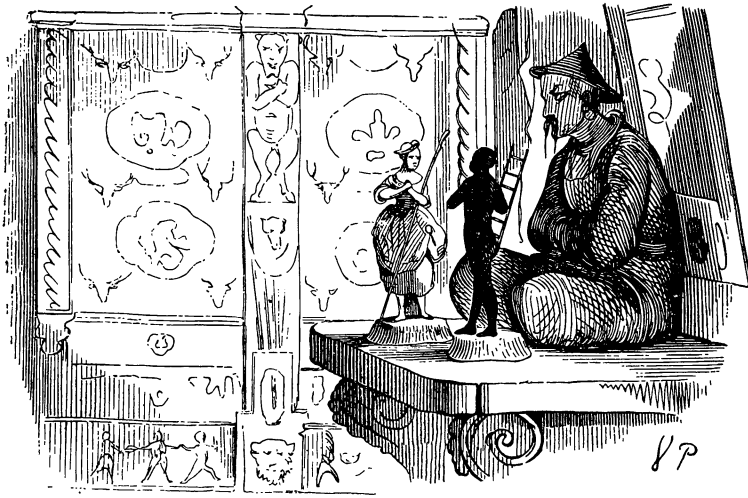
И блоха поступила волонтером в чужеземное войско и, говорят, нашла там смерть.

Кузнечик расположился в канавке и принялся размышлять о том, как идут дела на белом свете. И он тоже сказал:

— Да, прежде всего тело! Одно тело!

И он затянул песенку о своей печальной доле. Из его-то песни мы и взяли эту историю. Впрочем, она, пожалуй, выдуманна, хоть и напечатана.

ПАСТУШКА И ТРУБОЧИСТ

Видали ли вы когда-нибудь старинный-старинный шкаф, почерневший от времени и весь изукрашенный резьбой в виде разных завитушек, цветов и листьев? Такой вот точно шкаф — наследство после прабабушки — и стоял в комнате. Он был весь покрыт резьбой, — розами, тюльпанами и самыми причудливыми завитушками. Между ними высовывались маленькие оленьи головы с ветвистыми рогами, а по самой середине был вырезан целый человек. На него невозможно было глядеть без смеха, да и сам он преуморительно скалил зубы — такую гримасу уж никак не назовешь улыбкой! У него были козлиные ноги, маленькие рожки на лбу и длинная борода. Дети звали его обер-унтер-генерал-комиссар-сержант Козлоног! Трудно выговорить такое имя, и немногие устаиваются подобного титула, зато и вырезать такую фигуру стоило немалого труда. Ну, да все-таки вырезали! Он вечно глядел на подзеркальный столик, где стояла прелестная фарфоровая пастушка. Башмачки на ней были вызолоченные, платьице слегка приподнято и подколото алой розой, на головке красовалась золотая шляпа, а в руках пастуший посох. Ну, просто прелесть! Рядом с нею стоял маленький трубочистик, черный как уголь, но, впрочем, тоже из фарфора и сам по себе такой же чистенький и миленький, как всякая фарфоровая статуэтка; он ведь только представлял трубочиста, и мастер точно так же мог бы сделать из него принца, — все равно!

Он премило держал в руках свою лестницу; личико у него было белое, а щеки розовые, как у барышни, и это было немножко неправильно, следовало бы ему быть почернее. Он стоял рядом с пастушкой — так их поставили, так они и стояли; стояли, стояли, да и обручились. они были отлично парочкой, оба молодые, оба из одинакового фарфора и оба одинаково хрупки.

Тут же стояла и еще одна кукла, в три раза больше их. Это был старый китаец с кивающей головой. Он был тоже фарфоровый и называл себя дедушкой маленькой пастушки, но доказать этого, кажется, не мог. Он утверждал, что имеет над ней власть, и потому кивал головою обер-унтер-генерал-комиссар-сержанту Козлоногу, который сватался за пастушку.

— Вот так муж у тебя будет! — сказал старый китаец пастушке. — Я думаю даже, что он из красного дерева! Он сделает тебя обер-унтер-генерал-комиссар-сержаншей! И у него целый шкаф серебра, не говоря уже о том, что лежит в потайных ящичках!

— Я не хочу в темный шкаф! — сказала пастушка. — Говорят, у него там одиннадцать фарфоровых жен!

— Так ты будешь двенадцатой! — отвечал китаец. — Ночью, как только в старом шкафу раздастся треск, мы сыграем вашу свадьбу! Да, да, не будь я китайцем!

Тут он кивнул головой и заснул.

Пастушка плакала и смотрела на своего милого.

— Право, я попрошу тебя, — сказала она, — бежать со мной куда глаза глядят. Тут нам нельзя оставаться!

— Твои желания — мои! — ответил трубочист. — Пойдем хоть сейчас! Я думаю, что смогу прокормить тебя своим ремеслом!

— Только бы нам удалось спуститься со столика! — сказала она. — Я не успокоюсь, пока мы не будем далеко-далеко отсюда!

Трубочист успокаивал ее и показывал, куда лучше ступать ножкой, на какой выступ или золоченую завитушку резных ножек стола. Лестница его тоже сослужила им немалую службу: таким образом они благополучно спустились на пол. Но, взглянув на старый шкаф, они увидели там страшный переполох. Резные олени далеко-далеко вытянули вперед головы с рогами и мотали ими, а обер-унтер-генерал-комиссар-сержант Козлоног высоко подпрыгнул и закричал старому китайцу:

— Бегут! Бегут!

Беглецы испугались немножко и поскорее шмыгнули в ящик предоконного возрышения¹.

Тут лежали три-четыре неполные колоды карт и кукольный театр; он был кое-как устроен, и на сцене шло представление. Все дамы — и бубновые, и червонные, и трефовые, и пиковые — сидели в первом ряду и обмахивались своими тюльпанами. Позади них стояли валеты и старались показать, что они о двух головах — как и все карты. В пьесе изображались страдания влюбленной парочки, которую разлучали. Пастушка заплакала: это была ведь точь-в-точь их собственная история.

— Нет, я не вынесу! — сказала она трубочисту. — Уйдем отсюда!

Но, очутившись опять на полу, они увидели, что старый китаец проснулся и весь качается из стороны в сторону, — внутри его катался свинцовый шарик.

— Ай, старый китаец гонится за нами! — закричала пастушка и в отчаянии упала на свои тонкие фарфоровые коленки.

— Стой, мне пришла в голову мысль! — сказал трубочист. — Видишь вон там, в углу, большую вазу с сушеными душистыми травами и цветами?

Влезем в нее! Там мы будем лежать на розах и лаванде, а если китаец подойдет к нам, засыплем ему глаза солью.

— Нет, это не годится! — сказала она. — Я знаю, что старый китаец и ваза были когда-то помолвлены, а в таких случаях всегда ведь сохраняются добрые отношения! Нет, нам остается только пуститься по белу свету куда глаза глядят!

— А хватит ли у тебя мужества идти за мною всюду? — спросил трубочист. — Подумала ли ты, как велик свет? — Подумала ли о том, что нам уже нельзя будет вернуться назад?

— Да, да! — отвечала она.

Трубочист пристально посмотрел на нее и сказал:

— Моя дорога идет через дымовую трубу! Хватит ли у тебя мужества вскарабкаться со мной в печку и пробраться по коленчатым переходам трубы? Там-то уж я знаю, что мне делать! Мы заберемся так высоко, что нас не достанут! В самом же верху есть дыра, через нее можно выбраться на белый свет!

И он повел ее к печке.

— Как тут темно! — сказала она, но все-таки полезла за ним в печку и в трубу, где было темно, как ночью.

— Ну вот мы и в трубе! — сказал он. — Смотри, смотри! Прямо над нами сияет чудесная звездочка!

На небе и в самом деле сияла звезда, точно указывая им дорогу. А они все лезли и лезли, выше да выше! Дорога была ужасная. Но трубочист поддерживал пастушку и указывал, куда ей удобнее и лучше ставить фарфоровые ножки. Наконец они достигли края трубы и уселись на нее, — они очень устали, и было от чего!

Небо, усеянное звездами, было над ними, а под ними все домовые крыши. С этой высоты глазам их открывалось огромное пространство. Бедная пастушка никак не думала, чтобы свет был так велик. Она склонилась головкою к плечу трубочиста и заплакала: слезы катились ей на грудь и разом смыли всю позолоту с ее пояса.

— Нет, это уж слишком! — сказала она. — Я не вынесу! Свет слишком велик! Ах, если бы я опять стояла на подзеркальном столике! Я не успокоюсь, пока не вернусь туда! Я пошла за тобою куда глаза глядят, а теперь ты, будь любезен, проводи меня обратно, если любишь меня!

Трубочист стал ее уговаривать, напоминал ей о старом китайце и обер-унтер-генерал-комиссар-сержанте Козлоноге, но она только рыдала и крепко целовала своего милого. Что ему оставалось делать? Пришлось уступить, хотя и не следовало.

И вот они с большим трудом спустились по трубе обратно вниз; не легко это было! Очутившись опять в темной печке, они сначала постояли несколько минут за дверцами, желая услышать, что творится в комнате. Там было тихо, и они выглянули. Ах! На полу валялся старый китаец: он свалился со стола, собираясь пуститься за ними вдогонку, и разбился на три части; спина так вся и отлетела прочь, а голова закатилась в угол. Обер-унтер-генерал-комиссар-сержант Козлоног стоял, как всегда, на своем месте и раздумывал.

Пастушка и трубочист

— Ах, какой ужас! — воскликнула пастушка. — Старый дедушка разбился в куски, и мы всему виною! Ах, я не переживу этого!

И она заломила свои крошечные ручки.

— Его можно починить! — сказал трубочист. — Его отлично можно починить! Только не огорчайся! Ему приклеют спину, а в затылок забьют хорошую заклепку — он будет совсем как новый и успеет еще наделать нам много неприятностей.

— Ты думаешь? — спросила она.

И они опять вскарабкались на столик, где стояли прежде.

— Вот куда мы ушли! — сказал трубочист. — Стоило беспокоиться!

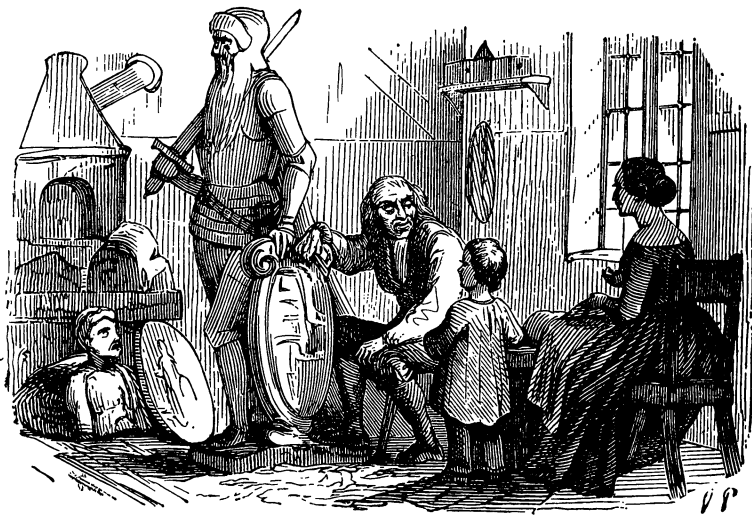
— Только бы дедушку починили! — сказала пастушка. — Или это очень дорого обойдется?

И дедушку починили: приклеили ему спину и забили хорошую заклепку в шею; он стал как новый, только кивать головой больше не мог.

— Вы что-то загордились с тех пор, как разбились! — сказал ему обер-унтер-генерал-комиссар-сержант Козлоног. — А мне кажется, тут гордиться особенно нечем! Что же, отдадут ее за меня или нет?

Трубочист и пастушка с мольбой взглянули на старого китайца, — они так боялись, что он кивнет, но он не мог, хоть и не хотел в этом признаться: не очень-то приятно рассказывать всем и каждому, что у тебя в затылке заклепка! Так фарфоровая парочка и осталась стоять рядышком. Пастушка и трубочист благословляли дедушкину заклепку и любили друг друга, пока не разбились.

ХОЛЬГЕР ДАТЧАНИН ¹

Есть в Дании старинный замок Кронборг ²; он стоит на самом берегу Эресунна ³, и мимо него ежедневно проходят сотни кораблей: и английские, и русские, и прусские. Все они приветствуют старый замок пушечными выстрелами: бум! Из замка тоже отвечают: бум! Это пушки говорят: «Здравия желаем!» — «Спасибо!» Зимой корабли не ходят, море замерзает вплоть до самого шведского берега, и устанавливается настоящая дорога. По ней развеваются датские и шведские флаги, и шведы с датчанами тоже говорят друг другу: «Здравия желаем!» и «Спасибо!» — но уже не пушечными выстрелами, а просто пожимая друг другу руки ⁴, и ходят друг к другу за булками и кренделями, — чужая еда всегда ведь слаще! Но лучше всего здесь это все-таки старинный Кронборг. В его глубоком, мрачном подземелье, куда никто не заглядывает, сидит Хольгер Датчанин. Он весь закован в железо и сталь и подпирает голову могучими руками. Длинная борода его крепко приросла к мраморной доске стола. Он спит и видит во сне все, что делается в Дании. Каждый сочельник является к нему ангел господень и говорит, что все виденное им во сне — правда и что он еще может пока спать спокойно: Дании не угрожает никакая серьезная опасность. А настань эта грозная минута — старый Хольгер Датчанин воспрянет, и мраморная доска стола треснет, когда он потянет свою бороду. Он выйдет на волю и так ударит мечом, что гром раздастся по всему свету.

Так рассказывал старый дед своему маленькому внуку, и мальчик знал, что все это правда, — рассказывал ведь дедушка. Старик же, рассказывая, вырезывал из дерева большую фигуру самого Хольгера Датчанина. Старый дед занимался вырезыванием фигур для украшения кораблей соответственно их названиям. Теперь вот он вырезал Хольгера Датчанина; герой с длинною седою бородой стоял так прямо и гордо, держа в одной руке меч, а другою опираясь на датский герб ⁵. Много еще рассказал старый дед о других за-

мечательных мужах и женах Дании, и под конец внуку стало казаться, будто и он знает теперь не меньше самого Хольгера Датчанина, который ведь видел все это только во сне. Головка мальчика была переполнена всеми этими рассказами, и, улегшись в постель, он крепко прижал свой подбородок к перине, вообразив, что это у него борода, которая крепко приросла к постели.

А старый дед все еще сидел за своею работой, вырезывая последнюю часть фигуры — датский герб. Наконец работа была кончена, он взглянул на нее и стал припоминать все, что когда-то читал, слышал и сейчас сам рассказывал внуку; потом тряхнул головой, снял и протер очки, опять надел их и промолвил:

— Да, на моем веку Хольгер Датчанин, пожалуй, и не придет, но мальчуган, может быть, увидит его и будет биться с ним рядом, когда дело дойдет до серьезного!

Тут дедушка опять кивнул головой, не сводя глаз с фигуры; чем больше он смотрел на своего Хольгера Датчанина, тем яснее видел, что работа ему очень удалась. Ему стало даже казаться, что фигура вдруг показалась ему раскрашенной, броня заблестела, сердца на датском гербе стали больше и заалели и львы с золотыми коронами на головах запрыгали.

— Да, у нас, датчан, лучший герб в мире! — сказал старик. — Львы — эмблема силы, а сердца — кротости и любви.

Он взглянул на верхнего льва, и ему вспомнился король Кнут Великий⁶, который приковал к датскому трону великую Англию; взглянул на другого — вспомнился Вальдемар⁷, который объединил Данию и покорил вендов⁸; взглянул на третьего — вспомнилась Маргрете⁹, объединившая Данию, Швецию и Норвегию. И алые сердца на гербе вдруг стали еще ярче, каждое обратилось в колышущееся пламя, и мысли старика понеслись вслед за каждым.

Первое пламя привело его в узкую, мрачную темницу, где сидела прекрасная пленница, дочь Христиана Четвертого, Элеонора Ульфельдт¹⁰; пламя расцвело на ее груди розой и слилось с сердцем этой лучшей, благороднейшей между датскими женами.

— Да, это сердце из датского герба! — проговорил старик.

И его мысли понеслись за пламенем второго сердца. Оно привело его к морю. Пушки палили, корабли исчезали в облаках дыма, и пламя обвилось, как орденскою лентой, грудь адмирала Витфельда¹¹, который, ради спасения датского флота, взорвал себя и свой корабль на воздух.

Третье пламя привело его к жалким хижинам Гренландии. Там проповедовал любовь и словом и делом миссионер Ханс Эггеде¹²; пламя превратилось в звезду на его груди, в сердце на датском гербе.

И мысли старика опередили четвертое пламя, — он знал куда оно приведет. В жалкой хижине бедной крестьянки стоял Фредрик Шестой¹³ и чертил мелом на балке свое имя; пламя заколебалось на его груди, слилось с его сердцем. В крестьянской хижине его сердце стало одним из сердец датского герба. И старый дед отер глаза: он лично знал этого доброго короля Фредрика, с серебристыми седыми волосами и честными голубыми глазами, и служил ему. Старик скрестил руки и задумался, молча глядя перед собою. Тут подошла к нему невестка и сказала, что уже поздно, — пора ему отдохнуть, да и ужин на столе.

— Как же хорошо у тебя получилось, дедушка! — сказала она. — Хольгер Датчанин и весь наш герб! Право, я как будто где-то видела это лицо!

— Нет, ты-то не видала! — ответил старый дед. — А вот я так видел, по памяти и вырезал его. Это было, когда англичане стояли у нас на рейде, второго апреля тысяча восемьсот первого года¹⁴, и когда мы все опять почувствовали себя прежними молодцами датчанами! Я был на корабле «Дания», в эскадре Стейна Билле¹⁵, и рядом со мною стоял матрос. Право, ядра словно боялись его! Он весело распевал старинные песни, без устали заряжал орудия и стрелял. Нет, что там ни говори, это был не простой смертный! Я еще вижу перед собою его лицо, но откуда он был, куда девался потом — никто не знал. Мне часто приходило в голову, что это был сам старик Хольгер Датчанин, который приплыл к нам из Кронборга и помог в час опасности. Вот я и вырезал его изображение.

Фигура бросала огромную тень на стены и даже на потолок; казалось, что за нею стоял живой Хольгер Датчанин, — тень шевелилась, но это могло быть и оттого, что свеча горела не совсем ровно. Невестка поцеловала старика и повела его к большому греслу; старик сел за стол, сели и невестка с мужем — сыном старика и отцом мальчугана, который был уже в постели. Дед и за ужином говорил о датских львах и сердцах, о силе и кротости, объясняя, что есть и другая сила, кроме той, что опирается на меч. При этом он указал на полку, где лежали старые книги, между прочим все комедии Хольберга¹⁶. Как видно, ими тут зачитывались; они ведь такие забавные, а выведенные в них лица и типы давней старины кажутся живыми и до сих пор.

— Вот он тоже умел наносить удары! — сказал дедушка. — Он старался обрубить все уродливости и угловатости людские. — Затем старик кивнул на зеркало, за которым был заткнут календарь с изображением Круглой башни¹⁷, и сказал: — Тихо Браге¹⁸ тоже владел мечом, но он употреблял его не для того, чтобы проливать кровь, а чтобы проложить верную дорогу к звездам небесным!.. А Торвальдсен, сын такого же простого резчика, как я; Торвальдсен, которого мы видели сами, седой, широкоплечий старец, чье имя известно всему свету! Вот он владел резцом; умел рубить, а я только строгаю! Да, Хольгер Датчанин является в различных видах, и слава Дании гремит по всему свету! Выпьем же за здоровье Бертеля Торвальдсена!

А мальчуган в это время так ясно видел во сне старинный Кронборг, подземелье и самого Хольгера Датчанина, сидящего с приросшею к столу бороною. Он спит и видит во сне все, что совершается в Дании, видит и то, что делается в бедной комнатке резчика, слышит все, что там говорится, и кивает во сне головой:

— Да, только помните обо мне, датчане! Только помните обо мне! Я явлюсь в час опасности!

А над Кронборгом сияет ясный день; ветер доносит с соседней земли звуки охотничьих рогов; мимо плывут корабли и здороваются: бум! бум! И из Кронборга отвечают: бум! бум! Но Хольгер Датчанин не просыпается, как громко ни палят пушки, — это ведь только «Здравия желаем!» и «Спасибо!» Не такая должна пойти пальба, чтобы разбудить его, но тогда уж он пробудится непременно, — Хольгер Датчанин еще силен!

ВТОРОЙ ТОМ

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК

1847

*Матери поэта И. Л. Хейберга,
умнейшей, талантливейшей фру Гюлембург¹,
приношу я с величайшим уважением
и преданностью эти сказки*

СТАРЫЙ УЛИЧНЫЙ ФОНАРЬ

Слышали вы сказку про старый уличный фонарь? Она не то, чтобы уж очень забавна, но разок все-таки можно послушать.

Так вот, жил-был один почтенный старый уличный фонарь; много лет он честно нес службу, но теперь его решили уволить. Он знал, что сидит на столбе и освещает улицу последний вечер, и чувство его можно было сравнить с чувством старой балетной фигурантки, которая танцует на сцене в последний раз и знает, что завтра ее выставят из театра. Фонарь с ужасом ждал завтрашнего дня: завтра он должен был явиться на смотр в ратушу и представиться «тридцати шести отцам города», которые решат, годен ли он еще к службе, или нет.

Да, завтра решится вопрос: отправят ли его светить куда-нибудь в предместье на мост, ушлют ли в деревню или на фабрику, или же прямо в переделку. Из него могло ведь выйти что угодно, но его ужасно мучила неизвестность: сохранит ли он воспоминание о том, что некогда был уличным фонарем или нет? Впрочем, как бы там ни было, ему, во всяком случае, придется расстаться с ночным сторожем и его женой, на которых он смотрел,

как на родных. Оба они — и фонарь и сторож — поступили на службу в один и тот же день. Жена сторожа в те времена была гордячка: и, проходя мимо фонаря, достаивала его взглядом только по вечерам, а днем — никогда. Но в последние годы, когда они все трое — и сторож, и жена его, и фонарь — уже состарились, она тоже стала ухаживать за фонарем, чистить лампу и наливать в нее ворвань. Честные люди были эти старики, ни разу не обделили фонарь ни на капельку!

Итак, фонарь освещал улицу последний вечер, а назавтра должен был отправиться в ратушу. Эти две мрачные мысли не давали ему покоя; порою можно представить себе, как он горел. Порою у него мелькали и другие мысли — он ведь многое видел, на многое пришлось ему пролить свет; в этом отношении он стоял, пожалуй, выше самих «тридцати шести отцов города»! Но он и не заговаривал об этом: почтенный старый фонарь не хотел обижать никого, а тем более свое высшее начальство. Фонарь много чего помнил, и время от времени пламя его порывисто вспыхивало, словно в нем шевелились такие мысли: «Да, и обо мне кое-кто вспомнит! Вот хоть бы тот красивый молодой человек... Много уж лет прошло с тех пор. Он подошел ко мне с исписанным листком розовой, тонкой-претонкой бумаги с золотым обрезом. Письмо было написано так изящно, как видно дамской ручкой! Он прочел его два раза, поцеловал и поднял на меня сияющие глаза, которые так и говорили: «Я счастливейший человек в мире!» Да, только мы с ним и знали, что написала в этом первом письмеце его возлюбленная. Помню я и еще одни глаза... Удивительно, как перескакивают мысли! По нашей улице двигалась пышная похоронная процессия; на бархатном катафалке везли в гробу тело молодой, прекрасной женщины. Сколько тут было цветов и венков! Горело так много факелов, что мой свет совсем потерялся. Тротуар был заполнен народом — столько людей шло за гробом. Но когда факелы скрылись из виду, я огляделся и увидел человека, который стоял у моего столба и плакал. Никогда я не забуду того скорбного взгляда, который он вскинул на меня».

И много еще о чем вспоминал старый уличный фонарь в этот последний вечер. Часовой, сменяющийся с поста, все-таки знает своего преемника и может перекинуться с ним словечком; фонарь же не знал, кто его сменит, а то он тоже мог бы дать ему кое-какие указания насчет ненастной погоды, насчет того, как далеко заходят лучи месяца на тротуар и с какой стороны обыкновенно дует ветер.

На мостике, перекинутом через водосточную канавку, находились в это время три особы, претендовавшие заместить фонарь, они думали, что выбор преемника зависит от самого фонаря. Одной из этих особ была селедочная головка, светящаяся в темноте; она полагала, что ее появление на фонарном столбе поведет к большой экономии ворвани. Второю была гнилушка, которая тоже светила и, по ее собственным словам, даже ярче, чем сушеная треска; к тому же она была последним остатком дерева, которое некогда было красой всего леса. Третьим кандидатом был светлячок; откуда он взялся — фонарь никак не мог догадаться, но светлячок был тут и тоже светился, хотя гнилушка и селедочная головка клялись в один голос, что он светит только в известное время, почему его и не следует принимать в расчет.

Старый фонарь ответил, что никто из них не светит настолько ярко, чтобы занять его место, но, конечно, они этому не поверили. Узнав же, что передача должности зависит не от самого фонаря, все трое выразили живейшее удовольствие, — он был ведь слишком стар, чтобы сделать верный выбор.

В это время из-за угла подул ветер и шепнул в отдушину фонаря:

— Что я слышу! Ты уходишь завтра? Это последний вечер, что мы встречаемся с тобою здесь? Ну, так вот же тебе от меня подарок! Я проветрю твою черепную коробку, да так, что ты не только будешь ясно и точно помнить все, что когда-либо слышал и видел сам, но увидишь собственными глазами то, что будут рассказывать или читать при тебе другие, — вот какая у тебя будет светлая голова!

— Не знаю, как тебя благодарить, — сказал старый фонарь. — Только бы меня не переплавили!

— До этого еще далеко, — отвечал ветер. — Ну, сейчас я проветрю твою память. Если ты получишь много таких подарков, как мой, то проведешь старость еще очень и очень приятно!

— Только бы меня не переплавили! — Может быть, ты и в этом случае поручишься за мою память?

— Эх, старый фонарь, будь же благоразумен! — сказал ветер и подул.

В эту минуту выглянул месяц.

— А вы что подарите? — спросил его ветер.

— Ничего, — ответил месяц, — я ведь на ущербе, к тому же фонари никогда не светят за меня, — всегда я за них. — И месяц опять спрятался за тучи — он не хотел, чтобы ему надоедали.

Вдруг на железный колачок фонаря упала дождевая капля, как будто бы с крыши; но сама капля сказала, что явилась из серого облака, и тоже — как подарок, пожалуй, даже самый лучший.

— Я проточу тебя, и ты, когда пожелаешь, сможешь проржаветь и рассыпаться прахом в одну ночь!

Фонарю это показалось плохим подарком; ветру — тоже.

— Неужто никто не подарит ничего получше? — зашумел он изо всей мочи.

И в ту же минуту с неба скатилась звездочка, оставив за собой длинный светящийся след.

— Это что? — вскричала селедочная головка. — Как будто звезда с неба упала? и, кажется, прямо в фонарь! Ну, если этой должности помогают такие высокопоставленные особы, то нам тут и делать нечего, остается только откланяться.

Так все трое и сделали. Старый же фонарь вдруг вспыхнул как-то особенно ярко.

— Вот это чудесный подарок! — сказал он. — Ясные звездочки! Как я любовался всегда их чудным светом! Самым моим заветным желанием было светить как они, но это у меня не получалось, хоть я и старался, — и вот эти чудные звездочки заметили меня, бедный старый фонарь, и послали ко мне с подарком одну из своих сестриц. Они одарили меня способностью показывать тем, кого я люблю, все, что я помню и вижу сам. А ведь всякое удовольствие только тогда и бывает истинным, полным, когда можешь им поделиться с другими!

— Замечательная мысль,— сказал ветер.— Но ты не знаешь, что этот твой дар зависит от восковой свечки. Ты никому ничего не сможешь показать, если в тебе не будет гореть восковая свечка: об этом-то и не подумали звезды. Они думают, что там, откуда льется свет, непременно есть хотя бы восковая свечка. Но теперь я устал, пора улечься! — добавил ветер и улегся.

На другой день... нет, через него мы лучше перескочим,— в следующий вечер фонарь лежал в кресле. Угадай где? В комнате старого ночного сторожа. Старик попросил у «тридцати шести отцов города» в награду за свою долгую верную службу... старый фонарик. Те посмеялись над его просьбой, но фонарь отдали; и вот фонарь преважно лежал теперь в кресле возле теплой печки и, право, точно вырос, так что занимал собою почти все кресло. Старички уже сидели за ужином и ласково поглядывали на старый фонарь: они охотно посадили бы его с собой и за стол.

Правда, они жили в подвале, на несколько футов под землей, и, чтобы попасть в их каморку, надо было пройти через вымощенную кирпичами прихожую,— зато в самой каморке было очень чисто и уютно. Двери были обиты по краям полосками войлока, кровать пряталась за пологом, на окнах висели занавески, а на подоконниках стояли два диковинных цветочных горшка. Их привез матрос Кристиан из Ост-Индии или Вест-Индии. Горшки были глиняные и изображали слонов без спины; вместо спины у них было углубление, набитое землей; в одном слоне рос чудеснейший лук-порей, а в другом — цветущая герань. Первый слон был огородом старичков, второй — цветником. На стене висела раскрашенная гравюра, изображавшая Венский конгресс, тут перед старичками красовались все короли и государи зараз¹. Старинные часы с тяжелыми свинцовыми гирями тикали без умолку и вечно забегали вперед. Пускай уж лучше спешат, чем отстают,— говорили старички.

И вот они ужинали, а старый уличный фонарь лежал, как мы знаем, в кресле, возле теплой печки, и ему казалось, будто весь свет перевернулся вверх дном. Но вот старый сторож взглянул на него и стал припоминать все, что они пережили вместе, в дождь и в непогоду, в ясные и короткие летние ночи и в снежные метели, когда так и тянет домой, в подвальчик; а фонарь пришел в себя и увидел все это как наяву.

Да, ветер славно его проветрил!

Старички были такие работающие, трудолюбивые; ни один час не пропадал у них даром. По воскресеньям после обеда на столе появлялась какая-нибудь книжка, чаще всего описание путешествия, и старик читал вслух об Африке, об огромных лесах и диких слонах, которые там бродят. Старушка слушала и поглядывала на глиняных слонов, служивших цветочными горшками.

— Могу себе это представить! — приговаривала она.

А фонарь от души желал, чтобы в него вставили восковую свечку,— тогда старушка, как и он сам, вочию увидела бы все: и высокие деревья, перепутавшиеся густыми ветвями, и голых черных людей верхом на лошадях и целые стада слонов, уминающих толстыми ногами тростник и кусты.

— Что проку в моих способностях, если во мне нет восковой свечки! — вздыхал фонарь.— У моих хозяев только и есть, что ворвань да сальные свечи, а этого мало.

Раз у старичков появилась целая куча восковых огарков; самые боль-

Старый уличный фонарь

шие были сожжены, а короткими старушка вошила нитки, когда шила. Восковые свечки теперь у стариков были, но им и в голову не приходило вставить хоть один огарочек в фонарь.

— Ну вот, я и лежу тут зря со всеми своими редкими способностями,— сказал фонарь.— Внутри у меня целое богатство, а я не могу им поделиться! Ах, вы не знаете, что я могу превратить эти голые стены в роскошнейшие обои, в густые леса, во все, чего пожелаете! Да и где вам знать это!

Фонарь, вычищенный до блеска, всегда лежал в углу, на самом видном месте. Люди, правда, называли его старым хламом, но старики не обращали на это внимания — они любили фонарь.

Однажды, в день рождения старика, старушка подошла к фонарю, лукаво улыбнулась и сказала:

— Постой-ка, я сейчас устрою иллюминацию ради праздника!

Фонарь задрезжал от радости. «Наконец-то их озарило!» — подумал он. Но налили в него ворвань, а о восковой свечке не было и помину. Он горел весь вечер, но знал теперь, что самый лучший дар его навсегда останется в нем при такой жизни мертвым капиталом. И вот пригрезилось ему, — с такими способностями немудрено и грезить, — будто бы старики умерли, а он попал в переплавку. Фонарю было так же страшно, как в тот раз, когда ему предстояло явиться на смотр в ратушу. Но хоть он и мог по своему желанию проржаветь и рассыпаться в прах, он этого не сделал, а попал в плавильную печь и превратился в чудеснейший железный подсвечник в виде ангела, который держал в одной руке букет. В этот букет вставили восковую свечку, и подсвечник занял место на зеленом сукне письменного стола. Комната была очень уютна; все полки здесь были уставлены книгами, а стены увешаны великолепными картинами. Здесь жил поэт, и все, о чем он думал и писал, разворачивалось перед ним, как в панораме. Комната становилась то дремучим лесом, освещенным солнцем, то лугами, по которым расхаживал аист, то палубой корабля, плывущего по бурному морю...

— Ах, какие способности скрыты во мне! — воскликнул старый фонарь, очнувшись от грез.— Право, мне даже хочется попасть в переплавку! Впрочем, нет! Пока живы старички — не надо. Они любят меня, каков я есть, я им заменяю ребенка. Они чистили меня, давали мне ворвани, и мне здесь живется не хуже, чем «конгрессу». Чего же еще желать!

И с тех пор фонарь обрел душевное спокойствие, да старый почтенный фонарь и заслуживал этого.

СОСЕДИ

Право, можно было подумать, что в пруду что-то случилось, а на самом-то деле ровно ничего! Но все утки, как те, что преспокойно дремали на воде, так и те, что опрокидывались на голы хвостами вверх — они ведь и это умеют, — вдруг заспешили на берег; на влажной глине отпечатались следы их лапок, и вдали долго-долго еще слышалось их криканье. Вода тоже взволновалась, а всего за минуту перед тем она стояла недвижно, отражая в себе, как в зеркале, каждое деревцо, каждый кустик, старый крестьянский домик со слуховыми оконцами и ласточкиным гнездом, а главное — большой розовый куст в полном цвету, росший над водой у самой стены домика. Но все это стояло в воде вверх ногами, как перевернутая картина. Когда же вода взволновалась, одно набежало на другое, и вся картина пропала. На воде тихо колыхались два перышка, оброненных утками, и вдруг их словно погнало и закрутило ветром. Но ветра не было, и скоро они опять спойкойно улеглись на воде. Сама вода тоже мало-помалу успокоилась, и в ней опять ясно отразились домик с ласточкиным гнездом под крышей и розовый куст со всеми его розами. Они были чудо как хороши, но сами того не знали, — никто ведь не говорил им этого. Солнышко просвечивало сквозь их нежные ароматные лепестки, и на сердце у роз было так же хорошо, как бывает иногда в минуты тихого, счастливого раздумья у нас.

— Как хороша жизнь! — говорили розы. — Одного только хотелось бы нам еще — поцеловать теплое красное солнышко да вон те розы в воде! Они так похожи на нас! Хотелось бы, впрочем, расцеловать и тех миленьких нижних птенчиков в гнезде, вон там, внизу! Наверху, над нами, тоже сидят птенчики! Эти верхние высовывают из гнезда головки и попискивают! На них нет еще перышек, как у их отца с матерью. Да, славные у нас соседи и вверх и внизу. Ах, как хороша жизнь!

Верхние и нижние птенчики — нижние-то являлись только отражением верхних — были воробьи; мать и отец их — тоже. Они завладели прошлогодним ласточкиным гнездом и расположились в нем, как у себя дома.

— Это утиные дети плавают по воде? — спросили воробьишки, увидав утиные перья.

— Уж коли спрашивать, так спрашивайте поумнее! — отвечала воробьиномать. — Не видите разве, что это перья, живое платье, какое и я ношу, какое будет и у вас, — только наше-то потоньше! Хорошо бы, впрочем, заполучить эти перышки в гнездо — они славно греют!.. А хотелось бы мне знать, чего испугались утки? Что-нибудь да случилось там, под водой, — не меня же они испугались... Хотя, положим, я сказала вам «пип» довольно громко!.. Пустоголовые розы должны были бы знать это, но они никогда ничего не знают, только глядят на себя в пруд да пахнут. Надоели мне эти соседки!

— Послушайте-ка этих милых верхних птенчиков! — сказали розы. — Они тоже начинают пробовать голос! Они еще не умеют, но скоро выучатся щебетать! Вот-то будет радость! Приятно иметь таких веселых соседей!

В это время к пруду подсакала пара лошадей; их пригнали на водопой. На одной лошади сидел верхом деревенский парнишка; он снимал с себя все, что было на нем надето, кроме черной широкополой шляпы. Парнишка свистал, как птица, и въехал с лошадьми в самое глубокое место пруда. Проезжая мимо розового куста, он сорвал одну розу и заткнул за ленточку своей шляпы; теперь он воображал себя страсть каким нарядным! Наповив лошадей, парнишка уехал. Остальные розы глядели вслед уехавшей и спрашивали друг друга:

— Куда это она отправилась?

Но никто этого не знал.

— Хотелось бы и мне пуститься по белу свету! — говорили розы одна другой. — Но и тут у нас среди зелени тоже прекрасно! Днем греет солнышко, а ночью небо светится еще ярче! Это видно сквозь маленькие дырочки на нем!

Дырочками они считали звезды — розы ведь могли и не знать, что такое звезды.

— Мы оживляем собою весь дом! — сказала воробьиномать. — Кроме того, ласточкино гнездо приносит счастье, как говорят люди; поэтому они очень рады нам! Но вот такой розовый кустище возле самого дома только разводит сырость. Надеюсь, что этих соседей уберут отсюда, тогда на их месте может хоть вырасти что-нибудь полезное! Розы служат ведь только для вида да для запаха, много-много — для украшения шляпы! Я слыхала от моей матери, что они каждый год опадают, и тогда жена крестьянина собирает их и пересыпает солью, причем они получают уже какое-то французское имя¹, — я не могу его выговорить, да и не нуждаюсь в этом! Потом их кладут на горящие уголья, чтобы они хорошенько пахли. Вот и все; они годны только для услаждения глаз да носа. Так-то!

Настал вечер; в теплом воздухе заплясали комары и мошки, легкис облака окрасились пурпуром, и запел соловей. Песнь его неслась к розам, и в ней говорилось, что красота — солнечный луч, оживляющий весь мир, что красота вечна! Но розы думали, что соловей воспекает самого себя, — и по-

чему бы им не думать этого? Им ведь и в голову не приходило, что песня могла относиться к ним. Они только простодушно радовались ей и думали: «А не могут ли и все воробышки стать соловьями?»

— Мы отлично понимаем, что поет эта птица! — сказали воробышки. — Только вот одно слово непонятно. Что такое «красота»?

— Так, пустое! Только для вида! — отвечала мать. — Там, в барской усадьбе, где у голубей свой дом и где их каждый день угощают горохом и зернами, — я, кстати, едала с ними и вы тоже будете: скажи мне, с кем ты водишься, и я скажу тебе, кто ты сам, — так вот, там, во дворе, есть две птицы с зелеными шеями и с хохолком на голове. Хвост у них может раскрываться, и как раскроется — ну, что твое колесо, да еще весь переливается разными красками, просто глазам нестерпиво. Зовут этих птиц павлинами, и вот это-то и есть красота. Пообщипать бы их немножко, так выглядели бы не лучше нас! Ух! Я бы их заклевала, не будь только они такие огромные!

— Я их заклюю! — сказал самый маленький, совсем еще голеный воробышек.

В домике жила молодая чета — муж с женою. Они очень любили друг друга, оба были такие бодрые, работающие, и в домике у них было премило и прееютно. Каждое воскресное утро молодая женщина набирала целый букет прекраснейших роз и ставила его в стакане с водою на большой деревянный сундук.

— Вот я и вижу, что сегодня воскресенье! — говорил муж, целовал свою миленькую жену, потом оба усаживались рядышком и, держа друг друга за руки, читали вместе утренний псалом. Солнышко светило в окошко на свежие розы и на молодую чету.

— Тошно и глядеть-то на них! — сказала воробыха, заглянув из гнезда в комнату, и улетела.

То же повторилось и в следующее воскресенье, — свежие розы ведь появлялись в стакане каждое воскресное утро: розовый куст цвел все так же пышно. Воробышкам, которые уже успели опериться, тоже хотелось бы полететь с матерью, но воробыха сказала им:

— Сидите дома! — И они остались сидеть.

А она летела, летела да как-то и попала лапкой в силок из конского волоса, который прикрепили к ветке мальчишки-птицеловы. Петля так и впиалась воробыхе в ножку, словно хотела перерезать ее. Вот была боль! А страх-то! Мальчишки подскочили и грубо схватили птицу.

— Простой воробей! — сказали они, но все-таки не выпустили птицу, а понесли ее к себе во двор, угощая по носу щелчками всякий раз, как она попискивала.

На дворе у них стоял в это время старичок, который занимался варкой мыла для бороды и для рук, в шариках и в кусках. Старичок был такой веселый, вечно переходил с места на место, нигде не жил подолгу. Он увидел у мальчишек птицу и услышал, что они собирались выпустить ее на волю, — на что им был простой воробей!

— Постойте! — сказал он. — Мы с ней кое-что сделаем. Вот будет красота!

Услышав это, воробыха задрожала всем телом, а старичок вынул из своего ящичка, где хранились чудеснейшие краски, целую пачку сусального

золота в листочках, велел мальчишкам принести ему яйцо, смазал белком всю птицу и потом обклеил ее золотом. Воробиха стала вся золотая, но она и не думала о своем великолепии, а дрожала всем телом. Старичок между тем оторвал от красной подкладки своей старой куртки лоскуток, вырезал его зубчиками, как петуший гребешок, и приклеил птице на голову...

— Поглядим теперь, как полетит золотая птичка! — сказал старичок и выпустил воробиху, которая в ужасе понеслась прочь. Вот блеск-то был! Все птицы переполошились — и воробьи и даже ворона, да не какой-нибудь годовалый птенец, а большая! Все они пустились вслед за воробихой, желая узнать, что это за важная птица.

— Прраво, диво! Прраво, диво! — каркала ворона.

— Подожди! Подожди! — чирикали воробьи.

Но она не хотела ждать; в ужасе летела она домой, но силы все более и более изменяли ей; она ежеминутно готова была упасть на землю, а птичья стая все росла да росла. Тут были и большие и малые птицы; некоторые подлетали к ней вплотную, чтобы клюнуть ее.

— Ишь ты! Ишь ты! — щебетали и чирикали они.

— Ишь ты! Ишь ты! — зачирикали и птенцы, когда она подлетела к своему гнезду. — Это, верно, павлин! Ишь, какой разноцветный! Глазам нестерпиво, как говорила мать. Пип! Вот она, красота!

И они все принялись клевать ее своими носиками, так что ей никак нельзя было попасть в гнездо, а от ужаса она не могла даже «пип» сказать, не то что — «я ваша мать!» Остальные птицы тоже принялись клевать воробиху и повыщипали у нее все перья. Обливаясь кровью, упала она в самую середину розового куста.

— Бедная пташка! — сказали розы. — Мы укроем тебя! Склони к нам свою головку!

Воробиха еще раз распустила крылья, потом плотно прижала их к телу и умерла у своих соседей, свежих, прекрасных роз.

— Пип! — сказали воробьишки. — Куда же это девалась мамаша? Или она нарочно выкинула такую штуку? Верно, пора нам жить своим умом! Гнездо она оставила нам в наследство, но владеть им надо кому-нибудь одному! Ведь у каждого из нас будет своя семья! Кому же?

— Да уж, вам здесь не будет места, когда я обзаведусь женой и детьми! — сказал самый младший.

— У меня побольше твоего будет и жен и детей! — сказал другой.

— А я старше вас всех! — сказала третья.

Воробьишки поссорились, хлопали крылышками, клевали друг друга и — бух! — попадали из гнезда один за другим. Но и лежа на земле вразяжку, они не переставали злиться, кривили головки набок и мигали глазом, обращенным вверх. У них была своя манера дуться.

Летать они кое-как уже умели, поупражнялись еще немножко и порешили расстаться, а чтобы узнавать друг друга при встречах, уговорились шаркать три раза левою ножкой и говорить «пип».

Младший, который завладел гнездом, постарался рассестся в нем как можно пошире; теперь он был тут полным хозяином, только недолго. Ночью из окон домика показалось красное пламя и охватило крышу; сухая солома

вспыхнула, дом сгорел, а с ним и воробей; молодые же супруги счастливо спаслись.

Наутро взошло солнышко; вся природа смотрела такую освеженную, словно подкрепившеюся за ночь здоровым сном, но на месте домика торчали только обгорелые балки, опиравшиеся на дымовую кирпичную трубу, которая теперь была сама себе госпожою. Развалины еще сильно дымились, а розовый куст стоял все такой же свежий, цветущий; каждая веточка, каждая роза отражались в тихой воде пруда, как в зеркале.

— Ах, что за прелесть! Эти розы — и рядом обгоревшие развалины строения! — сказал какой-то прохожий. — Прелестнейшая картинка! Надо сию воспользоваться!

И он вынул из кармана книжку с чистыми, белыми страницами и карандаш — это был художник. Живо набросал он карандашом дымившиеся развалины, обгорелые балки, покривившуюся трубу — она кривилась все больше и больше — и на самом первом плане цветущий розовый куст. Куст в самом деле был прекрасен, и ради него-то и срисовали всю картину.

Днем пролетали мимо два воробья, родившихся здесь.

— Где же дом-то? — сказали они. — Где гнездо? Пип! Все сгорело, и наш братец-забияка тоже сгорел! Это ему за то, что он забрал себе гнездо! А розы таки уцелели! По-прежнему выставляют свои красные щеки! Небось не горюют о несчастье соседей! Несносные! И говорить-то с ними не хочется! Да и вообще здесь стало прескверно! Одно безобразие!

И они улетели.

Раз осенью выдался чудесный солнечный денек, — право, можно было подумать, что стоит лето. На дворе перед высоким крыльцом барской усадьбы было так сухо и чисто; тут расхаживали голуби — и черные, и белые, и сизые; перья их так и блестяли на солнышке; старые голубки-матушки топорщили перышки и говорили молоденьким голубкам:

— В группы! В группы!

Так ведь было красивее и виднее.

— Кто эти серенькие крошки, что шмыгают у нас под ногами? — спросила старая голубка с зеленоваго-красными глазками. — Серые крошки! Серые крошки!

— Это ворробышки! Славные птички! А мы ведь всегда славились своею кротостью — пусть же они поклюют с нами! Они не вмешиваются в разговор и так мило шаркают ножкой.

Воробьи в самом деле шаркали; каждый из них шаркнул три раза левою ножкой и сказал «пип». Поэтому все сейчас же узнали друг друга, — это были три воробья из сгоревшего дома.

— Славно тут едят! — сказали воробьи.

А голуби увивались вокруг голубок, самодовольно топорщили перышки, выпячивали зобы, судили и рядили.

— Смотрите, смотрите вон на ту зобастую голубку! Смотрите, как она глотает горох! Ишь, все хватает самые крупные, самые лучшие горошины! Курр! Курр! Смотрите, как она выпячивает зоб! Смотрите, она скоро облысеет! Смотрите, какая душечка, какая злюка! Курр! Курр! — И глаза у них налились от злости кровью. — В группы! В группы! Серые крошки! Серые крошки! Курр! Курр! — так это у них шло, идет и будет идти тысячи лет.

Воробьи кушали и слушали и тоже становились было в группы, но это им совсем не шло. Насытившись, они ушли от голубей и посудачили о них, потом шмыгнули под решетку прямо в сад. Дверь в комнату, выходившую в сад, была отворена, и один из воробьев вспрыгнул на порог, — он плотно покушал и потому набрался храбрости.

— Пип! — сказал он. — Какой я смелый!

— Пип! — сказал другой. — Я посмелее тебя!

И он прыгнул за порог. Там никого не было, это отлично заметил третий воробышек и залетел на самую середину комнаты, говоря:

— Войти, так уж войти, или вовсе не входить! Презабавное тут, однако, человечье гнездо! А это что здесь поставлено? Да что же это такое?

Как раз перед воробьями цвели розы, отражаясь в прозрачной воде, а рядом торчали обгорелые балки, опиравшиеся на готовую упасть дымовую трубу.

— Да что же это? Как попало все это в барскую усадьбу?

И все три воробья захотели перелететь через розы и трубу, но ударились прямо об стену. И розы, и труба были только нарисованные, а не настоящие: художник написал по сделанному им маленькому наброску целую картину.

— Пип! — сказали воробьи друг другу. — Это так, пустое! Только для вида! Пип! Вот она, красота! Понимаете вы в этом хоть что-нибудь? Я — ровно ничего!

Тут в комнату вошли люди, и воробьи улетели.

Шли дни и годы, голуби продолжали ворковать, чтобы не сказать ворчать, — злющие птицы! Воробьи мерзли и голодали зимой, а летом жили вволю. Все они обзавелись семьями, или поженились, или как там еще назвать это! У них были уже птенцы, и каждый птенец, разумеется, был прекраснее и умнее всех птенцов на свете. Они все разлетелись в разные стороны, а если встречались, то узнавали друг друга по троекратному шарканью левой ножкой и по особому приветствию «пип». Самую старшую из воробьев, родившихся в ласточкином гнезде, была воробиха; она осталась в девицах, и у нее не было ни своего гнезда, ни птенцов. Ей вздумалось отправиться в какой-нибудь большой город, и вот она полетела в Копенгаген.

Близ королевского дворца, на самом берегу канала, где стояли лодки с яблоками и глиняною посудой, увидела она большой разноцветный дом. Окна, широкие внизу, суживались кверху. Воробиха посмотрела в одно, посмотрела в другое, и ей показалось, что она заглянула в чашечки тюльпанов; все стены так и пестрели разными рисунками и завитушками, а в середине каждого тюльпана стояли белые люди — одни из мрамора, другие из гипса, но для воробихи что мрамор, что гипс — все было едино. На крыше здания стояла бронзовая колесница с бронзовыми же конями, которыми правила богиня победы. Это был музей Торвальдсена².

— Блеску-то, блеску-то! — сказала воробиха. — Это, верно, красота! Пип! Но тут что-то побольше павлина!

Она еще помнила объяснение величайшей красоты, которое слышала в детстве от матери. Затем она слетела вниз, во двор. Там тоже было чудесно. На стенах были нарисованы пальмы и разные ветви, а посреди двора рос большой цветущий розовый куст³. Он склонял свои свежие ветви, усыпанные розами, к могильной плите. Воробиха подлетела к ней, увидав там еще нескольких воробьев. Пип! И она три раза шаркнула левою ножкой. Этим приветствием воробиха встречала из года в год всех воробьев, но никто не понимал его — расставшиеся не встречаются ведь каждый день — и теперь она повторила его просто по привычке. Глядь, два старых воробья и один молоденький тоже шаркнули три раза левою ножкой и сказали «пип».

— А, здравствуйте! Здравствуйте!

Оказалось, что это были два старых воробья из ласточкиного гнезда и один молодой отпрыск семейства.

— Так вот где мы встретились! — сказали они. — Тут знаменитое место, только поживиться нечем! Вот она, красота-то! Пип!

Из боковых комнат, где стояли великолепные статуи, вышло во двор много народу; все подошли к каменной плите, под которой покоился великий мастер, изваявший все эти мраморные статуи, и долго-долго стояли возле нее молча, с задумчивым, но светлым выражением на лицах. Некоторые собирали опавшие розовые лепестки и прятали их на память. Среди посетителей были и прибывшие издалика — из великой Англии, из Германии, из Франции. Самая красивая из дам взяла одну розу и спрятала ее у себя на груди. Видя все это, воробьи подумали, что розы царствуют здесь и что все здание построено, собственно, для них. По мнению воробьев, это было уж слишком большою честью для роз, но так как все люди ухаживали за ними, то и воробьи не захотели отстать.

— Пип! — сказали они и принялись мести землю хвостами и коситься на розы одним глазом. Недолго они смотрели, живо признали своих старых соседа. Это были ведь они самые. Художник, срисовавший розовый куст⁴ и обгорелые развалины дома, выпросил затем у хозяев позволение выкопать куст и подарил его строителю музея⁵. На свете не могло быть ничего прекраснее этих роз, и строитель посадил весь куст на могиле Торвальдсена. Теперь он цвел над ней как живое воплощение красоты, и отдавал свои розовые душистые лепестки на память людям, являвшимся сюда из далеких стран.

— Вас определили на должность здесь, в городе? — спросили воробьи.

И розы кивнули им; они тоже узнали серых соседей и очень обрадовались встрече с ними.

— Как хороша жизнь! — сказали они. — Жить, цвести, встречаться со старыми друзьями, ежедневно видеть вокруг себя милые, радостные лица!.. Тут каждый день точно великий праздник!

— Пип! — сказали воробьи один другому. — Да, это наши старые соседки! Мы помним их происхождение. Как же! Прямо от пруда да сюда! Пип! Ишь, в какую честь попали! Право, счастье приходит к иным во сне! И что хорошего в таких красных кляксах? Понять нельзя!.. А вон торчит увядший лепесток! Вижу! Вижу!

И каждый принялся клевать его; лепесток упал, но куст стоял все такой же свежий и зеленый; розы благоухали на солнышке над могилой Торвальдсена и склонялись к самой плите, как бы венчая его бессмертное имя.

ШТОПАЛЬНАЯ ИГЛА

Жила-была штопальная игла; она считала себя такой тонкой, что воображала, будто она швейная иголка.

— Смотрите, смотрите, что вы держите! — сказала она пальцам, когда они вынимали ее. — Не уроните меня! Если упаду на пол, я чего доброго затеряюсь: я слишком тонка!

— Будто уж! — ответили пальцы и крепко обхватили ее за талию.

— Вот видите, я иду с целой свитой! — сказала штопальная игла и потянула за собой длинную нитку, только без узелка.

Пальцы ткнули иглу прямо в кухаркину туфлю, — кожа на туфле лопнула, и надо было зашить дыру.

— Фу, какая черная работа! — сказала штопальная игла. — Я не выдержу! Я ломаюсь!

И вправду сломалась.

— Ну вот, я же говорила, — сказала она. — Я слишком тонка!

«Теперь она никуда не годится», — подумали пальцы, но им все-таки пришлось крепко держать ее: кухарка накапала на сломанный конец иглы сургуч и потом заколола ей шейный платок.

— Вот теперь я — брошка! — сказала штопальная игла. — Я знала, что войду в честь; в ком есть толк, из того всегда выйдет что-нибудь путное.

И она засмеялась про себя, — никто ведь не видал, чтобы штопальные иглы смеялись громко, — и самодовольно поглядывала по сторонам, точно ехала в карете.

— Позвольте спросить, вы из золота? — обратилась она к соседке-булавке. — Вы очень милы, и у вас собственная головка... Только маловата она! Постарайтесь ее отрастить, — не всякому ведь достается сургучная головка!

При этом штопальная игла так гордо выпрямилась, что вылетела из платка прямо в трубу водостока, куда кухарка как раз выливала помон.

— Отправляюсь в плаванье! — сказала штопальная игла. — Только бы мне не затеряться!

Но она затерялась.

— Я слишком тонка, я не создана для этого мира! — сказала она, сидя в уличной канавке. — Но я знаю себе цену, а это всегда приятно.

И штопальная игла тянулась в струнку, не теряя хорошего расположения духа.

Над ней проплывала всякая всячина: щепки, соломинки, клочки газетной бумаги...

— Ишь, как плывут! — говорила штопальная игла. — Они и понятия не имеют о том, что скрывается тут под ними. — Это я тут скрываюсь! Я тут сижу! Вон плывет щепка: у нее только и мыслей, что о щепке. Ну, щепкой она век и останется! Вот соломинка несется... Вертится-то, вертится-то как! Не задирай так носа! Смотри, как бы не наткнуться на камень! А вон газетный обрывок плывет. Давно уж забыть успели, что и напечатано на нем, а он, гляди, как развернулся!.. А я лежу тихо, смирно. Я знаю себе цену, и этого у меня не отнимут!

Раз возле нее что-то заблестело, и штопальная игла вообразила, что это бриллиант. Это был бутылочный осколок, но он блестел, и штопальная игла заговорила с ним. Она назвала себя брошкой и спросила его:

— Вы, должно быть, бриллиант?

— Да, нечто в этом роде.

И оба думали друг про друга и про самих себя, что они необыкновенно драгоценны, и говорили между собой о невежественности и надменности света.

— Да, я жила в коробке у одной девицы, — рассказывала штопальная игла. — Девица эта была кухаркой. У нее на каждой руке было по пяти пальцев, и вы представить себе не можете, до чего доходило их чванство! А ведь и все-то их дело было — вынимать меня и прятать обратно в коробку!

— А они блестели? — спросил бутылочный осколок.

— Блестели? — отвечала штопальная игла. — Нет, блеску в них не было, зато высокомерия!.. Их было пять братьев, все — урожденные «пальцы»¹; они всегда стояли в ряд, хоть и были различной величины. Крайний — Толстопузый, — впрочем, стоял в стороне от других, и спина у него гнулась только в одном месте, так что он мог кланяться только раз; зато он говорил, что если его отрубят у человека, то весь человек не годится больше для военной службы. Второй — Тычок-Лакомка — тыкал свой нос всюду: и в сладкое и в кислое, тыкал и в солнце и в луну; он же нажимал перо при письме. Следующий — Долговязый — смотрел на всех свысока. Четвертый — Златоперст — носил вокруг пояса золотое кольцо и, наконец, самый маленький — Петрушка-Бездельник — ничего не делал и очень этим гордился. Чванились, чванились, да и проворовили меня!

— А теперь мы сидим и блестим! — сказал бутылочный осколок.

В это время воды в канаве прибыло, так что она хлынула через край и унесла с собой осколок.

— Он продвинулся! — вздохнула штопальная игла. — А я осталась сидеть! Я слишком тонка, слишком деликатна, но я горжусь этим, и это благородная гордость!

И она сидела, вытянувшись в струнку, и передумала много дум.

— Я просто готова думать, что родилась от солнечного луча, — так я тонка! Право, кажется, будто солнце ищет меня под водой! Ах, я так тонка, что даже отец мой солнце не может меня найти! Не лопни тогда мой глазок², я бы кажется заплакала! Впрочем, нет, плакать неприлично!

Раз пришли уличные мальчишки и стали копать в канавке, выискивая старые гвозди, монетки и прочие сокровища. Перепачкались они страшно, но это-то и доставляло им удовольствие!

— Ай! — закричал вдруг один из них; он укололся о штопальную иглу. — Ишь, какая штука!

— Я не штука, а барышня! — заявила штопальная игла, но ее никто не расслышал. Сургуч с нее сошел, и она вся почернела, но в черном платье кажешься стройнее, и игла вообразала, что стала еще тоньше прежнего.

— Вон плывет яичная скорлупа! — закричали мальчишки, взяли штопальную иглу и воткнули в скорлупу.

— Черное на белом фоне очень красиво! — сказала штопальная игла. — Теперь меня хорошо видно! Только бы морская болезнь не одолела, этого я не выдержу: я такая хрупкая!

Но морская болезнь ее не одолела, она выдержала.

— Против морской болезни хорошо иметь стальной желудок, и всегда надо помнить, что ты не то что простые смертные! Теперь я совсем оправилась. Чем ты благороднее и тоньше, тем больше можешь перенести!

— Крак! — сказала яичная скорлупа: ее переехала ломовая телега.

— Ух, как давит! — завопила штопальная игла. — Сейчас меня морская болезнь одолеет! Не выдержу! Сломаюсь!

Но она выдержала, хотя ее и переехала ломовая телега; она лежала на мостовой в растяжку, ну и пусть себе лежит!

МАЛЕНЬКИЙ ТУК

Да, так вот, жил-был маленький Тук. Звали-то его, собственно, не Туком, но так он прозвал себя сам, когда еще не умел хорошенько говорить: «Тук» должно было обозначать на его языке «Карл», и хорошо, если кто знал это! Туку приходилось нянчить свою сестренку Густаву, которая была гораздо моложе его, и в то же время учить уроки, а эти два дела никак не ладились зараз. Бедный мальчик держал сестрицу на коленях и пел ей одну песенку за другою, заглядывая в то же время в лежавший перед ним учебник географии. К завтрашнему дню задано было выучить наизусть все города в Зеландии¹ и знать о них все, что только можно знать.

Наконец вернулась его мать, которая уходила куда-то по делу, и взяла Густаву. Тук — живо к окну да за книгу, и читал, читал чуть не до слепоты: в комнате становилось темно, а матери не на что было купить свечку.

— Вон идет старая прачка² из переулка! — сказала мать, поглядев в окно. — Она и сама-то еле двигается, а тут еще приходится нести ведро с водой. Будь умником, милый Тук, выбеги да помоги старушке!

Тук сейчас же выбежал и помог, но, когда вернулся в комнату, было уже совсем темно; о свечке нечего было и толковать. Пришлось ему ложиться спать. Постелью Туку служила старая деревянная скамья со спинкой и с ящиком под сиденьем. Он лег, но все не переставал думать о своем уроке: о городах Зеландии и обо всем, что рассказывал о них учитель. Следовало бы ему прочесть урок, да было уже поздно, и мальчик сунул книгу себе под подушку: он слышал, что это отличное средство для того, чтобы запомнить урок, но особенно-то полагаться на него, конечно, нельзя.

И вот Тук лежал в постели и все думал, думал. Вдруг кто-то поцеловал его в глаза и в губы — он в это время и спал и как будто не спал — и он увидал перед собою старушку прачку. Она ласково поглядела на него и сказала:

— Грешно было бы, если бы ты не знал завтра своего урока. Ты помог мне, теперь и я помогу тебе. Господь же не оставит тебя своею помощью никогда!

В ту же минуту страницы книжки, что лежала под головой Тука, зашелестели и стали перевертываться. Затем раздалось:

— Кок-кок-кудак!

Это была курица, да еще из города Кёге!³

— Я курица из Кёге! — И она сказала Туку, сколько в Кёге жителей, а потом рассказала про битву, которая тут происходила, — это было даже лишнее: Тук и без того знал об этом.

— Крибле, крабле, бумс! — что-то свалилось; это упал на постель деревянный попугай, служивший мишенью в обществе стрелков города Престё⁴. Птица сказала мальчику, что в этом городе столько же жителей, сколько у нее в животе гвоздей, и похвалилась, что Торвальдсен был одно время ее соседом⁵. — Бумс! Я славюсь чудеснейшим местоположением!

Но маленький Тук уже не лежал в постели, а вдруг очутился верхом на лошади и поскакал в галоп. Он сидел позади раздетого рыцаря в блестящем шлеме с развевающимся султаном. Они проехали лес и очутились в старинном городе Вординборге⁶. Это был большой оживленный город; на холме гордо возвышался королевский замок; в окнах высоких башен ярко светились огни. В замке шло веселье, пение и танцы. Король Вальдемар⁷ танцевал в кругу раздетых молодых фрейлин.

Но вот настало утро, и едва взошло солнце, город с королевским замком провалился, башни исчезли одна за другой, и под конец на холме осталась всего одна; самый городок стал маленьким, бедным; школьники, бежавшие в школу с книжками под мышками, говорили: «У нас в городе две тысячи жителей!» — но неправда, и того не было.

Маленький Тук опять очутился в постели; ему казалось, что он грезит наяву: кто-то опять стоял возле него.

— Маленький Тук! Маленький Тук! — слышалось ему. Это говорил маленький морячок, как будто бы кадет, а все-таки не кадет. — Я привез тебе поклонны из Корсёра⁸. Вот город с будущим! Оживленный город! У него свои почтовые кареты и пароходы. Когда-то его звали жалким городишкой, но это мнение уже устарело. «Я лежу на море! — говорит Корсёр. — У меня есть шоссейные дороги и парк! Я произвел на свет поэта⁹, да еще какого забавного, а ведь не все поэты заняты! Я даже собирался послать один из своих кораблей в кругосветное плаванье!.. Я, положим, не послал, но мог бы послать. И как чудно я благоухаю, от самых городских ворот! Всюду цветут чудеснейшие розы!»

Маленький Тук взглянул на них, и в глазах у него зарябило красным и зеленым. Когда же волны красок улеглись, он увидел поросший лесом обрыв над прозрачным фиордом. Над обрывом возвышался старый собор с высокими стрельчатыми башнями и шпилями. Вниз с журчанием сбегали струи источников. Возле источника сидел старый король; седая голова его с длинными кудрями была увенчана золотой короной. Это был король Роар¹⁰, по имени которого назван источник, а по источнику и близлежащий город Роскилле¹¹. По тропинке, ведущей к собору, шли рука об руку все короли и королевы Дании, увенчанные золотыми коронами. Орган играл, струйки источника журчали. Маленький Тук смотрел и слушал.

— Не забудь сословий!¹² — сказал король Роар.

Вдруг все исчезло. Да куда же это все девалось? Словно перевернули страницу в книжке! Перед мальчиком стояла старушка чолольщица: она пришла из города Сорё¹³, — там трава растет даже на площади. Она накинута

ла на голову и на спину свой серый холщовый передник; передник был весь мокрый, должно быть, шел дождь.

— Да! — сказала она и рассказала ему о забавных комедиях Хольберга¹⁴, о короле Вальдемаре и епископе Абсалоне¹⁵, потом вдруг вся съежилась, замотала головой, точно собираясь прыгнуть и заквакала. — Ква! Ква! Как сыро, мокро и тихо в Сорё! Ква! — она превратилась в лягушку. — Ква! — и она опять стала женщиной. — Надо одеваться по погоде! — сказала она. — Тут сыро, сыро! Мой город похож на бутылку¹⁶: войдешь в горлышко, оттуда же надо и выйти. Прежде он славился чудеснейшими рыбами, а теперь на дне «бутылки» — краснощекие юноши; они учатся тут разной премудрости: греческому бре-ке-кекс, ква!

Мальчику послышалось не то кваканье лягушек, не то шлепанье сапогами по болоту: все тот же самый звук, однообразный и скучный, под который Тук и заснул крепким сном, да и хорошо сделал.

Но и тут ему приснился сон, — иначе что же все это было? Голубоглазая, белокурая и кудрявая сестрица его, Густава, вдруг стала взрослою прелестною девушкой, и, хотя ни у нее, ни у него не было крыльев, они понеслись вместе по воздуху над Зеландией, над зелеными лесами и голубыми водами.

— Слышишь ты крик петуха, маленький Тук? Кукареку! Вот из бухты Кёге полетели куры! У тебя будет птичий двор, огромный-преогромный! Тебе не придется терпеть нужды! Ты, как говорится, убьешь попугая и станешь богатым, счастливым человеком! Твой дом будет возвышаться, как башня короля Вальдемара, будет богато разукрашено такими же мраморными статуями, как те, что изваяны близ Престё. Ты понимаешь меня! Твое имя облетит весь мир, как корабль, который хотели отправить из Корсёра, а в Роскилле — «Помни про сословия!» — сказал король Роар — ты будешь говорить хорошо и умно, маленький Тук! Когда же наконец сойдешь в могилу, будешь спать в ней тихо...

— Как в Сорё! — добавил Тук и проснулся. Было ясное утро, он ровно ничего не помнил из своих снов, да и не нужно было — нечего загадывать вперед.

Он вскочил с постели, взялся за книгу и живо выучил свой урок. А старая прачка просунула в дверь голову, кивнула ему и сказала:

— Спасибо за вчерашнее, голубчик! Господь да исполнит лучший твой сон. А маленький Тук и не знал, что ему снилось, зато знает это господь бог!

ТЕНЬ

Вот уж где жжет солнце — так это в жарких странах! Люди загорают там до того, что становятся краснокожими, а в самых жарких странах — делятся неграми. Но мы поговорим пока только о жарких странах; сюда приехал из холодных стран один ученый. Он было думал и тут бегать по городу, как у себя на родине, да скоро отучился от этого и, как все благоразумные люди, стал сидеть весь день дома с плотно закрытыми ставнями и дверями. Можно было подумать, что весь дом спит или что никого нет дома. Узкая улица, застроенная высскими домами, жарилась на солнце с утра до вечера; просто сил никаких не было терпеть эту жару! Ученому, приехавшему из холодных стран, — он был человек умный и молодой еще, — казалось, будто он сидит в раскаленной печке. Жара сильно влияла на его здоровье; он исхудал, и даже тень его как-то вся съежилась, стала куда меньше, чем была в холодных странах; жара повлияла и на нее. Оба они — и ученый и тень — оживали только с наступлением вечера.

И, право, любо было посмотреть на них! Как только в комнате зажигали огонь, тень растягивалась во всю стену, захватывала даже часть потолка — ей ведь надо было потянуться хорошенько, чтобы расправить члены и вновь набраться сил. Ученый выходил на балкон и тоже потягивался, чтобы порасправить члены, любовался ясным вечерним небом, в котором зажигались золотые звездочки, и чувствовал, что вновь возрождается к жизни. На всех других балконах — а в жарких странах перед каждым окном балкон — тоже виднелись люди; дышать воздухом все же необходимо — даже тем, кого солнце сделало краснокожим. Оживление царило и внизу, на тротуарах улицы, и вверху, на балконах. Башмачники, портные и другой рабочий люд — все высыпали на улицу, выносили туда столы и стулья и зажигали свечи. Жизнь кипела всюду; улицы освещались тысячами огней, люди — кто пел, кто разговаривал с соседом, по тротуарам двигалась масса гуляющих, по мостовой катились экипажи, тут пробирались, позванивая колокольчиками, вьючные ослы, там тянулась с пением псалмов похоронная процессия, слышался треск

хлопушек, бросаемых на мостовую уличными мальчишками, раздавался звон колоколов... Да, жизнь так и была ключом повсюду! Тихо было лишь в одном доме, стоявшем как раз напротив того, где жил ученый. Дом не был, однако, нежилым: на балконе красовались чудесные цветы; без поливки они не могли бы цвести так пышно, кто-нибудь да поливал их — стало быть, в доме кто-то жил. Выходившая на балкон дверь тоже отворялась по вечерам, но в самих комнатах было всегда темно, по крайней мере в первой. Из задних же комнат слышалась музыка. Ученый находил ее дивно-прекрасною, по ведь может статься, что ему это только так казалось: по его мнению, здесь, в жарких странах, и все было прекрасно; одна беда — солнце! Хозяин дома, где жил ученый, сказал, что и он не знает, кто живет в соседнем доме: там никогда не показывалось ни единой живой души; что же до музыки, то он находил ее страшно скучною.

— Словно кто сидит и долбит все одну и ту же пьесу. Дело не идет на лад, а он продолжает, дескать. — «добьюсь своего!» Напрасно, однако, старается, ничего не выходит!

Раз ночью ученый проснулся; дверь на балкон стояла отворенною, и ветер распахнул портьеры; ученый взглянул на противоположный дом, и ему показалось, что балкон озарен каким-то диковинным сиянием; цветы горели чудными разноцветными огнями, а между цветами стояла стройная, прелестная девушка, тоже, казалось, окруженная сиянием. Весь этот блеск и свет так и резнул широко раскрытые со сна глаза ученого. Он вскочил и тихонько подошел к двери, но девушка уже исчезла, блеск и свет — тоже. Цветы больше не горели огнями, а стояли себе преспокойно, как всегда. Дверь из передней комнаты на балкон была полуотворена, и из глубины дома неслись нежные, чарующие звуки музыки, которые хоть кого могли унести в царство сладких грез и мечтаний!..

Все это было похоже на какое-то колдовство! Кто же там жил? Где, собственно, был вход в дом? Весь нижний этаж был занят магазинами — не через них же постоянно ходили жильцы!

Однажды вечером ученый сидел на своем балконе; в комнате позади него горела свечка, и вполне естественно, что тень его расположилась на стене противоположного дома; она даже поместилась на самом балконе, как раз между цветами; стоило шевельнуться ученому — шевелилась и тень, — это она умеет.

— Право, моя тень — единственное видимое существо в том доме! — сказал ученый. — Ишь, как славно уселась между цветами! А дверь-то ведь полуотворена; вот бы тени догадаться войти туда, высмотреть все, потом вернуться и рассказать обо всем мне! Да, следовало бы и тебе быть полезною! — сказал он шутя и затем добавил: — Ну-с, не угодно ли пойти туда! Ну? Идешь? — И он кивнул своей тени головой, тень тоже ответила кивком. — Ну и ступай! Только смотри не пропади там!

С этими словами ученый встал, тень его, сидевшая на противоположном балконе, — тоже; ученый повернулся — повернулась и тень, и если бы кто-нибудь внимательно наблюдал за ними в это время, то увидел бы, как тень скользнула в полуотворенную балконную дверь загодочного дома, когда ученый ушел с балкона в комнату и задвинул за собой портьеры.

Утром ученый пошел в кондитерскую выпить кофе и почитать газеты.
— Что это значит? — сказал он, выйдя на солнце. — У меня нет тени! Так она в самом деле ушла вчера вечером и не вернулась? Довольно-таки неприятная история!

И он рассердился, не столько потому, что тень ушла, сколько потому, что вспомнил известную историю о человеке без тени¹, которую знали все и каждый на его родине, в холодных странах; вернись он теперь туда и расскажи свою историю, все сказали бы, что он пустился подражать другим, а он вовсе в этом не нуждался. Поэтому он решил даже не заикаться о происшествии с тенью и умно сделал.

Вечером он опять вышел на балкон и поставил свечку позади себя, зная, что тень всегда старается загордиться от света своим господином; выманить этим маневром тень ему, однако, не удалось. Он и сел и выпрямился во весь рост — тень все не являлась. Он несколько раз кашлянул, но и это не помогло.

Досадно было, но, к счастью, в жарких странах все растет и созревает необыкновенно быстро, и вот через неделю ученый, выйдя на солнце, заметил к своему величайшему удовольствию, что от ног его начала расти новая тень, — должно быть, корни-то старой остались. Через три недели у него была уже довольно сносная тень, которая во время обратного путешествия ученого на родину подросла еще и под конец стала уже такою большою и длинною, что хоть убавляй.

Ученый вернулся домой и стал писать книги, в которых говорилось об истине, добре и красоте. Так шли дни и годы, прошло много лет.

Раз вечером, когда он сидел у себя дома, послышался тихий стук в дверь.

— Войдите! — сказал он, но никто не входил; тогда он отворил дверь сам — перед ним стоял невероятно худой человек; одет он был, впрочем, очень элегантно, как знатный господин.

— С кем имею честь говорить? — спросил ученый.

— Я так и думал, — сказал элегантный господин, — что вы не узнаете меня! Я обрел телесность, обзавелся плотью и платьем! Вы, конечно, и не предполагали встретить меня когда-нибудь таким благоденствующим. Но неужели вы все еще не узнаете свою бывшую тень? Да, вы, пожалуй, думали, что я уже не вернусь больше? Мне очень повезло с тех пор, как я расстался с вами. Я во всех отношениях завоевал себе прочное положение в свете и могу откупиться от службы, когда пожелаю!

При этих словах он забренчал целою связкой дорогих брелоков, висевших на цепочке для часов, а потом начал играть толстою золотою цепью, которую носил на шее. Пальцы его так и блестели бриллиантовыми перстнями! И золото и камни были настоящие, а не поддельные!

— Я просто в себя не могу прийти от удивления! — сказал ученый. — Что это такое?

— Да, явление не совсем обыкновенное, это правда! — сказала тень. — По вы ведь сами не принадлежите к числу обыкновенных людей, а я, как вы знаете, с детства ходил по вашим стопам. Как только вы нашли, что я достаточно созрел для того, чтобы зажечь самостоятельно, я и пошел своею

дорогой, добился, как видите, полного благосостояния, да вот взгрустнулось что-то по вас, захотелось повидаться с вами, пока вы еще не умерли — вы ведь должны же умереть! — и кстати решил взглянуть еще разок на эти края. Всегда ведь сохраняешь любовь к своей родине!.. Я знаю, что у вас теперь новая тень; скажите, не должен ли я что-нибудь ей или вам? Только скажите слово — и я заплачу.

— Нет, так это в самом деле ты?! — вскричал ученый. — Вот диво, так диво! Никогда бы я не поверил, что моя старая тень вернется ко мне, да еще человеком!

— Скажите же мне, не должен ли я вам? — спросила опять тень. — Мне не хотелось бы быть у кого-нибудь в долгу!

— Что за разговоры! — сказал ученый. — Какой там долг! Ты вполне свободен! Я несказанно рад твоему счастью! Садись же, старый дружище, и расскажи мне, как все это вышло и что ты увидел в том доме напротив?

— Сейчас расскажу! — сказала тень и уселась. — Но с условием, что вы дадите мне слово не говорить никому здесь, в городе, — где бы вы меня ни встретили, — что я был когда-то вашей тенью! Я ведь собираюсь жениться! Я в состоянии содержать и не одну семью!

— Будь спокоен! — сказал ученый. — Никто не будет знать, кто ты, собственно, такой! Вот моя рука! Даю тебе слово!

— Беру твое слово! — откликнулась тень.

Вообще же ученому оставалось только удивляться, как много было в пей человеческого, начиная с самого платья: черная пара из тонкого сукна, на ногах лакированные сапоги, а в руках цилиндр, который мог складываться, так что от него оставалось только доннышко да поля; о брелоках, золотой цепочке и бриллиантовых перстнях мы уже говорили. Да, тень была одета превосходно, и это-то, собственно, и придавало ей вид настоящего человека.

— Теперь я расскажу! — сказала тень и придавила ногами в лакированных сапогах рукав новой тени ученого, которая, как собачка, лежала у его ног.

Зачем она это сделала, из высокомерия ли, или, может быть, в надежде приклеить ее к своим ногам — неизвестно. Тень же, лежавшая на полу, даже не шевельнулась, вся превратившись в слух: ей очень хотелось знать, как это можно добиться свободы и сделаться самой себе госпожой.

— Знаете, кто жил в том доме? — спросила бывшая тень. — Нечто прекраснейшее в мире — сама Поэзия! Я провел там три недели, а это все равно, что прожить на свете три тысячи лет и прочесть все, что сочинено и написано поэтами, — и коли я так говорю, значит это правда! Я видел все и знаю все!

— Поэзия! — вскричал ученый. — Да, да! Она часто живет отшельницей в больших городах! Поэзия! Я видел ее только мельком, да и то заспанными глазами! Она стояла на балконе и сверкала, как северное сияние! Рассказывай же, рассказывай! Ты был на балконе, вошел в дверь и...?

— И попал в переднюю! — подхватила тень. — Вы ведь всегда сидели и смотрели на переднюю. Она не была освещена, и в ней стоял какой-то полумрак, но в отворенную дверь виднелась целая анфилада освещенных покоев. Меня бы этот свет уничтожил вконец, если бы я сейчас же вошел к деве, но я был благоразумен и выждал время. Так и следует поступать всегда!

— И что же ты там видел? — спросил ученый.

— Все, и я расскажу вам обо всем, но... Видите ли, я не из гордости, а... ввиду той свободы и знаний, которыми я располагаю, не говоря уже о моем положении в свете... я очень бы желал, чтобы вы обращались ко мне на «вы»².

— Ах, прошу извинить меня! — сказал ученый. — Это я по старой привычке!.. Вы совершенно правы! И я постараюсь помнить это! Но расскажите же мне, что вы там видели?

— Все! — отвечала тень. — Я видел все и знаю все!

— Что же напоминали эти внутренние покои? — спросил ученый. — Свеший ли зеленый лес? Или святой храм? Или взору вашему открылось звездное небо, видимое лишь с нагорных высот?

— Все там было! — сказала тень. — Я, однако, не входил в самые покои, я оставался в передней, в полумраке, но там мне было отлично, я видел все, и я знаю все! Я ведь провел столько времени в передней при дворе Поэзии.

— Но что же вы видели там? Величавые шествия древних богов? Схватки героев седой старины? Игры милых детей, лепечущих о своих чудных грезах?..

— Говорю же вам, я был там, следовательно и видел все, что только можно было видеть! Явись вы туда, вы бы не сделали человеком, а я сделался им! Я познал там мою собственную натуру, мое природное сродство с поэзией. Да, в те времена, когда я был при вас, я еще и не думал ни о чем таком. Но припомните только, как я всегда удивительно вырастал на восходе и при закате солнца! При лунном же свете я был чуть ли не заметнее вас самих! Но тогда еще я не понимал своей природы, меня озарило только в передней! Там я стал человеком, вполне созрел. Но вас уже не было в жарких странах; между тем, я, в качестве человека, стеснялся уже показываться в своем прежнем виде; мне нужны были сапоги, приличное платье, словом, я нуждался во всем этом внешнем человеческом лоске, по которому признают вас человеком. И вот я нашел себе убежище... Да, вам я признаюсь в этом, вы ведь не напечатаете этого: я нашел себе убежище под юбкой торговки сладостями! Женщина и не подозревала, что она скрывала! Выходил я только по вечерам, бегал при лунном свете по улицам, растягивался во всю длину на стенах — это так приятно щекочет спину! Взбегал вверх по стенам, сбегал вниз, заглядывал в окна самых верхних этажей, заглядывал и в залы, и на чердак, заглядывал и туда, куда никто не мог заглядывать, видел то, чего никто не должен был видеть! И я узнал, как, в сущности, низок свет! Право, я не хотел бы даже быть человеком, если бы только не было раз навсегда принято считать это чем-то особенным! Я подметил самые невероятные вещи у женщин, у мужчин, у родителей, даже у милых, бесподобных деток. Я видел то, — добавила тень, — чего никто не должен был, но что всем так хотелось увидеть — тайные пороки и грехи людские. Пиши я в газетах, меня бы читали! Но я писал прямо самим заинтересованным лицам и нагонял на всех и повсюду, где ни появлялся, такой страх! Все так боялись меня и так любили! Профессора признавали меня своим коллегой, портные одевали меня — платья у меня теперь вдо-

воль,— монетчики чеканили для меня монету, а женщины восхищались моею красотой! И вот я стал тем, что я есть. А теперь я прошусь с вами; вот моя карточка. Живу я на солнечной стороне и в дождливую погоду всегда дома!

С этими словами тень ушла.

— Как это все же странно! — сказал ученый.

Шли дни и годы; вдруг тень опять явилась к ученому.

— Ну, как дела? — спросила она.

— Увы! — отвечал ученый. — Я пишу об истине, добре и красоте, а никому до этого нет и дела. Я просто в отчаянии; меня это так огорчает!

— А вот меня нет! — сказала тень. — Поэтому я все толстею, а это самое главное! Да, не умеете вы жить на свете! Еще заболете, пожалуй. Вам надо попутешествовать немножко. Я как раз собираюсь летом совершить небольшую поездку — хотите ехать со мной? Мне нужно общество в дороге, так не поедете ли вы... в качестве моей тени? Право, ваше общество доставило бы мне большое удовольствие; все издержки я, конечно, возьму на себя!

— Нет, это слишком! — рассердился ученый.

— Да ведь как взглянуть на дело! — сказала тень. — Поездка принесла бы вам большую пользу! А стоит вам согласиться быть моею тенью, и вы поедете на всем готовом!

— Это уж из рук вон! — вскричал ученый.

— Да, таков свет, — сказала тень. — Таким он и останется.

И тень ушла.

Ученый чувствовал себя плохо, а горе и заботы по-прежнему преследовали его: он писал об истине, добре и красоте, а люди понимали во всем этом столько же, сколько коровы в розах. Наконец он заболел.

— Вы неузнаваемы, вы стали просто тенью! — говорили ученому люди, и по его телу пробегала дрожь от мыслей, приходивших ему в голову при этих словах.

— Вам следует ехать куда-нибудь на воды! — сказала тень, которая опять вернула к нему. — Ничего другого вам не остается! Я готов взять вас с собою ради старого знакомства. Я беру на себя все издержки по путешествию, а вы опишете нашу поездку и будете приятно развлекать меня в дороге. Я собираюсь на воды; моя борода не растет, как бы следовало, а это ведь своего рода болезнь, — бороду надо иметь! Ну, будьте благоразумны, принимайте мое предложение; ведь мы же поедем как товарищи.

И они поехали. Тень стала господином, а господин тенью. Они были неразлучны: и ехали, и ходили всегда вместе — то бок о бок, то тень впереди ученого, то позади, смотря по положению солнца. Но тень отлично умела держаться господином, а ученый, по доброте сердца, даже и не замечал этого. Он был вообще такой славный, сердечный человек, и раз как-то возьми да и скажи тени:

— Мы ведь теперь товарищи, да и выросли вместе — выпьем же на «ты», это будет по-приятельски!

— В ваших словах действительно много искреннего доброжелательства! — сказала тень — господином-то теперь была, собственно, она. — И я тоже хочу

быть с вами откровенным. Вы, как человек ученый, знаете, вероятно, какими странностями отличается натура человеческая! Некоторым, например, неприятно дотрагиваться до серой бумаги, другие вздрагивают всем телом, если при них провести гвоздем по стеклу. Вот такое же чувство овладевает и мною, когда вы говорите мне «ты». Я чувствую себя совсем подавленным, как бы низведенным до прежнего моего положения. Вы видите, что это просто болезненное чувство, а не гордость с моей стороны. Я не могу позволить вам говорить мне «ты», но сам охотно буду говорить вам «ты»; таким образом, ваше желание будет исполнено хоть наполовину.

И вот тень стала говорить своему прежнему господину «ты».

«Это, однако, из рук вон,— подумал ученый.— Я должен обращаться к нему на «вы», а он меня тыкает».

Но делать было нечего.

Наконец они прибыли на воды. На водах был большой съезд иностранцев. В числе приезжих находилась и одна красавица принцесса, которая страдала чересчур зорким взглядом, а это ведь не шутка, хоть кого будет беспокоить. Она сразу заметила, что вновь прибывший иностранец совсем непохож на всех других людей.

— Хоть и говорят, что он приехал сюда ради того, чтобы отрастить себе бороду, но меня-то не проведешь! я вижу, что он просто-напросто не может отбрасывать тени!

Любопытство ее было подзадорено, и она, не долго думая, подошла к незнакомцу на прогулке и вступила с ним в разговор. В качестве принцессы она, без дальнейших церемоний, сказала ему:

— Ваша болезнь заключается в том, что вы не можете отбрасывать от себя тени!

— Ваше королевское высочество, должно быть, уже близки к выздоровлению! — сказала тень. — Я знаю, что вы страдали слишком зорким взглядом, — теперь, как видно, вы исцелились от своего недуга! У меня как раз весьма необыкновенная тень. Или вы не заметили особу, которая постоянно следует за мной? У всех других людей — обыкновенные тени, но я вообще враг всего обыкновенного, и как другие одевают своих слуг в ливреи из более тонкого сукна, чем носят сами, так я нарядил свою тень настоящим человеком и даже приставил, как видите, и к ней свою тень! Все это обходится мне, конечно, недешево, но уж я в таких случаях за расходами не стою!

«Вот как! — подумала принцесса. — Так я в самом деле выздоровела? Да, эти воды — лучшие в мире! Надо признаться, что воды обладают в наше время поистине удивительной силой. Но я пока не уеду, — теперь здесь будет еще интереснее. Мне ужасно нравятся этот иностранец. Только бы борода его не выросла, а то он уедет!»

Вечером был бал, и принцесса танцевала с тенью. Принцесса танцевала легко, но тень еще легче; такого танцора принцесса и не встречала. Она сказала ему, из какой страны прибыла, и оказалось, что он знал эту страну и даже был там, но принцесса как раз в то время уезжала. Он заглядывал в окна повсюду, видел кое-что и потому мог отвечать принцессе на все вопросы и даже делать такие намеки, от которых она пришла в полное изумление и стала считать его умнейшим человеком на свете. Знания его

просто поражали ее, и она прониклась к нему глубочайшим уважением. Протанцевав с ним еще раз, она окончательно влюбилась в него, и тень это отлично заметила: принцесса уже не понижала своего кавалера глазами насквозь. Протанцевав же с тенью еще раз, принцесса готова была признаться ей в своей любви, но рассудок все-таки одержал верх, она подумала о своей стране, государстве и народе, которым ей придется управлять. «Умен-то он умен,— сказала она самой себе,— и это прекрасно; танцует он восхитительно, и это тоже хорошо, но обладает ли он основательными познаниями, что тоже очень важно! Надо его проэкзаменовать».

И она опять завела с ним разговор и назадала ему труднейших вопросов, на которые и сама не смогла бы ответить.

Тень скорчила удивленную мину.

— Так вы не можете ответить мне! — сказала принцесса.

— Все это я изучил еще в детстве! — отвечала тень. — Я думаю, даже тень моя, что стоит у дверей, сумеет ответить вам.

— Ваша тень?! — удивилась принцесса. — Это было бы просто поразительно!

— Я, видите, ли, не утверждаю, — сказала тень, — но думаю, что она может, — она ведь столько лет неразлучна со мной и кое-чего наслышалась от меня! Но, ваше королевское высочество, позвольте мне обратить ваше внимание на одно обстоятельство. Тень моя очень гордится тем, что слывет человеком, и если вы не желаете привести ее в дурное расположение духа, вам следует обращаться с нею как с человеком! Иначе она, пожалуй, не будет в состоянии отвечать как следует!

— Что ж, это мне нравится! — ответила принцесса и, подойдя к ученому, стоявшему у дверей, заговорила с ним о солнце, о луне, о внешних и внутренних сторонах и свойствах человеческой природы.

Ученый отвечал на все ее вопросы хорошо и умно.

«Что это должен быть за человек, — подумала принцесса, — если даже тень его так умна! Для моего народа и государства будет сущим благодеянием, если я выберу его себе в супруги. — Да, я так и сделаю!»

И скоро они порешили между собою этот вопрос. Никто, однако, не должен был знать ничего, пока принцесса не вернется домой, в свое государство.

— Никто, никто, даже моя собственная тень! — настаивала тень, имевшая на то свои причины.

Наконец они прибыли в страну, которою управляла принцесса, когда бывала дома.

— Послушай, дружище! — сказала тут тень ученому. — Теперь я достиг высшего счастья и могущества человеческого и хочу сделать кое-что и для тебя! Ты останешься при мне, будешь жить в моем дворце, разъезжать со мною в королевской карете и получать сто тысяч риксдалеров в год. Но за то ты должен позволить называть тебя тенью всем и каждому. Ты не должен и заикаться, что был когда-нибудь человеком! А раз в год, в солнечный день, когда я буду восседать на балконе перед всем народом, ты должен будешь лежать у моих ног, как и подобает тени. Надо тебе сказать, что я женюсь на принцессе; свадьба — сегодня вечером.

— Нет, это уж из рук вон! — вскричал ученый. — Не хочу я этого и не сделаю! Это значило бы обманывать всю страну и принцессу! Я скажу все! Скажу, что я человек, а ты только переодетая тень — все, все скажу!

— Никто не поверит тебе! — сказала тень. — Ну, будь же благоразумен, не то я кликну стражу!

— Я пойду прямо к принцессе! — сказал ученый.

— Ну, я-то попаду к ней прежде тебя! — сказала тень. — А ты отправишься под арест.

Так и вышло: стража повиновалась тому, за кого, как все знали, вышла замуж принцесса.

— Ты дрожишь! — сказала принцесса, когда тень вошла к ней. — Что-нибудь случилось? Не захворай смотри! Ведь сегодня вечером наша свадьба!

— Ах, я пережил сейчас ужаснейшую минуту! — сказала тень. — Подумай... Да, много ли, в сущности, нужно мозгам какой-нибудь несчастной тени!.. Подумай, моя тень сошла с ума, вообразила себя человеком, а меня называет — подумай только — своею тенью!

— Какой ужас! — сказала принцесса. — Надеюсь, ее заперли?

— Да! Но я боюсь, что она никогда не придет в себя!

— Бедная тень! — вздохнула принцесса. — Она очень несчастна! Было бы сущим благодеянием избавить ее от той частицы жизни, которая еще есть в ней. А как подумать хорошенько, то, по-моему, даже необходимо покончить с ней поскорее и без шума!

— Все-таки это жестоко! — сказала тень. — Она была мне верным слугой! — И тень притворно вздохнула.

— У тебя благородная душа! — сказала принцесса.

Вечером весь город был иллюминирован, гремели пушечные выстрелы, солдаты отдавали честь ружьями. Вот была свадьба! И принцесса с тенью вышли на балкон показаться народу, который еще раз прокричал им «ура».

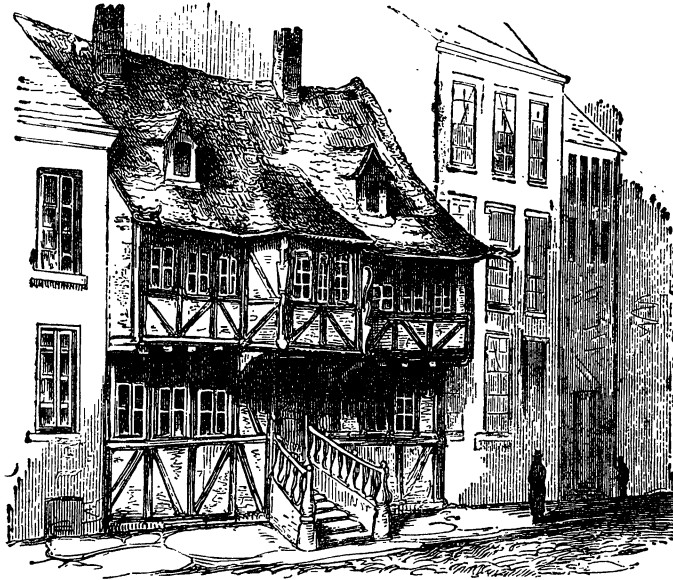
Ученый не слышал этого ликования — с ним уже покончили.

ВТОРОЙ ТОМ

ВТОРОЙ ВЫПУСК

1848

СТАРЫЙ ДОМ

На одной улице стоял старый-старый дом, ему было почти что триста лет, — год был вырезан на одном из оконных карнизов, по которым вилась затейливая резьба: тюльпаны и побеги хмеля; тут же было вырезано старинными буквами и с соблюдением старинной орфографии целое стихотворение. На других карнизах красовались уморительные рожи, корчившие гримасы. Верхний этаж дома образовывал над нижним большой выступ; под самую крышей шел водосточный желоб, оканчивавшийся драконовою головой. Дождевая вода должна была вытекать у дракона из пасти, но текла из живота — желоб был дырявый.

Все остальные дома на улице были такие новенькие, чистенькие, с большими окнами и прямыми, ровными стенами; по всему видно было, что они не желали иметь со старым домом ничего общего и даже думали: «Долго ли он будет торчать тут на позор всей улице? Из-за этого выступа нам не видно, что делается на улице по ту сторону его. А лестница-то, лестница-то! Широкая, будто во дворце, и высокая, словно ведет на колокольню! Зато железные перила как при входе в могильный склеп, а на дверях блестят большие медные бляхи! Просто неприлично!»

Против старого дома, на другой стороне улицы, стояли такие же новенькие, чистенькие домики и думали то же, что их собратья; но в одном из них сидел у окна маленький краснощекий мальчик с ясными, сияющими глазами; ему старый дом и при солнечном и при лунном свете нравился куда больше всех остальных домов. Глядя на стену старого дома с потрескавшейся и местами пообвалившейся штукатуркою, он рисовал себе самые причудливые картины прошлого, воображал всю улицу застроенною такими же домами, с широкими лестницами, выступама и остроконечными крышами, видел перед собою солдат с алебардами и водосточные желобы в виде драконов и змеев... Да, можно таки было заглядеться на старый дом! Жил в нем один старичок, носивший короткие панталоны до колен, кафтан с большими металлическими пуговицами и парик, про который сразу можно было сказать: вот это настоящий парик! По утрам к старику приходил старый слуга, который прибирал все в доме и исполнял поручения старичка хозяина; остальное время дня старик оставался в доме один-одинешенек. Иногда он подходил к окну взглянуть на улицу и на соседние дома; мальчик, сидевший у окна, кивал старику головой и получал в ответ такой же дружеский кивок. Так они познакомились и подружились, хоть и ни разу не говорили друг с другом,— это ничуть им не помешало!

Раз мальчик услышал, как родители его говорили:

— Старику живется вообще недурно, но он так одинок, бедный!

В следующее же воскресенье мальчик завернул что-то в бумажку, вышел за ворота и остановил проходившего мимо слугу старика.

— Послушай! Снеси-ка это от меня старому господину! У меня два оловянных солдатика, так вот ему один! Пусть он останется у него, ведь старый господин так одинок, бедный!

Слуга, видимо, обрадовался, кивнул головой и отнес солдатика в старый дом. Потом тот же слуга явился к мальчику спросить, не пожелает ли он сам навестить старого господина. Родители позволили, и мальчик отправился в гости.

Медные бляхи на перилах лестницы блестели ярче обыкновенного, точно их вычистили в ожидании гостя, а резные трубачи — на дверях были ведь вырезаны трубачи, выглядывавшие из тюльпанов,— казалось, трубили изо всех сил, и щеки их раздувались сильнее, чем всегда. Они трубили: «Тра-та-та-та! Мальчик идет! Тра-та-та-та!» Двери отворились, и мальчик вошел в коридор. Все стены были увешаны старыми портретами рыцарей в латах и дам в шелковых платьях; рыцарские доспехи бряцали, а платья шуршали... Потом мальчик прошел лестницу, которая сначала шла высоко вверх, а потом опять вниз, и очутился на довольно-таки ветхой террасе с большими дырами и широкими щелями в полу, из которых выглядывали зеленая трава и листья. Вся терраса, весь двор и даже вся стена дома были увиты зеленью, так что терраса смотрела настоящим садом, а на самом-то деле это была только терраса! Тут стояли старинные цветочные горшки в виде голов с ослиными ушами; цветы росли в них как хотели. В одном горшке так и лезла через край гвоздика: зеленые побеги ее разбегались во все стороны, и гвоздика как будто говорила: «Ветерок ласкает меня, солнышко целует и обещает подарить мне в воскресенье еще цветочек! Еще цветочек в воскресенье!»

С террасы мальчика провели в комнату, обитую свиною кожей с золотым тиснением.

Да, позолота-то сотрется,
Свиная кожа остается!

говорили стены.

В той же комнате стояли разукрашенные резьбою кресла с высокими спинками.

— Садись! Садись! — приглашали они, а потом жалобно скрипели. — Ох, какая ломота в костях! И мы схватили ревматизм, как старый шкаф. Ревматизм в спине! Ох!

Затем мальчик вошел в комнату с большим выступом на улицу. Тут сидел сам старичок хозяин.

— Спасибо за оловянного солдатика, дружок! — сказал он мальчику. — И спасибо, что сам зашел ко мне!

«Так, так» или, скорее, «кхак, кхак!» — закричала и заскрипела комнатная мебель. Стульев, столов и кресел было так много, что они мешали друг другу смотреть на мальчика.

На стене висел портрет прелестной молодой дамы с живым, веселым лицом, но причесанной и одетой по старинной моде: волосы ее были напудрены, а платье стояло колом. Она не сказала ни «так», ни «кхак», но ласково смотрела на мальчика, и он сейчас же спросил старика:

— Где ты ее достал?

— В лавке старьевщика! — отвечал тот. — Там много таких портретов, но никому до них нет и дела: никто не знает, с кого они писаны, — все эти люди давным-давно умерли, и похоронены. Вот и этой дамы нет на свете лет пятьдесят, но я звал ее в старину.

Под картиной висел за стеклом букетик засушенных цветов; им, верно, тоже было лет под пятьдесят, — такие они были старые! Маятник больших старинных часов качался взад и вперед, стрелка двигалась, и все в комнате старело с каждой минутой, само того не замечая.

— У нас дома говорят, что ты ужасно одинок! — сказал мальчик.

— О! Меня постоянно навещают воспоминания прошлого... Они приводят с собой столько знакомых лиц и образов!.. А теперь вот и ты навестил меня! Нет, мне хорошо!

И старичок снял с полки книгу с картинками. Тут были целые процессии, диковинные кареты, которых теперь уж не увидишь, солдаты, похожие на трюфовых валетов, городские ремесленники с развевающимися знаменами. У портных на знаменах красовались ножницы, поддерживаемые двумя львами, у сапожников же не сапоги, а орел о двух головах — сапожники ведь делают всё парные вещи. Да, вот так картинки были!

Старичок хозяин пошел в другую комнату за вареньем, яблоками и орехами. Нет, в старом доме, право, было прелесть как хорошо!

— А мне просто невмочь оставаться здесь! — сказал оловянный солдатик, стоявший на сундуке. — Тут так пусто и печально. Нет, кто привык к семейной жизни, тому здесь не житье. Сил моих больше нет! День тянется здесь без конца, а вечер и того дольше! Тут не услышишь ни душевной беседы, какую вели, бывало, между собою твои родители, ни веселой возни ребятишек, как у вас! Старый хозяин так одинок! Ты думаешь, его кто-нибудь целует? Глядит на него кто-нибудь ласково? Бывает у него елка? Получает он подарки? Ничего! Вот разве гроб он получит!.. Нет, право, я не выдержу такого житья!

— Ну, ну, полно! — сказал мальчик. — По-моему, здесь чудесно; сюда ведь заглядывают воспоминания и приводят с собою столько знакомых лиц!

— Что-то не видал их, да они мне и незнакомы! — отвечал оловянный солдатик. — Нет, мне просто не под силу оставаться здесь!

— А надо! — сказал мальчик.

В эту минуту в комнату вошел с веселою улыбкой на лице старичок, и чего-чего он только не принес! И варенья, и яблок, и орехов! Мальчик перестал и думать об оловянном солдатике.

Веселый и довольный вернулся он домой. Дни шли за днями; и старик из старого дома, и мальчик по-прежнему кивали друг другу, и вот мальчик опять отправился туда в гости.

Разные трубачи опять затрубили: «Тра-та-та-та! Мальчик пришел! Тра-та-та-та!» Рыцари и дамы на портретах бряцали доспехами и шуршали шелковыми платьями, свиная кожа говорила, а старые кресла скрипели и кряхтели от ревматизма в спине: «Ох!» Словом, все было как и в первый раз, — в старом доме часы и дни шли один, как другой, без всякой перемены.

— Нет, я не выдержу! — сказал оловянный солдатик. — Я уже плакал оловом! Тут слишком печально! Пусть лучше пошлют меня на войну, отрубят там руку или ногу! Все-таки хоть перемена будет! Сил моих больше нет!.. Теперь и я знаю, что это за воспоминания, которые приводят с собою знакомых лиц! Меня они тоже посетили, и, поверь, им не обрадуешься! Особенно, если они станут посещать тебя часто. Под конец я готов был спрыгнуть с сундука!.. Я видел тебя и всех твоих!.. Вы все стояли передо мною, как живые!.. Это было утром в воскресенье... Все вы, ребяташки, стояли в столовой, такие серьезные, набожно сложив руки, и пели утренний псалом... Папа и мама стояли тут же. Вдруг дверь отворилась, и вошла незваная двухгодовалая сестренка ваша Мари. А ей стоит только услышать музыку или пение — все равно какое, — сейчас начинает плясать. Вот она и принялась приплясывать, но никак не могла попасть в такт — вы пели так протяжно... Она поднимала то одну ножку, то другую и вытягивала шейку, но дело не ладилось. Никто из вас даже не улыбнулся, хоть и трудно было удержаться. Я таки и не удержался, засмеялся про себя, да и слетел со стола! На лбу у меня вскочила большая шишка — она и теперь еще не прошла, и поделом мне было!.. Много и еще чего вспоминается мне... Все, что я видел, слышал и пережил в вашей семье, так и всплывает у меня перед глазами! Вот каковы они, эти воспоминания, и вот что они приводят с собой!.. Скажи, вы и теперь еще поете по утрам? Расскажи мне что-нибудь про малютку Мари! А товарищ мой, оловянный солдатик, как поживает? Вот счастливец!.. Нет, нет, я просто не выдержу!..

— Ты подарен! — сказал мальчик. — И должен оставаться тут! Разве ты не понимаешь этого?

Старичок хозяин явился с ящиком, в котором было много разных диковинок: какие-то шкатулочки, флакончики и колоды старинных карт — таких больших, расписанных золотом, теперь уж не увидишь! Старичок отпер для гостей и большие ящики старинного бюро и даже клавикорды, на крышке которых был нарисован ландшафт. Инструмент издавал под рукой хозяина тихие дребезжащие звуки, а сам старичок напевал при этом какую-то заунывную песенку.

— Эту песню певала когда-то она! — сказал он, кивая на портрет, купленный у старьевщика, и глаза его заблестели.

— Я хочу на войну! Хочу на войну! — завопил вдруг оловянный солдатик и бросился с сундука.

Куда же он девался? Искал его и сам старичок хозяин, искал и мальчик — нет нигде, да и только.

— Ну, я найду его после! — сказал старичок, но так и не нашел. Пол весь был в щелях, солдатик упал в одну из них и лежал там, как в открытой могиле.

Вечером мальчик вернулся домой. Время шло; наступила зима; окна замерзли, и мальчику приходилось дышать на них, чтобы оттаяло хоть маленькое отверстие, в которое бы можно было взглянуть на улицу. Снег запылил надпись и все завитушки на карнизах старого дома и завалил лестницу, — дом стоял словно нежилой. Да так оно и было: старичок, хозяин его, умер.

Вечером к старому дому подъехала колесница, на нее поставили гроб и повезли старичка за город, в фамильный склеп. Никто не шел за гробом — все друзья старика давным-давно умерли. Мальчик послал вслед гробу воздушный поцелуй.

Несколько дней спустя в старом доме назначен был аукцион. Мальчик видел из окошка, как уносили старинные портреты рыцарей и дам, цветочные горшки с длинными ушами, старые стулья и шкафы. Одно пошло сюда, другое туда; портрет дамы, купленный в лавке старьевщика, вернулся туда же, да так там и остался: никто ведь не знал этой дамы, никому и не нужен был ее портрет.

Весною стали ломать старый дом — этот жалкий сарай давно уже мозолил всем глаза, и с улицы можно было заглянуть в самые комнаты с обоями из свиной кожи, висевшими клочьями; зелень на террасе разрослась еще пышнее и густо обвивала упавшие балки. Наконец место очистили совсем.

— Вот и отлично! — сказали соседние дома.

Вместо старого дома на улице появился новый, с большими окнами и белыми ровными стенами. Перед ним, то есть, собственно, на том самом месте, где стоял прежде старый дом, разбили садик, и виноградные лозы потянулись оттуда к стене соседнего дома. Садик был обнесен железной решеткой, и вела в него железная калитка. Все это выглядело так нарядно, что прохожие останавливались и глядели сквозь решетку. Виноградные лозы были усеяны десятками воробьев, которые чирикали наперебой, но не о старом доме, — они ведь не могли его помнить; с тех пор прошло столько лет, что мальчик успел стать мужчиной. Из него вышел дельный человек на радость своим родителям. Он только что женился и переехал со своею молодою женой как раз в этот новый дом с садом.

Оба они были в саду; муж смотрел, как жена сажала в клумбу какой-то приглянувшийся ей полевой цветок. Вдруг молодая женщина вскрикнула:

— Ай! Что это?

Она укололась — из мягкой, рыхлой земли торчало что-то острое. Это был — да, подумайте! — оловянный солдатик, тот самый, что пропал у старика, валялся в мусоре и наконец много-много лет пролежал в земле.

Молодая женщина обтерла солдатика сначала зеленым листком, а затем своим тонким носовым платком. Как чудесно пахло от него духами! Оловянный солдатик словно очнулся от обморока.

— Дай-ка мне посмотреть! — сказал молодой человек, засмеялся и покачал головой. — Ну, это, конечно, не тот самый, но он напоминает мне одну историю из моего детства!

И он рассказал своей жене о старом доме, о хозяине его и об оловянном солдатике, которого послал бедному одинокому старичку. Словом, он рассказал все, как было в действительности, и молодая женщина даже прослезилась, слушая его.

— А может быть, это и тот самый оловянный солдатик! — сказала она. — Я спрячу его на память. Но ты непременно покажи мне могилу старика!

— Я и сам не знаю, где она! — отвечал он. — Да и никто не знает! Все его друзья умерли раньше него, никому не было и дела до его могилы, я же в те времена был еще совсем маленьким мальчуганом.

— Как ужасно быть таким одиноким! — сказала она.

— Ужасно быть одиноким! — сказал оловянный солдатик. — Но какое счастье сознавать, что тебя не забыли!

— Счастье! — повторил чей-то голос совсем рядом, но никто не расслышал его, кроме оловянного солдатика.

Оказалось, что это говорил лоскуток свиной кожи, которую когда-то были обиты комнаты старого дома. Позолота с него вся сошла, и он был похож скорее на грязный комок земли, но у него был свой взгляд на вещи, и он высказал его:

Да, позолота-то сотрется,
Свиная кожа остается!

Оловянный солдатик, однако, с этим не согласился.

КАПЛЯ ВОДЫ

Вы, конечно, видали увеличительное стекло — круглое, выпуклое, через которое все вещи кажутся во сто раз больше, чем они на самом деле? Если через него поглядеть на каплю воды, взятой где-нибудь из пруда, то увидишь целые тысячи диковинных зверюшек, которых вообще никогда не видно в воде, хотя они и есть. Смотришь на каплю такой воды, а перед тобой, ни дать ни взять, целая тарелка живых креветок, которые прыгают, копошатся, хлопчут, откусывают друг у друга то переднюю ножку, то заднюю, то тут уголок, то там кончик и при этом радуются и веселятся по-своему!

Жил-был один старик, которого все звали Копун Хлопотун, — такое уж у него было имя. Он вечно копался и хлопотал над всякой вещью, желая извлечь из нее все, что только вообще можно, а нельзя было достигнуть этого простым путем — прибегал к колдовству.

Вот сидит он раз да смотрит через увеличительное стекло на каплю воды, взятой прямо из лужи. Батюшки мои, как эти зверюшки копошились и хлопотали тут! Их были тысячи, и все они прыгали, скакали, кусались, щипались и пожирали друг друга.

— Но ведь это отвратительно! — вскричал старый Копун Хлопотун. — Нельзя ли их как-нибудь умиротворить, ввести у них порядок, чтобы всякий знал свое место и свои права?

Думал-думал старик, а все ничего придумать не мог. Пришлось прибегнуть к колдовству.

— Надо их окрасить, чтобы они больше бросались в глаза! — сказал он и чуть капнул на них какую-то жидкостью, вроде красного вина; но это было не вино, а ведьмина кровь самого первого сорта. Все диковинные зверюшки вдруг приняли красноватый оттенок, и каплю воды можно было теперь принять за целый город, кишевший глыбами дикарями.

— Что у тебя тут? — спросил старика другой колдун, без имени, — этим-то он как раз и отличался.

— А вот угадай! — отозвался Копун Хлопотун. — Угадаешь, — я подарю тебе эту штуку. Но угадать не так-то легко, если не знаешь, в чем дело!

Колдун без имени поглядел в увеличительное стекло. Право, перед ним был целый город, кишевший людьми, но все они бегали нагишом! Ужас что такое! А еще ужаснее было то, что они немилосердно толкались, щипались, кусались и рвали друг друга в клочья! Кто был внизу — непременно выбивался наверх, кто был наверху — попадал вниз.

— Гляди, гляди! Вон у того нога длиннее моей! Долой ее! А вот у этого крошечная шишка за ухом, крошечная, невинная шишка, но ему от нее больно, так пусть будет еще больнее!

И они кусали беднягу, рвали на части и пожирали за то, что у него была крошечная шишка. Смотрят, кто-нибудь сидит себе смирно, как красная девица, никого не трогает, лишь бы и его не трогали, так нет, давай его тормозить, таскать, терзать, пока от него не останется и следа!

— Ужасно забавно! — сказал колдун без имени.

— Ну, а что это такое, по-твоему? Можешь угадать? — спросил Копун Хлопотун.

— Тут и угадывать нечего! Сразу видно! — отвечал тот. — Это Копенгаген или другой какой-нибудь большой город, они все ведь похожи один на другой!.. Это большой город!

— Капля воды из лужи! — промолвил Копун Хлопотун.

ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ

Морозило, шел снег, на улице становилось все темнее и темнее. Дело было вечером, в канун Нового года. В этот-то холод и тьму по улицам брела бедная девочка с непокрытой головой и босая. Она, правда, вышла из дома в туфлях, но куда они годились! Огромные-преогромные, последнюю их носила мать девочки, и они слетели у малютки с ног, когда она перебежала через улицу, испугавшись двух мчавшихся мимо карет. Одной туфли она так и не нашла, другую же подхватил какой-то мальчишка и убежал с ней, говоря, что из нее выйдет отличная колыбель для его детей, когда они у него будут.

И вот девочка побрела дальше босая; ножонки ее совсем покраснели и посинели от холода. В стареньком передничке у нее лежало несколько пачек серных спичек; одну пачку она держала в руке. За целый день никто не купил у нее ни спички; она не выручила ни гроша. Голодная, иззябшая, шла она все дальше, дальше... Жалко было и взглянуть на бедняжку! Снежные хлопья падали на ее прекрасные вьющиеся белокурые волосы, но она и не думала об этой красоте. Во всех окнах светились огоньки, на улицах пахло жареными гусями; сегодня ведь был канун Нового года — вот об этом она думала.

Наконец она уселась в уголке, за выступом одного дома, съсжилась и поджала под себя ножки, чтобы хоть немного согреться. Но нет, стало еще холоднее, а домой она вернуться не смела: она ведь не продала ни одной пачки, не выручила ни гроша — отец приберет ее! Да и не теплее у них дома! Только что крыша над головой, а то ветер так и гуляет по всему жилью, несмотря на то, что все щели и дыры тщательно заткнуты соломой и тряпками.

Ручонки ее совсем окоченели. Ах! Одна крошечная спичка могла бы согреть ее! Если бы только она смела взять из пачки хоть одну, чиркнуть ею о стену и погреть пальчики! Наконец девочка вытащила спичку. Чирк! Как она зашипела и загорелась! Пламя было такое теплое, ясное, и когда

девочка прикрыла его от ветра горсточкой, ей показалось, что перед нею горит свечка.

Странная это была свечка: девочке чудилось, будто она сидит перед большою железною печкой с блестящими медными ножками и дверцами. Как славно пылал в ней огонь, как тепло стало малютке! Она вытянула было и ножки, но... огонь погас. Печка исчезла, в руках девочки остался лишь обгорелый конец спички.

Вот она чиркнула другою; спичка загорелась, пламя ее упало прямо на стену, и стена стала вдруг прозрачною, как кисейная. Девочка увидела всю комнату, накрытый белоснежною скатертью и уставленный дорогим фарфором стол, а на нем жареного гуся, начиненного черносливом и яблоками. Что за запах шел от него! Лучше же всего было то, что гусь вдруг спрыгнул со стола и, как был, с вилок и ножом в спине, так и побежал вперевалку прямо к девочке. Тут спичка погасла, и перед девочкой опять стояла одна холодная каменная стена.

Она зажгла еще спичку и очутилась под великолепною елкой, куда больше и наряднее, чем та, которую девочка видела в сочельник, заглянув в окошко одного богатого купца. Елка горела тысячами огоньков, а из зелени ветвей выглядывали пестрые картинки, какими украшают окна магазинов. Малютка протянула к елке обе ручки, но спичка потухла, огоньки стали подыматься все выше и выше, и она увидела, что это были ясные звездочки; одна из них вдруг покатила по небу, оставляя за собою длинный огненный след.

— Вот кто-то умирает! — сказала девочка.

Покойная бабушка, которая одна в целом свете любила девочку, говорила ей: «Когда падает звездочка — чья-нибудь душа идет к богу».

Девочка чиркнула об стену новою спичкой; яркий свет озарил пространство, и перед малюткой стояла вся окруженная сиянием, такая ясная, светлая, и в то же время такая кроткая и ласковая ее бабушка.

— Бабушка! — вскричала девочка. — Возьми меня с собой! Я знаю, что ты уйдешь, как только погаснет спичка, уйдешь, как теплая печка, чудесный жареный гусь и большая прекрасная елка!

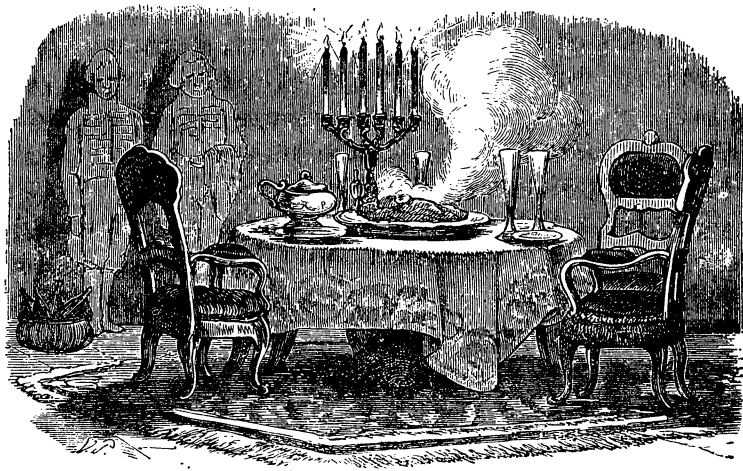
И она поспешно чиркнула всеми оставшимися спичками, которые были у нее в руках, — так ей хотелось удержать бабушку.

И спички вспыхнули таким ярким пламенем, что стало светлее, чем днем. Никогда еще бабушка не была такою красивою, такою величественною! Она взяла девочку на руки, и они полетели вместе, в сиянии и в блеске, высоко-высоко, туда, где нет ни холода, ни голода, ни страха — к богу!

В холодный утренний час, в углу за домом, по-прежнему сидела девочка с розовыми щечками и улыбкой на устах, но мертвая. Она замерзла в последний вечер старого года; новогоднее солнце осветило маленький труп. Девочка сидела со спичками; одна пачка почти совсем сгорела.

— Она хотела погреться, бедняжка! — говорили люди.

Но никто не знал, какую красоту она видела, в каком блеске вознеслась вместе с бабушкой к новогодним радостям на небо!

СЧАСТЛИВОЕ СЕМЕЙСТВО

Самый большой лист у нас, конечно, лист лопуха: наденешь его на животик — вот тебе и передник, а положишь в дождик на головку — зонтик! Такой большущий этот лопух! И он никогда не растет в одиночку, а всегда уж где один, там и много, — такая роскошь! И вся эта роскошь — кушанье для улиток! А самих улиток, белых, больших, кушали в старину важные господа; из улиток приготавливалось фрикасе, и господа, кушая его, приговаривали: «Ах, как вкусно!» Они и вправду воображали себе, что это ужасно вкусно. Так вот, эти большие белые улитки ели лопух, потому и стали сеять лопух.

Была одна старая барская усадьба, где уж давно не ели улиток, и они все повымерли. А лопух не вымер; он себе все рос да рос — его ничем нельзя было заглушить; все аллеи, все грядки заросли лопухом, так что и сад стал не сад, а лопушиный лес; никто бы и не догадался, что тут был прежде сад, если бы кое-где не торчали еще то яблонька, то сливовое деревцо. Вот в этом-то лопушином лесу и жила последняя пара старых-престарых улиток.

Они и сами не знали, сколько им лет, но отлично помнили, что прежде их было много, что они очень старинной иностранной породы и что весь этот лес был насажен собственно для них и для их родичей. Старые улитки ни разу не выходили из своего леса, но знали, что где-то есть что-то называющееся «барскою усадьбой»; там улиток варят до тех пор, пока они не почернеют, а потом кладут на серебряное блюдо. Что было дальше, они не знали. Не знали они тоже и даже представить себе не могли, что такое значит свариться и лежать на серебряном блюде; знали только, что это было чудесно и, главное, аристократично! И ни майский жук, ни жаба, ни дождевой червяк — никто из тех, кого они спрашивали, ничего не мог сказать об этом: никому еще не приходилось быть сваренным и лежать на серебряном блюде!

Что же касается самих себя, то улитки отлично знали, что они первые в свете, что весь лес растет только для них, а усадьба существует лишь для того, чтобы они могли свариться и лежать на серебряном блюде.

Жили улитки тихо, мирно и очень счастливо. Детей у них не было, и они взяли на воспитание улитку из простых. Приемный их ни за что не хотел расти — он был ведь обыкновенной, простой породы, но старикам, особенно улитке-мамаше, все казалось, что он заметно увеличивается, и она просила улитку-папашу, если он не видит этого так, ощупать раковину малютки! Папаша щупал и соглашался с мамашей.

Раз шел сильный дождь.

— Ишь, как барабанит по лопуху! — сказал улитка-папаша.

— Так и льет! — сказала улитка-мамаша. — Вон как потекло вниз по стебелькам! Увидишь, как здесь будет сыро! Как я рада, что у нас и у сынка нашего такие прочные домики! Нет, что ни говори, а ведь нам дано больше, чем кому-нибудь другому на свете! Сейчас видно, что мы первые в мире! У нас с самого рождения есть уже свои дома, для нас насажен целый лопушиный лес! А хотелось бы знать, как далеко он тянется и что там за ним?

— Ничего! — сказал улитка-папаша. — Уж лучше, чем у нас тут, и быть нигде не может; я, по крайней мере, лучшего не ищу.

— А мне, — сказала улитка-мамаша, — хотелось бы попасть в усадьбу, свариться и лежать на серебряном блюде. Этого удаивались все наши предки, и, уж поверь, в этом есть что-то особенное!

— Усадьба, пожалуй, давно разрушилась, — сказал улитка-папаша, — или вся заросла лопухом, так что людям и не выбраться оттуда. Да и к чему так спешить? А ты вот вечно спешишь, и сынок наш туда же за тобой. Ведь он уж третий день все ползет вверх по стебельку; просто голова кружится, как поглядишь!

— Ну, не ворчи на него! — сказала улитка-мамаша. — Он ползет осторожно. Он, наверно, утешит нас на старости лет, а ведь нам, старикам, больше и жить не для чего. Только подумал ли ты, откуда нам взять ему жену? Что, по-твоему, там, дальше, в лопухе, не найдется кого-нибудь из нашего рода?

— Черные улитки без домов есть, конечно, — сказал улитка-папаша, — но ведь это же простонародье! Да и много они о себе думают! Можно, впрочем, поручить это дело муравьям: они вечно шныряют взад да вперед, точно за делом, и, уж верно, знают, где надо искать жену для нашего сынка.

— Знаем, знаем одну красавицу из красавиц, — сказали муравьи. — Только вряд ли она подойдет вам — она ведь королева!

— Это не беда! — сказали старики. — А есть ли у нее дом?

— Даже дворец! — сказали муравьи. — Чудеснейший муравейник с семьюстами ходов!

— Благодарим покорно! — сказала улитка-мамаша. — Сыну нашему не с чего лезть в муравейник! Если у вас нет на примете никого получше, то мы поручим дело комарам: они летают и в дождь и в солнышко и знают лопушиный лес вдоль и поперек.

— У нас есть невеста для вашего сына! — сказали комары. — Шагах в ста отсюда на кустике крыжовника сидит в своем домике одна маленькая улитка.

Она живет одна-одинешенька и как раз в таком возрасте, что может выйти замуж. Всего в ста человеческих шагах отсюда!

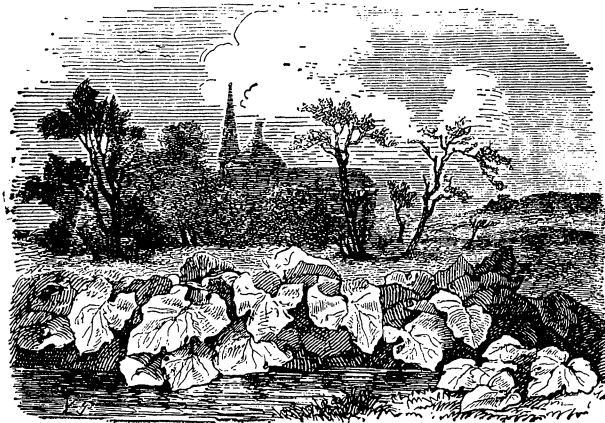
— Так пусть она явится к нему! — сказали старики. — У него целый лопушиный лес, а у нее всего-навсего один кустик.

За улиткой-невестой послали. Она отправилась в путь и благополучно добралась до лопухов на восьмой день путешествия. Вот что значит чистота породы.

Отпраздновали свадьбу. Шесть светляков светили изо всех сил; вообще же свадьба была очень тихая: старики не любили шума. Зато улитка-мамаша сказала чудеснейшую речь. Папаша не мог, он был так растроган! И вот старики отдали молодым во владение весь лопушиный лес, сказав при этом, как они и всю жизнь свою говорили, что лучше этого леса нет ничего на свете и что, если молодые будут честно и благородно жить и плодиться, то когда-нибудь им или их детям доведется попасть в усадьбу: там их сварят дочерна и положат на серебряное блюдо.

Затем старики вползли в свои домики и больше уже не показывались, — они заснули.

А молодые улитки стали царствовать в лесу и оставили после себя большое потомство. Попасть же в усадьбу и лежать на серебряном блюде им так и не удалось! Поэтому они решили, что усадьба совсем разрушилась, а все люди на свете повымерли. Никто им не противоречил, — значит, так оно и было. И вот дождь барабанил по лопуху, чтобы позабавить улиток, а солнце сияло, чтобы зеленел их лопух, и они были счастливы, счастливы! И вся их семья была счастлива, — так-то!

ИСТОРИЯ ОДНОЙ МАТЕРИ

Мать сидела у колыбели своего ребенка; как она горевала, как боялась, что он умрет! Лицо его совсем побледнело, глазки были закрыты, дышал он так слабо, а по временам тяжело-тяжело переводил дух, точно вздыхал...

И сердце матери сжималось еще сильнее при взгляде на малютку.

Вдруг в дверь постучали, и вошел бедный старик, закутанный во что-то вроде лошадиной попоны,—попона ведь греет, а ему того и надо было: стояла холодная зима, на дворе все было покрыто снегом и льдом, а ветер так и хлестал лицо.

Видя, что старик дрожит от холода, а дитя задремало на минуту, мать отошла от колыбели, чтобы налить для гостя в кружку пива и поставить его погреться в печку. Старик же в это время подсел к колыбели и стал покачивать ребенка. Мать опустилась на стул рядом, взглянула на больного ребенка, прислушалась к его тяжелому дыханию и взяла его за ручку.

— Ведь я не лишусь его, не правда ли? — сказала она.— Господь не отнимет его у меня!

Старик — это была сама Смерть — как-то странно кивнул головою; кивок этот мог означать и «да» и «нет». Мать опустила голову, и слезы потекли по ее щекам... Скоро голова ее отяжелела,— бедная не смыкала глаз вот уже три дня и три ночи... Она забылась сном, но всего лишь на минуту; тут она опять встрепенулась и задрожала от холода.

— Что это?! — воскликнула она, озираясь вокруг: старик исчез, а с ним и дитя; старик унес его.

В углу глухо шипели старые часы; тяжелая, свинцовая гиря дошла до полу... Бум! И часы остановились.

Бедная мать выбежала из дома, громко призывая своего ребенка.

На снегу сидела женщина в длинном черном одеянии, она сказала матери:

— Смерть посетила твой дом, и я видела, как она скрылась с твоим малюткой. Она носится быстрее ветра и никогда не возвращает того, что раз взяла!

— Скажи мне только, какую дорогой она пошла! — сказала мать. — Только укажи мне путь, и я найду ее!

— Я знаю, куда она пошла, но не скажу, пока ты не споешь мне всех песенок, которые певала своему малютке! — сказала женщина в черном. — Я очень люблю их. Я уже слышала их не раз, — я ведь Ночь и видела, как ты плакала, напевая их!..

— Я спою тебе их все, все! — отвечала мать. — Но не задерживай меня теперь, мне надо догнать Смерть, найти моего ребенка!

Ночь молчала, и мать, ломая руки и заливаясь слезами, запела. Много было спето песен — еще больше пролито слез. И вот Ночь промолвила:

— Ступай направо, прямо в темный еловый лес; туда направилась Смерть с твоим ребенком!

Дойдя до перекрестка в глубине леса, мать остановилась. Куда идти теперь? У самого перекрестка стоял голый терновый куст, без листьев, без цветов; была ведь холодная зима, и он почти весь обледенел.

— Не проходила ли тут Смерть с моим ребенком?

— Проходила! — сказал терновый куст. — Но я не скажу, куда она пошла, пока ты не отогреешь меня на своей груди, у своего сердца. Я мерзну и скоро весь обледенею.

И она крепко прижала его к своей груди. Острые шипы глубоко вонзились ей в тело, и на груди ее выступили крупные капли крови... Зато терновый куст зазеленел и весь покрылся цветами, несмотря на холод зимней ночи, — так тепло у сердца скорбящей матери! И терновый куст указал ей дорогу.

Она привела мать к большому озеру; нигде не было видно ни корабля, ни лодки. Озеро было слегка затянуто льдом; лед этот не выдержал бы ее, а вода была такая глубокая, что вброд не перейти! А ей все-таки надо было переправиться на другой берег, если она хотела найти своего ребенка. И вот мать приникла к озеру, чтобы вынуть его все до дна; это невозможно для человека, но несчастная мать верила в чудо.

— Нет, из этого толку не будет! — сказала озеро. — Давай-ка лучше створимся! Я собираю жемчужины, а таких ясных и чистых, как твои глаза, я еще и не видывало. Если ты согласна выплакать их в меня, я перенесу тебя на тот берег, к большой теплице, где Смерть растит свои цветы и деревья: каждое растение — человеческая жизнь!

— О, чего я не отдам, чтобы только найти моего ребенка! — сказала плачущая мать, залилась слезами еще сильнее, и вот глаза ее упали на дно

озера и превратились в две драгоценные жемчужины. Озеро же подхватило мать, и она одним взмахом, как на качелях, перенеслась на другой берег, где стоял огромный диковинный дом. И не разобрать было — гора ли это, обросшая кустарником и вся изрытая пещерами, или здание; бедная мать, впрочем, и вовсе не видела его, — она ведь выплакала свои глаза.

— Где же мне найти Смерть, похитившую моего ребенка? — проговорила она.

— Она еще не возвращалась! — отвечала старая садовница, присматривавшая за теплицей Смерти. — Но как ты нашла сюда дорогу, кто помог тебе?

— Господь бог! — отвечала мать. — Он сжалился надо мною, сжался же и ты! Скажи, где мне искать моего ребенка?

— Да я ведь не знаю его! — сказала женщина. — А ты слепая! Сегодня в ночь завяло много цветов и деревьев, и Смерть скоро придет пересаживать их. Ты ведь знаешь, что у каждого человека есть свое дерево жизни или свой цветок, смотря по тому, каков он сам. С виду они совсем обыкновенные растения, но в каждом бьется сердце. Детское сердечко тоже бьется; обойди же все растения — может быть, ты и узнаешь сердце своего ребенка. А теперь, что ж ты мне дашь, если я скажу тебе, как поступать дальше?

— Мне нечего дать тебе! — отвечала несчастная мать. — Но я готова пойти для тебя на край света!

— Ну, там мне нечего искать! — сказала женщина. — А ты вот отдай-ка мне свои длинные черные волосы. Ты сама знаешь, как они хороши, а я люблю хорошие волосы. Я дам тебе в обмен свои седые; это все же лучше, чем ничего!

— Только-то? — сказала мать. — Да я с радостью отдам тебе свои волосы!

И она отдала старухе свои прекрасные черные волосы, получив в обмен седые.

Потом она вошла в огромную теплицу Смерти, где росли попеременно цветы и деревья; здесь цвели под стеклянными колпаками нежные гиацинты, там росли большие, пышные вионы, тут — водяные растения, одни свежие и здоровые, другие — полузачахшие, обвитые водяными змеями, стиснутые клешнями черных раков. Были здесь и великолепные пальмы, и дубы, и платаны; росли и петрушка и душистый тмин. У каждого дерева, у каждого цветка было свое имя; каждый цветок, каждое деревцо было человеческою жизнью, а сами-то люди были разбросаны по всему свету: кто жил в Китае, кто в Гренландии, кто где. Попадались тут и большие деревья, росшие в маленьких горшках; им было страшно тесно, и горшки чуть-чуть не лопались; зато было много и маленьких, жалких цветочков, росших в черноземе и обложенных мхом, за ними, как видно, заботливо ухаживали, лелеяли их. Несчастливая мать наклонялась ко всякому, даже самому маленькому, цветочку, прислушиваясь к биению его сердечка, и среди миллионов узнала сердце своего ребенка!

— Вот он! — сказала она, протягивая руку к маленькому голубому крокусу, который печально свесил голосвку.

— Не трогай цветка! — сказала старуха. — Но стань возле него и, когда Смерть придет — я жду ее с минуты на минуту, — не давай ей высадить его, пригрози вырвать какие-нибудь другие цветы. Этого она испугается — она ведь отвечает за них перед богом; ни один цветок не должен быть вырван без его воли.

Вдруг пахнуло ледяным холодом, и слепая мать догадалась, что явилась Смерть.

— Как ты нашла сюда дорогу? — спросила Смерть. — Как ты могла опередить меня?

— Я мать! — отвечала та.

И Смерть протянула было свою длинную руку к маленькому нежному цветочку, но мать быстро защитила его руками, стараясь не помять при этом ни единого лепестка. Тогда Смертьдохнула на ее руки; дыхание Смерти было холоднее северного ветра, и руки матери бессильно опустились.

— Не тебе тягаться со мною! — промолвила Смерть.

— Но бог сильнее тебя! — сказала мать.

— Я ведь только исполняю его волю! — отвечала Смерть. — Я его садовник, беру его цветы и деревья и пересаживаю их в великий Райский сад¹, в неведомую страну, но как они там растут, что делается в том саду — я не смею сказать тебе!

— Отдай мне моего ребенка! — взмолилась мать, заливаясь слезами, а потом вдруг захватила руками два великолепных цветка и закричала: — Я вырву все твои цветы, я в отчаянии!

— Не трогай их! — сказала Смерть. — Ты говоришь, что ты несчастна, а сама хочешь сделать несчастною другую мать!..

— Другую мать! — повторила бедная женщина и сейчас же выпустила из рук цветы.

— Вот тебе твои глаза! — сказала Смерть. — Я выловила их из озера — они так ярко блестели там; но я и не знала, что это твои. Возьми их — они стали яснее прежнего — и взгляни вот сюда, в этот глубокий колодец! Я назову имена тех цветков, что ты хотела вырвать, и ты увидишь все их будущее, всю их земную жизнь. Посмотри же, что ты хотела уничтожить!

И мать взглянула в колодец: отрадно было видеть, каким благодеянием была для мира жизнь одного, сколько счастья и радости разливал он вокруг себя! Взглянула она и на жизнь другого — и увидела горе, нужду, отчаяние и бедствия!

— Обе доли — божья воля! — сказала Смерть.

— Который же из двух — цветок несчастья и который — счастья? — спросила мать.

— Этого я не скажу! — отвечала Смерть. — Но знай, что в судьбе одного из них ты видела судьбу своего собственного ребенка, все его будущее!

У матери вырвался крик ужаса.

— Какая же судьба ожидала моего ребенка? Скажи мне! Спаси невинного! Спаси мое дитя от всех этих бедствий! Лучше возьми его! Унеси его

История одной матери

в царство божье! Забудь мои слезы, мои мольбы, все, что я говорила и делала!

— Я не пойму тебя! — сказала Смерть. — Хочешь ты, чтобы я отдала тебе твое дитя или чтобы унесла его в неведомую страну?

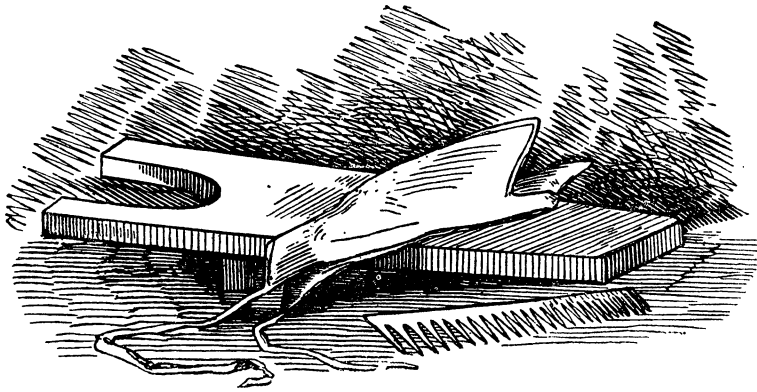
Мать заломила руки, упала на колени и взмолилась творцу:

— Не внемли мне, когда я прошу о чем-либо, несогласном с твоею все-благою волей! Не внемли мне! Не внемли мне!

И она поникла головою...

А Смерть понесла ее ребенка в неведомую страну.

ВОРОТНИЧЕК

Жил-был щеголь; у него только и было за душой, что сапожная подставка, гребенка, да еще чудеснейший щегольской воротничок. Вот о воротничке-то и пойдет речь.

Воротничок уже довольно пожил на свете и стал подумывать о женьтибе. Случилось ему раз понасть в стирку вместе с чулочною подвязкой.

— Ах! — сказал воротничок. — Что за грация, что за нежность и милость! Никогда не видал ничего подобного! Позвольте узнать ваше имя?

— Ах, нет-нет! — отвечала подвязка.

— А где вы, собственно, изволите пребывать?

Но подвязка была очень застенчива, вопрос показался ей нескромным, и она молчала.

— Вы, вероятно, подвязка? — продолжал воротничок. — Вроде пояса, потайного пояса, так сказать? Да-да, я вижу, милая барышня, что вы служите и для красоты и для пользы.

— Пожалуйста, не заводите со мной разговоров! — сказала подвязка. — Я, кажется, не подала вам никакого повода!

— Ваша красота — достаточный повод! — сказал воротничок.

— Ах, сделайте одолжение, держитесь подальше! — вскричала подвязка. — Вы на вид настоящий мужчина!

— Как же, я ведь щеголь! — сказал воротничок. — У меня есть сапожная подставка и гребенка!

И совсем неправда. Эти вещи принадлежали не ему, а его господину; воротничок просто хвастался.

— Подальше, подальше! — сказала подвязка. — Я не привыкла к такому обращению!

— Недотрога! — сказал воротничок.

Тут его взяли из корыта, накрахмалили, высушили на солнце и положили на гладильную доску.

Появился горячий утюг.

— Сударыня! — сказал воротничок утюжной плитке. — Прелестная вдовушка! Я пылаю! Со мной происходит какое-то превращение! Я сгораю! Вы прожигаете меня насквозь! Ух!.. Вашу руку и сердце!

— Ах ты рвань! — сказала утюжная плитка и гордо проехала по воротничку. Она воображала себя локомотивом, который тащит за собой по рельсам вагоны. — Рвань! — повторила она.

Воротничок немножко пообтрепался по краям, и явились ножницы подравнивать их.

— О! — воскликнул воротничок. — Вы, должно быть, первая танцовщица? Вы так чудесно вытягиваете ножки! Ничего подобного не видывал! Кто из людей может сравниться с вами? Вы бесподобны!

— Знаем! — сказали ножницы.

— Вы достойны быть графиней! — продолжал воротничок. — Я владею только баринном-щеголем, сапожною подставкой и гребенкой... Ах, будь у меня графство...

— Он сватается?! — вскричали ножницы и, осердясь, с размаху так резнули воротничок, что совершенно искалечили его.

Так он попал в отставку.

— Остается присвататься к гребенке! — сказал воротничок. — Удивительно, как сохранились ваши зубки, барышня!.. А вы никогда не думали о замужестве?

— Как же! — сказала гребенка. — Я уже невеста! Выхожу за сапожную подставку!

— Невеста! — воскликнул воротничок.

Теперь ему не за кого было свататься, и он стал презирать всякое сватовство.

Время шло, и воротничок попал наконец с прочим тряпьем на бумажную фабрику. Тут было настоящее тряпичное царство; тонкие тряпки держались, как и подобает, подалеже от грубых. У каждой нашлось о чем порассказать, у воротничка, конечно, больше всех: он был страшный хвостун.

— У меня было пропасть невест! — тараторил он. — Так и бегали за мной. Еще бы! Подкрахмаленный, я выглядел таким франтом! У меня даже были собственные сапожная подставка и гребенка, хотя я никогда и не пользовался ими. Посмотрели бы вы на меня, когда я лежал, бывало, на боку! Никогда не забыть мне моей первой невесты — подвязки! Она была такая тонкая, нежная, мягкая! Она бросилась из-за меня в лохань! Была тоже одна вдовушка; она дошла просто до белого каления!.. Но я оставил ее, и она почернела с горя! Еще была первая танцовщица; это она ранила меня, — видите? Бедовая была! Моя собственная гребенка тоже любила меня до того, что порастеряла от тоски все свои зубы! Вообще немало у меня было разных приключений!.. Но больше всего жаль мне подвязку, то бишь — подвязку, ко-

торая бросилась из-за меня в лохань. Да, много у меня кое-чего на совести!.. Пора, пора мне стать белою бумагою!

Желание его сбылось: все тряпье стало белою бумагой, а воротничок — как раз вот этим самым листом, на котором напечатана его история, — так он был наказан за свое хвастовство. И нам тоже не мешает быть осторожнее: как знать? Может быть, и нам придется в конце концов попасть в тряпье да стать белою бумагой, на которой напечатают нашу собственную историю, и вот пойдешь разносить по белу свету всю подноготную о самом себе!

ДОПОЛНЕНИЯ

МЕРТВЕЦ

Фюнская народная сказка^{1*}

*Märchen noch so wunderbar,
Dichterkünste machen's wahr.
Goethe*

*Vergessene Gedichte sind neu.
Jean Paul Richter*^{**}

Примерно в одной миле от Богенсе³, в поле неподалеку от Эльведгора⁴ и ныне можно найти замечательный по величине куст боярышника, который виден даже с ютландского берега⁵. По преданию в стародавние времена кустов было два и сказывают, будто Фредрик Второй⁶ посетил здешние места, чтобы обозреть эти диковины. Кусты же в честь его посещения были подстрижены в виде двух корон.

Совсем еще юными побегими боярышники эти росли в садике позади бедной крестьянской хижины. В ту пору Эльведгор был женским монастырем, окруженным со всех сторон рвами, большая часть которых сохранилась и поныне.

Стоял погожий августовский вечер, комары отплясывали в воздухе кадриль, а лягушки, эти мокрые болотные музыканты, сидели в глубокой «оркестровой» яме и весело квакали хором. Благочестивые монахини уже отслужили вечерню и разошлись по своим кельям. Окруженное со всех сторон лесом покоилось близ монастыря маленькое озерцо. До того тихое и прозрачное! И лишь порой плеснет рыба хвостом и рябью подернется спокойная водная гладь. При свете же месяца, в полнолуние можно было видеть как в зарослях ольхи — девушки эльфы, словно легкие туманные дымки, кружатся в веселой пляске, а король эльфов красуется в серебряной короне, отливающей голубизной при свете месяца. Глубоко же, глубоко вниз в болоте, блуждающие огоньки играют в пятнашки вокруг невысокого кургана, где с незапамятных времен обитает ночной дух⁷, на которого наложил заклятье благочестивый

^{1*} Ребенком величайшей для меня радостью было слушать сказки. Большая часть из них и поныне еще живо хранится в моей памяти. Некоторые же известны совсем немного или вовсе неизвестны. Одну из них я здесь и пересказал. А так как сказка эта была принята с одобрением, я постараюсь обработать многие из них и когда-нибудь подарю читателям целый цикл датских народных сказок.

Автор

* Каким ни казалась бы сказка нам дивом,
Искусство поэта придаст ей правдивость¹ (нем.).
Гете

** Забытые стихи — новы² (нем.).
Жан Поль Рихтер

монах. Да верно не силен был монах в своем искусстве, так как в полночь заклятый, обернувшись черным, как смоль, вороном, вылетел из кургана и кружил над ним, пугая своим хриплым карканьем окрестных жителей.

В монастыре погасли уже все огни, но в оконцах убогой глинобитной хижины, возле которой росли кусты боярышника, еще теплился огонек. Там, среди одних лишь голых стен, лежал на смертном одре старый крестьянин, а его сын Иоханнес сидел у ложа умирающего, крепко прижимаясь губами к холодной от испарины руке отца. В углу зловеще стрекотал сверчок, лампа уже почти догорела; старик еще раз, широко открыв глаза, глянул остановившимся взором на сына, судорожно сжал его руку и умер.

Иоханнес громко зарыдал, почувствовав, что остался теперь один-одинешенек в целом свете. Хоть и были у него среди соседей сверстники да дружки, а родной души ни одной не осталось, не осталось никого, кто разделит бы его горе.

Наступило утро, свет озарил хижину. Иоханнес спал возле смертного ложа отца; рука его все еще сжимала холодную руку усопшего, и чудные пестрые картины одна за другой рисовались ему во сне. В них отец являлся ему бодрым и полным сил, вокруг все было светло и радостно. И прекрасная бледная дева, одетая в погребальный саван, надевала ему, Иоханнесу, на голову венец; старик же отец соединял их руки... Тут Иоханнес пробудился и ощутил в своей руке лишь мертвую холодную руку отца, увидел обращенный на него незрячий взор потухших глаз покойника.

В пятницу утром усопшего провожали к месту последнего упокоения; Иоханнес медленно шел следом за черным гробом, укрывшим его милого отца. Когда монах прочитал молитву по-латыни и бросил на гроб горсть земли, Иоханнесу показалось, что сердце его вот-вот разорвется от горя. Но когда мальчишки-певчие запели и замахали кадилами, а голубоватые дымки курений поплыли среди живых зеленых изгородей, он залился слезами. Нежные детские голоса показались ему ангельским пением, которое встретило на небесах его отца. Он поглядел на небо, глянул вокруг — все по-летнему пышно цвело. И тут вдруг он понял, что смерть вовсе не означает уничтожения; на высоких каштанах так чудесно пели птицы, а под голубым небесным сводом проплывали в чуждеальные страны легкие облачка. И его с неодолимой силой охватила охота странствовать по белу свету. Вереница провожающих потянулась назад к дому скорби, где их ожидало богатое угощение. На поминках все хвалили покойника и чудесное домашнее пиво. И чем больше пили гости за помин души усопшего, тем сильнее била в них ключом жизнь. Какой-то монах, точно сошедший с картины Хогарта⁸, взял на себя веселую роль придворного шута: он пил и отпускал глупые солдатские остроты. Иоханнес же втихомолку удалился от этого развеселого общества, он вытесал из дерева и сколотил большой крест; его он отнес на кладбище и поставил на отцовской могиле, которую деревенские девушки уже посыпали песком и убрали цветами.

На другой день ранним утром сложил он все свое нехитрое имущество в узелок, спрятал в поясе отцовское наследство — пятьдесят риксдалеров — и снарядившись таким образом, и положив в карман кошелек с несколькими серебряными скиллингами, покинул отчий дом и пустился странствовать куда

глаза глядят. Путь его лежал через кладбище, где он папоследок простился с могилой отца — на деревянном кресте сидел жаворонок и пел, но едва Йоханнес приблизился, птичка вспорхнула и полетела прочь между кустами благоухающей бузины.

Стояло дивное утро, ржаное поле, еще не высохшее от росы, сверкало словно золотое в лучах утреннего солнца; туман медленно поднимался с лугов, а цветы кивали головками под свежим утренним ветерком и словно бы говорили: «Добро пожаловать, Йоханнес, на лоно вольной природы». С вершины холма он в последний раз глянул на хорошо ему знакомую старинную церковь родного селения, в которой его крестили ребенком и где каждое воскресенье вместе со стариком-отцом он молился Христу и всем святым. И тут высоко-высоко, в одном из проемов колокольни он увидел церковного домового в красном колпачке; домовый стоял, заслонившись ладонью от спящего солнечного света. Йоханнес кивнул ему на прощание: мол, «будь здоров!», а крошка-домовой высоко взмахнул своим красным колпачком, прижал руку к сердцу и, желая выказать свое расположение, послал ему бесчисленное множество воздушных поцелуев: счастливого, мол, тебе пути.

В воображении Йоханнеса вставали яркие пестрые картины того необъятного и прекрасного мира, который ему впервые предстояло по-настоящему увидеть. И, погруженный в грезы, он все больше и больше отдалялся от дома своего детства. Скоро он попал в новые для него места, где стали встречаться незнакомые приветливые лица. Первую ночь он провел в поле, в стогу сена и спал там ничуть не хуже, чем персидский шах⁹ в своей роскошной опочивальне. Ковром Йоханнесу в его «спальне» служил зеленый лужок, кусты бузины да дикие заросли шиповника — вазами с цветами, а вместо умывальника была у него целая речка со свежей водой. Месяц, словно огромный круглый почник, висел высоко-высоко на небосводе и светил вечным ровным пламенем. Не боясь, что свеча там, в ночнике выгорит, либо опрокинется и подожжет голубой полог неба и легкие занавески-облачка, Йоханнес заснул и спал до тех пор, пока хор крылатых музыкантов не разбудил его утром.

В ближнем селении зазвонили колокола — было воскресенье: люди шли в церковь, и все до единого приветствовали странника с его открытым и честным лицом. Вскоре зазвучали молитвы и песнопения, на алтаре зажглись свечи. Йоханнес один остался на безлюдном кладбище. При виде осевших могил, поросших высокой сорной травой, он вспомнил о могиле отца: без него она, верно, вскоре тоже осядет, раз некому за ней смотреть и ухаживать. Молча уселся он на землю и стал вырывать траву с одной из могил; потом поднял черные упавшие кресты и снова положил на место венки, сорванные со свежих могил ветром. А про себя подумал: авось, найдутся добрые руки и позаботятся за него о могиле отца.

У ворот кладбища, опершись на клюку, стоял старик-нищий с кроткими величавыми чертами; с ним поделился Йоханнес последними серебряными монетками из своего кошелька, и, оставив себе самую малую толику денег, веселый и довольный, зашагал дальше по белу свету.

На берегу моря Йоханнес нашел шкипера, готового вот-вот отплыть; за несколько серебряных скиллингов шкипер согласился взять Йоханнеса на корабль. Вскоре свежий морской ветер надул белые паруса; прекрасная датская

земля с ее лесами и пригорками осталась позади; белые от пены волны накатывали на форштевень корабля, и тот легко, будто птица, летел по морю в чуждавшие края. К вечеру предстали перед Йоханнесом совсем новые картины природы. Море разом успокоилось, стало гладким, словно зеркало; но где-то вдаль словно предвестник надвигающейся бури, уже шумел ветер. Тяжелые черные тучи громоздились на небосклоне, а белые чайки, хрипло крича, понеслись к видневшемуся вдалеке берегу. Корабль еще не достиг суши, как налетела буря; Йоханнес стоял у мачты и точно околдованный глядел на мятежную стихию. Солнце, большое и круглое, как раз садилось в море, а зеленые с красными бликами волны играли, ударяясь о берег. Над морем перекинулась чудная радуга, а под нею — застыла большая грозовая туча, но вовсе не черная и устрашающая, а окрашенная мягким розовым отсветом заходящего солнца. И среди розового сверкали голубовато-белые вспышки молний. С неопишуемым чувством ступил Йоханнес на берег; он был теперь за морем, далеко от родного дома. Но вскоре знакомое зрелище, представившееся его глазам, прогнало мимолетную тоску юноши; буря, казалось, унеслась прочь за море, а вечер стал так хорош и прохладен, что Йоханнес решил не мешкая продолжить путь. Но через несколько часов непогода вновь настигла нашего милого странника и ему пришлось прибавить шагу, чтобы скорее укрыться от дождя. Вокруг все сгущалась и сгущалась тьма; наконец, он увидел церковь, одиноко стоящую на поросшем лесом холме; он устремился прямо туда и увидел, что дверь в притворе незаперта. Однако же, переступив через порог, ощутил смущение в душе, ибо очутился наедине с покойником: на скамье покоился пожилой человек — руки его были скрещены на груди, а лицо закрыто платком.

«Я не нарушу покоя мертвого, — подумал Йоханнес, — а лишь воспользуюсь приютом церкви, куда не пройдет гроза». Тихонько уселся он в уголке и уже было задремал, но тут дождь прекратился, буря утихла, и он услышал какой-то подозрительный шорох за дверью и сразу в притвор вошли два рослых человека. Приблизившись к покойнику, они с грубым хохотом схватили его и хотели стянуть с лавки.

— Ради Христа, скажите, кто вы такие?! — воскликнул Йоханнес, поднимаясь им навстречу. — Зачем хотите нарушить покой умершего?

Вошедшие оцепенели от неожиданности, но немного погодя один из них с отвратительным хохотом ответил:

— Это месть, приятель, месть! Покойничек задолжал нам 50 риксдалеров. Он занял их несколько дней тому назад для какой-то выгодной сделки. Тогда он был жив-здоров, а вчера вдруг вздумал спасти оборванного нищего мальчонку, который свалился в реку; полез он за мальчишкой, да и замешкался под водой. Ну, и плакали наши денежки! И вот, хотя он и надул нас, все его хвалят и называют божьим человеком. Ну, а коли мы поцарапаем его маленько, дело примет иной оборот: станут тут качать головой да перешептываться про сатану и его воинство. Понял теперь?!

— Ну, а если я завтра возьму да и расскажу обо всем, в чем вы мне так искренне признались. Что тогда?

— Что тогда? — переспросил его злодей. — Коли б мы этого боялись, мы б тебе, не сходя с места, так сжали глотку, что ты бы выпучил глаза, как ва-

ренный рак! Но мы ничуть не боимся; пользы тебе от этого никакой, а беду на себя накличешь, как пить дать!

Так он сказал и снова схватил покойника, чтобы надругаться над ним; однако же Йоханнес смело заслониł его собой и, пустив в ход все свое красноречие, всячески пытался помешать злодейским замыслам. Да все зря.

— Я странствую по белу свету,— молвил он под конец.— Нет у меня ни батюшки, ни матушки, и все мое богатство — пятьдесят риксдалеров. Вы сказали, что ровно столько должен вам и усопший. Коли вы во имя бога и всех святых поклянетесь, что не нарушите его покоя, я охотно отдам вам все то немногое, чем я владею!

— Вы хотите заплатить его долг? — вытаращив глаза, спросил один из злодеев.

— Да,— ответил Йоханнес,— если удостоверюсь в том, что вы оставите его бедное тело в покое и не будете порочить его доброе имя. Вот деньги, можете их получить, но сперва положите руки на холодное чело усопшего и поклянитесь!

Злодеи послушались и весьма довольные ушли с деньгами восвояси. Йоханнес же сперва снова уложил покойника на скамью, скрестил его холодные руки на груди, а уж потом простился с ним и взялся за посох.

«Зато теперь у меня меньше забот! — подумал он.— Ни один разбойник не убьет меня ради денег. И за ночлег я уплатил честно. А дальше будь что будет. Господь, наверно, меня не оставит.»

Веселый и довольный покинул он церковь.

Буря миновала, и полная луна, большая и ясная, светила на синем пологое неба. Ночь была так тиха и прохладна, а все кусты и деревья в лесу, где он шел, благоухали так свежо, так упоительно! В густых зарослях весело резвились малютки-эльфы, а проходивший мимо Йоханнес, который смотрел на их игры, ничуть им не мешал — ведь он был так добр и невинен. У одних эльфов, ростом в человеческий палец, длинные золотистые волосы были подколоты золотыми гребешками; другие же — всего в дюйм ростом — были, верно, самые младшие детишки. А забавлялись они тем, что словно плавали в больших, похожих на лодочки, цветочных лепестках, качавшихся над высокой росистой травой; стоило такой лодочке опрокинуться, как маленький эльф кувырком летел в густую траву, скрывавшую его с головой. То-то смех да шум поднимали тогда остальные малютки! Большие пестрые пауки с золотыми коронами на головах перекидывали для эльфов с куста на куст длинные-предлинные, в несколько локтей висячие мосты¹⁰ и ткали им воздушные замки — осыпанные мелкими каплями росы, они казались усеянными драгоценными камнями. Сонмы воздушных эльфов прыгали по всем этим мостам от одного замка к другому, пока не настало светлое утро; тут все они исчезли, а ветер смел их чудесные замки да мосты, которые словно большие обрывки паутины носились по воздуху и, лишь только солнце поднялось высоко на небе, скрылись. Йоханнес все шел и шел, среди оживших мечтаний, как вдруг его окликнул звучный мужественный голос:

— Эй, дружнице! Куда путь держишь?

Йоханнес обернулся и увидел человека в расцвете сил, лет тридцати от роду, в справном платье, с небольшой котомкой за спиной; он опирался на длинную суковатую палку.

— Иду куда глаза глядят,— ответил Йоханнес,— батюшка мой помер, сам я — бедняк, однако же, верно, бог не оставит меня. Поют же пташки, а у них ни зерна, ни денег — нет. Вот и я так же.

— И я тоже иду куда глаза глядят,— молвил незнакомец.— Может, тогда вместе пойдем? Вдвоем в пути веселей, чем в одиночку.

Говорил он складно; Йоханнеса так и потянуло к нему, а вскоре они уже крепко подружились.

Новый знакомый Йоханнеса обладал редкостными знаниями. Немало, видно, постранствовал он по белу свету. Как зачарованный слушал Йоханнес его речи, и перед ним открывался огромный, совсем новый мир, и все, что он прежде знал, рисовалось ему в каком-то новом и более ясном свете. Попутчик так живо описывал ему бескрайние высокие горы, покрытые вечными снегами и льдами; описывал как глубоко внизу плывут под ногами странников облака; как чист там воздух, каким ярким синим куполом вздымается небосвод, а солнце пурпурно-красное и вместе с тем вовсе не слепит глаза своими лучами. И как прекрасно там, среди гор, где глыбы льда чередуются с цветочными коврами и золотыми полями пшеницы. И где с самых высоких вершин открывается вечность; и откуда более низкие горы с их глетчерами и снегами похожи на бурное море, гигантские волны которого вдруг застыли. Рассказывал он Йоханнесу и о недрах гор, где сверкающие рудные жилы петляют, подобно рекам и ручьям, нескончаемыми извилами; и о великих морях с их коралловыми утесами и невиданными чудовищами, и о бесчисленном множестве стран и королевств на этой земле.

Никогда прежде Йоханнес не помышлял, что мир так велик; и чем больше рассказывал ему незнакомец, тем громаднее казался этот мир. Когда же Йоханнес не смог скрыть своего удивления его огромностью, незнакомец, указав ему на небеса и на солнце, сказал, что каждая звезда, которая мерцает по ночам и кажется крошечной точкой, на самом деле — небесное светило, и оно много больше, а может стать, много прекраснее, нежели вся эта земля. При одной мысли о великой бесконечности мира у Йоханнеса закружилась голова, но он тут же пришел в себя и сжал руку знакомого. С улыбкой поблагодарил он его за чудную сказку... Ведь то, конечно же, была всего-навсего сказка...

Солнце уже стояло высоко в небе, когда они сделали привал под большим деревом; в лесу незнакомец поделился с Йоханнесом своими съестными припасами — хлебом и вином. Такого напитка Йоханнесу еще в жизни отведывать не доводилось. И до чего же вкусным показался ему этот завтрак на вольном воздухе! Вершины деревьев смыкались над головами путников, словно своды зала в рыцарском замке, а высоко-высоко на галерее, затянутой такой зеленой материей, которая никогда не линяет от стирки, пели птицы. Они пели так легко, ну словно величайшие певцы в мире, и ни одна не допустила ни одной фальшивой ноты.

Наши путники уже почти было съели свой завтрак, как вдруг к ним приблизилась дряхлая согбенная годами старушка; за спиной она несла вязанку хвороста, который собирала в лесу. Одной рукой старушка опиралась на клюку, в другой же держала три больших веника из папоротника¹¹ и ивовых веток. Кряхтя, она медленно продвигалась вперед, но лишь только приблизилась

к Йоханнесу и его товарищу, как внезапно вскрикнула от боли и рухнула на землю. Оба тотчас подскочили, желая помочь ей, оказалось, что, падая, старушка сломала ногу. Она громко стонала от боли и просила странников отвести ее домой — жила она в хижине — неподалеку отсюда. Йоханнес стал было поднимать старушку, но товарищ его велел оставить ее на траве, вытащил из котомки горшочек и заверил, что там — драгоценное снадобье; оно не только тут же исцелит ее, но и поможет старушке стать куда более легкой на ногу, чем прежде. В награду же он потребовал папоротник да ивовые ветки, что она держала в руках. Подивилась старушка, поглядела на него и пробормотала ворчливо беззубым ртом:

Холодный и белый, теплый и алый...

Одному — королевский венец, другому — жизни конец!

и отдала ему папоротник и ивовые лозы. Едва он помазал ей ногу своим чудоснадобьем, как старушка вскочила и сказала: никогда, мол, прежде не бывала она так бодра и здорова. И попросила помазать ей и другую ногу, чтоб ей не хромать и легко ступать по земле. Только он исполнил ее просьбу, как обе ее ноги так и заходили, будто барабанные палочки. Поклонилась старушка и скрылась в зеленом лесу.

— На что тебе папоротник да ивовые ветки? — спросил Йоханнес своего спутника, который старательно запрягал их в котомку.

— Пригодятся, когда стану пажом и буду сопровождать свою даму, — ответил тот. — Это чудесная добыча!

К вечеру путники вышли из лесу и пред ними вдруг раскинулись широкие необжитые просторы.

— Какис темные тучи тянутся нам навстречу, — молвил Йоханнес, — небось, к ночи гроза соберется!

— Где ты видишь темные тучи? — прервал его товарищ. — Какое там! Это — горы! Завтра мы, наверное, доберемся до них!

Йоханнес, как замороженный, глаз не мог отвести от гор, и ему не терпелось продолжить путь, чтобы уже нынче вечером очутиться там. Однако спутник его решил, что лучше им отдохнуть на ближнем постоялом дворе, а на другое утро со свежими силами начать путешествие в горы.

Множество разного пестрого люда собралось в харчевне при постоялом дворе; там на пустых бочках кукольник установил подмостки своего небольшого театра и собирался представить чудесную историю царицы Эсфири¹². Йоханнес и его товарищ уселись среди прочих зрителей, которые весело переговаривались друг с другом, а иные курили трубки. Толстый мясник, должно быть важнейшая персона в здешнем обществе, расположился перед самой сценой, а возле него сидел его пес — большущий бульдог и тоже таранился на королевское великолепие этого величественного зрелища. Царь Агасфер уже падел царский венец на голову Эсфири; Мардохей на белом коне, которого вели под уздцы слуги, проехал по сцене, а Амана повесили. Но вот и последнее действие, когда иудеям предстояло уничтожить всех своих врагов! Уф! Что тут началось! Ну и побоище! Царь и царица Эсфирь, с золотыми коронами на головах, восседали на великольном троне посреди площади, а длинные шлейфы их пурпурных мантий держали маленькие иудейские мальчики. Все-

кий раз, когда очередной полк язычников погибал, Эсфирь кивала головой и так весело подпрыгивала на троне, что любо-дорого смотреть! Но тут вдруг невесть что взбрело в голову большущему бульдогу: когда толстый мясник, заглядевшись на представление, отпустил поводок, пес одним прыжком очутился на сцене, сбил с ног стражей и обхватил зубами тонкий стан царицы Эсфири. И: кник, кнак! — кукла разлетелась на куски, а бедный кукольник ужасно запричитал: ведь его наипервейшая примадонна осталась без головы! Представление на том и окончилось. И все разошлись по домам; тогда товарищ Йоханнеса взял бедняжку царицу Эсфирь в руки и помазал ее своим драгоценным снадобьем. И кукла тут же снова сделалась целой и невредимой. Но всего удивительней было то, что она стала двигаться, сама сделала реверанс, подогнув ножку и помахая ручкой. Кукольник не мог на нее нарадоваться — ведь теперь она двигалась сама, и ему не надо было дергать за веревочку. Вот только не говорила, а не то была бы ни дать ни взять настоящей дамой!

Скучно отужинав, все постояльцы отправились на покой, но никак не могли уснуть из-за непонятных вздохов и стонов, которые, казалось, доносились из кукольного театра. Тогда кукольник отодвинул занавес в сторону и увидел: все рыцари и дамы, царь и стражи лежали там вперемежку и вздыхали так, что у него сердце защемило. Они таращили на него свои круглые стеклянные глаза и, казалось, молили: пусть их тоже, как и царицу, помажут немного снадобьем, чтобы и они могли сами двигаться. Царица Эсфирь встала даже на колени и протянула свою золотую корону, словно желая сказать: «Вот, возьмите ее, но только помажьте моего супруга и моих придворных!» Кукольник сжалился над нею и посулил незнакомому путнику всю выручку за пыпешний вечер и еще денег впридачу, если только он помажет и других кукол. Однако же незнакомец потребовал в награду лишь большой боевой меч, который кукольник носил на поясе, а как получил его, тут же помазал снадобьем знатнейших из деревянных человечков, и они ожили.

На рассвете Йоханнес с товарищем покинули постоялый двор и начали подниматься в горы. Дорога вела все ввысь да ввысь, через густые заросли. А вскоре все кругом стало еще более диким и суровым: высокие скалы грозно нависали над головами; тропинка была так узка, что у Йоханнеса потемнело в глазах, и если б незнакомец не поддержал его, он рухнул бы в страшную пропасть. Вдруг перед ними открылись широкие просторы, солнце поднялось в небе и осветило своими алыми лучами белые вершины гор. А глубоко внизу лежала долина, затянутая голубоватой дымкой тумана, который рассеивался под лучами утреннего солнца. Йоханнес был весь поглощен созерцанием этой красоты; он смотрел и смотрел и словно бы чувствовал один лишь дух божий во всей бесконечной Вселенной. Вдруг над головой его раздались чудные небесные звуки — они были сродни чувствам, овладевшим его душой. Он глянул ввысь: широко раскинув крылья, в воздухе парил, медленно снижаясь, лебедь, а песнь его все замирала и замирала. И вот, словно влекомый ветром, лебедь опустился на землю, склонив голову к ногам Йоханнеса. Лебедь был мертв. Тут спутник Йоханнеса выхватил из-за пояса большой боевой меч, который получил от кукольника, и двумя сильными ударами отрубил у лебеда его могучие крылья, а потом спрятал их в свою котомку.

Йоханнес не переставал дивиться всему новому, что ему довелось увидеть и услышать! Он прямо слов не находил, но товарищ схватил его за руку и сказал:

— Глянь-ка! Разве не кстати пришелся мой меч? За эти крылья мы получим золото, а за золото — знатное угощение!

Так шли они вперед среди гор.

— До чего тут все величественно и красиво,— молвил Йоханнес.— Какие же прекрасные страны, должно быть, лежат за горами?!

— Там лежит Мир Фантазии! — сказал его спутник.— Думаю, завтра утром мы увидим его сверкающие алмазные горы.

Пройдя еще много миль вперед, они увидели глубоко внизу, в долине между гор, большой город со множеством башен; башни так и сверкали в лучах яркого солнца, а посреди города стоял великолепный мраморный дворец с золотой крышей, где жил сам король. Примерно в одной миле от города находился постоянный двор, а там так и кипела работа — воздвигали триумфальную арку, девушки украшали ее цветами и венками... От хозяина наши странники узнали, что государством этим правит король червей, превосходнейший регент, и что он состоит в близком родстве с Сильвио, бубновым королем, который немало известен по пьесе-сказке Карло Гоцци «Три апельсина»¹³.

— Ах! — молвил хозяин харчевни.— Наш всемилостивейший король червей — человек превосходный, воистину человек с золотым сердцем¹⁴, и потому-то его и рисуют всегда с двумя сердцами на портрете,— зато уж дочка его... увы, увы!

И тут добрый старик так горестно заплакал, что больше не мог вымолвить ни слова; когда же он совладал с собой, странники узнали, что королевская дочь прекрасна, как солнце, но вместе с тем она — злая-презлая и жестокая ведьма; немало красивых принцев и отважных рыцарей сложило голову по ее вине. Всякому — будь то принц или последний нищий — дозволено свататься к ней, но если искатель руки принцессы не сможет ответить на три вопроса, вернее, отгадать три загадки, она, будто новая принцесса Турандот¹⁵, безо всякой жалости и милосердия велит казнить его. Старый король чуть не сошел в могилу с горя. Но ничего тут не поделаешь; он дал своей безбожной дочери верушимуую клятву — не вмешиваться в ее любовные дела. А раз в году учрежден даже всеобщий молебен, когда король вместе с народом на коленях молится о том, чтобы принцесса обратилась на путь истинный и сердце бы ее смягчилось. Все так горюют, что даже старухи в нашем городе, которые не прочь выпить, в знак траура окрашивают водку в черный цвет.

— Неужели принцесса так хороша собой? — спросил незнакомец.

— О да,— ответил хозяин,— господь даровал ей замечательную красоту! Да что пользы от этого? Осел всегда останется ослом, будь на нем даже золоченая попона! А знатность без добродетели все равно что фонарь без огня. Вот как полагат ее в могилу, да засыплют землей, так и придет конец ее гордыне. И будет она спать на красных огненных простынях там, где постели и без грелки жарки!¹⁶ Господи, спаси и помилуй нас грешных! Скоро она проедет мимо! Потому-то и пришлось соорудить эту арку, принцесса собирается посмотреть новую мраморную купальню! О боже, хоть бы она там по-

тонула, эта гнусная ведьма! Да куда там! Уж она-то ни за что не потонет! Нет, она-то не потонет!

Йоханнес с товарищем сели между тем к столу в харчевне подкрепиться, но тут внезапно раздались громкие крики «ура!» Они подошли к окну. У дверей стоял хозяин и размахивал своим белым колпаком, а служанки и работники с венками в руках приветствовали принцессу, пока та вместе со свитой проезжала под разукрашенной цветами и зелеными ветками аркой. Впереди выступали двое оруженосцев, одетых ну точь-в-точь как вальтеры червей из карточной колоды; фрейлины в красных и синих платьях ехали верхом на вороных конях и каждая держала в руке прекрасный золотой тюльпан. Сама же принцесса восседала на белом арабском скакуне, а ее небесно-голубая мантия развевалась на ветру. На голове у принцессы была корона, осыпанная сверкающими драгоценными камнями, темные же густые волосы крупными локонами ниспадали ей на грудь, прозрачное платье обрисовывало прелестный стан. Лоб принцессы был высок и благороден, а под тонко очерченными бровями сияли прекрасные черные глаза; их взоры, верно, могли пронзить, будто стрелы, самые твердокаменные сердца. Рот, щеки, шея принцессы... Но вот она уже проехала постоялый двор, однако мимоходом взгляд ее остановился на Йоханнесе; тот застыл на месте, будто окаменел, и неотрывно глядел вслед принцессе. Ему почудилось, словно в ней воплотились те дивные грезы, которые пронеслись перед ним, когда он заснул у смертного ложа отца.

Он поведал товарищу про свой сон — как покойный отец вложил руку красавицы в его руку; как он был счастлив, и как живо он помнил этот сон, когда проснулся и ощутил вместо руки красавицы холодную мертвую руку отца.

— Однако, — молвил, покачав головой, его попутчик, — не забудь про дурное предзнаменование, очнись от грез роковой любви, не дожидайся, чтобы тебя коснулась холодная рука смерти! Вспомни, как много прекрасных принцев и доблестных рыцарей уже сложило головы: мне было бы жаль, если бы мой милый товарищ так безвременно погиб ужасной смертью.

Йоханнес кинулся к нему на грудь и залился слезами: не может он забыть свой дивный сон. Особенно с тех пор, как перед ним воочию явилась ожившая греза. Он словно оказался во власти неких таинственных сил — во что бы то ни стало он желал видеть прекрасную принцессу, желал говорить с ней. В целом свете ничто не могло сравниться с ее красотой! Он вел себя так, словно только что начитался «Вертера»¹⁷ или «Зигварта»¹⁸, и ни о чем не мог помышлять кроме любви и смерти.

Хорошенько вычистив башмаки и платье, умывшись и расчесав на пробор свои белокурые волосы, Йоханнес отправился в город, поднялся в гору к огромному замку, который весь так и сверкал серебром и золотом в солнечных лучах. Громко постучался он в медные ворота, но никто не отворил ему. Он постучался снова, но лишь когда он в третий раз ударил дверным молотком, массивные петли ворот заскрежетали. Сам старый король червей отворил ему ворота; был он в шлафроке и в домашних туфлях, но его достопочтенная, убеленная сединами голова была увенчана золотой короной, а скипетр и державу он сунул подмышку, чтобы удобнее было отпирать ворота большим золотым ключом.

Услыхав, что Йоханнес — новый искатель руки его дочери-принцессы, старый король разразился слезами и выронил наземь скинетр и державу. Воздев руки к небу, король утер слезы полкой драгоценного шлафрока и, взяв Йоханнеса за руку, повел его в сад принцессы. Там на каждом дереве висело по три-четыре королевича, которые прежде сватались к принцессе; теперь же их высохшие кости гремели, распугивая певчих птиц. На клумбах вместо цветов также красовались человеческие кости, а кругом, на всех террасах отвратительно скалились человеческие черепа; в мраморном же бассейне рыбки забавлялись истекающими кровью сердцами убитых женихов.

— Увы, дитя мое! — воскликнул старый король. — Теперь ты видишь, что тебя ожидает! Так пожалей нас и не добивайся, чтоб еще и твоя кровь пала на голову моей дочери и ее несчастного отца! Одумайся, а не то вскоре расстанешься с жизнью во цвете лет!

Йоханнес почтительно поцеловал руку старого короля, но заверил, что решение его непоколебимо.

Тут во дворе замка раздался шум — то вернулась домой принцесса; соскочив с седла, она вскоре пришла в сад. Йоханнес заговорил с ней, а что говорил, и сам не знал — так сладостно улыбалась ему принцесса, протягивая для поцелуя свою белую ручку. Губы его горели, он был страшно возбужден и даже не отведал прохладительных напитков, которые подавали пажи. Он видел только свою прекрасную грезу и услышал лишь, что она просит его наутро придти в замок; завтра и ему предстоит выдержать первое испытание в присутствии судей и государственного совета.

Вне себя от радости вернулся он на постоянный двор, бросился товарищу на шею и поведал о своем счастье. Тот лишь покачал головой, но потом улыбнулся довольной улыбкой и, крепко обняв Йоханнеса, молвил:

— Бедный ты, мой милый товарищ! Мне бы впору сейчас слезы лить о тебе, зная, что скоро навек тебя лишусь. Но я, однако же, не желаю омрачать последний твой денечек. Давай повеселимся напоследок. Справим вечером твою тризну так, как будто мы пируем у тебя на свадьбе. А наплакаться я и завтра успею.

С быстротой молнии разнеслась между тем по городу молва о том, что объявился новый жених — свататься к принцессе: в театре отменили представление, король повелел объявить траур при дворе, во всех церквях священники молились о здравии нового жениха.

Солнце зашло; оба наших странника сидели в маленькой каморке на постоялом дворе; две свечи в подсвечниках горели перед ними, на столе дымилась большая чаша пунша. Товарищ Йоханнеса был необычайно весел, можно сказать, шаловлив, — шутил без конца, помогая коротать время, а сам то и дело подливал Йоханнесу пунша. Йоханнес, непривычный к вину, вскоре захмелел, стал клевать носом, да и заснул. Товарищ уложил его тихонько в постель, а в полночь вытащил свою котомку, привязал к спине лебединые крылья, взял в руки пучок папоротника, отворил окошко и полетел к королевскому замку. Там он спрятался за колонной под окном принцессиной опочивальни.

В городе стояла мертвая тишина, и лишь порой слышался храп часовых да ночных сторожей. Часы пробили три четверти двенадцатого; тут окно прин-

цессиной опочивальни распахнулось, и она в широком белом одеянии вылетела оттуда на огромных орлиных крыльях, взвилась над городом и полетела к ближней горе. Спутник же Йоханнеса сделался невидимкой, полетел за ней следом, да и давай весело нахлестывать принцессу розгами, так что алая ее кровь, словно капли росы, омочила полевые травы и цветы. Уф! Ну и прогулка!

Холодный ветер трепал ее длинное белое одеяние, а месяц просвечивал его насквозь.

— Ах, какой град! Ах, какой град! — вздыхала всякий раз, когда ее хлестали розгами, принцесса.

Под конец она добралась до самой горы и постучалась; в недрах горы раздался странный грохот, будто тысячи железных цепей унали в пропасть. Скала расступилась и принцесса вместе с невидимым своим спутником вступила в глубокий каменный ход под сводами горы. С тем же грохотом гора замкнулась за ними, и бесчисленное множество малюток-домовых, прислужников могущественного тролля, который жил тут, отнесли прекрасную принцессу в большой тронный зал. Более тысячи галерей, изукрашенных колоннами, тянулись отсюда в самую глубь горы; стены их сверкали металлом и слюдой, искрились снопами прекрасных лучей. Высоко-высоко, под самым сводом, светили искусственные солнце и месяц, а пол был выложен разноцветными камнями и пестрыми цветами. На высоком троне чистого золота сидел король, владелец горы; на голове у него красовалась корона, высеченная из одного-единственного цельного рубина; над его уродливым синюшным лицом нависли черные лохмы волос, сплосх покрытые колтунами! Он поцеловал принцессу в лоб и усадил ее рядом с собой. И пошло тут веселье!

Весь двор тролля пустился в пляс. Все загудело и заходило ходуном! Крошечные барышни, ростом едва в аршин, плясали со щеголеватыми военными, такими же маленькими, как и они. Можно было подумать, что и мундиры, и сабли, и крошечные шляпы с развевающимися перьями надеты лишь для маскарада. Никто не заметил незнакомца, который примостился позади трона, зато он все прекрасно видел и слышал. Так, он разглядел, что большинство придворных кавалеров и лакеи, открывавшие двери, были вовсе не настоящие тролли, а всего-навсего деревянные чурбаны, ожившие по воле их могущественного повелителя, который к тому же нарядил их в роскошное платье. Тут же вертелся один из прекраснейших великих умов троллинного двора. Однако, присмотревшись к нему хорошенько, товарищ Йоханнеса понял, что это всего лишь палка от метлы с кочаном капусты вместо головы. Троль сам произвел его в придворные гении и разodel в расшитое золотом платье. После того как все вволю наплясались, а пуще всего наболтали разных глупостей, принцесса захотела пуститься в обратный путь. Но прежде она поведала троллю: объявился, мол, новый искатель ее руки, и потому она просит у хозяина горы совета, что бы ей такое придумать нынче ночью, какую загадать загадку новому жениху, когда он наутро явится в замок.

— По мне, — молвил троль, — чем проще загадка, тем труднее ее отгадать. Загадайте ему про свои башмачки. Надеюсь, мы с вами завтра ночью встретимся, и я устрою в вашу честь еще более блистательный праздник, нежели сегодня.

Принцесса поклонилась троллю и все малютки-кавалеры понесли ее на руках к воротам, которые вели из горы. А там принцессу ждал прежний провожатый, и уж он не отставал от нее до самого замка, куда она вернулась через окно, жалуясь на сильный град.

Когда товарищ Йоханнеса появился на постоялом дворе, Йоханнес все еще спал: тогда спутник его быстро отвязал лебединые крылья и тоже улегся в постель. На рассвете Йоханнес проснулся; незнакомец тотчас вскочил со своего ложа и рассказал, что ночью, дескать, приснился ему диковинный сон про принцессу и про ее башмачки. И стал уговаривать Йоханнеса, чтобы он спросил у принцессы, уж не загадала ли она про свои башмачки.

— Не все ли равно о чем спрашивать, — сказал Йоханнес, — все одно ведь не отгадаю. Я знаю, что должен умереть. Но я хоть еще раз увижу ее, осмеюсь еще раз заговорить с ней.

О, до чего трогательно было это слышать! Бедный юноша, прежде столь естественный, столь милый, заговорил вдруг словно один из героев Клаурена¹⁹. Но чего только не сделает любовь!?

С плачем кинулся он на шею другу, завещал ему свое скудное состояние и с бьющимся сердцем отправился в замок. Зал был уже полон народу, судьи восседали на своих местах, а старый король утирал слезы белым носовым платком. Вскоре вошла принцесса. О, она была еще прекраснее, чем накануне! Загремели трубы, принцесса кивнула Йоханнесу, он приблизился и преклонил колено у подножья ее трона. С благосклонной, царственной улыбкой она велела ему отгадать, о чем она соизволила думать прошлой ночью. О, эта улыбка! Эта улыбка имела бы успех как в романе, так и на театре, но улыбка тут же исчезла, лишь только слово «башмачки» сорвалось с губ Йоханнеса. Принцесса побледнела как смерть, и, трепеща от ярости, кусая губы от злости, призналась, что он отгадал ее загадку. Ух ты! Ну и обрадовался же старый король! Он проскакал по всей зале на одной ножке, а все собравшиеся аплодировали и ему, и удачливому жениху, который отгадал первую загадку принцессы.

Когда Йоханнес вернулся назад на постоялый двор, он ликуя бросился на шею своему спутнику и сказал, как удивительно спасло его провидение, похвалив товарищу чудесный сон. Йоханнес преисполнился детской веры в то, что господь может помочь ему отгадать две другие загадки. Наутро ему снова было велено явиться ко двору. Друзья провели вечер почти так же, как и вчера. Лишь только Йоханнес заснул, незнакомец снова укрепил лебединые крылья за спиной и снова летал с принцессой туда и обратно. Но на сей раз он стегал ее двумя пучками розог, так что на ее лилейно-белой спине остались следы побоев. На этот раз она загадала про свою перчатку, и Йоханнес, которому спутник его, будто бы снова видевший сон, подсказал это, — снова отгадал загадку на радость королю и всему народу. На бледном лице старого короля даже проступил румянец, а старухи перестали окрашивать водку в черный цвет: они ведь были почти уверены в том, что златокудрый юноша, как они величали Йоханнеса, непременно победит и завоюет руку принцессы. Между тем, близилось третье, решающее испытание. Лишь только Йоханнеса сморил ночью сон, товарищ его снова привязал себе на спину лебединые крылья, взял в руку три пучка розог и опоясался боевым мечом. Ночь стояла темная, бур-

ная. Принцесса взметнулась высоко в воздух. ее длинные черные волосы развевались на ветру. Молнии так и сверкали вокруг нее и видно было, что она бледна, как смерть, но она страшно хохотала, и хохот ее странно сливался с раскатами грома и воем бури. Трижды прокружилась она над своим садом, где висели на деревьях скелеты ее женихов и словно плясали под веселое пение бури. Обессилевшая вконец, влетела она в гору и почти в беспамятстве свалилась на руки малюток-домовых, которые тотчас же понесли ее в залу к троллю, своему королю.

— Такой ночи, как нынче, — молвила она, — я никогда еще не видала: град так и сыплет, бушует ветер, а небо полыхает огнем.

В подземном зале пошло веселье и пляски, но принцессе было не до забав; сперва она сидела, вперив взгляд перед собой, потом вдруг схватила руку тролля и рассказала, как новый жених и во второй раз отгадал загадку и, пожалуй, ему, чего доброго, повезет и в третий раз. Тогда ей нельзя будет больше прилетать в гору, и постепенно она потеряет свою волшебную силу. А потом и вовсе ее утратит.

— Нет, не бывать этому! — вымолвил тролль. — На этот раз я придумал для вас такую загадку, что, коли он ее отгадает, стало быть, он колдун почише нас обоих. А покамест еще полночь, повеселимся и порезвимся на славу под каменными сводами!

И, схватив принцессу за руку, тролль закружился с ней в веселой пляске. Наконец пришло время принцессе возвращаться домой, пока ее не хватились в замке, и тролль сам отправился ее провожать.

Товарищ Йоханнеса истрепал об их спины все свои розги, и даже тролль согласился, что никогда прежде не доводилось ему летать в такой град, как сегодня. Когда же они подлетели к замку, тролль запечатлел поцелуй на устах принцессы и шепнул ей на ушко:

— Загадай про мою голову!

Но спутник Йоханнеса все же расслышал его слова, и когда принцесса впорхнула через окошко в свою опочивальню, а тролль хотел повернуть назад к своей горе, товарищ Йоханнеса схватил его за черные лохмы и одним ударом боевого меча снес ему с плеч уродливую башку. Тело тролля он забросил далеко-далеко в бурное море, а голову захватил с собой на постоялый двор, смыл с нее кровь и завязал в большой синий клетчатый платок. Этот сверток он на другое утро передал Йоханнесу и строго-настрого наказал развязать его только тогда, когда принцесса в последний раз спросит его, о чем она думала нынче ночью.

Замок не мог вместить всех толп, которые стекались туда отовсюду. Одних изрядно помяли, другим отдавили мозоли. Весь государственный совет был в сборе; старый король червей появился во всем своем великолепии — с державой и скипетром в руках, с тяжелой золотой короной на голове. Принцесса, бледная, как смерть, сидела в черном траурном платье. Лицо ее было сурово. По знаку принцессы Йоханнес приблизился к трону — глубокая тишина воцарилась в зале; он быстро развязал платок, и принцесса с криком отшатнулась на своем троне. Все испугались, увидев эту страшную голову, которая после смерти стала еще ужаснее. Йоханнес выпустил ее из рук и молча склонился перед принцессой: она медленно выпрямилась, протянула ему руку и дрожа-

щим голосом объявила: он-де избранный ею жених, так как счастливо трижды выдержал испытание.

О, какая радость воцарилась во всем городе и в сердце старого короля! Повсюду шло веселье, слышались звуки музыки, а три быка с начинкой из гусей и кур были пожалованы народу; на площадях в сложенных по случаю торжества фонтанах било дорогое вино. Открылся театр и там давали совсем новую пьесу, что пролежала всего-навсего шесть лет²⁰ в ожидании этого дня. Она была просто ни о чем, и, стало быть, всякий мог ее тут же понять; публика была в хорошем расположении духа и пьеса имела бешеный успех. Вечером весь город был иллюминирован, в замке тоже плясали и веселились, а невестины покои изукрасили венками и гирляндами цветов. Старый король обнял юношу, соединил его руку с принцессинной и тотчас подарил ему полкоролевства впридачу.

Однако же принцесса все еще оставалась ведьмой и не любила Йоханнеса; товарищ его все это знал и потому дал Йоханнесу три пера из лебединых крыльев да пузырек с несколькими драгоценными каплями. Еще он наказал ему поставить рядом с невестиним ложем большой чан с водой; когда принцесса станет ложиться в постель, пусть он столкнет ее в чан, затем трижды окунет в воду, куда надо заранее бросить три пера и вылить все капли из пузырька. Тут принцесса вовсе избавится от колдовства, а вскоре от всего сердца полюбит Йоханнеса, так же, как и он любит ее. Йоханнес точь-в-точь исполнил все то, что посоветовал его товарищ. Когда он окунул принцессу в воду, она громко закричала и забилась у него в руках в обличье огромной, черной как смоль лебеди, из глаз которой сыпались огненные искры; во второй раз из воды показалась белая лебедь с одним единственным черным кольцом на шее. Когда же он, усердно молясь, вновь глубоко окунул птицу в воду, она быстро взмыла ввысь, лебяжье оперенье упало, и в объятиях его оказалась принцесса. Она стала еще прекраснее прежнего и со слезами на дивных глазах благодарила Йоханнеса за то, что он избавил ее от волшебных чар.

Наутро к молодым явился король со всеми придворными и давай их поздравлять с поклонами и реверансами до самого вечера. А когда все кончилось, явился товарищ Йоханнеса. Одет он был по-дорожному, с посохом в руках и с котомкой за спиной. Йоханнес бросился к нему в объятия и попросил его не уходить, остаться с ним и разделить его счастье, ведь счастьем этим он обязан только ему, ему одному! Но товарищ лишь покачал головой, улыбнулся и молвил:

— Нет, отпущенный мне срок прошел! Я всего лишь заплатил старый долг! Помнишь ли ты ночь в церковном притворе? Помнишь мертвеца, которого ты спас от поругания? Тот мертвец был я!

Йоханнес онемел от удивления, а когда дар речи к нему вернулся, попутчик его уже исчез.

Свадебные торжества праздновали еще целый месяц и на долю старого короля выпало немало радостных дней: он радовался счастьем своих детей, а вскоре уже качал на коленях внучат — маленьких вальтеров червей и маленьких дам червей, дозволяя им играть со своим скипетром, и долгими зимними вечерами сказывал им немало чудесных сказок. Пока не пришел конец и самой сказке его жизни²¹.

ЗАТОНУВШИЙ МОНАСТЫРЬ

Неподалеку от Нойенкирха ¹, среди дремучих лесов притаилась одинокая полянка с озерцом; редко кто сюда заглядывает, да и знают-то о ней немногие. В черных елях, окружающих лужайку и озеро, есть какая-то унылость, нечто навевающее невольный трепет. Они словно окутывают таинственным покровом эти места; здесь не щебечут птицы, сюда не заглядывают солнечные лучи. Само озеро — глубины бездонной, и оттого-то еще больше сторожатся люди этих мест.

В стародавние времена стоял здесь женский монастырь с высокими башнями и с каменными статуями вдоль красных кирпичных стен.

Однажды ненастной зимней ночью набрел на монастырь нищий, больной старик; обессиленный, постучал он в ворота и стал проситься на ночлег. Но сестра привратница была женщина ленивая и жестокосердая, не хотелось ей в стужу спускаться вниз, отмыкать все замки и запоры. И она сердито крикнула старику, чтобы он шел своей дорогой и искал ночлега в другом месте. Но странник так устал и продрог, что дальше не мог идти; он снова стал просить, жалобно плакал, но все было напрасно. Ни настоятельницу, ни остальных монахинь не тронуло его горе. Лишь одна-единственная из обитательниц монастыря, которая еще не дала монашеского обета, сжалась, видя его слезы, и заступилась за старика. Но монашки только посмеялись над ней, поглумились над ее добротой, да так и оставили беднягу за воротами.

Тут непогода еще пуще разыгралась, а старик прикоснулся своим посохом к стене, и в мгновение ока неприступный монастырь провалился в бездну. Огонь и дым изверглись из страшного жерла, которое тут же заполнилось водой. К утру буря стихла, и на том самом месте, где вчера еще солнце играло на золотых крестах высоких колоколен, теперь раскинулось озеро.

Добросердечная послушница, которая пожалела старика, горячо, всей душой любила одного из самых знатных рыцарей тех краев, и потому монастырь казался ей темницей. Не раз ночью порою пробирался рыцарь тайком через лес к уединенному монастырю. Когда все вокруг погружалось в сон, они переговаривались через решетку в окне ее кельи, и часто, бывало, их свидания кончались лишь на заре.

Пришел он и в ту ненастную ночь. Но какой болью и тревогой наполнилось сердце рыцаря, когда не увидел он больше на прежнем месте монастыря, а лишь услышал, как ревет и клокочет вода, скрытая густыми клубами дыма. Рыцарь стал ломать руки, рыдать и так громко звать любимую, что голос его сквозь бурю разносился далеко вокруг.

— Хоть раз, один лишь раз, — вздыхал он, — приди в мои объятия!

И тут из бездны, над которой пенилось бурное озеро, раздался голос:

— Будь завтра ночью, в одиннадцатом часу, на этом самом месте! На волнах ты увидишь алую, как кровь, шелковую нить, потяни за нее!

Голос смолк. В тоске и горе отправился рыцарь домой, не ведая, что уготовит ему рок. Но в назначенный час он снова пришел на берег озера и сделал все, что повелел ему голос.

Трепетной рукой схватил он алую, как кровь, нить, потянул за нее — и вот перед ним предстала его возлюбленная.

Затонувший монастырь

— Неисповедимый рок,— сказала она,— вверг меня, ни в чем не повинную, в бездну вместе с виноватыми, но мне дозволено всякую ночь от одиннадцати до двенадцати беседовать с тобой; преступать же этот час мне нельзя; если я хоть раз нарушу условие, ты никогда меня больше не увидишь. И, кроме тебя, никто не должен меня видеть, не то незримая рука перережет нить моей жизни.

Долго, долго продолжались ночные свидания на берегу озера, и всякий раз рыцарь тянул за алую, как кровь, нить, и из синих вод являлась его возлюбленная. Как счастливы были они оба этими тайными встречами и ничуть не опасались, что их застигнут врасплох в этом безлюдном, внушающем ужас месте! Но зависть и злоба выследили рыцаря, и однажды чужой человек подглядел, как влюбленные рука об руку гуляют по берегу озера. Когда на следующую ночь рыцарь приблизился к милому озеру, воды его в ясном свете месяца атели, будто кровь. Трепетной рукой схватился он за нить, но она побелела и была перерезана.

Стеная, метался рыцарь по берегу, ломал руки, звал свою любимую. Но все было тихо. Тогда безутешный юноша бросился в озеро, и волны над ним сомкнулись.

МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ

ЭТА БАСНЯ СЛОЖЕНА ПРО ТЕБЯ!

(По немецкому источнику) ^{1*}

Да, остроумный способ придумали в древности мудрецы, как, не причинив человеку прямой обиды, все же сказать ему правду в глаза. Они давали людям заглянуть в чудесное зеркало, в котором отражались всякие звери и дикие вещи, являвшие собой зрелище столь значительное, сколь и поучительное. Мудрецы называли это зеркало басней, и что бы ни делали звери, все — и разумное и глупое, — люди поневоле относили к себе и при этом думали: эта басня сложена про тебя. Поэтому и рассердиться на басню никто не мог.

А теперь послушайте!

Стояли две высокие горы, а на их вершинах высилось по замку. Внизу, в долине, рыскала голодная собака, обнюхивая землю в поисках мышей или куропаток. Вдруг из одного замка послышался звук трубы; он возвещал, что там вот-вот сядут за стол. Собака тотчас помчалась на гору, надеясь, что и ей перепадет кусочек, но не успела она и полпути пробежать, как там перестали трубить, зато затрубили в другом замке. Тут собака подумала, что в первый замок ей не попасть, там, видно, уже отобедали, а вот во втором еще только за стол садятся. Она сбежала с этой горы и помчалась на другую. Тут снова затрубили в первом замке, во втором же труба смолкла. Собака снова сбежала вниз и снова помчалась на гору; так она и бегала взад и вперед до тех пор, пока не смолкли обе трубы, потому что и здесь и там уже отобедали.

А ну-ка, догадайся, что хотели сказать этой басней древние мудрецы и кто тот глупец, который бегает, пока не свалится с ног, но так ничего и не находит ни здесь, ни там?

ТАЛИСМАН

Принц с принцессой праздновали еще свой медовый месяц. Счастливы они были чрезвычайно, и только одна мысль не давала им покоя: им очень хотелось знать, будут ли они так же счастливы всю свою жизнь? Поэтому и стали они мечтать о талисмане, который оградил бы их от всяческого недовольства в супружестве. А были они очень наслышаны об одном человеке; жил этот человек в лесу, и все почитали его за мудрость. В любой беде и во всяком затруднении мог он дать дельный совет. Отправились к этому мудрецу принц с принцессой и рассказали ему обо всем, что у них было на душе. Выслушал их мудрец и сказал:

— Ступайте странствовать по белу свету, и как встретятся вам счастливые и всем довольные муж с женой, попросите у них лоскуток исподнего, а как раздобудете такой лоскуток, носите его всегда как талисман. Это средство испытанное.

^{1*} Имя автора неизвестно.

Сели принц с принцессой на коней и отправились в путь; вскоре услышали они от людей об одном знатном рыцаре, который будто бы жил со своей женой счастливее всех других. Поехали они к нему в замок и стали сами супругов расспрашивать, правда ли они так довольны своей жизнью, как говорит про то молва.

— Все правда,— ответили те,— одно только горе: детей у нас нет!

Стало быть, здесь искать талисман было нечего, и пришлось принцу с принцессой отправиться дальше на поиски счастливых и всем довольных супругов.

И вот приехали они в город, где, по слухам, был один честный горожанин, который жил со своей женой в мире, любви да согласии. К нему-то они и пошли и точно так же спросили, правда ли он так счастлив в браке, как о том рассказывают.

— Да, уж что правда, то правда! — ответил муж.— Живем мы с женой душа в душу, вот только детей у нас многовато, а с ними немало у нас и забот и горя!

Стало быть, и у него искать талисман было нечего, и принц с принцессой отправились дальше, расспрашивая повсюду, не слыхал ли кто про счастливых и довольных супругов. Но такие все не объявлялись.

Однажды, едучи полями и лугами, увидали они неподалеку от дороги пастуха, который весело играл на свирели. И видят, что к пастуху идет женщина с грудным младенцем, другого ребенка, мальчика, она ведет за руку. Как только пастух заметил женщину, он пошел к ней навстречу, поздоровался, взял малютку и стал целовать и ласкать его. А собака пастуха, прыгая и лая от радости, подбежала к мальчику и лизнула ему ручонку. Меж тем жена пастуха достала глиняный горшок, который принесла с собой, и сказала:

— Иди-ка, отец, поешь.

Муж сел на землю и принялся за еду, но первый кусок он отдал малютке, а второй разделил с мальчиком и собакой. Все это видели и слышали принц с принцессой. Подошли они поближе и заговорили с мужем и женой:

— Уж вы-то, наверное, самые что ни на есть счастливые и довольные супруги?

— Да, уж что правда, то правда,— ответил муж.— Слава богу. На свете нет ни одного принца с принцессой счастливее нас.

— Знаете что,— сказал тогда принц,— помогите нам, вы об этом не пожалеете! Дайте нам по лоскуточку от рубашек, которые вы носите на теле!

При этих словах пастух с женой как-то чудно переглянулись. А пастух сказал:

— Видит бог, мы бы рады дать вам не то что по лоскутку, но и по целой сорочке, будь она у нас. Но у нас и тряпки-то никакой в доме нет.

Пришлось принцу с принцессой отправиться дальше не солоно хлебавши. Под конец долгие напрасные скитания им наскучили, и они повернули домой. Когда принц с принцессой проезжали мимо хижины мудреца, они упрекнули его за то, что он дал им такой плохой совет, и рассказали про свое путешествие.

Улыбнулся на это мудрец и сказал:

— Неужто вы и вовсе понапрасну съездили? Разве не вернулись вы домой умудренные опытом?

— Да,— ответил принц,— я узнал, что счастье и довольство своей судьбой — редкий дар на этом свете!

— А я,— сказала принцесса,— поняла: быть довольным очень просто, нужно только... быть довольным.

Протянул тут принц принцессе руки, и поглядели они друг на друга с такой нежной любовью! Благословил их мудрец и сказал:

— В вашем собственном сердце отыскиали вы истинный талисман! Храните его бережно, и тогда злой дух недовольства никогда не овладеет вами.

ЖИВ ЕЩЕ СТАРЫЙ БОГ!

Был воскресный день. Солнечные лучи, ясные и теплые, освещали горницу; мягкий и освежающий воздух вливался в растворенное окошко, а на воле, под голубыми небесами, где поля и луга цвели и зеленели, ликовали птички. На всем божьем свете царили радость и веселье, а в доме между тем поселились горе и нищета. Даже хозяйка, которая никогда не падала духом, с самого утра глядела печально. Так и не притронувшись к завтраку, она встала из-за стола, отерла слезы и пошла к дверям.

Казалось, будто над домом этим тяготеет проклятие. Все в стране дорожало, промышленность приходила в упадок, бремя налогов становилось все тяжелее и тяжелее, средств у семьи делалось меньше и меньше, впереди ее ожидали только нищета и несчастье. Все это уже давно тяготило мужа бедной женщины, который был всю свою жизнь работающим и честным человеком. Ныне же он приходил в полное отчаяние при одной мысли о том, что его ждет, и даже стал заговаривать о том, что хочет наложить на себя руки, покончить с этим убогим, беспросветным существованием. Напрасно его жена старалась вдохнуть в него бодрость, напрасно пытались друзья утешить его доводами, почерпнутыми из житейского опыта и религии. Он делался все печальнее и все больше замыкался в себе. Неудивительно, что жена его в конце концов тоже упала духом. Только ее печаль, как мы вскоре увидим, была совсем иного рода.

Увидев, что жена его опечалена и хочет выйти из горницы, он удержал ее и молвил:

— Я не отпущу тебя, покуда ты не скажешь, что тебя мучит.

Помолчав, она глубоко вздохнула и сказала:

— Ах, дорогой муженек! Мне приснилось нынче ночью, будто старый бог помер, а все ангелы его хоронят!

— Можно ли верить в такую чепуху! Откуда ты это выдумала? — ответил муж. — Разве ты не знаешь, что бог бессмертен?!

Тут лицо доброй женщины озарилось радостью и, с любовью сжав обе руки мужа, она воскликнула:

— Стало быть, жив еще старый бог!

— Ясное дело! — отвечивал муж. — Можно ли в этом сомневаться!

Тут она обняла его, взглянула на него ясными глазами, в которых светилось доверие, мир и радость, и молвила:

— Ах, дорогой муженек! Раз старый бог жив еще, почему же мы не веруем в него и не уповаем на его помощь! Ведь он сосчитал каждый волосок на наших головах и ни один не упадет без его воли! Ведь это он дарует одежду лилиям в полях, дарует воробьям их корм, а воронам их добычу!

При этих словах словно пелена спала с глаз мужа, и разжались тиски, сжимавшие его сердце; впервые за долгое-долгое время он улыбнулся и поблагодарил свою милую, благочестивую женушку за ту хитрость, с помощью которой она оживила его умершую было веру и вернула ему надежды. Тут солнышко еще приветливей засияло в горнице, озарив лица довольных людей, ветерок овеял их щеки, а птицы еще громче ликуя воздавали сердечное спасибо богу.

ОБОРВЫШ НА ТРОНЕ ФРАНЦУЗСКИХ КОРОЛЕЙ

Когда я в 1833 году был в Париже, мой друг, молодой парижанин, повел меня на выставку картин. Одна из них чрезвычайно поразила нас. Там запечатлен был момент из июльских дней¹, эпизод исторический, возвышенный и прекрасный. Мой провожатый описал мне его в нескольких словах.

В дни Июльской революции, а именно, в блистательный день победы, когда каждый дом был крепостью, каждое окно — бойницей, штурмовали Тюильри². В рядах осаждающих сражались даже женщины и дети; они ворвались в парадные покои и залы дворца. Оборванный подросток храбро дрался рядом со взрослыми и пал, насмерть израненный штыками. Случилось это в тронной зале, и истекающего кровью оборвыша уложили на французский трон, перевязали бархатом его раны; пурпур королевского престола обгарился кровью.

Этот момент и изобразил на своей картине художник — бледное, просветленное лицо мальчика, устремленный ввысь взор, оцепеневшее тело. Обнаженная грудь, убогое платье и роскошный пурпурный бархат производили сильное впечатление.

Быть может, этому мальчику еще в колыбели предсказали: «Ты умрешь на французском престоле!» Быть может, материнское сердце грезило тогда о снежных укреплениях под Бриенном³ и о том, другом мальчике, что стал потом императором Франции? Быть может, мать мечтала о такой же судьбе для своего сына? Но никогда французские короли так глубоко не волновали наши сердца, как этот умирающий мальчик в лохмотьях и царственном пурпуре.

Прошло несколько дней с тех пор, как мы видели эту картину, настали июльские торжества. Предстояло восстановление Наполеоновой статуи⁴, одно народное увеселение должно было сменять другое; но первый день торжества был посвящен памяти павших. В городе были воздвигнуты алтари, за дернутые траурным крепом и украшенные трехцветными лентами и знаменами. На улицах звучали песни, на домах развевались траурные полотнища и флаги. Один такой алтарь воздвигли на маленьком кладбище подле Лувра;

проходим здесь вручали букетики из желтых иммортелей, повитые черным крепом,— их возлагали на могилу. Около одной могилы на коленях стояла какая-то старушка с бледным, но выразительным лицом.

— Это его бабушка! — зашептали рядом со мной два француза, с уважением глядя на старушку.

Они ушли, потом и она поднялась с колен, а мне никак было не отвести от нее взгляда. У меня из головы не шло, что старушка и есть бабушка того самого мальчика. После я спросил одного из друзей, который тоже видел картину и сам участвовал в июльских боях, где же погребено тело мальчика.

— На площади у Лувра! — ответил он, и моя догадка превратилась в уверенность. Вечером я вновь отправился на кладбище. Нескончаемый людской поток двигался в удивительном молчании. На каждой могиле теплился голубой огонек лампадки. Глубокая тишина брала за душу. Я возложил букетик на могилу, сохранив на память один цветок. Он напоминает мне о юном существе, погибшем за родину и свободу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

—•••••
Л. Ю. Брауде

ХАНС КРИСТИАН АНДЕРСЕН
И ЕГО СБОРНИКИ «СКАЗКИ, РАССКАЗАННЫЕ ДЕТЯМ»
И «НОВЫЕ СКАЗКИ»

По-разному складываются творческие судьбы писателей, имена которых вошли в мировую литературу. Одни, прожив короткую блистательную жизнь, навсегда оставляют след в памяти современников и потомков. Другие, встретив глубокую старость, по-прежнему — авторы одного произведения, написанного в молодости. Третьи, проведя в мучительных поисках истинного призвания долгие, отпущенные им годы, понимают, наконец, что главное их творение уже создано.

Последнее целиком относится к литературной судьбе великого датского писателя Ханса Кристиана Андерсена. Почти всю жизнь он считал себя романистом, драматургом, поэтом, автором путевых очерков, а уже потом — сказочником. И хотя сказки принесли ему европейскую и даже всемирную славу, он глубоко переживал неудачу некоторых своих романов и, в особенности, пьес. Только в конце жизни Андерсен окончательно разочаровался в себе как в драматурге и романисте: «...драматические работы редко приносят мне радость...» — писал он. — Для романов у меня нет достаточно знаний...»¹

Тогда же писатель трезво оценил свой истинный талант, талант сказочника, признавшись, что счастье пришло к нему в образе Музы, одарившей его богатством сказок. Он понял, что сказки его — «блестящее, лучшее в мире золото, то золото, что блестит огоньком в детских глазках, звенит смехом из детских уст и из уст родителей»².

Свою жизнь Андерсен неоднократно называл сказкой. Принято (особенно в немецком литературоведении) считать, что стимулом подобного восприятия действительности писателем послужили слова известного немецкого же естествоиспытателя и врача, друга Гете — Карла Густава Каруса, который 2 марта 1846 г. написал в памятной книжке Андерсена, что прекраснейшей сказкой является сама жизнь человека³. Однако выражение «сказка жизни» встречалось у датского писателя много раньше, еще в 1830 г. в финале его сказки «Мертвец». И связано оно, как и название мемуаров «Сказка моей

¹ *Andersen H. C. Der Dichter und die Welt. Weimar, 1917, S. 369.*

² *Andersen H. C. Nye Eventyr og Historier. København, 1967, s. 125.*

³ См.: *Magon L. Einleitung.* — In: *Andersen H. C. Sämtliche Märchen und Geschichten. Leipzig, 1953, Bd. I.* Интересно, что в своих примечаниях к книге «Русские ночи» В. Ф. Одоевский рекомендует книги Каруса «Основания сравнительной анатомии» и «Система физиологии» всем «... поэтам и художникам, тем более, что в этих книгах глубокая положительная ученость соединяется с тем поэтическим элементом, благодаря которому Карус умел соединить в себе качества физиолога первой величины, опытного врача, оригинального живописца и литератора. — *Одоевский В. Ф. Соч.: В 2-х тт. М.: Художественная литература, 1981, т. I, с. 112.*

жизни», с некоторой идеализацией пережитого. Писателю казалось сказочно прекрасным то, что он — выходец из самых бедных слоев датского народа — стал всемирно знаменитым, видел множество стран и был другом многих выдающихся людей своего времени. Он представлялся себе героем арабской сказки из сборника «1001 ночи» — Аладдином, — и потому слово «сказка» у Андерсена так часто соседствует с повествованием о его собственной жизни. Литературоведческая наука удалила некоторый элемент идеализации, восторженности, присущей автобиографиям и мемуарам писателя, и теперь можно с полным правом говорить о пережитых им трудностях и совершенном сказочником подвиге жизни и творчества.

Ханс Кристиан Андерсен, почти ровесник XIX в., свидетель его крупнейших событий, родился 2 апреля 1805 г. в небольшом провинциальном датском городке Оденсе на острове Фюн в семье бедного башмачника и прачки — Ханса Кристиана Андерсена-Старшего и Анн Мари Андерсен. В доме его родителей часто не бывало хлеба, не говоря о новой одежде и обуви. Но и в этой нищенской жизни были свои радости, свой особый мир простых и вместе с тем необыкновенных вещей. Андерсен любил дом, где прошло его детство: навсегда врезалась в память сказочника чистая, тщательно прибранная комнатка в два окна, книжная полка, сапожные колодки. И маленькая кухня, ящик с петрушкой и луком за окошком, куст бузины во дворе. А вокруг — мир прекрасной фюнской природы! Все пленяло воображение мальчика: темный бор и замок с глубокими рвами, сады и дворы, заросшие лопухами, белоснежные лебеди, аисты, улитки. Родной город Оденсе, который славился веселыми народными праздниками, казался Андерсену-ребенку таинственным и прекрасным, ибо почти каждый тамошний дом был связан с каким-нибудь народным преданием. «...Мир, такой же богатый, как и в «1001 ночи», открылся предо мной»⁴, — писал позднее Андерсен о сказках и преданиях детства. Воображение впечатлительного мальчика питали и книги, которые читал ему отец, мечтавший поступить в гимназию, повидать дальние страны. Свою любовь к чтению, желание учиться и путешествовать бедный башмачник передал сыну. Андерсен рано научился читать, а побывав однажды в театре, начал сочинять пьесы и стихотворения. Но попасть в городскую школу сыну башмачника было трудно, и его отдали в школу для бедных, где учили письму, арифметике и закону божьему. Между тем, в семье Андерсена назревали трагические перемены. Шел 1813 год. Наполеоновские войны, в которых Дания участвовала на стороне Франции, эхом отозвались в стране: все вздоржало, жить становилось труднее и труднее. Отец будущего сказочника решил пойти в солдаты, заменив за соответствующее вознаграждение сына богатого крестьянина. Деньги, которые башмачник получил за рекрутство, быстро разошлись. Вернувшись домой в 1814 г., он через два года умер от чахотки. Андерсену в ту пору было 11 лет. Одаренный мальчик, которого многие в городе называли «маленький Уильям Шекспир», в полной мере испытал горечь и унижение бедности в стране, переживавшей национальную трагедию. Потерпев поражение в англо-датской войне 1807—1814 гг., Дания потеряла Норвегию, входя-

⁴ *Andersen H. C. Samlede Skrifter. København, 1876, Bd. I, s. 10.*

*Дом в Одессе, где родился Андерсен
Литография. 1868 г.*

вшую в состав страны еще со времен т. н. Кальмарской унии (1397 г.). Норвегия перешла к Швеции, а Дания лишилась главного покупателя своего хлеба.

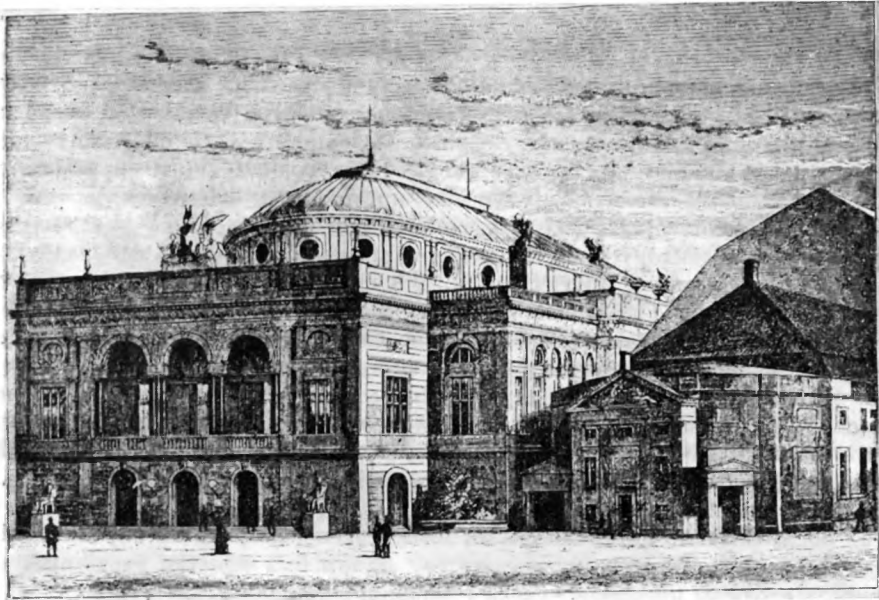
Случай помог Андерсену, жившему в крайней нищете, определить свое призвание. В 1818 г. в Одессе приехало из Копенгагена несколько актеров, и некоторые из них стали кумирами Ханса Кристиана. Он решил уехать в Копенгаген, попытать счастья в театре, тем более, что к тому времени ему удалось скопить 13 риксдалеров. Наивному мальчику казалось, что с ними он завоеует мир, центром которого он считал столицу Дании. И вот утром 6 сентября 1819 г. четырнадцатилетний Андерсен впервые увидел шпили, колокольни и башни Копенгагена.

Этот день писатель всегда считал самым знаменательным в своей жизни. Когда в декабре 1867 г. его избрали почетным гражданином Одессы, он просил отложить там празднества в его честь до 6 сентября 1869 г., когда исполнится полвека с того дня, как он прибыл в столицу Дании. Но тогда — в 1819 г. — он даже в самых смелых мечтах не представлял себе, что его ожидает всемирная слава. В театр мальчика не взяли, так как у него пропал голос — ведь он ходил в тоненьком пальтишке, в рваных башмаках и постоянно бывал простужен!

Деньги быстро подошли к концу, и ему пришлось жить на жалкие гроши, которые порой собирали для него по подписке доброжелатели. Все же в 1821 г. Хансу Кристиану удалось сыграть роль тролля в балете «Армида», а когда к нему вернулся голос, его приняли в хоровую школу. Он начал писать комедии, и к его мечте о судьбе актера присоединилось желание стать поэтом. В 1822 г. Андерсену посчастливилось опубликовать сборник «Юношеские опыты», куда вошли некоторые из его ранних незрелых и подражательных пьес, новелл и стихотворений. Но ему часто не хватало знаний, и государственный советник Йонас Коллин, принимавший в нем участие, выхлопотал для Андерсена право бесплатно учиться в гимназии провинциального городка Слагельсе, а затем Хельсингёра и ежегодную стипендию. Йонас Коллин, один из заслуженнейших государственных деятелей Дании того времени, сыграл огромную роль в жизни юноши. Влиятельный человек, член дирекции Королевского театра, секретарь фонда *usus publicus*, он немало помог Андерсену, который, при всей сложности их отношений, называл его «вторым отцом», а дом Коллина считал своим вторым родным домом. И очень дружил с детьми Коллина — Эдвардом и Ингеборг, к младшей же его дочери Луисе он долго испытывал чувство безнадежной любви. Но это все в будущем.

А пока в гимназии Ханс Кристиан был сыт и кое-как одет. Но ему, семнадцатилетнему юноше, не имевшему самого элементарного образования, пришлось сидеть рядом с учениками второго класса, мальчиками двенадцати-тринадцати лет, которые его всячески дразнили. Да и учеба давалась Андерсену нелегко! Ханс Кристиан был в отчаянии; его беды усугублялись недоброжелательным отношением к нему ректора гимназии Симона Мейслинга, поэта-неудачника, вымещавшего злобу на учениках, особенно на детях бедных родителей. Коллин, знавший о трудной жизни Андерсена, помог ему вернуться в Копенгаген. Там он мог встречаться с литераторами, там жили боготворимые им писатели-романтики Адам Готлоб Эленшлегер и Бернар Северин Ингеман.

Так кончились школьные годы будущего писателя. Подготовившись с помощью частных учителей, Ханс Кристиан в 1828 г. сдал при Копенгагенском университете экзамен на аттестат зрелости. Влача по-прежнему жалкое существование, он был счастлив, вырвавшись из ада гимназии, где жестокий ректор запрещал ему писать стихи, а он все же тайком сочинял не только стихи, но и пьесы, романы и сказки, которые сохранились в отдельных отрывках. Теперь же в Копенгагене Андерсен, избавившись от тирании Мейслинга, всецело занялся литературой. Он создал бесчисленное множество стихотворений, путевой очерк «Прогулка пешком от Хольмского канала до восточной оконечности острова Амагер в 1828—1829 гг.», пьесу «Любовь на башне св. Николая, или Что скажет партер», несколько романтических сказок. Андерсена начинают печатать, его пьесу с успехом ставят в Королевском театре. Но это вовсе не избавило Ханса Кристиана от нужды. Вплоть до 1839 г., т. е. в течение почти половины его жизни, литературные заработки Андерсена были очень скудны. Однако с 1829 г. благодаря путевому очерку и пьесе он приобретает некоторую известность и почти всецело посвящает свою жизнь творчеству. С 1830 г. биография писателя неотделима от его сочинений. В этом причина того, что лучше известны события детских и юношеских лет Андер-

*Копенгаген. Королевский театр
Гравюра 30-х годов XIX в.*

сена. Жизнь Андерсена с этого времени — непрерывный литературный труд; счастье путешествий по Дании и за границей; калейдоскоп впечатлений и встречи с новыми друзьями (в их числе — писатели и поэты Гюго, Дюма-отец, Мюссе, Гейне, композитор Шуман, скульптор Торвальдсен, актриса Рашель и другие выдающиеся люди его времени); любовь к знаменитой шведской певице Йенни Линд, которую современники называли «шведским соловьем». Познакомились они в 1840 г., и Андерсен полюбил ее последней любовью. Но Линд любила только его книги и не ответила писателю взаимностью. Андерсену пришлось довольствоваться лишь ее дружбой, и утешала его, быть может, только всемирная слава.

Умер Андерсен в августе 1875 г. На похороны великого сказочника 8 августа пришли бедняки и знать, студенты, депутаты города Оденсе, иностранные послы и датский король. Один из очевидцев писал тогда, что в тот день копенгагенцы, бросив все свои дела, хоронили Ханса Кристиана Андерсена. Гроб с телом «короля сказок», как его называли, несли на руках по улицам столицы. В стране был объявлен национальный траур.

В могилу наш король сошел
И некому занять его престол,—

писала одна из датских газет.

* * *

В развитии жанра литературной сказки, неразрывно связанной с именем Андерсена, значительную роль сыграло романтическое течение. В творчестве романтиков, особенно немецких, сказка стала каноном высокой поэзии, новым литературным жанром. Ф. Энгельс писал, что народные книги «прежде... служили для высших сословий предметом презрения и насмешек, потом, как известно, романтики разыскали их, обработали, больше того — прославили»⁵. Обращение к фольклору было характерно для романтического направления не только Германии, но и других стран. Изучение народных сказок, преданий было связано также с желанием проникнуть в суть народного миропонимания. Романтики видели в народном творчестве свои эстетические образцы, источники современной литературы и основу ее национального характера.

В Дании, подобно другим странам, существовали свои конкретные исторические предпосылки обращения к фольклору и старине, продиктованные и ростом национального самосознания, и патриотическими устремлениями. «Как будто народное самосознание, мирно дремавшее в течение восьмидесяти лет, пробудилось благодаря могучему удару грома»⁶, — писал поэт и романист Ингеман после битвы с англичанами на Копенгагенском рейде 2 апреля 1801 г., когда морскому и торговому могуществу Дании был нанесен страшный удар и жители столицы проявили чудеса героизма, защищая родной город.

Нельзя не учитывать и еще один важный фактор. Это — влияние немецкой литературы, о котором по отношению к Дании писал еще в 1848 г. Ф. Энгельс: «...датская литература... представляет собой бледную копию немецкой литературы»⁷. Датский романтизм в начале XIX в. испытал сильное воздействие со стороны немецкого. Известный датский философ и поэт Хенрик Стеффенс, побывавший в Германии, вернувшись на родину, ознакомил нескольких писателей — и прежде всего Эленшлегера — с основными принципами йенской романтической школы. Под впечатлением бесед со Стеффенсом Эленшлегер летом 1802 г. написал поэму «Золотые рога» — своеобразный манифест датского романтизма. В этом произведении писатель высказал преклонение перед древностью, «когда на Севере царило сияние, когда небо спустилось на землю»⁸. В 1818 г. признанный глава датского романтизма Эленшлегер познакомил своих соотечественников с образцами немецкой народной и литературной сказки, издав сборник в двух томах, озаглавленный «Сказки разных писателей». Туда вошли произведения немецких ученых-фольклористов и писателей — братьев Гримм, Музеуса, Клейста, Тика и др. Тем не менее, заслуга лучших датских романтиков — в стремлении сохранить национальный

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 41, с. 12.

⁶ Цит. по: Østergaard V. Illustreret dansk Litteraturhistorie. København og Kristiania, 1907, s. 37.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 420.

⁸ Цит. по: *Norrild S. Dansk literatur fra Saxo til Kai Munk*. København, 1949, Bd. I, s. 176. — Для Дании, как и для некоторых других стран, в частности для Франции, характерно то, что многие народные предания, сказки и поверья страны были записаны фольклористами значительно позднее, нежели их использовали авторы литературных сказок, такие как Андерсен. Систематическое издание народных преданий, сказок и поверий Дании было предпринято лишь в 50—60-х годах XIX в.

характер своей литературы, преодолеть зависимость датской словесности от немецкой, а также в широком обращении к народным традициям. Это нашло выражение прежде всего в любви к национальной истории, к старине, в публикации народных сказок и преданий. Историк Ведель Симонсен разыскал развалины старинных замков в датских провинциях, датский ученый Олуф Кристиан Олуфсен опубликовал в 1821 г. книгу «Конституция Дании в старые времена». В 1817—1820 гг. корреспондент братьев Гримм Расмус Нюроп начал издавать датские народные песни; Петер Эрасмус Мюллер и Фридрих Кристоф Дальман — «Библиотеку саг», а писатели Юст Маттиас Тиле и Кристиан Винтер — «Датские народные предания» (1818, 2-е издание — 1843) и «Датские народные сказки» (1823). Для датских романтиков характерны интерес к дофеодальному укладу жизни скандинавского Севера и чаще всего критическое отношение к его феодальному средневековью, что сказалось и на литературной сказке Дании, представленной в творчестве Эленшлегера, Ингемана и Андерсена. Правда, источники произведений всех трех писателей были различны. В основе романтической литературной сказки Эленшлегера и Ингемана, для которых этот жанр не является главным, лежали отнюдь не народные сказки и предания, а мифология, северные саги и средневековые легенды. В первых литературных сказках Дании — «Сага о Ваулюндуре» (1807) и «Сага о Роаре» (1816) Эленшлегер обработал сюжеты северных саг о знаменитых героях древности. Глава датского романтизма ввел в эти сказки и персонажей датских народных преданий — черных альфов и русалок. Ингемана в его литературных сказках «Хелиас и Беатриса» (1816), «Подземные духи» и «Игра не на жизнь, а на смерть» (1817) больше привлекал мир средневековых легенд, христиански-рыцарские идеалы и мрачная фантастика.

Литературная же сказка Андерсена, в отличие от произведений его предшественников в этом жанре — Эленшлегера и Ингемана, тесно связана с народными сказками и преданиями. Именно Андерсен, человек, воспитанный на фольклорной традиции и вместе с тем поэтически одаренный художник, стал основоположником датской и мировой литературной сказки. Он стал сказочником XIX в., сказочником своей эпохи.

Начало профессиональной литературной деятельности Андерсена относится к 20-м годам XIX в., к периоду расцвета романтической литературы Дании. Но одновременно и даже раньше писатели Йохан Людвиг Хейберг и Карстен Хаук начинают критиковать наиболее неистовые проявления фантастики в романтических произведениях. В 30-х годах XIX в. в творчестве писателей Стена Стенсена Бликкера и Ханса Кристиана Бредаля уже ощущаются реалистические тенденции.

Андерсен пережил глубокое увлечение произведениями немецких и датских романтиков. Его главным вдохновителем был прежде всего Гофман с его сочетанием сказочного и действительного. Под влиянием Гофмана написаны незавершенные романы Андерсена «Аллея в Сорё» (1822) и «Фрагменты незавершенного исторического романа» (1824—1825), а также путевой очерк «Прогулка пешком на Амагер...» В произведениях Эленшлегера Ханса Кристиана восхищало возрождение старинных преданий севера, а в книгах Ингемана их национальный колорит. «Датская литература, — писал впоследствии

«сказочник, — высокая и поросшая лесом гора...», где «простираются могучие первобытные леса Эленшлегера..., а Ингеман ведет тебя при лунном свете по благоуханным буковым лесам, где поет соловей, а ручеек нашептывает древние легенды»⁹. Однако, признавая в конце 20-х годов лучшими литературными образцами Гофмана, Шамиссо и Тика, Эленшлегера и Ингемана, Андерсен в книге «Прогулка пешком на Амагер...» (которая является его литературно-художественным манифестом этого периода) подвергает резкой критике преувеличения и ужасы, свойственные немецкой и датской романтической литературе того времени. Оставаясь в русле традиций этой литературы, Андерсен занимает свое особое место в датском романтизме. В начале 30-х годов писатель обращается к творчеству Гейне, проявляет интерес к писателям-реалистам Бликкеру и Бредалю, а позднее и Хейбергу. В конце жизни Андерсен увлекается творчеством Бальзака и Ибсена, открывает для себя русскую литературу от Карамзина до Пушкина, восхищается А. К. Толстым и И. С. Тургеневым. Величайшим гением для него был Пушкин (см. ниже статью: «Ханс Кристиан Андерсен в России»). Преодолевая влияние различных писателей, Андерсен искал свой путь, создавая оригинальную, ни с чем не сравнимую литературную сказку, став ее творцом.

Литературная сказка Андерсена — качественно иное явление, нежели сказки немецких и датских романтиков. Отличается она, естественно, и от фольклористической, промежуточной сказки¹⁰ братьев Гримм и скандинавских собирателей фольклора.

Чрезвычайно начитанный в европейской и датской романтической литературе, сказочник, как уже говорилось, испытал влияние немецкой романтической традиции, ярким примером чего являются сказки «Затонувший монастырь» и «Мертвец». Как и для немецких романтиков, особенно Гофмана и Шамиссо, сказка была для Андерсена не просто занятной историей, которую ему хотелось поведать читателям развлечения ради. В литературной сказке он нашел возможность выразить свое отношение к действительности, свое мировоззрение, общественные и эстетические идеалы. В таких сказках как «Цветы маленькой Иды» и «Тень» чувствуются настроения немецких романтиков, научивших Андерсена сочетать элементы фольклора с современностью, вводить в повествование автора, а также известному приему — упоминанию героев различных литературных произведений и т. д.

Вместе с тем о сказке Андерсена следует судить, учитывая все особенности литературного развития этого писателя, сына своей страны и своего века. Литературная сказка датского писателя отличается от сказки Гофмана, Шамиссо, Брентано и Тика. Она сложна и синтетична, в ней ясно ощутимы старинная фольклорная традиция и современные Андерсену локальные датские и европейские реалии. Его произведения отражают многие научно-технические идеи XIX в. В отличие от немецких романтиков, он не только автор, обрабатывавший народные сюжеты и сочинявший оригинальные литературные сказки, но в каком-то смысле и собиратель фольклора. Он широко вводил в свои произведения фольклорные источники — народные сказки и предания,

⁹ Andersen H. C. En Digters Bazaar. København, 1842, s. 576.

¹⁰ Так в отличие от фольклорной, народной, мы называем запись устной народной сказки.

а иногда поверья и пословицы. Причем, в его творчестве в большинстве случаев все эти источники могут быть прослежены и установлены.

Тесная связь с народной сказочной традицией отличает произведения Андерсена от литературных сказок его соотечественников и предшественников Эленшлегера и Ингемана. Эленшлегер как-то справедливо заметил, что Андерсену было свойственно субъективное, оригинальное понимание сказки¹¹. Эта оригинальность понимания заключалась прежде всего в особом отборе материала для сказочной обработки, в новом восприятии действительности, в своеобразной трактовке проблемы Добра и Зла. Если Эленшлегер был в первую очередь поэтом и драматургом, а Ингеман романистом, то Андерсен известен прежде всего как сказочник. Эленшлегер и Ингеман не предназначали свои произведения для детей, не создавали сборники литературных сказок, объединенных общностью идейно-художественного замысла. Андерсен уже в своих первых произведениях обращался непосредственно к детской аудитории. Он опубликовал четыре сборника литературных сказок: «Сказки, рассказанные детям» (1835—1842), «Новые сказки» (1844—1848), «Истории» (1852—1855), «Новые сказки и истории» (1858—1872). Основное же отличие Андерсена от его датских предшественников заключалось в сочетании фантастики с будничностью и современностью: «Огонь трещит в печке, — писал сказочник в феврале 1836 г., — ко мне приходит моя муза, рассказывает множество сказок и приводит героев из обыденной, окружающей нас среды. Она говорит мне: «Взгляни на этих людей, ты их знаешь, нарисуй их, они должны жить!»¹²

Кое-какие нити несомненно связывают Андерсена, воспитанного на датской народной традиции, с учеными Германии и Скандинавии. Прежде всего это — неоднократно высказанная им восторженная приверженность фольклору. Так, к 1825 г. относится высказывание Андерсена о том, что поэзия народа — это язык души и сердца, с помощью которых познается народная культура, а позднее он писал: «Народное предание живет в веках; в нем таится сила, противостоящая власти времени»¹³. Народную сказку писатель сравнивал с героями датских и норвежских народных сказок Простаком Хансом и Эсбеном Аскеладдом, который верхом на коне въезжает на Хрустальную гору и завоевывает принцессу. Народная сказка, презираемая, по словам датского писателя, своими «собратями, пробивается все же вперед, поднимается до уровня подлинной Поэзии — королевской дочери, завоевывает ее и полкоролевства в придачу»¹⁴. Андерсен иногда записывал датские народные сказки и предания, иногда же обрабатывал услышанные. Порой писатель бывал информантом отдельных фольклористов, в частности Тиле; и он постоянно рассказывал народные предания и сказки.

Андерсен, несомненно, многое заимствовал у фольклористов Скандинавии и прежде всего отдельные сюжеты и мотивы. Он едва ли хорошо знал сказки братьев Гримм, а если и знал, то познакомился с ними значительно позднее,

¹¹ См.: *Øehlenschläger A. Erindringer*. København, 1951, Bd. IV, s. 144.

¹² *Andersen H. C. og Wulff H. En Brevveksling*. Odense, 1959, Bd. I, s. 223—224.

¹³ Цит. по: *Woel C. M. H. C. Andersens Liv og Digtning*. København, 1949, Bd. I, s. 19.

¹⁴ *Andersen H. C. Om eventyrdigtning*. — In: *Dansk litteraer Kritik fra Anders Sørensen Vedel til Sophus Clausen*. København, 1964, s. 162.

когда уже были написаны многие из его произведений. Зато в одной из юношеских тетрадей будущего сказочника 20-х годов сохранилась запись о том, что ему понравился сборник «Датские народные предания», изданный Тиле¹⁵. С многими преданиями, в том числе о Хольгере Датчанине, о короле Кристиане IV и т. д., Андерсен познакомился именно по сборнику Тиле.

Трудно точно установить, где и когда узнал Андерсен народные сказки, использованные им в его творчестве, можно лишь предположить, что сказки «Одиннадцать лебедей», «Человек и его тень», опубликованные в сборнике Винтера¹⁶, писатель также слышал еще в детстве. Ведь Винтер вырос неподалеку от Оденсе, в Виссенберге, и сказки его сборника — примерно те же, что рассказывали Андерсену в детстве. Хорошо знал писатель и сборник Кристиана Мольбека «Избранные сказки и истории»¹⁷, хотя не пересказал ни одну из восьми сказок, напечатанных этим писателем. Однако стихотворение, посвященное сборнику, позволяет понять, какие сказочные, поэтические образы и реалии заинтересовали его у Мольбека. «Здесь предстанет перед тобой замок с тысячей зал, на стенах которых висят говорящие картины. Повсюду сады, горы, глубокие доли с золотом и жемчугом, рассеянными у родника... Багряный лес в особенности очарует тебя. И эльфы, познакомься с ними хорошенько! Подходи смело, здесь живет сказка, ее называют сказкой Мольбека в датской стране!»¹⁸

Конкретных сведений о знакомстве Андерсена со сборниками Свена Херслеба Грундтвига, издавшего в 50—60-х годах свод датских народных сказок, и норвежского ученого Пера Кристена Асбьёрнсена (кроме вышеупомянутого высказывания об Эсбене Аскеладде) нет. Но ряд опубликованных этими фольклористами сказок («Миг в царстве небесном», «Нищий», «Большой брат и Маленький брат» и др.)¹⁹ сюжетно совпадают с народными сказками, услышанными Андерсеном, возможно, в устной передаче и лежащими в основе его литературных сказок. Разумеется, он знал гораздо больше народных сказок и преданий, нежели использовал в своем творчестве. Но отбирал из них самые лучшие, отмеченные датским народным колоритом.

Вместе с тем многое отличает братьев Гримм и скандинавских фольклористов от Андерсена. Первые были не литераторами, а учеными. Народная сказка стала для них объектом изучения, что не помешало ей превратиться в любимое чтение детей и взрослых. Главная цель братьев Гримм и скандинавских фольклористов заключалась в спасении, сохранении народных сказок, в их собирании. Основная установка ученых — точная передача услышанного. Андерсен же прежде всего писатель. Он ввел народную сказку в художественную литературу Дании; он создал новый жанр — жанр литературной сказки. Опираясь на фольклор, он художественно преобразовывал отдельные его произведения в соответствии со своими взглядами и представлениями о жизни

¹⁵ См.: *Andersen H. C. Brevveksling med Jonas Collin den Ældre og andre Medlemmer af det Collinske Hus.* København, 1945, vol. I, s. 41.

¹⁶ *Winther M. Danske Folkeeventyr.* Kjøbenhavn, 1823, 1. Samling.

¹⁷ *Molbeck Chr. Udvalgte Eventyr og Fortællinger.* København, 1843.

¹⁸ *Andersen H. C. Samlede Skrifter.* København, 1879, Bd. XII, s. 251.

¹⁹ *Grundtvig S. Gamle danske Minder i Folkemunde.* København, 1856; *Asbjørnsen P. Chr., Moe J. Norske Folkeeventyr.* Oslo, 1842.

и литературе. Необычайно одаренная личность Андерсена, полет его фантазии, жизненный опыт нашли в литературных сказках этого художника яркое воплощение. И если сказку Андерсена порой принимают за народную, на это есть свои причины. Литературная сказка, имеющая своими истоками фольклор, по-своему подражает сказке народной. Общим для обоих этих жанров остается причудливое сочетание реального и нереального, правдивого и лживого, возможного с невозможным, вероятного с невероятным. Народная сказка по своей природе легко поддается обработке в сказку литературную, один из тех литературных жанров, в которых, по словам советского исследователя К. В. Чистова, «литературными средствами имитируется художественная система соответствующих фольклорных жанров»²⁰ (Курсив наш.— Л. Б.).

Литературная сказка создается на основе народной, по крайней мере вначале. Она использует темы, сюжеты, образы, структуру, приемы, язык, отдельные обороты народных сказок, контаминирует их. Многим авторам литературных сказок, в том числе и Андерсену, близки также эстетические нормы народных сказок.

«Эпические законы» народной сказки, ее основные признаки, как указывал датский фольклорист Аксель Олрик, имеют в известной степени значение и для авторского художественного творчества²¹. Однако жизнь народной сказки (соответственно и фольклористической), перевоплощенной в литературную, подразумевает уже совсем иную форму существования, иные законы. Известно, что «эпические законы» народной сказки, упоминаемые еще Грундтвигом и сформулированные в Дании Олриком, введены в научный обиход и развиты в трудах многочисленных ученых²². Между тем законы литературной сказки, в частности скандинавской, установлены сравнительно недавно и могут быть прослежены при сравнении сказок Андерсена с ее источниками²³.

Братья Гримм и Асбьёрнсон, обрабатывая народные сказки, переводили их на литературный язык, что для Германии и отчасти для Норвегии, где существовало множество различных диалектов, было важным делом. Благодаря этим ученым немецкие и норвежские народные сказки сделались всеобщим достоянием. Андерсен же, как говорилось, стал автором литературных сказок, проникнутых духом фольклора; в них действуют новые, современные герои, вещи, предметы, явления природы.

Уже в первых стихотворных сказках конца 20-х — начала 30-х годов «Каменный крест на острове Мён», «Невеста морского короля», «Снежная королева», «Русалка с острова Самсё», «Хольгер Датчанин», «Водолазный колокол» (из путевого очерка «Прогулка пешком на Амагер...») Андерсен расширил границы датской литературной сказки, введя темы современности, социальной критики и бытовые реалии. Это же справедливо по отношению к прозаическим сказкам «Эльфы в Люнебургской роще», «Король говорит: «Это — ложь!» (из путевого очерка «Теневые картины путешествия на Гарц, в Саксонскую Швей-

²⁰ Чистов К. В. Народное поэтическое творчество.— В кн.: Краткая литературная энциклопедия. 1968. т. 5, с. 114.

²¹ Olrik A. Nogle grundsætninger for sagnforskning. København, 1921, s. 81.

²² Olrik A. Epische Gesetze der Volksdichtung.— Zeitschrift für deutsche Altertum, 1909, Nr. 51, S. 7.

²³ См.: Брауде Л. Ю. Скандинавская литературная сказка. М.: Наука, 1979.

Х. К. АНДЕРСЕН
Портрет работы К. А. Йенсена. 1836 г.

царию и т. д. и т. д. летом 1831 года»). Первые прозаические сказки Андерсена, в том числе и сказка «Затонувший монастырь» — сказки индивидуальные, литературные, с четко окрашенной романтической позицией автора. Изменив содержание фольклорных источников, писатель рассказывал о современном ему обществе, восхвалял народную фантазию, личные достоинства человека, не зависящие от его происхождения. Как и предшественники великого сказочника, он прибегал к элементам фантастики, одухотворял вещи и предметы. Однако волшебные фигуры отдельных героев приобретают у него бытовой жизненный характер. Положительными героями Андерсена становятся сильные и благородные представители народа — крестьяне и ремесленники, противопоставленные злым и ничтожным коронованным особам. В фантастические предания Андерсен вводил обыденные картины, а сказочные персонажи характеризовал с помощью бытовых деталей. Однако эти литературные сказки, отличающиеся, кроме того, от всегда прозаических народных своей стихо-

творной формой (не характерной и редкой для Андерсена), малоинтересны в художественном отношении.

Отчетливое представление об обработке сказочником народных сюжетов и мотивов дает его прозаическая литературная сказка «Мертвец», в основе которой — известные датские народные сказки. Из них писатель взял основной сюжет, историю бедняка Йоханнеса, троекратное повторение отдельных событий, образ чудесного попутчика-помощника. Но литературная сказка Андерсена — сложное, синтетическое явление, где кроме основного сюжета и его вариантов, использованы также отдельные образы народного предания — эльфы, блуждающие огоньки, указание места действия (Богенсе и Эльведгор). Этой сказке свойственно также сочетание признаков народной сказки и предания, что является одной из художественных особенностей литературной сказки Андерсена. Страницы правдивого искусства, сказочник переосмыслил фантастические образы, приблизив их к реальности: эльфы в его сказке танцуют французские танцы, блуждающие огоньки играют в пятнашки. Андерсен как бы приземляет могущественного короля, и тот предстает, хотя и с державой в руке, но в домашних туфлях и шлафроке. В народной сказке герой, положительный или отрицательный, наделен обычно каким-то одним качеством, в частности добротой. Это свойство, воспринятое датской романтической литературой из фольклора и характерное для нее, встречается и у Андерсена. Однако его герой, Йоханнес, не только добр, но и благороден, отважен и любознателен, в то время как король — слаб и ничтожен. В сказке «Мертвец» писатель соединяет несколько вариантов народных сказок, однако у него все подчинено определенной писательской идее, которая поднимает это произведение на качественно новую ступень. В противопоставлении доброго и благородного бедняка ничтожному королю и его злой дочери — основная идея сказки Андерсена. Любопытно, что образы короля и принцессы по сравнению с аналогичными образами народной сказки психологически заострены. В фольклорных сказках герой всегда женится на принцессе, хотя о любви там нет и речи. У Андерсена же появляется мотив романтической любви Йоханнеса к королевской дочери; он мечтает о ней. Сказочник выступает и против всякого рода преувеличений, лживости, неестественности и надуманности мелодрамы, но отдает дань и романтически-ироническим приемам, упоминая популярных в то время писателей — Гоцци, Миллера, Клаурена и художника Хогарта, а также героев известных литературных произведений — Вертера, Зигварта, принцессу Турандот. Писатель вносит в сказку и ряд романтически-пространных описаний природы, которых не было в народном источнике. Одновременно он стремится передать национальный датский колорит, красоту родных мест.

Современная Андерсену критика не обратила внимание на то, что сказка его стала литературной. Однако неодобрение некоторыми датскими писателями изменений, которые внес сказочник, — свидетельство их бессознательного понимания этого факта. Так, Мольбек говорил, что ни в одной народной сказке нельзя встретить такого описания летнего вечера, как у Андерсена: «В детстве ему не приходилось слышать, чтобы народные сказки рассказывали таким образом»²⁴.

²⁴ Цит. по: *Woel C. M. H. C. Andersens Liv og Digting*. Bd. I, s. 281.

В 20-е годы Андерсен был сравнительно далек от общественно-политической жизни Дании. Его взгляды формировались под влиянием устной народной традиции, а также современной ему датской и западно-европейской литературы.

В 30-е годы мировоззрение Андерсена — демократа и гуманиста — складывалось под сильным воздействием эпохи Просвещения. В этот период усиливается пробужденный Июльской революцией интерес сказочника к современности, к европейской общественной мысли, к растущему в Дании движению за конституционные свободы. (Как известно, движение это привело к тому, что в 1849 г. Дания превратилась в конституционную монархию.) Андерсен становится членом «Общества правильного применения свободы печати» и публикует в издаваемой Обществом газете «Федреландет» истории «Эта басня сложена про тебя!», «Талисман» и «Жив еще старый бог!» Наряду с этим четко проявляется основное противоречие в его политических взглядах, противоречие между демократическими устремлениями и верой в короля, «отца народа». Расплывчатый идеал Добра, Любви, Человеческого Достоинства и Справедливости, за который Андерсен ратовал в произведениях 20-х годов, уже в начале 30-х принимает более конкретные формы. В произведениях этого периода и особенно в истории «Оборвыш на троне французских королей» Андерсен, несмотря на присущую ему осторожность, высказывал интерес к свободолобивым идеям и симпатии к народу. Воспевая в стихотворениях 30-х годов Июльскую революцию и «дерево свободы», выросшее во Франции, он ясно давал понять, что стоит на стороне бедняков, угнетенных, борцов за свободу. В своих романах этих лет — «Импровизатор», «О. Т.» и «Только скрипач» он рисовал суровую судьбу бедняка, лишения, выпадающие на его долю, говорил о скудных лучах счастья, редко озаряющих его жизнь. Андерсен искал возможность справедливо разрешить проблему борьбы Добра и Зла, и такую возможность предоставила ему сказка. В сказках Андерсен давал волю доброжелательному отношению к бедняку, сажал на трон даровитых и умных тружеников, позволял им участвовать в правлении государством. Прикрываясь детской наивностью и внешне безобидным юмором, он высказывал свободолобивые и прогрессивные идеи. В сказках писатель говорил правду, а сатирически изображая птиц и животных, разоблачал светское общество. В сказках Андерсен в иносказательной форме выразил свой социальный идеал. С этой точки зрения важны слова писателя об иносказательности в истории «Эта басня сложена про тебя!». Они, хотя и относятся к басне, но полностью применимы и к сказке: «...что бы ни делали звери, — все — и разумное и глупое — люди поневоле относили к себе и при этом думали: эта басня сложена про тебя. Поэтому и рассердиться на басню никто не мог»²⁵. В сказке 60-х годов «Зеленые крошки» Андерсен сам ответил на вопрос, почему он обратился к жанру сказки. «Каждую вещь следует называть ее настоящим именем, и если уж это не удается в действительной жизни, то надо суметь сделать это хотя

²⁵ Andersen H. C. Eventyr og Historier: In 16 Bind. Odense, Flensteds Forlag, 1943, Bd. 15, s. 86.

бы в сказке»²⁶. В сказках Андерсен воплощает свой этический идеал, создает новую действительность, где торжествуют Справедливость, Добро, Любовь и Человеческое Достоинство.

Эти принципы легли в основу первых сборников Андерсена «Сказки, рассказанные детям» и «Новые сказки», куда вошли наиболее известные его произведения. Хотя сборники отличаются друг от друга содержанием, общественно-политической, литературно-эстетической направленностью и характером использованных в них художественных средств, они имеют и нечто общее. Литературные сказки, включенные в эти сборники, как и все сказочное творчество Андерсена вообще, можно подразделить на сказки, построенные с помощью использования народных и иных источников, а также на сказки, придуманные самим писателем. И те, и другие могут быть волшебными, авантурными, бытовыми, шуточными или сатирическими. Отдельные же индивидуальные особенности литературной сказки Андерсена проявляются не только в его самостоятельных творениях, но и в обработках фольклорных сюжетов и мотивов. Писатель «изменял народную сказку, и это изменение было частью структуры его собственных, андерсеновских сказок»²⁷, — писал В. Б. Шкловский.

В разные периоды творчества у Андерсена преобладали литературные сказки либо одного, либо другого вида. Причем внутри каждого из них существовали более или менее значительно обработанные, более или менее самостоятельные литературные сказки.

Создание обоих видов литературных сказок идет у Андерсена почти параллельно, хотя обращение к фольклору и к другим источникам наиболее характерно для него в 30-е годы, а создание самостоятельно придуманных произведений — в 40-е и далее. В начале своей творческой деятельности писатель в основном обрабатывал народные сказки. Позднее он чаще трансформировал народные предания, представляющие благоприятный материал для свободной фантазии. С годами мастерство Андерсена росло, и он постоянно придумывал сказки, не утратившие связи с народной сказкой, проникнутые ее настроением и подчиняющиеся в какой-то мере и ее законам.

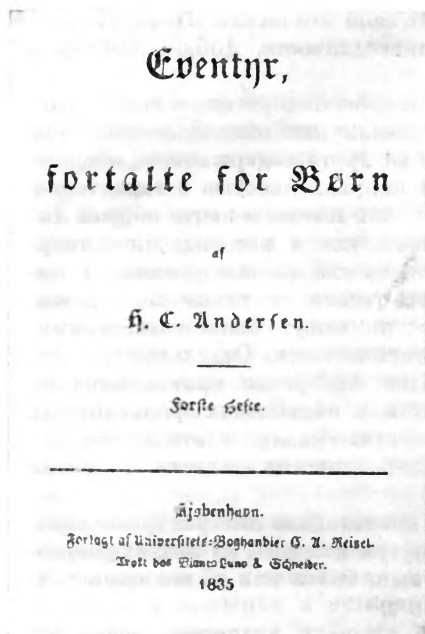
Сборник «Сказки, рассказанные детям» занимает значительное место в раннем творчестве Андерсена. Сам он, не придавая будущим сборникам большого значения, видимо, в шутку писал незадолго до выхода в свет первого выпуска сказок (1 января 1835 г.): «Они сделают мое имя бессмертным; я попытаюсь завоевать грядущие поколения»²⁸. Эти сказки сразу же после выхода в свет получили широкий отклик. «В то время как отдельные люди, чьим мнением я особенно дорожу, ставили их выше всего остального, что мною напечатано, другие полагали их крайне незначительными и советовали мне не писать более подобных вещей»²⁹, — вспоминал впоследствии Андерсен.

²⁶ *Andersen H. C. Eventyr og Historier. København, Gyldendalske Boghandel — Nordisk Forlag, 1943, Bd. IV, s. 384.*

²⁷ *Шкловский В. Б. Тетива.* — М.: Сов. писатель, 1970, с. 189.

²⁸ *Andersen H. C. Brevveksling med Henriette Hanck.* — In: *Anderseniana. København, 1941, vol. IX, s. 108.*

²⁹ *Andersen H. C. Eventyr og Historier. København, 1943, Bd. V, s. 382.*

*Титульный лист первого издания
«Сказок, рассказанных детям».
Копенгаген, 1835 г.*

Сказки Андерсена понравились писательнице Хенриетте Ханк, и она сказала ему: «То, что фантазии Тика родственны Вашим, я могу себе представить, но он не дает нам Ваших описаний народной жизни, которые я нахожу такими меткими и которые мне так нравятся»³⁰. Вместе с тем публике и критике в произведениях сказочника не хватало традиционных правоучений, и ему советовали следовать французским образцам. Общее мнение официальных литературных кругов того времени выразил редактор журнала «Даннора»³¹, усмотревший в своеобразных сказках Андерсена лишь отсутствие морали и уважения к высоким особам. «Никто, верно, не станет утверждать, что чувство приличия у ребенка усугубится, когда он прочитает о спящей принцессе, едущей верхом на спине собаки к солдату, который целует ее, после чего она сама, проснувшись, рассказывает об этом прекрасном происшествии, как об «удивительном сне»..., или что его чувство чести возрастет, когда он прочитает о крестьянке, которая в отсутствие мужа сидит наедине с пономарем..., или что его уважение к человеческой жизни усилится, если он

узнает о таких событиях, как, например, об убийстве Большим Клаусом родной бабушки, а Маленьким Клаусом — Большого». Сказка о принцессе на горошине показалась редактору даже безответственной, так как «ребенок может вынести отсюда неправильное представление, будто дама такого высокого происхождения всегда столь жеманна».

Современники Андерсена не поняли, что выход сборника молодого писателя — выдающееся событие в истории датской, да и всей мировой литературы, что писатель нашел в сказках свое истинное призвание. Более того: не оценив новаторства этих произведений, их резкого отличия от принятых морализаторских канонов, критики усмотрели в них лишь «безнравственность» и «аморальность». И в дальнейшем сказки не были оценены по достоинству в немногочисленных рецензиях на очередные выпуски сборника. Критики ограничились их пересказом и указанием на то, что сказки Андерсена хорошо известны и не нуждаются в подробной характеристике.

Андерсен назвал первый сборник «Сказки, рассказанные детям», объяснив это название следующим образом: «В первом выпуске я, подобно Музеусу,

³⁰ Andersen H. C. Brevveksling med Henriette Hanck. København, 1942, vol. XI, s. 270.

³¹ См.: Woel C. M. H. C. Andersens Liv og Digtning, Ed. I, s. 489.

но по-своему, пересказал старые сказки, слышанные мною в детстве, голос рассказчика еще слышался мне и казался самым естественным. Но я хорошо знаю, что ученая критика станет порицать этот язык. Таким образом, чтобы настроить читателя на определенный лад, я назвал их «Сказки, рассказанные детям», хотя считал, что они предназначаются и для детей, и для взрослых»³². Словом «рассказанные» Андерсен подчеркивал необычность стиля и формы этих сказок; он писал их, словно рассказывая знакомым детям. И хотя сборник назывался «Сказки, рассказанные детям», третьему выпуску Андерсен предпослал обращение «К взрослым читателям...», предполагая, что сказки «Новый наряд короля» и «Русалочка» больше подходят именно этим читателям.

«Сказки, рассказанные детям» — первый сборник литературных сказок Дании, тесно связанных с отечественным фольклором и оригинальных по своему языку и стилю, отличается прогрессивностью общественных и литературных взглядов их автора. Любопытно, что появлению сказок предшествовало не только путешествие Андерсена в 1833 г. во Францию, где все еще напоминало о недавних событиях Июльской революции. Поездки по родной стране в 1830, 1832, 1834 и 1835 гг., когда писатель возобновил знакомство с богатейшей сокровищницей народных обычаев, сказок и поверий, также доставили ему материал для литературной обработки.

Изю всех жанров фольклора, привлекавших внимание Андерсена, основные — народные сказки и предания. Особенно отчетливо ощущается сходство с народными источниками в сказках «Огниво», «Маленький Клаус и Большой Клаус», «Принцесса на горошине», «Дорожный товарищ» и «Свинопас». В них, да и в некоторых других можно встретить типичных для народных сказок лиц (героев): солдата, бедных крестьян, свинопаса, старших и младших (богатых и бедных) братьев, короля, королеву, принца, принцессу и др. Есть там животные, птицы и насекомые. Из фантастических персонажей скандинавских народных сказок у Андерсена в его первом сборнике (правда, сравнительно редко) фигурируют тролли, русалки и ведьмы. Писатель следует и некоторым внешним стилистическим особенностям народной сказки, ее эпическим законам: инициальные и финальные формулы (сильно видоизмененные), редкие медиальные формулы («снип-снап-снурре...»), частично неопределенные топографические и хронологические формулы (действие может происходить далеко-далеко, на всем свете, на дороге, в лесу, на берегу моря, в бедной лачуге, в королевском замке, в селении, в маленьком городке. События совершались много-много лет тому назад, после грозы и т. п.). Ведьмы у Андерсена также неизменно стары, как и в народной сказке. Его произведениям свойственны фольклорная троичность (три собаки, три горницы), ступенчатость (все увеличивающиеся глаза собак и ценность монет), повторы, избранные немногочисленные эпитеты («богатый», «бедный» и характерные для Андерсена эпитеты «настоящий», а также «простой»). Писатель пользуется и приемами анимизации, одушевляя явления природы.

Вместе с тем существуют и определенные различия между сказкой Андерсена и народной (соответственно и фольклористической), так как сказочник

³² *Andersen H. C. Samlede Skrifter, Bd. I. s. 280.*

с самого начала поставил перед собой задачу творчески самостоятельно обрабатывать известные сюжеты.

Его сказки, ставшие авторскими и получившие имя великого писателя, имеют свою творческую историю, почти о каждой содержатся интересные сведения в письмах и дневниках художника, а также в примечаниях к сказкам, написанных им незадолго до смерти³³. Кроме того, в отличие от фольклорного текста, продолжающего творческую жизнь до тех пор, пока оно живет в народе и имеющего, как правило, множество вариантов, литературная сказка Андерсена более стабильна и обычно существует в одной редакции. Сказку «Дорожный товарищ» — новый вариант сказки «Мертвец», более емкий, краткий, сдержанный, с отсутствием романтико-литературных реминисценций — можно трактовать и с точки зрения ее близости к народной традиции, с которой не порывал писатель, и с учетом формирования его мировоззрения, по своему отразившегося на сходном материале.

Сказки Андерсена значительно длиннее народных (хотя могут быть и очень кратки, емки, как, например, «Принцесса на горошине», «Нехороший мальчик»). Это объясняется тем, что литературная сказка, подобно всякому литературному произведению, в отличие от народного, всегда предполагает письменную форму существования. А так как такую сказку уже не нужно запоминать, она может быть какой угодно длины.

Элементы трансформации народной сказки, уже заметные в сказке «Мертвец», получают дальнейшее развитие. Можно сказать, что в сборнике «Сказки, рассказанные детям», оно идет по двум линиям. С одной стороны, Андерсен чрезвычайно расширяет традиционные рамки сказочного жанра. В первом томе сборника наряду с изменением волшебной среды и ее приближением к реальной жизни появляется и новый мир, построенный по желательным для Андерсена законам. С другой стороны, писатель ограничивает фантастику сказок, облачает волшебные фигуры и образы в прозаические одежды, как бы «приземляет» их. Причем, если в первом томе Андерсен идет в основном по этому, последнему пути, то во втором томе, начиная с 1838 г., происходит расширение рамок сказки главным образом за счет создания особого волшебного мира, который можно назвать андерсеновским. И в сказках второго тома писатель творит этот новый мир, вводя в свои произведения и реально-бытовой комментарий и элементы научной фантастики.

В сборнике «Сказки, рассказанные детям» наряду с традиционными (у Андерсена редки стереотипные персонажи — три сына, падчерица и т. д.) живут и действуют подмастерья, сапожники, кожевники, пономарь, бабушка, трактирщик, пастух, студент, советник, поэт, дети и т. д. Встречаются там и такие необычные для скандинавской народной сказки животные и пресмыкающиеся как крот, ящерицы, а из насекомых — майские жуки, мотыльки.

С другой стороны, могущественные короли народных сказок у Андерсена «приземлены». Они сами открывают городские ворота и кувыркаются от радости. Если сравнить фантастику народных сказок с фантастикой датского писателя, значительно более свободной, нежели в народной сказке, и всецело

³³ См.: *Andersen H. C. Bemærkninger til de to første Bind.— Andersen H. C. Eventyr og Historier, Bd. I—II. København, 1943.*

*Андерсен читает в обществе свои сказки
Рисунок Карла Хартмана. 1845*

подчиненной его воле, становится особенно заметно различие между обоими этими жанрами. У Андерсена очеловечены не только животные, но и его многочисленные волшебные персонажи. Тролли, которые редко появляются у сказочника, превращаются в путешественников, а мать ветров журит сыновей за проказы и наказывает их как расшалившихся детей. «Нехороший мальчик» Амур — ребенок, страдающий от голода и непогоды. В отличие от народной сказки «Одиннадцать лебедей», где героине помогает волшебница, Элиза встречает в лесу обыкновенную старушку. Самые фантастические события носят у Андерсена реальный характер. Пещеру старого тролля освещают тысячи светляков, окружают же его не таинственные существа, а пауки (хотя и огненные), зеленые мухи и черные кузнечики.

Уже в самых первых оригинальных, придуманных Андерсеном сказках 20-х годов выступали персонажи из мира природы и вещей. Так, в сказке «Водолазный колокол» герои — очеловеченные рыбы, которые говорят по-французски и боятся приблизиться к берегам, чтобы не стать жертвой людей. В оригинальных сказках первого сборника Андерсена особенно ярко выступает этот созданный им мир. В первой большой самостоятельной сказке такого рода «Цветы маленькой Иды» черты характера и поступки людей приписываются цветам и куклам, которые танцуют на балу, влюбляются, падают в обморок и умирают. Ослепительно белая ромашка (в одноименной сказке) с желтым, круглым, как солнышко, сердечком олицетворяет скромную милую

девушку с золотым сердцем; детская игрушка — одноногий оловянный солдатик — бесстрашного и стойкого воина; кухонная утварь — обывателей.

Фантастика Андерсена вообще довольно умеренна. У него почти нет нарушений пределов времени и пространства, действие не происходит в тридцатом царстве и небывалых странах, отсутствуют, за редким исключением, и разные диковины. Правда, в отличие от народной сказки, где герои с трудом переходят из одного мира в другой, у Андерсена сказочный принц попадает в Райский сад. Изменен и один из важнейших законов народной сказки, закон троичности. Писатель не стремится создать впечатление об особой сложности предприятия, успех которого достигается лишь с третьего раза. И Элиза в сказке «Дикие лебеди» не третья, младшая сестра, которая побеждает только благодаря этому. Снижена у Андерсена и ступенчатость. Его герои не сражаются с трехглавыми, шестиглавыми, девятиглавыми змеями, они не приходят в лес с деревьями из золота, серебра и драгоценных камней. Герои сказочника попадают в горницы с золотыми, серебряными и медными монетами.

По сравнению с народной сказкой Андерсен изменяет характер инициальных и финальных формул. Он переосмысляет традиционный зачин «жил-был» и создает новый. Сохраняя указание на неопределенность времени и места («жил-был однажды...»), располагающее слушателей к необычайно интересному рассказу, а зачастую и восприятию чудесных событий, писатель расширяет инициальную формулу, когда пишет: «Много лет назад жил-был король, который так любил красивые новые платья!» Часто в зачине вместо короля или принца у Андерсена появляются необычные для народной сказки герои. «Жил-был поэт...», «Жили-были двадцать пять оловянных солдатиков...» Но сказочник уже не просто констатирует существование героя и не просто помещает его во времени, хотя и не уточненном. Большею частью он либо в инициальной формуле дает место действия, либо сразу же вводит читателя в суть происходящего: «В открытом море вода такая синяя...»; «Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два!»³⁴ Культивируя одну из основных функций финальных формул, установку на «правдивость» событий, о которых идет речь («Знай, что это истинная история!»), как бы констатируя тот или иной факт, датский сказочник и здесь остается оригинальным. В его концовках отсутствует морализация. Существенно, что, наряду с обычными неопределенными топографическими формулами как в зачинах и концовках, так и в самом тексте, у Андерсена встречаются конкретные указания места действия — Копенгаген, Королевский сад, Турция. Или театр, кунсткамера, аптека, Круглая башня.

Авторская индивидуальность находит яркое выражение в образе рассказчика. Закономерное отличие литературной сказки Андерсена заключается именно в постоянном присутствии рассказчика, посредника между миром сказки этого автора и ее создателем. Реплики рассказчика слышатся то в иници-

³⁴ Не случайно друг Андерсена, Эдвард Коллин, полемизируя с теми, кто утверждал, будто слава писателя началась с романа «Импровизатор», справедливо говорил: «Найдутся, пожалуй, люди, которые скажут, что начало этой славы следует скорее отнести к 1835 г., когда Андерсен словами: «Шел солдат по дороге: «Раз-два! Раз-два!» вступил в царство сказок». — Цит. по кн.: *Андерсен Г. Х.* Собр. соч.: В 4-х т. СПб., типолит. С. М. Николаева, 1895, т. IV, с. 447.

диальных, то в финальных формулах, а то и в самом тексте. Он постоянно дает объяснение происходящим событиям, оценивает людей, их вкусы, объясняет их поступки. «За городом, у самой дороги стояла дача; ты, верно, и сам когда-нибудь видел ее!»; «Да, веселая была эта ночка!»; пономарь ел рыбу, «потому что любил ее»; «фи! какой скверный мальчишка этот Амур!» Причем, если в русской литературной сказке второй половины XIX в. различают два основных типа сказочника — рассказчика из народа и самого автора, то Андерсену свойственна бóльшая дифференциация этого образа. Роль рассказчика из народа исполняет у него и студент (это характерно для Дании, где основными собирателями фольклора были студенты), и старик-сосед, и фантастическое существо Оле-Лукойе, и цветы. В сказках второй половины 30-х годов в роли рассказчика начинают выступать отдельные действующие лица, что было связано с изменением композиции сказок Андерсена. Писатель строил свои произведения в простой народной манере и лишь в сказки «Сундук-самолет» и «Оле-Лукойе» вставил одну или несколько историй. Авторский голос также постоянно звучит на страницах сказок Андерсена. Порою он говорит от своего собственного имени. В некоторых сказках автор и рассказчик сливаются воедино, отождествляются, что придает происходящему оттенок достоверности.

Литературная сказка Андерсена, в отличие от народной, наполняется бытовыми подробностями, точными зарисовками природы и описанием человеческих чувств. При этом в ткани сказочного повествования они не ощущаются как чуждые, неожиданные, инородные вкрапления или помехи. В обработанных писателем сказках еще нет тех бытовых полотен, которые появятся в его оригинальных сказках. Пока он лишь подробно рассказывает о бедности героев, о том, что они едят и пьют, как одеваются. Поэтичные описания в сказках Андерсена резко отличают их от народных. Воспевание природы, культ ландшафта, присущий романтикам, характерен и для датского писателя. Но в его обработках и пересказах народных произведений это пока еще реальные картины природы. Сказочник восхваляет красоту природы Дании, острова Фюн и родного города Оденсе. В сказках встречаются описания оденсейских, особенно фюнских природных достопримечательностей.

Народной сказке, как известно, не свойственно описание настроения героев, показа их внутреннего мира. Герои фольклорной сказки не ведают душевной борьбы и любовного смятения. И хотя они по-своему любят и страдают, но описания чувств этих героев, их сомнений и колебаний в народной сказке отсутствуют. Линия действия такой сказки ясна, и в этом плане, например, андерсеновское «Огниво» близко народной. Романтическая же литературная сказка исходит как раз из внутренней жизни героя. В литературных сказках Андерсена герои испытывают глубокие потрясения, они колеблются и сомневаются. И хотя многие критики, начиная с Сёрена Киркегора и Георга Брандеса, не считали Андерсена, автора пяти романов, великим романистом, некоторые из его сказочных произведений напоминают камерные, любовные мини-романы, облеченные в форму сказки. В датских народных сказках, где часто встречается мотив самоотверженной любви — сестры к братьям, сына к отцу, отца и матери к детям — не дается изображения такого возвышенного, самозабвенного чувства, какое испытывает Элиза к братьям, а король к неиз-

вестной немой девушке, на которой он женится («Дикие лебеди»). Не говоря уже о том, что в народных сказках «Миг в царстве небесном», «Путь в царство небесное» нет и тени той любви, которую переживает сказочный принц у Андерсена, обработавшего эти фольклорные произведения в сказке «Райский сад». За счастье поцеловать прекрасную девушку герой сказки готов пожертвовать жизнью. В сказке «Дорожный товарищ» также (даже по сравнению со сказкой «Мертвец») сильно ощущается психологическое состояние героя — любовь Йоханнеса к прекрасной принцессе.

Для мировоззрения Андерсена характерна глубокая и органическая социальность; из многих сказок писателя явствует, что жизнь, лишенная духовных интересов, искажает человеческую психологию. В сказке «Принцесса на горошине» король и королева маленького, почти игрушечного государства, где король сам отпирает ворота, необычайно дорожат своими королевскими правами и потому им необходима только настоящая принцесса. За маленьким сказочным государством, король которого по существу выступает в роли дворника, видится маленькое королевство Дания. Но его властители истосковались по настоящему величию. И то, что к ним забрела изнеженная чувствительная принцесса, поднимает королевскую семью в собственных глазах. Так удивительно, социально-психологически интерпретировал Андерсен народный источник, указать который пока не смог ни один андерсеновед. Ключом к решению этой загадки является, скорее всего то, что буквального сходства искать не следует. Датский писатель вовсе не стремился к точному копированию фольклорных текстов. И по всей вероятности, свободно воспроизвел сюжет многочисленных датских народных сказок, где богатый крестьянин или просто состоятельный человек предъявляет к будущей невесте непременные требования: поменьше есть, а то и воздухом питаться, не болтать зря и т. д. («Перс-Сквалыга», «Ханс и Грете»). Не менее вольно в плане социально-психологическом трактует писатель старую датскую народную сказку «Нищий» и ее варианты «Эсбен-Трубочист», «Оборванец» и др. Сам Андерсен говорил, что в таком виде, в каком эту сказку рассказывали ему в детстве, он пересказал ее подобающим образом не мог. Поэтому, воспользовавшись целиком первой частью сказки, писатель убрал из нее черты грубости, эротики и создал в своей знаменитой сказке «Свинопас» резкую сатиру на королевскую власть и придворные нравы. Но самое главное — то, что гордую принцессу Андерсен сделал ничтожной и никчемной. Ее образ обрастает множеством чисто мещанских черт. И если в народной сказке принц исправляет принцессу, то у Андерсена он отвергает ее.

Датский писатель — носитель прогрессивных демократических традиций датской культуры — создавал сказку своего времени. Она отразила жизнь датского общества XIX в., для которого были характерны сильно развитые патриархально-монархические черты, сохранение абсолютизма и сравнительная сглаженность социальных противоречий с преобладанием патриархального мещанства и крестьянства. Поэтому сатира на королевскую власть и осмеяние мещанства были для датчан делом немалой важности.

То, что в произведениях Андерсена отразились политические и литературно-эстетические взгляды писателя, и делает его сказку авторской, андерсеновской. Изменяя народные источники, он создавал произведения, отмечен-

ные глубокими симпатиями к народным героям, которые добиваются счастья и богатства. Используя частично народную сказку «Принцесса и двенадцать пар золоченых туфелек», а также различные варианты этой фольклорной истории о солдате, который женится на королевской дочери, Андерсен подчеркивает социальный смысл свадьбы простолюдина и знатной девушки. Героём литературной сказки «Огниво» оказывается народ. Обработав известный фольклорный источник, убрав отдельные черты присущей ему жестокости, Андерсен делает основной темой сказки «Большой Клаус и Маленький Клаус» не вражду двух братьев, пусть даже богатого и бедного, а сословное неравенство и борьбу богача и бедняка.

В многочисленных сказках середины 30-х годов уважаемые в обществе люди, даже короли и принцессы, с точки зрения Андерсена, вовсе не достойны уважения. Положительными героями, людьми в андерсеновском смысле слова выступают чаще всего бедняки и обездоленные — носители большого человеческого достоинства («Дюймовочка»). Во второй половине 30-х годов эта тема особенно развита в сказках «Стойкий оловянный солдатик» и «Ромашка». Их герои — воплощение мужества, постоянства и внутренней человеческой красоты.

В основе литературных сказок Андерсена, имеющих как бы несколько уровней, лежат не только народные сказки, но и народные предания, поверья, пословицы, а также литературные произведения, иногда иностранные. Порой мотивы народных сказок и преданий выступают в одной и той же литературной сказке. Причем в произведениях Андерсена, построенных на преданиях, поверьях, пословицах и т. д., еще более свободно реализуется индивидуальная авторская воля. Такого рода литературные сказки являются как бы переходной ступенью между андерсеновскими обработками народных сказок и его оригинальными литературными сказками. Датские народные предания и поверья с их сухой, лаконичной, зачастую афористичной формой, лишенной каких бы то ни было художественных элементов, предоставляют талантливому писателю широкое поле деятельности.

Весьма плодотворными для создания литературной сказки Андерсена в 30-е годы оказались народные поверья. Так, в сказке «Гречиха» писатель использовал и по-своему переосмыслил народное поверье о том, что молния сжигает гречиху дотла. Он уверяет, что гибель ее — возмездие за гордость. Известное народное поверье об аисте, который якобы приносит новорожденных, и простая детская песенка позволяют сказочнику создать юмористическую картину из жизни уважаемой бюргерской семьи и неповторимые характеры. Очаровательное датское поверье о старом боге снов Оле-Лукойе, который усыпляет малышей, рассказывая им сказки, также помогает Андерсену написать новое произведение, содержащее множество аллюзий на современное ему буржуазное общество. Народные поверья и их персонажи послужили ядром гуманистических сказок «Дюймовочка» и «Русалочка». Отношение писателя к этим героиням напоминает народные симпатии к младшему брату, к слабому существу. Восхищение вызывается их мужеством и подвигами, которые порой не по плечу даже самым сильным. В сказке «Дюймовочка» Андерсен соединяет элементы сказки о Мальчике-с-пальчике, предание об эльфах и поверье о зерне, из которого вырастает человек. Вместе с тем «Дюй-

Первая страница рукописи «Русалочки».
Автограф Андерсена

мовочка» близка к оригинальным сказкам Андерсена, это своего рода роман или лирическая поэма о превратностях человеческой жизни. В основе сказки «Русалочка» лежит народное поверье о том, что лишь верная любовь человека подарит русалке бессмертную душу. Вместе с тем «Русалочка» — оригинальная литературная сказка, в центре которой тончайшие описания движений человеческой души. В литературных сказках, основанных на народных преданиях, пессимистические нотки объясняются обычно тем настроением ужаса, страха перед потусторонним миром, который царит в этих народных произведениях. Пессимистический исход сказки «Русалочка» связан у Андерсена и с его романтическим представлением о невозможности счастья, о неосуществимости прекрасной мечты и истинной любви.

Отчетливой же всего подобная идея проявляется в сказках, основанных на иностранных сюжетах, расширивших круг источников литературной сказки Андерсена. В произведениях «Нехороший мальчик» и «Эльф розового куста», где сказочник использовал античный и итальянский сюжеты, трактуются этические проблемы.

В сказке «Новый наряд короля» Андерсен дает обработку испанской новеллы XIV в., в которой повествуется о том, что приключилось с одним королем и тремя обманщиками. Андерсен, решив, по его словам, придать своему произведению сатирический характер, изменил чудесное свойство платья, которое в испанском источнике разоблачало незаконнорожденных. В его знаменитой сказке «Новый наряд короля» ткань, выдуманная обманщиками, становилась невидимой для всякого человека, который занимает не свое место или непроходимо глуп.

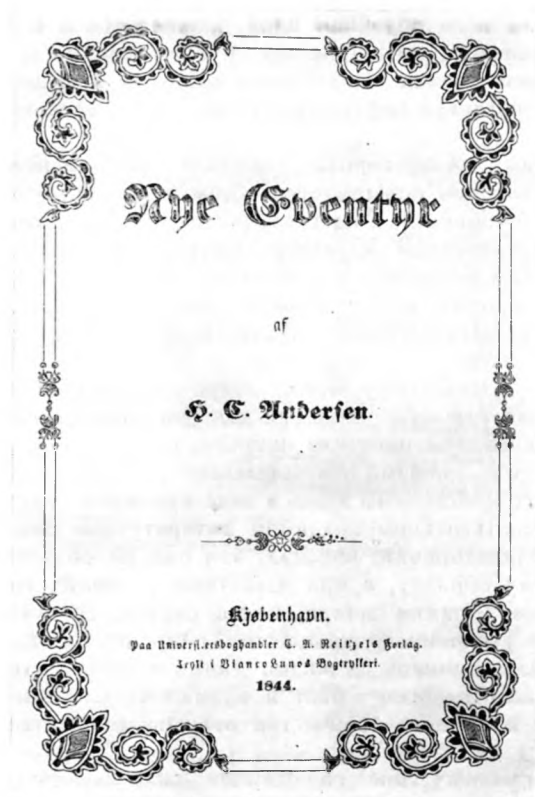
В сказке «Сундук-самолет» мотив ковра-самолета из сборника арабских сказок «1001 ночи» только обрамление для центральной сатирической сказки «Спички». Острые сатиры писателя направлены против сословного высокомерия, чванства знати и снобизма некоторых литературных салонов Копенгагена, обитатели которых изображены здесь в виде кухонной утвари.

Андерсен заложил основы традиций литературной сказки, открыл закон ее обновления и расширения, показал, что она не обязательно строится по старому народному образцу, а при известных условиях возникает на любой почве. Он раздвинул рамки жанра, и его сказка, требующая значительной зрелости, опыта и утонченного восприятия, опираясь на народную, использует множество новых источников из жизни Дании и других стран. Литературную сказку создает сам Андерсен — поэт и художник. Соединение традиционной народной сказки и личного творчества открывало писателю принципиально новые пути.

Глубокое демократическое содержание сказок Андерсена, конкретные примеры из датской и европейской общественной и литературной жизни, своеобразная художественная форма способствовали популярности первого сборника сказок, делали их чтением самых разных кругов в Дании и за рубежом.

* * *

Новым этапом на пути Андерсена-сказочника явился сборник «Новые сказки», самое выдающееся его произведение 40-х годов. В этот период и начинается, по словам Андерсена, великое признание сказок. Однако популярность сказок и похвалы в их адрес отнюдь не означали, что они были оценены по достоинству. Правда, актуальность этих произведений отмечалась в декабре 1845 г. немецкой прессой, справедливо назвавшей их «сказками нашего времени». Датский писатель и журналист Мейр Арон Гольдшмидт, всегда строго судивший произведения Андерсена, нашел на этот раз верные слова для характеристики его своеобразной художественной манеры, когда писал в 1849 г.: «Он находит поэзию там, где другие едва осмеливаются искать ее, в предметах, которые считают некрасивыми, в погребке, где ель лежит в обществе крыс и мышей, в мусорном ведре, куда служанка выбросила пару старых воротнич-

*Титульный лист первого издания
сборника «Новые сказки». Копенгаген, 1844 г.*

ков, и т. д.»³⁵ Современники сказочника, да и многие исследователи его творчества почти не обратили внимания на изменение названия сборника «Новые сказки». Между тем, Андерсен назвал эти сказки «новыми», потому что они значительно отличались от произведений 30-х годов не только своим настроением, источниками и содержанием, но и характером художественных средств.

1840-е годы — эпоха, отмеченная дальнейшим развитием конституционного движения и началом крестьянских волнений в Дании, сыграла важную роль в общественном развитии Андерсена. Очевиден возросший интерес писателя к революционным настроениям за границей, в частности в Греции и в придунайских странах. Усиливается его критическое отношение к европейской и особенно датской действительности. Больше всего в этот период Андерсена занимал вопрос об этических нормах датского общества, возмущавшего его своим мещанством и враждебностью истинным талантам.

³⁵ Цит. по: *Woel C. M. H. C. Andersens Liv og Digtning. København, 1950, Bd. II, s. 307—308.*

В сборник «Новые сказки», в отличие от сборника «Сказки, рассказанные детям», вошли в основном произведения, придуманные самим Андерсеном. Обработанных фольклорных сюжетов в его творчестве 40-х годов гораздо меньше, чем в 30-х («Снежная королева», «Холм лесных духов», «Прыгуны», «Хольгер Датчанин», «Тень»).

В сказке «Снежная королева» писатель сохранил фабулу народного предания и стихотворной сказки 20-х годов. Из их простого ядра вырастает глубоко философское произведение, в котором Андерсен проводит идею победы подлинного чувства над холодным разумом. В сказке «Тень» писатель показывает ученого, образ, естественно, не свойственный народной сказке, как, впрочем, и образ поэта. В этом глубоко философском литературном произведении сказочник неизмеримо далек и от изданной Винтером народной сказки «Человек и его тень» и от повести Шамиссо «Необычайные приключения Петера Шлемиля». «Тень» — повесть о современном Андерсену обществе, где мудрый и благородный человек погибает и где ценится лишь хорошее платье. Андерсен расширяет рамки своих произведений и по сравнению с народными. В сказке «Прыгуны», построенной на известном мотиве фольклорной сказки — испытании ловкости — встречается мотив меркантильности, характерный для современного писателю общества. Сказки «Холм лесных духов» и «Хольгер Датчанин» содержат намеки на тогдашние политические события, в частности на сложные отношения Дании со Швецией. Одним из важных средств расширения мира сказки Андерсена в 40-х годах является введение в нее элементов национальной истории и ряда исторических персонажей: Людвиг Хольберга, Тихо Браге, Бертеля Торвальдсена и т. д.

Для сказок нового сборника, как оригинальных, так и основанных на фольклорных источниках, особенно характерен интерес к реальной жизни, который всегда был присущ Андерсену. Писатель сумел выйти за пределы датской действительности, разглядеть человеческие черты, достоинства и недостатки, свойственные не только его соотечественникам. Возросшая сила обличения Андерсеном общественных пороков, его призыв к активному вмешательству в жизнь привлекает в 40-х годах внимание многочисленных читателей.

Обличение мещанства и аристократии («Гадкий утенок», «Счастлирое семейство», «Штопальная игла», «Воротничок», «Ель», «Пастушка и трубочист», «Тень»), судьбы искусства в буржуазном обществе («Соловей», «Старый дом»), жизнь большого города («Девочка со спичками») — вот далеко не полный перечень новых актуальных тем в творчестве Андерсена этого периода. Причем, если в первой половине 40-х годов писатель уделяет основное внимание критике мещанства, постоянной теме его творчества в этот период, то позднее в центре его внимания оказываются проблемы жизни капиталистического города. Борьба с мещанством была делом огромной важности для Дании, если учесть отмеченный Ф. Энгельсом мещанский, филистерский характер, свойственный многим слоям датского общества того времени³⁶. Эта тема в творчестве Андерсена 40-х годов связана с его размышлениями о судьбах современного искусства. Однако отсталость Дании, слабость демократи-

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 59.

ческих движений в стране привели писателя, как уже говорилось, к некоторым проговорениям и в его сказках. Наряду с обличительной линией в произведениях этого периода появляются либо пессимистические, либо сентиментально-религиозные нотки («Ангел», «Красные башмаки», «Девочка со спичками», «История одной матери» и др.). Во всех этих произведениях, наряду с правдивым изображением жизни бедняков, ощущается стремление к религии, как единственному средству спасения несчастных, нищих, заблудших и высокомерных. В сказках «Девочка со спичками» и «История одной матери» Андерсен утверждает, что лучший исход для бедняков — смерть. Единственное, что может спасти Карен, тщеславную героиню сказки «Красные башмаки» — ее примирение с богом.

Однако — сентиментально-религиозные нотки присущи только отдельным и сравнительно немногим произведениям Андерсена.

40-е годы XIX в. — период появления таких мудрых социальных сказок Андерсена как «Гадкий утенок», «Снежная королева» и «Тень», сказок, в которых своеобразная новаторская художественная манера писателя приобретает более углубленный характер. С одной стороны, в них по-прежнему, как в 30-х годах, заметно «приземление» фантастических образов, уменьшение элементов волшебства, но одновременно появляется еще больше животных, растений и предметов. Создание особого, андерсеновского мира происходит в этот период в основном путем огромного расширения диапазона сказки, куда широким потоком хлынула будничная жизнь. Одним из важнейших законов литературной сказки, как уже указывалось, является то, что автор ее — индивидуальный творец. Интересен поэтому индивидуальный, специфический путь Андерсена, создателя оригинальной сказки, представляющей собой не правило, а скорее исключение.

Некоторые из особенностей творчества датского сказочника стали ясны уже при сравнении его сказок с народными и ярко проявились в самостоятельно придуманных сказках писателя. В обработках народных и других источников он по-своему использовал этот материал; в оригинальных сказках — предметом художественного освоения Андерсена становится весь мир, который он как бы ассимилирует, вводя в литературную сказку.

Среди его оригинальных, самостоятельно придуманных сказок различаются прежде всего произведения о явлениях природы, растениях и животных, вещах и предметах, построенные внешне как бы по законам фольклора. Затем реальные истории со сказочными мотивами борьбы Добра и Зла, характерные для творчества писателя 50—70-х годов.

В путевом очерке «Базар поэта», своеобразном творческом манифесте начала 40-х годов, Андерсен теоретически осмысляет отношение к источникам своей литературной сказки. Он утверждает, что окружающий человека мир прекрасен, что любое его явление, любая вещь может стать предметом сказки. Как бы иллюстрируя это положение, писатель включает в путевой очерк сказки, герои которых — ожившая скульптура, бронзовый кабан, украшающий фонтан во Флоренции³⁷, роза с могилы Гомера, собственные сапоги Андерсена. Одновременно в письмах, дневниках и т. д. он непрестанно говорит

³⁷ См. описание этого фонтана, сделанное Ф. М. Достоевским. *Прожогин Н.* Достоевский во Флоренции. — Иностранная литература, 1981, № 8, с. 244.

Х. К. АНДЕРСЕН
1845 г.

о новых источниках своих сказок, о том, как они рождаются: «Теперь я рассказываю только о том, что теснится в собственной груди... у меня множество материалов, больше чем для какого-либо другого жанра творчества. Часто мне кажется, будто каждый дощатый забор, каждый цветок говорит мне: «Ты только взгляни на меня, и тогда моя история перейдет к тебе; и стоит мне захотеть, как у меня сразу же появляются истории»³⁸. А в сказке «Бужинная матушка», опубликованной в 1845 г. в журнале «Гейя», писатель заявил, что именно из действительности вырастают прекраснейшие сказки. Эти слова избрал эпиграфом к своей книге «Сказки об Италии» М. Горький. Они могут служить эпиграфом и ко всем придуманным произведениям Андерсена. Из такой же будничной, обыкновенной действительности возникают и сказки самого писателя, во всяком случае, многие из них, обладающие интересной

³⁸ Цит. по: *Topsøe-Jensen H. H. C. Andersen i Livets Aldre. København, 1955, s. 35.*

и достаточно обширной творческой историей. Они, как неоднократно повторял писатель, жили в его голове, словно зернышко, которому нужны были только струйка воды, луч солнца, капля росы, для того чтобы оно превратилось в цветок.

Природа, ее явления, вещи и предметы — основные элементы, за счет которых происходит расширение оригинальной литературной сказки Андерсена. В ней он воссоздает луга, леса, сады Дании, необозримые просторы Лапландии. Герои сказок — ели, березы, цветы, олени, кошки, соловьи, утята, утки, куры, индюки, улитки, навозные жуки, мотыльки и т. д. При этом произведения писателя сохраняют неповторимый датский колорит. Норвежский фольклорист, соавтор Асбьёрнсена Йорген Ингебректсен Му говорил, что от произведений Андерсена веет ароматом датского букового леса, что в них играют свет и тени датского букового леса³⁹.

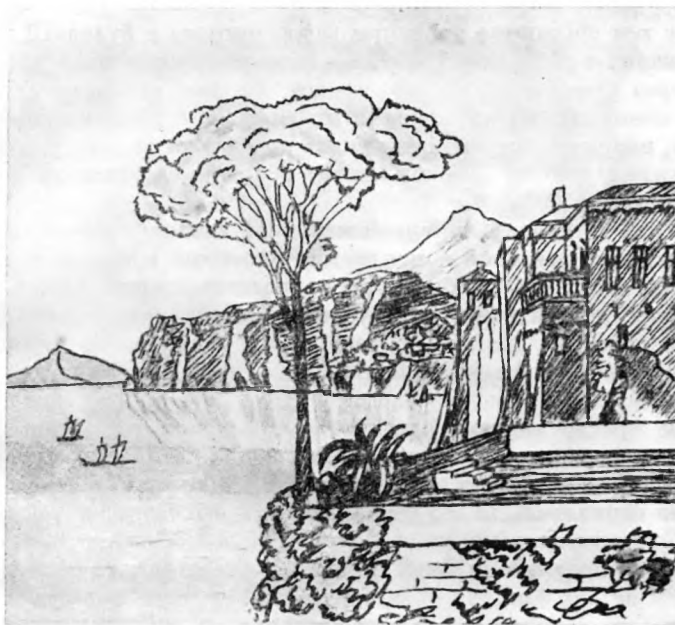
Расширение мира сказки датского писателя за счет многочисленных вещей и предметов, естественно, усиливает элемент бытописания, помогающий воссоздать картины жизни того времени. Литературная сказка Андерсена — своего рода этнографический музей, так как писатель еще более подробно рисует обстановку дома в Дании конца XVIII — начала XIX в., нежели в 30-е годы в сказке «Сундук-самолет» («Старый дом», «Пастушка и трубочист»), каморки сторожа («Старый уличный фонарь»). Андерсен, как говорил В. Б. Шкловский, не только «обрабатывал народные сказки, соединяя их с новым бытом Дании»⁴⁰. Он, как известно, сочинял свои оригинальные сказки, внося в них элементы бытописания. И быт у писателя чаще всего не сельский, как могло бы быть в сказке, связанной с народной, а городской, зачастую мещанский. Бытописание, точное воспроизведение примет того времени, нашедших отражение в обстановке, мебели, утвари, также придает произведениям писателя своеобразный национальный колорит.

В сказках Андерсена, созданных в 30-е годы, при обработке народных и других источников, встречались и даже вели беседы на политические темы спички, корзинка для провизии и котелок. Самостоятельно придуманные сказки датского писателя наполнились таким множеством вещей и предметов, что австрийский литературовед Отвальд Кропач назвал его «изобретателем сказки о вещах»⁴¹. Штопальная игла, Воротничок, Мяч, Подвязка, Ножницы, Уличный фонарь и другие — лишь немногие герои оригинальных сказок, сохраняющие присущие им «естественные» черты. Но вместе с тем они одушевлены и так же очеловечены, как растения, животные и явления природы. Однако антропоморфизм был свойствен в какой-то мере и народной сказке. Более того, своеобразие немецкой народной сказки, сохраненной братьями Гримм, состоит в том, что в ней человеческими свойствами — говорить, мыслить и действовать — наделены не только животные и растения, но совершенно неодушевленные предметы, которые к тому же передвигаются с места на место. В немецких народных сказках, по словам Гейне, можно было встретить чудес-

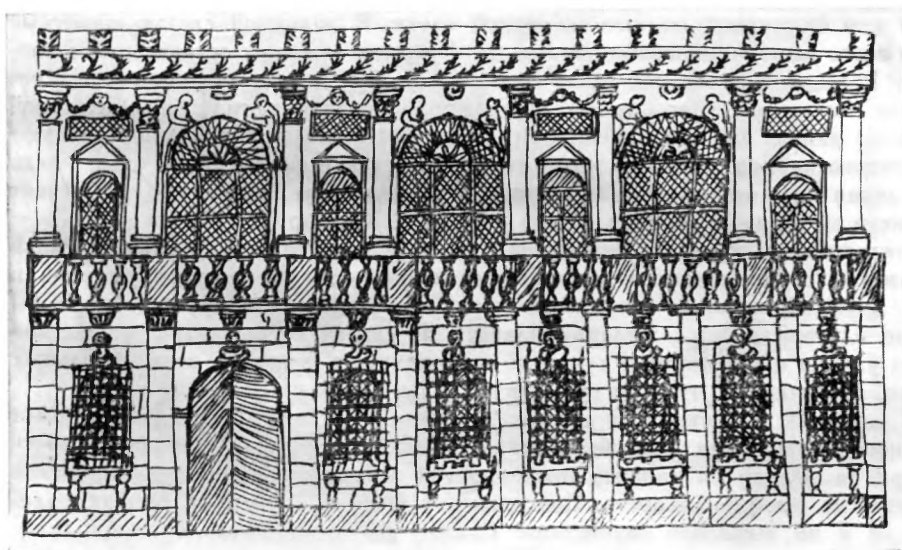
³⁹ См.: *Svanholm Chr.* H. C. Andersens Norgesreise 1871.— In: *Anderseniana*, 2. rk. København, 1949, Bd. 1, 3, s. 221.

⁴⁰ Шкловский В. Б. Указ. соч., с. 189.

⁴¹ *Kropatsch O.* Das Kunstmärchen und die märchenhafte Erzählung.— In: *Das Irrationale im Jugendbuch*. Wien, 1967, S. 27—32.

Дом Тассо в Сорренто. Рисунок Андерсена. 1834 г.

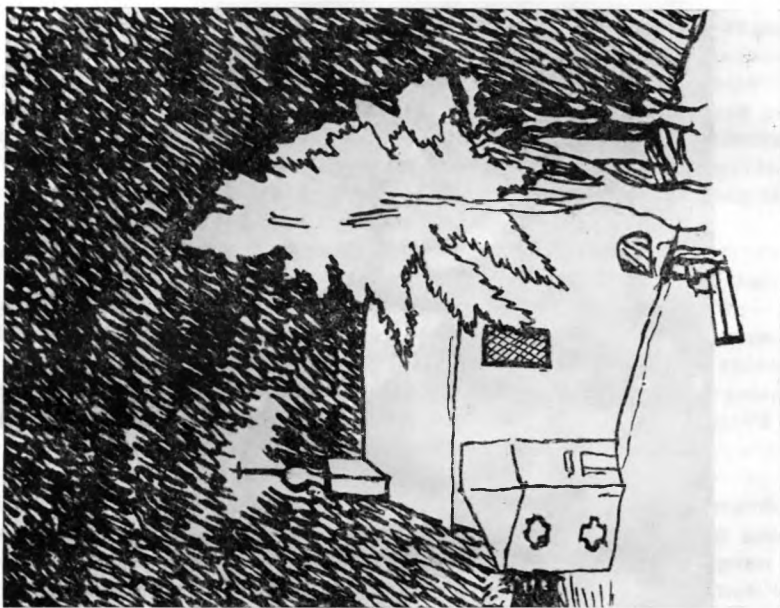
Палаццо Капулетти в Вероне. Рисунок Андерсена. 1834 г.

ные и вместе с тем абсолютно понятные вещи: «иголка с булавкой уходят из портняжного жилья и сбиваются с дороги в темноте; соломинка и уголек переправляются через ручей и терпят крушение». Но немецкая народная сказка о растениях и животных, вещах и предметах обыгрывает истинные их свойства. Она объясняет, например, отчего совы видят ночью или почему у боба вокруг «туловища» темный пояс, т. е. объясняют родовую особенность, свойственную всем совам и всем бобам.

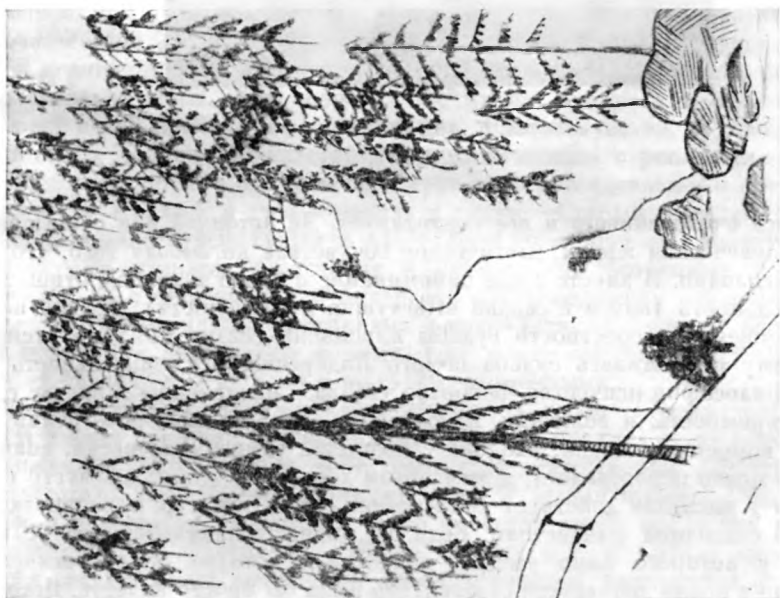
Андерсену, как и творцам немецкой народной сказки, открылась внутренняя жизнь животных, растений и предметов, «которые приобрели свой определенный, только им присущий характер, представляющий очаровательную смесь фантастической прихоти и чисто человеческого склада ума»⁴². Но у датского писателя растения, животные, вещи и предметы часто резко меняют свою основную функцию. Андерсен приписывает им новые качества. Они живут и действуют в определенной среде, причем каждое дерево, каждая кошка и утка, каждое кресло индивидуализированы, а кроме того, как в сказках «Ель», «Снежная королева», «Старый дом» и т. д. наделены определенной психологией. Одна из основных особенностей литературной сказки Андерсена — то, что она социальна. За его героями, как взятыми из народных сказок, так и новыми, заимствованными из реальной жизни (деревьями, цветами, птицами, насекомыми, предметами быта, домашней утварью и т. д.) всегда стоит человек. Причем не как единичное явление, а как человек в окружающем его обществе. Для ели — социальная среда, которая ее не удовлетворяет, — лес, а для ромашки — поле. Для излюбленных Андерсеном персонажей — кур и уток — такой средой является птичий двор. Двор этот — своего рода придворное или мещанское общество, где куры и утки — глупые и надутые придворные дамы или бюргерши, полные сословной спеси. В народной сказке животные чаще всего выполняют свойственную им функцию — птицы летают, рыбы плавают. У Андерсена же они живут в своем особом мире, антропоморфизированном писателем. Чего стоит, например, портретная галерея обитателей птичьего двора, где все заискивает перед уткой-иностранкой и преследует уродливого утенка. Сколько мнимого достоинства в словах этой утки, когда она, делая вид, что оказывает величайшее одолжение, милостиво разрешает принести ей угриную головку. «Этот не удался! Хорошо бы его переделать!» — безапелляционно изрекает «знатная» утка при виде гадкого утенка. В своей мещанской ограниченности и глупом самодовольстве не отстают от утки и кот с курицей, которые советуют утенку класть яйца или мурлыкать, чтобы его не одолевала дурь, желание плавать. В сказке «Счастливое семейство» белые улитки олицетворяют тупых и ограниченных, всегда и всем довольных мещан, полагающих, что мир существует только ради их блага.

С помощью анимизма и антропоморфизма датский писатель достигает большого осмысления и обобщения жизненного материала, философичности и лиризма. Одной из важных особенностей литературной сказки Андерсена является ее эмоциональность. Боб в сказке братьев Гримм не индивидуализирован и не вызывает сочувствия. Сказки датского писателя переполняет целая гамма чувств и настроений — восхищение, жалость, ирония и т. п.

⁴² Гейне Г. Собр. соч.: В 10-ти т. Л.: ГИХЛ, 1957, т. IV, с. 22.

Церковь в лесу. Рисунок Андерсена. 30-е годы XIX в.

Лес и река в горах. Рисунок Андерсена. 1833 г.

Х. К. АНДЕРСЕН
Фото. 1865 г.

Андерсен все очеловечивает и все поэтизирует. За историей ели открывается история человеческой жизни, элегическое сочувствие по поводу того, что она прожита бесплодно. И вместе с тем напоминание о более активном отношении к действительности (как и в сказке «Пастушка и трубочист»). Тоской и жалостью, ощущением горестности судьбы наполнена сказка «Гадкий утенок», где по-своему преломилась судьба самого Андерсена, исключительность его личности, философия искусства. В образе утенка в прекрасном единстве сочетаются и скромность, и волнения, и колебания, и надежды. Здесь целая философская концепция жизни, сходная с позицией самого Андерсена: сначала надо много-много перестрадать, а уже потом добьешься счастья. Вместо силы волшебства у писателя действует сила поэзии. И в этом еще одна черта его сказки, его сказочной фантастики. Если бы Андерсен рассказал про бедного мальчика, у которого рано умерли родители и который терпит всяческие невзгоды, но в конце добивается счастья, это была бы просто повесть. Историю гадкого утенка делает сказкой ее классическая аллегоричность.

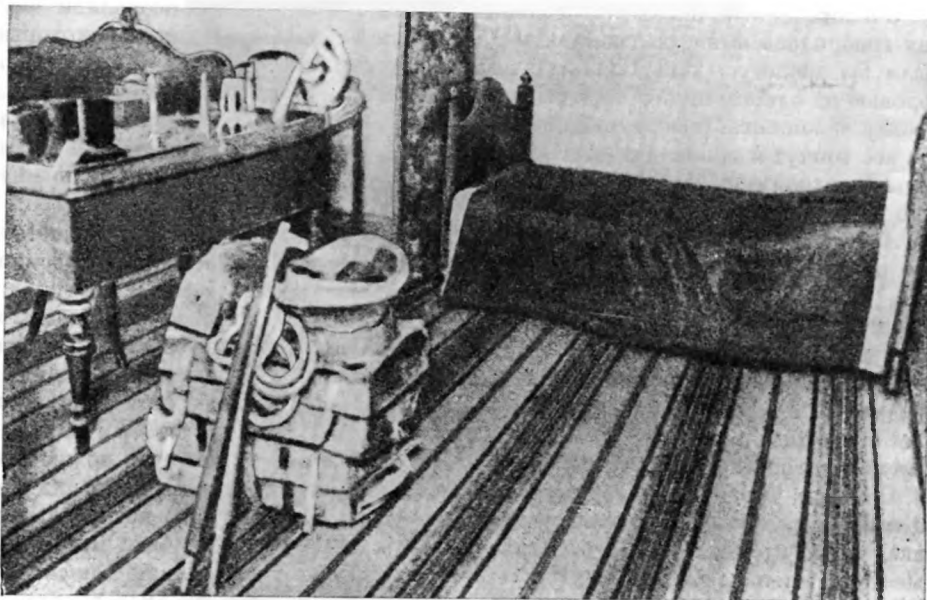
Очеловеченные писателем явления природы и предметы позволяли ему, как говорилось выше, высказывать в аллегорической форме истины, которые были бы зачастую невозможны в любом другом жанре творчества. Подобно соловью из одноименного произведения, писатель в форме сказки рассказывал правду о копенгагенском мещанстве, о жителях капиталистического города, где все топчут и ненавидят друг друга. Как и удивительные существа из капли воды (в одноименной сказке), попирающие друг друга, олицетворяют, по мнению Андерсена, жителей Копенгагена.

Литературная сказка датского писателя, связанная с действительностью, тем не менее фантастична. Но фантастика эта своеобразна и также ограничена авторской индивидуальностью. Она как бы амбивалентна — двузначна. В ней происходит двойной процесс: обычное, реальное становится чудесным, волшебным, фантастическое — приземленным. Очеловечением растений и животных, одушевлением и очеловечением внешне неодушевленных вещей и предметов, с одной стороны, приданием обыденности, будничности возвышенным сказочным персонажам, с другой. Андерсен создает свой особый мир, все явления которого двойственны; они волшебны и вместе с тем — не волшебны.

Обычная традиционная фантастика, казалось бы, почти сведенная на нет во многих сказках Андерсена, есть, вместе с тем, повсюду, во всех его произведениях, где животные, растения, вещи и предметы переживают неслыханные приключения. Шведская корреспондентка датского сказочника — писательница Фредерика Бремер заметила ему еще в апреле 1839 г.: «Вы, во власти которого таким очаровательным образом сочетаются правда природы и правда мира детства, почему бы вам не брать свои картины из них? Разве там недостаточно волшебной жизни? Да, гораздо больше, чем в фантастическом сказочном мире...»⁴³ От того, что героями сказки Андерсена становятся и сказочной жизнью живут реальные люди, цветы, деревья, снежинки, капли воды, утки, соловьи, олени, иглы, воротнички, мячик, кубарь и т. д., сама сказка не теряет своей необычности, волшебства, фантастичности. В произведениях, для которых характерно сплетение фантастического с реальным, необычное становится обычным, а обычное перестает быть повседневным и превращается в сказочное. Кряхтят и стонут кресла в сказке «Старый дом», обыкновенная штопальная игла путешествует и воображает себя брошкой, носится с матриониальными планами воротничок и кубарь. Так что самые невероятные происшествия изображаются у Андерсена как совершенно реальные и достоверные, лишены налета мистицизма и волшебства. В свою же очередь, привычные явления наделяются новыми, еще неизвестными свойствами, делающими их глубоко поэтичными и по-своему сказочными.

Из двойственной природы сказок Андерсена, герои которого предстают зачастую в виде растений, домашних животных и предметов, из сочетания необыкновенных человеческих черт, присущих всем героям сказочника, с их естественными свойствами возникают юмор и легкая ирония. Общественные пороки и недостатки рисуются в особо смешном свете, когда они придаются штопальной игле, воротничку, кубарю, мячику и т. д. Сатира писателя становится острее, когда мещанской ограниченностью наделяются утки, куры,

⁴³ Цит. по кн.: *Aström H. H. C. Andersens genombrott i Sverige*. Odense, 1972, s. 138.

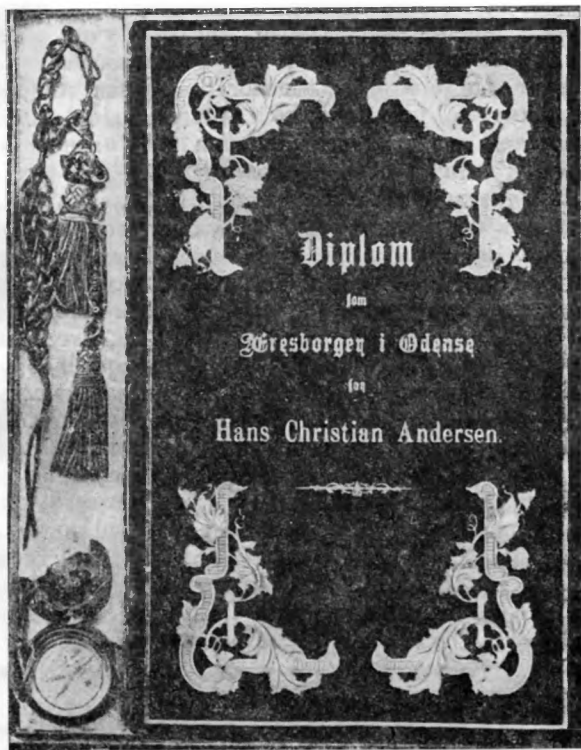

*Уголок кабинета Андерсена и вещи, с которыми он путешествовал.
Дом-Музей Андерсена, Оденсе*

кошки, улитки и т. д. Человеческие черты и поступки, приписываемые неодушевленным предметам, домашним животным и растениям, производят комическое впечатление. Помолвка мячика со стрижом, влюбленность кубаря в мячик невольно вызывает улыбку. Не случайно Андерсен говорил, что мастер, овладевший жанром сказки, должен уметь вложить в свои произведения «трагическое, комическое, наивное, ироническое и юмористическое»⁴⁴. Порой юмор сказочника носит несколько завуалированный характер, это едва заметная ирония. Например, когда он с затаенной улыбкой говорит о том, что друзья перестали навещать обедневшего солдата: ведь надо было так высоко к нему взбираться! Или когда он лукаво замечает, что крестьянин терпеть не мог пономарей. И потому некий пономарь вынужден был навестить жену крестьянина, когда мужа не было дома.

Двойной адресат сказок Андерсена — еще одна чрезвычайно важная особенность его творчества. Именно сочетание сказочного и реального у датского писателя делает его произведения дуплановыми, интересными и детям и взрослым. Андерсен, как известно, назвал свой первый сборник «Сказки, рассказанные детям». Но уже выпуску 1837 г., куда входили «Русалочка» и «Новый наряд короля», он предположил обращение «Ко взрослым». В дальнейшем сказочник сам говорил, что его произведения предназначались как для детей, так и для взрослых. Сохранив сказочную среду и доступный детям язык, Ан-

⁴⁴ *Andersen H. C. Samlede Skrifter. København, 1877, Bd. V, s. 490.*

Диплом почетного гражданина города Оденсе, преподнесенный Андерсену земляками. 1867 г.

Андерсен вложил в свои произведения мысли, которые были понятны их родителям. В самом деле, дети поддаются очарованию вымысла, их привлекает победа Добра над Злом, увлекательные сюжеты сказок, их яркие фигуры, быстрая смена эпизодов, подробные описания, при всей андерсеновской точности и лаконичности художественных средств, познавательность, юмор. Взрослые находят в сказках Андерсена глубокую философию, более реальный и более общий смысл, который легко свести к афоризму, пословице, крылатому выражению, придуманным самим писателем и широко бытующим по сей день: «А ведь король-то голый!» (перефразировка: «Да ведь он совсем голый!»); «Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца»; «Принцесса на горошине» и т. п. Детей эти сказки учат познавать окружающий мир; взрослых — разбираться в жизни с ее радостями и разочарованиями, любовью и смертью, несправедливостью и ложью. Андерсен для детей и Андерсен для взрослых — это, по существу, два разных писателя в одном лице и в одном и том же произведении: первым понятен в основном его юмор, вторым — ирония и сатира. Что касается авторской морали,

то она подается совершенно ненавязчиво. Писатель учит, воспитывает, но делает это так тонко и художественно, что дидактическое поучение у него обычно отсутствует или почти незаметно. В сказках Андерсена будничные вещи и предметы так же, как в детской игре свободно вторгаются в повествование. Вместе с тем эти произведения, при всей их ненавязчивой морализации и «детскости», отличаются серьезностью.

Двойственный адресат сказок Андерсена отразился и на их языке, в котором детская форма изложения делает ряд описываемых событий особенно забавными в глазах взрослых читателей. Живой и эмоциональный язык датского писателя, близкий к разговорному, также является одной из индивидуальных особенностей его творчества. В сказке слышатся детский голос, интонации ребенка. Разговаривая с ним, как с равным, писатель объясняет ему все, преобразившись в рассказчика. Андерсену совершенно чужды подделки под детский язык. Он писал свои сказки так, как рассказывал их знакомым детям. И в этом — новая и оригинальная особенность сказки Андерсена. Сам способ его рассказа был настолько исключительно его собственный и живой, что немедленно очаровывал детей. Писатель, как вспоминал его друг Эдвард Коллин, не говорил: «Дети сели в карету, и она покатила». Он рисовал целую картину: «Вот сели они в карету, прощай, папа, прощай, мама, кнут щелкнул — щелк, щелк — и помчала...»⁴⁵ Андерсен совершенно естественно использовал детский и народный язык, который хорошо знал еще с оденсейских времен. До последних дней его творчества сказки писателя сохранили особую разговорную форму, обусловившую их близкий к народному язык. Особую живость сказкам придавали вводимые писателем пословицы и поговорки, зачастую придуманные им самим.

Умение Андерсена углублять и обобщать важные проблемы, его возросшее литературное мастерство и своеобразие художественной манеры, живой разговорный язык и оригинальная композиция произведений делают сказки 40-х годов непревзойденными в творчестве писателя, обуславливают их популярность не только среди народа Дании, но и за рубежом.

* * *

5 романов и повесть «Счастливчик Пер», более 20 пьес, бесчисленное множество стихотворений, 5 книг путевых очерков, мемуары «Сказка моей жизни», обширная переписка, дневники — таков, кроме сборников сказок, итог творчества Андерсена — романиста, драматурга, поэта, путешественника, мемуариста и человека. Работа над этими произведениями способствовала созданию оригинальной литературной сказки Андерсена, о которой выдающийся норвежский писатель Бьёрнстjerne Мартинус Бьёрнсон справедливо заметит, что в ней «есть и драма, и роман, и философия...»⁴⁶.

Великий датский писатель свершил в области литературной сказки подвиг, подобный тому, который его современники — европейские романтики и реалисты — осуществили в сфере других литературных жанров. В начале XX в.

⁴⁵ См.: Андерсен Г. Х. Собр. соч.: В 4-х т., т. IV, с. 448.

⁴⁶ Цит. по кн.: Bull F. H. C. Andersen og Bjørnstjerne Bjørnson.— In: Anderseniana, 2. rk. Odense, 1956, bd. III, 2, s. 295.

Андерсен и его сборники «Сказки, рассказанные детям» и «Новые сказки»

*Х. К. Андерсен в своей комнате в Нюхавене
Фото. 1874 г.*

крупный немецкий исследователь Рихард Бенц утверждал, что литературные сказки немецких романтиков утратили популярность и что властителем дум в этом жанре стал датчанин Андерсен⁴⁷. Сказка Андерсена стала эталоном величайшего мастерства. «Новая литературная сказка,— писал известный австрийский ученый наших дней Рихард Бамбергер,— строится не на основе творчества немецких романтиков, а на основе творчества датчанина Ханса Кристиана Андерсена..., короля всех сказочников. Кто соразмеряет с искусством Андерсена каждую вновь появившуюся сказку..., тот никогда не ошибется»⁴⁸. Андерсен — основоположник традиции литературной сказки в Дании, традиции, насчитывающей уже немногим меньше 150 лет, и не только в своей родной стране, но и за ее пределами. Продолжателями Андерсена в скандинавском ареале и в Финляндии были выдающиеся сказочники — классики Сакариас Топелиус, Сельма Лагерлёф и современные нам писательницы, всемирно знаменитые Астрид Линдгрэн и Туве Янсон.

Андерсен, как никто другой из его соотечественников, жив и поныне, хотя в 1980 г. во всем мире торжественно праздновалось его 175-летие. В 1955 г. все человечество по призыву Всемирного Совета Мира отмечало 150-летие со дня рождения великого сказочника. 1975 год, когда исполнилось 100 лет со дня его смерти, был провозглашен Международным Годом Андерсена. Многие литературные события современности до сих пор связаны с его именем. В 1958 г. была учреждена Международная Золотая Медаль Ханса Кристиана Андерсена, получившая название «Малой Нобелевской премии», которая раз в два года присуждается лучшему современному автору, чаще всего сказочнику, а также художнику-иллюстратору. Ею награждены Астрид Линдгрэн, Туве Янсон и Джанни Родари, Элеонор Фарджон, Эрих Кестнер и Джеймс Крюсс, художники Татьяна Маврина, Иб Спанг Ольсен и др. С 1967 г. по решению Международного Совета по детской и юношеской литературе — 2 апреля, в день рождения Андерсена проводится Международный день детской книги.

Интерес к творениям писателя, главным образом к его сказкам, не угасает. Порой сказки Андерсена печатаются без указания имени автора и проходят путь из литературы в народ, становятся как бы народными⁴⁹.

Андерсен и его творчество постоянно в центре внимания литературоведов не только в Дании, но и за рубежом⁵⁰. В XX в. сказки и истории Андерсена становятся достоянием науки, поставившей их изучение на качественно новую

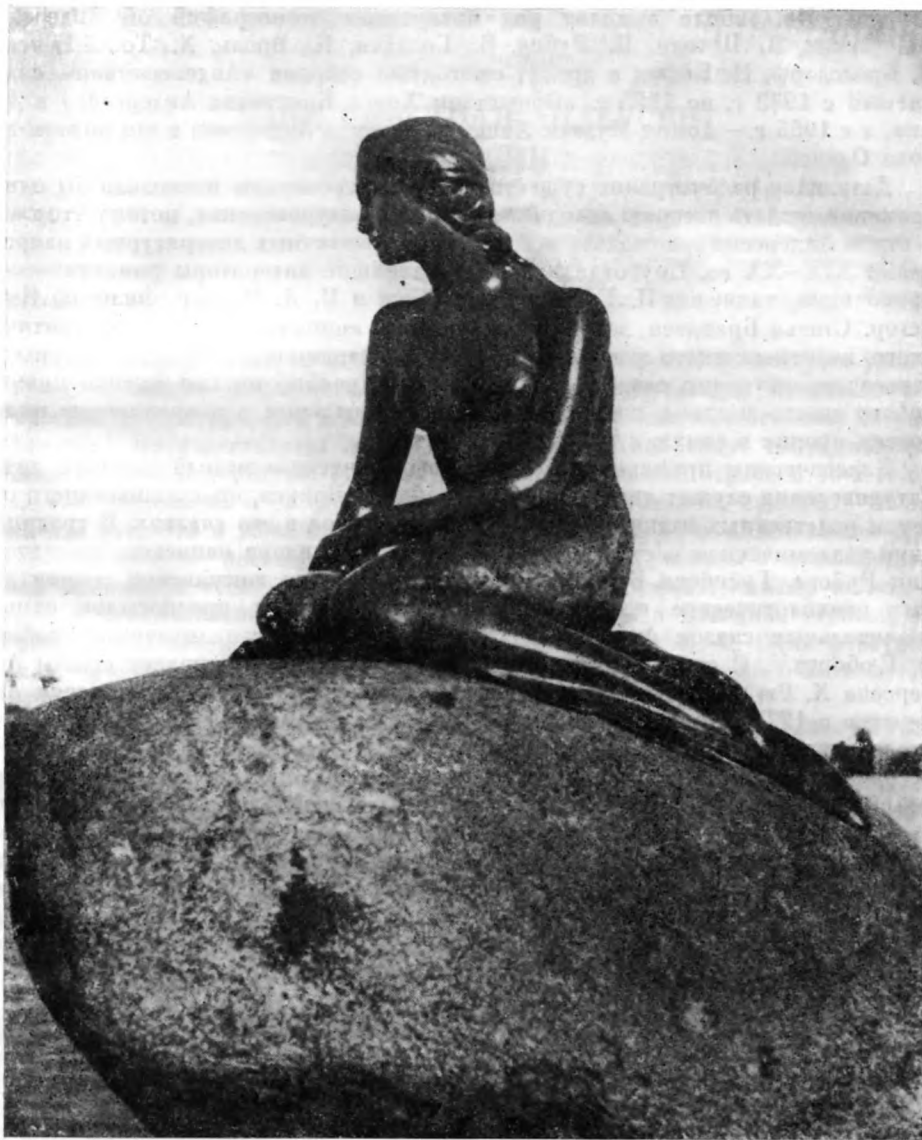
⁴⁷ См.: Benz R. Die Märchendichtung der Romantiker. Gotha, 1908.

⁴⁸ Bamberger R. Jugendlektüre. Wien, 1965, S. 135.

⁴⁹ Современник датского сказочника, писатель и критик Кристиан Мольбек включил в собрание изданных им народных сказок (1843), о котором шла речь выше, сказку Андерсена «Принцесса на горошине». Эту же сказку, по сведениям, которыми располагал Андерсен, слышал в устном изложении Вильгельм Гримм. Он считал ее народной. Узнав позднее, что сказка «Испытание горошиной» идентична андерсеновской, Гримм убрал ее из издания немецких народных сказок.— См.: Andersen H. C. Brevveksling med Jonas Collin den Ældre. København, 1948, Bd. III, s. 134.

⁵⁰ Первыми попытками научного анализа сказок на Западе были статьи К. Майера (1846) и Г. Брандеса (1870).— Mayer K. U. Das Märchen.— In: Andersen H. C. Samlede Skrifter, Bd. I; Brandes G. H. C. Andersen som Eventyrdigter.— In: Kritiker og Portræter. København, 1870. Но в основном критика произведений Андерсена в XIX в. ограничивалась рецензиями.

Андерсен и его сборники «Сказки, рассказанные детям» и «Новые сказки»

*Русалочка. Скульптура работы Э. Эриксона.
Копенгаген. 1913 г.*

ступень. На Западе выходит ряд интересных монографий об Андерсене (Х. Брикс, В. Шмитц, П. Рубов, Б. Грэнбек, К. Вооль, Х. Топсё-Йенсен, Э. Бредсдорф, Н. Кофод и др.⁵¹), ежегодный сборник «Андерсениана», издаваемый с 1933 г. по 1955 г. «Обществом Ханса Кристиана Андерсена» в Дании, а с 1955 г. — Домом-Музеем Ханса Кристиана Андерсена в его родном городе Оденсе.

Детальное рассмотрение существующей андерсенианы позволило бы одновременно создать историю скандинавского литературоведения, потому что творчеством Андерсена занимались представители различных литературных направлений XIX—XX вв. Ему отдали дань крупнейшие литераторы романтической ориентации, такие как Й. Л. Хейберг, К. Хаук и П. Л. Мёллер, философ Киркегор. Статья Брандеса, заложившего основы социально-активного, критического, позитивистского литературоведения в Скандинавии, послужила началом серьезного изучения сказок Андерсена. Не случайно он сам высоко оценил работу своего земляка, считая, что тот «с таким умом и искренностью молодости» проник в самую сущность его фантазии.

Классическим примером генетико-биографического метода датского литературоведения служит книга (и другие работы) Брикса, прослеживающего отзвуки родственных и личных отношений Андерсена в его сказках. В традиционно-академическом и сравнительно-историческом плане написаны исследования Рубова, Грэнбека, Бредсдорфа, Кофода. В духе юнгианской теории дается психологическое исследование интеллектуальных предпосылок самых значительных сказок Андерсена в шумевшей психоаналитической работе Э. Нюборга⁵². С социально-политических позиций рассматривает сказки Андерсена Х. Рю⁵³. Много новых публикаций появилось в связи с юбилеем Андерсена в 1975 г. (сто лет со дня смерти). Некоторые из них носят характер исследований по частным вопросам⁵⁴.

В Советском Союзе работ об Андерсене несравненно больше, нежели статей (не говоря уж о книгах) о других скандинавских писателях и сказочниках. Это позволяет в ряде случаев обращаться к уже опубликованным исследованиям, в которых рассматриваются проблемы, оказавшиеся в поле зрения советских ученых. (См. статью: «Ханс Кристиан Андерсен в России».) Прежде всего — весьма важна теоретическая проблема создания литературной сказки в творчестве Андерсена. А также вопрос об особенностях поэтики и классификации сказки, характеристики ее законов.

⁵¹ См.: *Brix H.* H. C. Andersen og hans Eventyr. København, 1907; *Schmitz V. A.* H. C. Andersens Märchendichtung. Greifswald, 1925; *Rubow P. V.* H. C. Andersens Eventyr. København, 1967; *Topsø-Jensen H.* H. C. Andersen og andre studier. Odense, 1966; *Grønbech B.* H. C. Andersen. København, 1974; *Bredsdorff E.* H. C. Andersen of England. København, 1951; *Bredsdorff E.* H. C. Andersen. London, 1975; *Kofoed N.* Hovedlinier i dansk litteratur. Lund, 1962; *Kofoed N.* H. C. Andersen. København, 1967.

⁵² *Nuborg E.* Den indre linie i H. C. Andersens eventyr. København, 1962.

⁵³ *Rye H.* Andersen og Folk.— Land og Folk, 1953, den. 2. april; см. также *Jørgensen C. J.* Eventyret og virkeligheden.— Tiden, 1955, N 4.

⁵⁴ См., например: *H. C. Andersen og hans kunst i nyt lys.* Odense, 1976; *Hedegaard Ole A.* H. C. Andersen 1848—50 og 1864. København, 1980. Необходимо отметить чрезвычайно интересное и оригинальное издание альбома Андерсена, сопровождаемое двумя томами текста. *H. C. Andersens Album I—V.* Udg. of Kåre Olsen, Helga Vang Lauridsen og Kirsten Weber. København, 1980.

Л. Ю. Брауде

ХАНС КРИСТИАН АНДЕРСЕН В РОССИИ

*«У нас в стране он давно уже обрел вторую родину.
Поколение за поколением воспитывались на его сказках,
радуясь, негодуя и сочувствуя до слез его героям...»*

С. Я. Маршак

Андерсен был одним из первых датских писателей XIX в., которых узнала Россия. В статье декабриста А. Бестужева, дающей общее представление о датской литературе, имя семнадцатилетнего Андерсена, естественно, не упоминается¹. Не упоминается оно и в тех немногих работах о скандинавской романтической литературе, которые появляются в нашей стране в 30-х годах XIX в. Скандинавия и ее словесность в то время оставались еще terra incognita для русского и даже европейского читателя. В 1834 г. в небольшой критической заметке, посвященной книге французского ученого и путешественника Ж. Ампера «Очерки Севера», В. Г. Белинский писал: «Ампер бегло, но верно и занимательно обзрывает Данию, Норвегию и Швецию, страны, совершенно неизвестные нам»². А еще раньше, в 1830 г. В. Н. Олин констатировал: «Ученая Европа едва подозревает существование поэзии и литературы совершенно особенных, уединившихся во льдах Севера»³.

30-е годы были начальным периодом ознакомления России с литературой Скандинавии XIX в. Русские писатели, критики и читатели сетовали тогда, что «знакомство со скандинавской литературой для нас, русских, чрезвычайно затруднительно, несмотря на наше близкое соседство со Скандинавским полуостровом»⁴, и сожалели, что «наши поэты и романисты оставляют нетронутым это богатое поле оригинальной поэзии и занимательных рассказов»⁵. И все-таки имя Андерсена впервые прозвучало в России именно в 30-х годах. На основе неустановленных источников 20 сентября 1837 г. сам сказочник сообщает датской писательнице Хенриетте Ханк: «В одном русском журнале обо мне хорошо отзываются»⁶. Первым известным сочинением об Андерсене в Рос-

¹ Б[естужев] А. Главные периоды Датской Литературы.— Сын отечества, 1822, ч. 79, № 30, с. 145—155.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.; Л.: АН СССР, 1953, т. 1, с. 249. См. также: Braude L. Ju. Hans Christian Andersen and Russia.— In: Scandinavica, 1975, N 5.

³ Олин [В. Н.] Новейшая поэзия скандинавская.— Карманная книжка для любителей русской старины и словесности на 1830 г., ч. I, № 2, с. 155.

⁴ Кони Ф. Шведская журналистика в 1834 г.— Телескоп, 1834, ч. 22, с. 116.

⁵ «Фритьоф, поэма Тегнера».— Библиотека для чтения, 1841, т. 16, с. 69. Подробнее см.: Брауде Л. Ю. Шведская литература в России (1820—1840) и В. Г. Белинский.— В кн.: Скандинавский сборник, IX, 1964.

⁶ H. C. Andersens Brevveksling med Henriette Hanck. 3 Del.— In: Anderseniana. København, 1943, vol. XI, s. 199.

сии был появившийся в 1838 г. русский перевод статьи французского критика Ксавье Мармье. В ней дается детальное описание встречи Мармье с Андерсеном в Копенгагене и впервые же в русской печати публикуется биография датского сказочника, сообщенная им критику. Этот факт сам по себе имеет большое значение, так как рассказ Андерсена о его жизни является одной из самых первых кратких редакций его мемуаров, увидевших впоследствии свет под названием «Сказка моей жизни» (Первый том вышел в 1855 г., его продолжение в 1869 г.). Мармье ни единым словом не упоминает о сказках Андерсена и лишь мельком касается национальных корней его романа «Импровизатор». Заканчивается статья грустно: «Кажется, что муза Андерсена не умеет смеяться и что маска, в которую он хотел ее нарядить, ей не по сердцу»⁷.

Подлинное же знакомство России с Андерсеном началось позднее, в 40-е годы, тесно связанные для нашей отечественной скандинавистики с деятельностью академика Я. К. Грота, одного из крупнейших популяризаторов литературы Скандинавии и Финляндии в России. Грот был профессором Гельсингфорского университета в 1842—1851 гг., и у него были тесные литературные контакты со скандинавскими странами. В 1843 г. он подарил своей сестре Р. К. Грот сочинения любимого им писателя на шведском языке, и она занялась их переводами. Вскоре П. А. Плетнев опубликовал переведенные Р. К. Грот сочинения Андерсена в журнале «Современник» (1845). Это были — «Бронзовый вепрь» («Бронзовый кабан»), глава из книги «Базар поэта» («Лист») и роман «Импровизатор»⁸. Первые два произведения не были замечены критикой. Однако сохранились высказывания о них Грота. По поводу отрывка из путевого очерка «Базар поэта» академик писал П. А. Плетневу 28 ноября 1844 г.: «Прочел статейку, рассказец, переведенный сестрой из Андерсена. Прелестная вещь». «Какую славную повесть Андерсена я просмотрел сегодня! — восклицает Грот 10 декабря 1844 г. — Это «Бронзовый вепрь», напоминает Пушкинова «Всадника», но в другом роде». (Ученый имел в виду то, что скульптура Бронзового кабана, украшающая фонтан во Флоренции, срывается с места, и подобно Медному Всаднику у Пушкина, мчится по городу)⁹.

Роман «Импровизатор»¹⁰ вызвал к жизни несколько рецензий, позволяющих судить о том, что на русских читателей и критиков того времени, уже

⁷ *Мармье Кс.* Датский поэт Андерсен.— Библиотека для чтения, 1838, т. 27, с. 57.

⁸ Д. М. Шарыпкин, к сожалению, относит IV главу о венгерском композиторе Ференце Листе из книги «Базар поэта» («Лист») к «сказкам» Андерсена, причисляя ее почему-то вместе с историей «Бронзовый кабан» и сказкой «Цветы маленькой Иды» к наиболее благочестиво-правоучительным произведениям Андерсена этого жанра.— См.: Шарыпкин Д. М. Скандинавская литература в России. Л.: Наука, 1980, с. 245.

⁹ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896, т. II, с. 370, 374.— Переводы Р. К. Грот до недавнего времени в Дании не были известны. Считалось, что переводы истории «Бронзовый кабан» и главы «Лист» впервые появились в России в 50-х годах XIX в.— См.: Н. С. Andersen på russisk for mere end 100 år siden.— Land og Folk, 1955, den 20. marts.

¹⁰ Отдельное издание русского перевода романа (1845) Андерсен получил в 1848 г. в Копенгагене от своего «искреннейшего поклонника и почитателя в Германии» В. Левертцау.— См.: *Dal Estrid og Dal Erik. Bøger af N. S. Andersen i hans egen*

переживших увлечение романтизмом, он не произвел большого впечатления. О. И. Сенковский говорил о романе: «Чувствительные читательницы, конечно, найдут его интересным... Для менее чувствительных он, мы боимся, покажется утомительным и скучным»¹¹. Белинский рекомендовал роман для чтения юношеству «в свободное от классных занятий время»¹².

Но сказки Андерсена постепенно завоевывали страницы русской прессы. Через Грота писательница А. И. Ишимова получила для своего журнала «Звездочка» (1848, № 10) сказку «Цветы маленькой Иды». А альманах для юношества «Новая библиотека для воспитания» (1847, кн. 5, 7, 8), выходивший под редакцией П. Г. Редкина, ставившего своей задачей публиковать высокохудожественные произведения для детей, напечатал переводы сказок «Гадкий утенок», «Бронзовый кабан» и «Соловей».

В 50-е годы XIX в. Андерсен и его творчество привлекли к себе внимание русских революционных демократов. Так, в 1853 г. Н. Г. Чернышевский поставил имя Андерсена в ряд имен лучших писателей Дании и посоветовал подумать о том, какое место он занимает в истории скандинавской литературы¹³. Ответил же на этот вопрос в первой русской рецензии на сказки Андерсена Н. А. Добролюбов. Ознакомившись со сказками датского писателя во французском переводе, русский критик высоко оценил их в отзыве, напечатанном в 1858 г. в «Журнале для воспитания». Добролюбов отметил характерную специфику сказок Андерсена — то, что «реальные представления чрезвычайно поэтически принимают в них фантастический характер». Он верно указал и на умение датского писателя оживлять неодушевленные предметы. Лучшими сказками Добролюбов считал сказки сатирические — «Огниво», «Принцесса на горошине», «Новый наряд короля». Величайшее достоинство этих и других сказок критик усмотрел в полном отсутствии малейшего резонерства. «В этом-то и видно искусство и талант рассказчика, — писал он, — его рассказы не нуждаются в нравоучительном хвостике...» В заключение Добролюбов горячо рекомендовал произведения Андерсена для детского чтения, полагая, что «они гораздо более могут занять детей и принести им пользы, нежели всевозможные нравоучительные побасенки»¹⁴.

Таким образом, уже в 50-е годы была заложена основа оценки сказок Андерсена в России.

К этому же периоду относится и первое известное нам запрещение сказок Андерсена русской цензурой. 28 октября 1859 г. в Санкт-Петербургский Духовно-цензурный комитет поступила книга «Повести Андерсена» в переводе

bogsamling.— In: Anderseniana, 2. rk. København, 1962, bd. V, 1, s. 73. Но о выходе книги сказочник знал раньше, так как 7 апреля 1845 г. писал: «В этом году «Импровизатор» был переведен и на русский язык». *Andersen H. C.* Paa Holsteinborg (En Brevveksling).— In: Anderseniana. København, 1935, vol. V, s. 19.

¹¹ Импровизатор, или Молодость и мечты итальянского поэта.— Библиотека для чтения, 1845, т. 69, с. 34.

¹² Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т., т. 9, с. 136.

¹³ Чернышевский Н. Г. Рец. на кн.: Dichterkanon. Von Dr. Neuekirch. Киев, 1853.— Полн. собр. соч.: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1949, т. II, с. 204.

¹⁴ Добролюбов Н. А. Французские книги.— Полн. собр. соч.: В 6 т. М.: Гослитиздат, 1936, т. III, с. 467.

Ю. фон Иксуль с немецкого. Предполагалось повторное издание книги, и Санкт-Петербургский Цензурный комитет, выражая предварительное согласие, запросил Духовно-цензурный комитет. Архимандрит Сергей Зиккен одобрил книгу, за исключением историй: «Роза прекраснейшая в мире» (1852) и «Есть же разница» (1855), которые «не могут быть одобрены к напечатанию, — первая по неприличному для священных предметов наименованию и по неверности мыслей «о святом древе Крестном», вторая — по неестественности вымышленного рассказа, по неправильности в рассмотрении жизни природы, например, растений, людей и др., а также по недостатку ясности в изложении предмета»¹⁵. В дальнейшем сказки Андерсена, в том числе из сборника «Сказки, рассказанные детям» и особенно «Новый наряд короля», из-за своей социальной остроты неоднократно запрещались царской, а также педагогической цензурой (1893, 1907)¹⁶.

60-е годы XIX в., когда сказки Андерсена довольно широко начинают публиковаться в России в переводах не с языка оригинала, отмечены пристальным вниманием прогрессивной интеллигенции к сказкам и личности Андерсена.

В 1863 г. в Петербурге вышел в свет в переводе с немецкого первый крупный сборник сказок датского писателя, включавший 14 произведений. Книга открывалась небольшой вступительной статьей, знакомившей читателей с биографией и творчеством Андерсена. Она заканчивалась словами: «Можно смело сказать, что ни в одной литературе нет лучшего в этом роде по чрезвычайной силе воображения, свежести образов, прелести рассказа». Издание было осуществлено «Обществом переводчиц», во главе которого стояли М. В. Трубникова (дочь декабриста В. П. Ивашева) и Н. В. Стасова (сестра знаменитого искусствоведа и критика В. В. Стасова). Цель этого общества состояла в том, чтобы дать полезное чтение юному поколению и предоставить труд и заработок русским интеллигентным женщинам. Трубникова и Стасова — передовые русские женщины, посвятившие свою жизнь общественному служению, прочитав по совету видного писателя-демократа В. А. Слепцова сказки Андерсена на немецком языке, были, по словам В. В. Стасова, восхищены «новостью, своеобразностью, талантом неизвестного им до тех пор автора»¹⁷. Перевод был осуществлен Н. А. Белозерской, А. Г. Маркеловой, А. И. Энгельгардт,

¹⁵ Дело № 1306 о рассмотрении книг: «Опыт исторического обозрения мер, предпринимаемых правительством к предупреждению и пресечению преступлений против веры в России» и др.— ЦГИА (Ленинград). СПб., Духовно-цензурный комитет, 1859, ф. 307, оп. 2, ед. хр. 1306, с. 68.

¹⁶ Уже в наше время, в 1959 г. было высказано предположение о возможном запрещении цензурой и сказки «Новый наряд короля», но доказательств этому в архивах найдено не было, однако в 60-х — в начале 70-х годов это предположение, как и следовало ожидать, подтвердилось. Во вновь найденной докладной записке один из царских цензоров констатировал, что в сказке «Новый наряд короля» Андерсен дает сатиру «на нравы высших сфер и отчасти высучивает ореол, окружающий королевский сан». — См.: Брауде Л. Ю., Шиллегодский С. П. Сказки Г. Х. Андерсена в России. — В кн.: Ученые записки Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1959, т. 198, с. 280; Блюм А. В. «Новое платье короля» и царская цензура. — Детская литература, 1971, № 2, с. 61.

¹⁷ См.: Полное собрание сказок Андерсена. СПб., 1863, с. 4; Стасов В. Надежда Васильевна Стасова. СПб., 1899, с. 130.

А. Н. Шульговской. Заботу об издании книги взяли на себя Трубникова и Стасова.

Сказки имели у читателей большой успех и вызвали отклики в критике. Содержательную рецензию опубликовал журнал «Современник», напечатавший и сказку «Стойкий оловянный солдатик». Рецензент одобрил выбор сказок и радовался тому, что «русская публика впервые настоящим образом познакомится с произведениями замечательного, можно сказать, единственного в своем роде сказочника, познакомится с этой оригинальной литературной формой, еще невиданной в русской литературе, да и самые сказки доставят читателям, незнакомым с Андерсеном, большое удовольствие,— они очень свежи и поэтичны. Мы не говорим о детях: дети всякого возраста будут иметь равное и разнообразное чтение, из которого ни в коем случае не наберутся разных глупых и притупляющих вещей»¹⁸.

В рецензии на сборник сказок Андерсена, помещенной в журнале «Русское слово», отмечалось разнообразие их содержания, остроумие автора, его неподражаемый юмор и богатство фантазии. Рецензент приходит к выводу, что «если кто непременно желает давать детям сказки, тому нельзя требовать лучшего, как сказки Гриммов и Андерсена»¹⁹.

Рецензии в передовых журналах, в свою очередь, вызвали отклик читателей. Стасову понравился отзыв об Андерсене, помещенный в журнале «Русское слово», но его не удовлетворила рецензия журнала «Современник». Спустя много лет критик писал, что в ней недоставало глубокого понимания произведений датского сказочника: «Главных столпов и опор «Современника», Чернышевского и Добролюбова, тогда уже не было в журнале, а их наследники и продолжатели не были, по-видимому, способны оценить всего значения Андерсена; они чувствовали только его поэтичность и художественность и успели заметить, что только «почти всегда» серьезная мысль царит у него в этих его сказках. Они не знали, что, напротив, «мысль» всегда и во всем стояла здесь у Андерсена на самом первом месте». Стасов приводил в пример лучшие сказки, такие как «Ель», «Свинопас», «Гадкий утенок», «Новый наряд короля», «Калоши счастья», «Девочка со спичками», «Соловей» и др., ставил произведения Андерсена в один ряд с теми, которые высоко ценил Чернышевский. «Это ли еще не поэтические создания, соответствующие живым требованиям современного человека! — писал критик.— Это ли еще не художественные образы, затрагивающие самую глубину мысли и чувства, и произносящие «суд над жизнью», как того требовал Чернышевский от настоящего художественного произведения». Однако Стасов не закрывал глаза на некоторые слабые стороны творчества Андерсена и подверг критике «лютерански-ханжескую пасторскую сторону» отдельных его сказок. Но он все же считал, что такие произведения, как «Красные башмаки» и «Райский сад», редко встречаются у датского писателя и что «каждый читатель легко отличает эти печальные плевелы от здоровой, свежей, доброй мысли и чувства, царствующих в остальной книге Андерсена»²⁰.

¹⁸ Полное собрание сказок Андерсена.— Современник, 1864, т. 9, с. 96—101.

¹⁹ Полное собрание сказок Андерсена.— Русское слово, 1863, № 12, с. 43.

²⁰ Стасов В. Указ. соч., с. 132, 135, 33.

Успех сказок Андерсена вызвал потребность в новых изданиях. «Общество переводчиц» в 1867 г. предприняло повторное и значительно расширенное издание прежнего сборника. Однако цензор Скуратов поместил в журнале Санкт-Петербургского Цензурного комитета свой доклад по поводу нового издания сказок Андерсена, в котором отметил недопустимость напечатания таких произведений, как «Маленький Клаус и Большой Клаус», а также «Райский сад»: «Сказки покупаются обычно для детского чтения,— писал цензор.— С этой точки зрения не все сказки в сей книге могут быть дозволены, например, на стр. 75 и 77 — ловкий плут спекулирует и добывает деньги за счет мертвого тела своей бабушки. Повесть «Райский сад» — есть аллегория, основанная на библейском рассказе об изгнании Адама и Евы из земного рая»²¹. После доклада цензора 11 ноября 1867 г. сказки были пересланы в Духовно-цензурный комитет с запросом, нет ли препятствий к напечатанию сказки «Райский сад», так как доводы Скуратова о плутовстве Маленького Клауса, видимо, были признаны несостоятельными. 20 ноября 1867 г. член Духовно-цензурного комитета архимандрит Фотий написал, что сказка «Райский сад» не может быть допущена к печати по следующим причинам: «1. Взгляд автора на произведение и направление ветров в этой сказке противен учению христианскому, взгляд языческий и еретический; 2. Самый рай представлен во многом не согласно с понятиями о нем христианами,— в него внесено много фантастического и отчасти магометанского»²².

Стасов сообщает любопытные подробности об этом издании сказок Андерсена: «Я уже не говорю о том, что были запрещены некоторые сказки, как, например, «Райский сад» и «Ангел»,— это еще куда ни шло. Но ведь дело состояло в том, что цензор вдруг признал невозможным в картинках все крылья за спиной у «гениев», все «короны» на голове у королей. Он велел везде их срезать». Критик огорченно пишет: «Все короны были срезаны с голов андерсеновских комичных королей, и они остались только в халатах, туфлях и ночных колпаках, с державой под мышкой»²³.

Однако действия цензуры не помешали успеху издания, и в 1868 г. «Общество переводчиц» уже осуществило новую работу. На русский язык была переведена вышедшая в Германии книга Андерсена «Новые сказки». Сказки вызвали интерес у русских читателей к личности датского писателя. В августе 1862 г. путешественницы из России, сестры Мандерштерн познакомились в пансионе швейцарского города Монтре с Андерсеном и подружились с ним. Старшая из сестер — Елизавета Карловна — обещала прислать датскому писателю для его коллекции рукописей автограф Пушкина, но смогла выполнить это обещание лишь три года спустя. Она послала в Копенгаген первый лист тетради Пушкина, на котором рукой поэта написаны были стихотворения «Пробуждение» и начало элегии «Друзьям». Отрывок из ее письма Андерсену

²¹ Дело С.-Петербургского Цензурного комитета 1867 года с особыми докладами гг. цензоров по изданиям подцензурным и рукописям.— ЦГИА (Ленинград). СПб., 1867, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 7, с. 24.

²² Дело о рассмотрении книг «Поучение о состоянии душ по смерти», «Явление злых духов людям» и др.— ЦГИА (Ленинград). СПб., Духовно-цензурный комитет, 1867, ф. 807, оп. 2, ед. хр. 1459, с. 38.

²³ Стасов В. Указ. соч., с. 134—135.

от 13 (25) мая 1865 г. свидетельствует о глубоком уважении, которое питала к сказочнику интеллигенция России: «Этот автограф уже в течение нескольких месяцев является моей собственностью, — писала она. — Теперь я посылаю его и дарю его Вам, как свидетельство моей преданности и глубокого к Вам уважения. С большим трудом достала я для Вас это сокровище. Эгоизм, глубоко укоренившийся в сердце, был близок к тому, чтобы унижить меня и заставить сохранить эту драгоценность для моего собрания автографов. Но мысль о Вас, дорогой Андерсен, победила, и я с особенной радостью посылаю Вам приложенный к этому письму пожелтевший листок, который передает мысли великого гения». В ответном письме от 26 июня 1865 г. Андерсен сказал: «Всемирно знаменитая рукопись Пушкина для меня — сокровище»²⁴.

В мае 1868 г. Трубникова и Стасова обратились к Андерсену с письмом, показывающим, как оценивали в то время творчество датского сказочника прогрессивные люди России. Мы приводим его полностью:

«Господин профессор и рыцарь!»²⁵ Санкт-Петербургское Общество переводчиц, занимающихся переводом литературных произведений иностранных писателей, предприняло в 1863 г. первое издание Ваших «Рассказов» в переводе на русский язык. Уже в 1867 г. стал необходимым новый выпуск этого издания.

Ваш проникновенный поэтический талант, глубокоуважаемый господин профессор, быстро завоевал популярность сборнику в России. Русская публика любит эти «Сказки и рассказы», автор которых по праву причисляется к величайшим писателям современности.

В 1868 г. была издана вторая часть Ваших «Рассказов» под названием «Новые сказки» Андерсена. Русский художник, академик, господин барон фон Клодт выполнил к ним рисунки, которые затем были выгравированы русскими художниками. Кроме того, женскими руками были сделаны все работы, связанные с этим новым изданием Ваших великолепных произведений: как-то — перевод, типографский набор, переплет и издание книг.

Это Общество переводчиц почтительнейше просит Вас, глубокоуважаемый господин профессор, благосклонно принять приложенный к письму экземпляр Ваших сказок в русском переводе. Это — знак нашего искреннего восхищения Вашим редким талантом и, одновременно, нашей благодарности за то поэтическое наслаждение, которым обязано Вам подрастающее поколение и зрелые люди России. Глубокоуважаемый господин профессор, примите уверения в нашем истинном уважении. Остаемся Ваши почтительнейшие слуги.

Надежда Стасова, Мария Трубникова»²⁶.

Ценные сведения об отношении русских людей к Андерсену содержат воспоминания А. Лаврентьева «Сутки в Копенгагене», где живо нарисован

²⁴ Цит. по ст.: *Van der Vliet W. H. C. Andersens Puschkinautograf. Søstre Manderstjerna.* — In: *Anderseniana. København, vol. VIII, 1940, s. 76.* См. также: *Брауде Л. Ю.* Автограф Пушкина в архиве Г. К. Андерсена. — В кн.: *Пушкин. Исследования и материалы.* Л.: АН СССР, 1956, т. I, с. 360—361.

²⁵ Звание профессора Андерсен получил в Дании в 1851 г. Называя Андерсена «рыцарь», Трубникова и Стасова, вероятно, имели в виду его награждение орденом Даннеброга.

²⁶ Цит. по: *Høybye P. På opdagelsesrejse i H. C. Andersens papirer.* — In: *Anderseniana. Odense, 1956, 2. Halvbind, s. 355—356.* — Андерсен получил это письмо 18 июля

портрет писателя: «Передо мною стояла предлинная худощавая фигура в старинном черном сюртуке, — рассказывает автор. — Но у длинной фигуры над ее длинным орлиным носом была пара глаз и таких глаз, что подобных едва ли сыщешь где-нибудь на земле. Глаза были голубые, но уж такие глубокие, такие ласковые и добрые, притом такие детски наивные... В них было столько доброты и ласки, столько воображения и поэзии,.. которой так и дышат все произведения Андерсена, в особенности его прелестные детские сказки». Лаврентьев рассказывает, как он благодарил писателя за «бесчисленные минуты радости и удовольствия», которые приносят его творения, и радуется, что сказки Андерсена переводят на русский язык. «Я слышал, что какое-то женское общество, — пишет Лаврентьев, — взялось переводить на русский язык и издавать у нас эти сказки. Спасибо им за это; видно, женщины скорее поняли, какого рода чтение нужно для детей»²⁷.

Интересны свидетельства Вл. Майкова о его встрече с Андерсеном в Копенгагене. Он живо рассказывает об участии сказочника в детских играх, о том, как Андерсен на детском празднике читал юным слушателям сказку «Стойкий оловянный солдатик»: «Все смолкло: слышно было, как шумят крыльшками стрекозы в воздухе, детвора вся превратилась в слух»²⁸.

В конце 70-х годов, 8—10-летним мальчиком, предположительно, читал или слышал сказки Андерсена В. И. Ленин²⁹.

Огромное значение в овладении наследием Андерсена и в укреплении его популярности в России имело первое и единственное в нашей стране собрание его сочинений в 4-х томах, осуществленное замечательными литераторами и переводчиками А. В. и П. Г. Ганзен. Роль этой супружеской четы в развитии русско-скандинавских культурных связей трудно переоценить. Выходец из Дании Петер Эммануэль Хансен (1846—1930), ставший в нашей стране Петром Готфридовичем Ганзеном, и его жена Анна Васильевна Ганзен (1869—1942) подарили России в переводах с подлинника, а не с языка-посредника, как это было до них, целую библиотеку скандинавской литературы и прежде всего —

1868 г. См. Н. С. Andersens sidste Leveaar. København, 1906, s. 15. В Советском Союзе широко известно ответное письмо Андерсена, в котором он с восторгом пишет о переводе своих сказок в России, «цветущую литературу которой я частично знаю от Карамзина до Пушкина и вплоть до Новейшего времени». — Цит. по: Апдерсен.— БСЭ, т. 2. Изд. 2-е, 1950, с. 421; История двух автографов.— Литературная газета, 1955, 12 июля; Андерсен Г. Х. Россия. Новые материалы.— Вечерний Ленинград, 1955, 2 апреля; Юрьева Л. [Брауде Л.] Обзор журнала «Андерсениана» за 1955—1957 гг.— В кн.: Скандинавский сборник IV. Таллин, 1959; Куприянова И. П. Г. Х. Андерсен.— В кн.: Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков. М.; Л.: АН СССР, 1960.— 26 октября 1953 г. датская газета «Land og Folk» перепечатала статью об Андерсене из БСЭ с отрывком из письма великого сказочника под названием «Hvad siger Sovjetenciklopedien om HSA?» (Тем не менее, датский исследователь П. Хейбю, впервые опубликовавший письмо Стасовой и Трубниковой к Андерсену, сравнительно недавно узнал из БСЭ о существовании ответного письма сказочника и, получив копию этого письма из ГИПБ (Ленинград), где оно хранится, написал: «Это до сих пор неизвестное письмо...» — *Нюбуе* P. H. S. Andersen og de russiske damer.— In: Anderseniana, 2. rk. Odense, 1958—1959, bd. IV, 2, s. 194.

²⁷ Лаврентьев А. Сутки в Копенгагене.— Библиотека для чтения, 1864, т. 184, с. 8.

²⁸ Майков Вл. Встреча с Андерсеном.— Новости, 1887, № 300.

²⁹ См.: Позднякова Г. И. Какой человек нам нужен. Л., 1980, с. 12.

Ибсена и Бьёрнсона, Андерсена и Гамсуна³⁰. В свою очередь, П. Г. Ганзен знакомил датских читателей с русской классической литературой, переводя на датский язык с 1877 г. произведения И. А. Гончарова, а с 1885 г. — Л. Н. Толстого³¹.

В начале 90-х годов супруги Ганзен начали поистине титаническую работу по переводу на русский язык произведений Андерсена. Вот что писала по этому поводу в своих, начатых по нашей просьбе и, к сожалению, неоконченных воспоминаниях М. П. Ганзен-Кожевникова (1889—1974): «...Сказки Андерсена, написанные по-датски, стали достоянием сперва немцев и англичан, а затем и других национальностей, как европейских, так и азиатских, и африканских, и многих других народов мира. Мы — русские — познакомились с ними сначала по переводам с немецкого и английского. Но даже при хорошем переводе с подлинника вещь теряет частицу присущего ей очарования, а при получении ее уже из третьих рук потеря делается еще более ощутимой, не говоря уже о прямых искажениях текста. Отец мой, Петр Готфридович Ганзен в сотрудничестве с моей матерью Анной Васильевной Ганзен, урожденной Васильевой, и решили взять на себя труд перевести полное собрание сочинений Андерсена с датского на русский язык, чтобы познакомить русского читателя не только с его наиболее известными сказками, но и с его романами, пьесами и стихотворными произведениями. И при этом, по возможности, сохранить языковые и стилистические особенности подлинника»³².

В 1894 г. А. В. и П. Г. Ганзен закончили свой труд, вложив в него всю любовь к творчеству великого сказочника³³. И не случайно их перевод вызвал восторг у одного из его первых читателей — издателя И. И. Горбунова, который писал П. П. Ганзену:

«Дорогой Петр Готфридович!

Познакомившись с Андерсеном в Вашем переводе, я и товарищи мои по редакции нашли переводы Ваши превосходными, не оставляющими желать

³⁰ См.: Ганзен П. Г. — В кн.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1964, т. 2, с. 59; Литературный архив. М.; Л.: АН СССР, 1961, т. 6, с. 37—40.

³¹ Интереснейшую переписку И. А. Гончарова с его переводчиком на датский язык опубликовала в 1961 г. дочь А. В. и П. Г. Ганзен — переводчик, литератор и преподаватель датского языка в ЛГУ М. П. Ганзен-Кожевникова. — Литературный архив, с. 41—105. — Свои воспоминания о встрече с Л. Н. Толстым в 1890 г. П. Г. Ганзен издал при жизни. — Исторический вестник, 1917, № 1, с. 140—161. См. также: Ганзен П. Г. Пять дней в Ясной Поляне. — В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978, т. 1, с. 451—468; Dansk-russiske forbindelser gennem 500 år. København, 1964, s. 79—81.

³² Ганзен-Кожевникова М. П. Как переводчики супруги А. и П. Ганзен работали над сказками Ханса Кристиана Андерсена. — Из архива М. П. Ганзен-Кожевниковой. Л., 1973, с. 1 (рукопись).

³³ «Мама особенно любила «Русалочку» и рассказывала ее очень хорошо», — писала М. П. Ганзен-Кожевникова. — Ганзен-Кожевникова М. П. Как переводчики супруги А. и П. Ганзен работали над сказками Ханса Кристиана Андерсена, с. 2 (рукопись). — Андерсен же, описав в дневнике (4.IX.1869 г.) свое очередное выступление в датском Союзе студентов, вспоминал, как П. Э. Хансен (П. Г. Ганзен) благодарил его «за радость, которую я так часто доставлял студентам, читая им свои сказки...» — Н. С. Andersens sidste Leveaar, s. 33. Ганзен был знаком с Андерсеном еще во времена своей актерской работы в Королевском театре. В датском со-

А. В. ГАНЗЕН
Фото. 90-е годы XIX в.

ничего лучшего. Благоухающая поэзия Андерсена впервые предстала читателям во всей своей чарующей прелести. Если бы лучшие писатели мира нашли себе таких переводчиков, то это подняло бы вкус к ним общества»³⁴.

Первый том собрания сочинений Андерсена начал путь к читателям³⁵.

«Цель настоящего издания, — указывали переводчики, — содействовать установлению среди русской публики более правильного взгляда как на сказки и рассказы Андерсена, в частности, так и на всю его литературную деятельность вообще». В сборник сочинений вошли сказки и истории (154), роман «Импровизатор», книга «Картинки-невидимки», некоторые пьесы, стихотворения, отрывки из путевых очерков Андерсена. Кроме того, Ганзены включили туда

брании произведений писателя с его автографами хранится книга с дарственной надписью тогда еще молодому Петеру Эммануэлю Хансену. — См.: *Dal Estrid og Dal Erik. Vøger af H. C. Andersen i hans egen bogsamling*, s. 74.

³⁴ Горбунов И. И. Письмо к П. Г. Ганзену от 31.I 1896 г. — Из архива М. П. Ганзел-Кожевниковой, с. 1.

³⁵ Андерсен Г. Х. Собр. соч.: В 4-х т. СПб., 1894—1895. — Любопытное признание сделал по поводу этого издания крупный датский андерсеновед, профессор Эрик Даль: «...Самой лучшей существующей антологией Андерсена [за пределами Дании. — Л. Б.] являются четыре больших тома (1894—1895) урожденного датчанина П. Эм. Хансена и его жены — урожденной русской». *Dal E. H. C. Andersen — litteraturen op imod 1960.* — In: *Anderseniana*, 2. rk. Odense, 1961, bd. IV, 4, s. 400.

*П. Г. ГАНЗЕН
Фото. 90-е годы XIX в.*

автобиографию и переписку датского писателя, а также вспоминая о нем современников. Все это должно было развеять представление об Андерсене как только писателе для детей. Это неоднократно подчеркивали и переводчики, изложившие в обращении к читателям свою точку зрения на творчество Андерсена: «Считать сказки и рассказы исключительно детским чтением — крайне ошибочно. Они тем именно и замечательны, что дают пищу уму, сердцу и воображению читателей всех возрастов. Дети, конечно, главным образом увлекутся самой фабулой, взрослые же поймут и оценят глубину содержания, так как большинство с виду незатейливых сказок и рассказов Андерсена, изложенных то игриво-остроумным, то детски наивным тоном и всегда чрезвычайно образным и в то же время необыкновенно простым, близким к разговорной речи языком, — являются гениальными сатирами, в которых Андерсен четко и остроумно осмеивает разные человеческие слабости»³⁶.

Собрание сочинений Андерсена вызвало к себе большой интерес. Об этом свидетельствуют многочисленные журнальные рецензии и внимание к нему передовых русских людей.

Рецензент журнала «Мир божий» находил ценность издания в том, что перевод произведений Андерсена впервые осуществлен непосредственно с дат-

³⁶ *Андерсен Г. Х. Собр. соч.: В 4-х т., т. I, с. 98.*

ского языка, а не с немецкого, как это делали раньше, и главное место отведено сказкам, тому жанру, в котором у автора не было «ни предшественников, ни преемников»³⁷.

Журнал «Русская мысль» находил издание «прекрасным». Его рецензент писал: «Переводчики со своей далеко не легкой задачей справились как нельзя лучше и не просто перевели Андерсена на русский язык, а воспроизвели его для русских читателей, сохранив характерные особенности его гения»³⁸. А. П. Чехов послал в Таганрогскую библиотеку все 4 тома этого издания 24 ноября 1896 г.³⁹ Для Чехова сказки Андерсена стали эталоном высокого искусства, доступного детям, и позволили ему сформулировать один из главных критериев детской литературы. Он причислял сказки датского художника к произведениям подлинно художественной литературы. «Детям надо давать только то, что годится и для взрослых... Андерсен, «Фрегат Паллада», Гоголь охотно читаются детьми, взрослыми тоже»⁴⁰.

Творчество Андерсена высоко ценили многие ученые, деятели русской культуры и особенно писатели, постоянно обращавшиеся к поэтическим образам сказочника. Из письма Андерсена от 12 ноября 1870 г. явствует, что творчество его любил известный общественный деятель, географ П. Н. Батюшков⁴¹. А музыкальный критик и собиратель автографов П. Л. Ваксель сделал в конце XIX в. следующую надпись на принадлежавшем ему автографе, записке Андерсена: «Ханс Кристиан Андерсен, знаменитый датский поэт и рассказчик, сын сапожника. Родился в Оденсе 2 апреля 1805 г., учился в Копенгагене и провел большую часть своей жизни в путешествиях по Европе и Востоку, в путешествиях, которые, наряду с литературными источниками, подсказали ему чудесные сюжеты его произведений».

Но именно в сказках этого писателя его талант проявился во всей своей полноте и оригинальности, которая заключается в полном тонкой, скрытой иронии уме, в чувстве, исполненном скандинавской живости и поистине восточном богатстве воображения»⁴².

Композитор А. Н. Лядов писал: «Талантливей, душевней и поэтичней этих сказок в детской литературе — нет. Я над некоторыми и сейчас готов проливать слезы»⁴³.

Писатель В. М. Гаршин использовал художественные образы Андерсена в своей переписке и творчестве. В письме к С. Я. Надсону от 9 ноября 1883 г. он спрашивает: «Зачем Вы делаете из себя андерсеновского «Гадкого утенка»?... Право, Семен Яковлевич, к Вам он вовсе не идет; позвольте уверить Вас, милостивый государь, что Вы лебедь, самый подлинный лебедь»⁴⁴. Мотивы

³⁷ Собрание сочинений Андерсена в переводе А. и П. Гапзен, т. I, II, 1894.— Мир божий, 1894, № 6, с. 199—200.

³⁸ Собрание сочинений Андерсена в 4-х томах.— Русская мысль, 1894, № 2, с. 60—61.

³⁹ См.: Чехов А. П. Собр. соч.: В 12-ти т. М.: Гослитиздат, 1957, т. 12, с. 123.

⁴⁰ Там же, с. 388.

⁴¹ Андерсен Х. К. Письмо к П. Н. Батюшкову от 12 ноября 1870 г.— ГПБ (Ленинград), архив Батюшкова, альбом с автографами, с. 5.

⁴² Ваксель П. Л. Запись на автографе Х. К. Андерсена.— ГПБ (Ленинград), собрание П. Л. Вакселя, оп. 1, ед. хр. 57.

⁴³ Цит. по: Городецкий С. А. Н. Лядов. Пг., 1916, с. 122.

⁴⁴ Цит. по: Гаршин В. М. Собр. соч.: В 3-х т. М.; Л.: ГИХЛ, 1934, т. III, с. 304.

андерсеновских сказок встречаются в сказках Гаршина «Сказка о жабе и розе» и «Attalea princeps». Он даже собирался издать свои сказки с надписью: «Великому учителю моему — Гансу Кристиану Андерсену». Влияние Андерсена ощущается и в книге Д. Н. Мамина-Сибиряка «Аленушкины сказки».

Любовь к Андерсену через всю жизнь пронес Л. Н. Толстой. Уже в 50-х годах в его дневнике довольно часто встречается имя Андерсена. 9 июля 1857 г. он отмечает, что читал роман «Импровизатор»⁴⁵. В 1858 г. записывает: «Андерсен — прелесть»⁴⁶ и обещает другу и родственнице А. А. Толстой прислать его произведения⁴⁷. Тогда же вспоминает сказку «Пятеро из одного стручка», о которой в 1904 г. написал: «Прекрасная сказка Андерсена о горошинах, которые видели весь мир зеленым, пока стручок был зеленым, а потом мир стал желтым...»⁴⁸ Особое внимание Толстого привлекла также сказка «Новый наряд короля», которую он впервые перевел в 1857 г.: «Перевел сказочку Андерсена, — писал Толстой 1 января 1857 г. — За обедом у Боткина прочел ее, она не понравилась»⁴⁹. 16 (28) февраля он снова возвращается к этому произведению: «Андерсена сказочка о платье. Дело литературы и слова втолковать всем так, чтоб ребенку поверили»⁵⁰. В 1872 г. писатель переработал «Новый наряд короля» и включил сказку в свою «Азбуку». Между 9 апреля и 8 июля 1907 г., занимаясь «Детским кругом чтения», он вновь обратился к ней⁵¹. А в 1904 г., оценивая современные ему политические события, Толстой вспоминает крылатую фразу из этого произведения: «Люди придумывают себе признаки величия: цари, полководцы, поэты. Но это все ложь. Всякий видит насквозь, что ничего нет и царь — голый»⁵². Особенно остро прозвучали в этой связи слова великого писателя в 1910 г.: «Революция сделала в нашем русском народе то, что он вдруг увидел несправедливость своего положения. Это — сказка о царе в новом платье. Ребенком, который сказал то, что есть, что царь голый, была революция»⁵³.

Современники Толстого вспоминают, что в беседах с ними он часто упоминал имя Андерсена. Несколько раз беседовал он об Андерсене и с Горьким, которому заметил, что в сказках, по его мнению, сильно ощущается одиночество Андерсена: «Он был одинок. Именно поэтому он обращался к детям». Большой интерес представляет другой разговор Толстого с Горьким. Призывая молодого писателя к простоте и правдивости в литературе, он вспоминал слова Андерсена из сказки «Старый дом»: «Да, позолота-то сотрется, свиная кожа остается!»... «Вы все хотите закрасить все пазы и трещины своей краской, — сказал Толстой, когда Горький прочитал ему сцены из пьесы «На дне». — Помните у Андерсена сказано: «Позолота-то сотрется, свиная кожа

⁴⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1937, т. 47, с. 147.

⁴⁶ Там же. М., 1952, т. 48, с. 3.

⁴⁷ Там же. М., 1949, т. 60, с. 257.

⁴⁸ Там же. М., 1937, т. 55, с. 89.

⁴⁹ Там же, т. 47, с. 141.

⁵⁰ Там же, с. 202.

⁵¹ Об обработках Л. Н. Толстым сказки «Новое платье короля». См. также: Описание рукописных художественных произведений Л. Н. Толстого. М.: АН СССР, 1955.

⁵² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 55, с. 75.

⁵³ Там же, т. 58. М., Л., 1934, с. 24.

останется», а у нас мужики говорят: «Все минется, одна правда останется». Лучше не замазывать, а то после вам же худо будет»⁵⁴.

Горький с детства любил произведения Андерсена и никогда не забывал первого знакомства с чудесной сказкой «Соловей», которая, по его словам, сразу взяла всех за сердце. «...В Китае все жители — китайцы, и сам император — китаец» — помню, как приятно удивила меня эта фраза своей простотой, весело улыбающейся музыкой и еще чем-то удивительно хорошим», — писал Горький. Когда мать отняла и спрятала книги Андерсена, то это было для Алешки «горше побоев»⁵⁵. Любовь к творениям датского сказочника осталась у писателя навсегда. Среди имен великих художников слова всех стран и эпох, отдавших дань сказке, он назвал и Андерсена⁵⁶. Говоря о том, какие книги следует давать читать детям младшего возраста, он после сказки Пушкина о рыбаке и рыбке указал: «Андерсена — избранные сказки»⁵⁷.

Сказками Андерсена зачитывался и А. А. Блок, в семье которого существовала давняя традиция почитания великого датского писателя. Сестра матери Блока — М. А. Бекетова — была автором первой в России книжки об Андерсене⁵⁸ и очень поэтично и сочувственно описала жизнь и литературную деятельность датского сказочника. 21 декабря 1906 г. Блок процитировал отрывок из сказки датского писателя «Калоши счастья». А 20 ноября 1907 г. написал об Андерсене: «Я давно уже не читаю ничего, кроме него»⁵⁹. И позднее поэт вспоминал великого датского сказочника. «Снежную королеву» и «Ледяную деву» «...Блок воспринимал как-то «лично», биографически. И он не очень верил в счастливый конец первой сказки — победа любви Герды над соблазном гибели в ледяном царстве, которому поддался Кай, вызвала в нем меньшее доверие, чем гибель в ледяном потоке, достигшая Руди, — героя второй сказки, — сильного, красивого, удачливого, только раз в трудную минуту заглядевшегося в глаза Ледяницы, но почти с рождения отмеченного знаком ее власти чад ним»⁶⁰.

В последней четверти XIX и начале XX в. популярность Андерсена в России неуклонно росла. Об этом свидетельствовали многочисленные издания его произведений и постоянное внимание критики. «Сказки Андерсена настолько знамениты, что рекомендовать их нет никакой надобности»⁶¹, — утверждал один журнал. «Говорить о несравненной прелести сказок Андерсена не приходится: они слишком хорошо знакомы и старому и малому»⁶², — вторил ему другой.

⁵⁴ Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: ГИХЛ, 1951, т. 14, с. 256. — Эти слова Андерсена произвели большое впечатление на Горького, и он повторил их много лет спустя в романе «Жизнь Клима Самгина» и в письме к Ромэну Роллану от 30 января 1933 г. Горький А. М. Собр. соч.: В 30-ти т., т. 19. М., 1952, с. 88; т. 30. М., 1955, с. 284.

⁵⁵ Там же. М., 1951, т. 13, с. 182—183.

⁵⁶ Там же. М., 1953, т. 25, с. 88.

⁵⁷ Там же. М., 1953, т. 27, с. 519.

⁵⁸ Бекетова М. А. Г. Х. Андерсен. СПб., 1892.

⁵⁹ Блок А. Записные книжки, 1901—1920. М., 1960, с. 86, 534, 91.

⁶⁰ Книпович Е. Ф. Об Александре Блоке. — Вопросы литературы, 1980, № 10, с. 116. Вспоминала об Андерсене и М. И. Цветаева. У старого Пимена. — Москва, 1966, № 7.

⁶¹ Сказки Андерсена. — Русская мысль, 1900, № 1, с. 20.

⁶² Сказки Андерсена. — Мир божий, 1900, № 2, с. 84.

Деятель культуры Финляндии Вернер Хумбль, много лет живший в России, отметил, что сказки Андерсена «так же любимы, как и басни Крылова, и встречаются во всевозможных изданиях, как в гостиной аристократа, так и на книжной полке ученика народной школы»⁶³.

На рубеже XIX и XX вв., особенно к столетию со дня рождения писателя (1905 г.), в России было написано несколько критико-биографических очерков, изданных отдельными книжками⁶⁴, и довольно значительное количество журнальных статей и заметок⁶⁵. Интересна книжка А. Алтаева (псевдоним известной детской писательницы М. А. Ямшиковой). Это — содержательный, интересный и поэтический рассказ о жизни датского сказочника, созданный на основе его книги «Сказки моей жизни». Рассказ этот не давал полного представления о творчестве Андерсена, но очень живо воссоздавал его образ. В книге Я. А. Александрова ощущалось глубокое уважение к Андерсену и верное определение его места в истории мировой литературы. «Андерсен прославился сказками, — писал автор, — подобно тому, как Шекспир — трагедиями, Крылов — баснями, Кольцов и Берс — песнями. Сказки его переведены чуть ли не на все европейские языки и читаются людьми всех званий и возрастов». Александров справедливо считал, что писатель «придал сказке такую совершенную форму, выше которой, кажется, и подняться нельзя»⁶⁶.

* * *

В Советском Союзе сказки Андерсена чрезвычайно популярны и широко издаются для детей и взрослых⁶⁷. С большим успехом шли на сцене пьесы Е. Л. Шварца по мотивам сказок Андерсена «Голый король» (1934), «Снежная королева» (1938) и «Тень» (1940). Избрав сказки Андерсена основой нескольких своих пьес, и сохранив гуманистический настрой сказок датского писателя, этот умный, тонкий художник создал свой собственный мир, глубоко современные произведения. В одном из писем 40-х годов к режиссеру Н. П. Акимову Е. Л. Шварц справедливо говорил о том, что в создаваемом художником мире возникают и действуют собственные законы и правомерности⁶⁸. Блистательно раскрыл смысл этого Н. П. Акимов, анализируя содержание сказки Шварца «Тень»: «...сто лет, отделяющие Шварца от Андерсена, повлияли на развязку этой истории. Если торжество тени логично и неизбежно для Андерсена, то Шварц может согласиться только на временное ее торжество. Вдумавшись в условные сказочные законы, на которых основано самостоятельное существование тени, он делает совершенно точный оптимистический вывод: тень может существовать внешне самостоятельно, ... но... обойтись без ученого

⁶³ Humble V. Skandinaviska kulturströmningar i Ryssland. Helsingfors, 1903, s. 324.

⁶⁴ Алтаев А. Великий сказочник. СПб., 1905.

⁶⁵ Г. Х. Андерсен. — Новый журнал иностранной литературы, 1905, № 5; А. Ф. Д. Великий сказочник. — Путеводный огонек, 1905, № 7, 8, 9.

⁶⁶ Александров Я. А. Великий сказочник. Казань, 1906, с. 5.

⁶⁷ По данным Всесоюзной книжной палаты на 1 января 1980 г., сказки датского писателя выпускались в нашей стране 408 изданиями на 42 языках народов СССР и зарубежных стран. Общий тираж этих изданий составил 64 млн. 314 тыс. экз. См.: Странички календаря. — Книжное обозрение, 1980, № 13, с. 9.

⁶⁸ См.: Шварц Е. Пьесы. Л.: Советский писатель, 1972, с. 13.

ть не может. Самое ее существование обусловлено существованием ученого. В сцене казни ученого у тени сама собой валится с плеч голова: ведь она только тень. И для того, чтобы воскресить удобную для министров тень, им приходится... воскресить и отпустить ученого». И Акимов верит, что теперь уже ученый «найдет путь к тому, как помочь всем людям стать счастливыми»⁶⁹.

Новшество театральной трактовки сказок Андерсена в СССР поняли и датчане. Оценивая спектакль «Сказки Андерсена» (в драматургической обработке В. Смирновой), поставленный в 1937 г. в Копенгагене, и отмечая новизну понимания творчества Андерсена в СССР, датская газета «Morgenposten» писала: «Русские облекли его сказки в сценическую форму, целиком сохранив очарование и поэзию старого писателя... Произведения сказочника на сцене сохранили ту же глубину и значительность, как и в книге. Это вполне современное повествование о предрассудках, чванстве и гордости. Другими словами — это совсем не та трактовка королей и принцесс, к которой мы привыкли в детских спектаклях»⁷⁰.

Советские писатели и поэты используют образы Андерсена в своих произведениях. Они вдохновляли советских композиторов (С. Прокофьева, В. Салманова) и художников (В. Конашевича, В. Пивоварова, Г. А. В. Трауготов).

Основы оценки творчества Андерсена, заложенные в трудах прогрессивной русской критики и крупных писателей, получили дальнейшее развитие в трудах советских исследователей⁷¹. Следует, однако, оговорить, что до 1955 г. — года юбилея Андерсена — статьи о нем представляли довольно редкое явление.

В юбилейном, 1955 г., когда 150-летие со дня рождения Андерсена, по образному выражению С. Я. Маршака, отмечалось в Советском Союзе как «праздник сказки»⁷², большинство литературно-художественных и критических журналов посвятили Андерсену статьи и публикации. Многие научно-исследовательские учреждения и учебные заведения провели заседания, где читались доклады о жизни и деятельности великого датского писателя. Советские писатели, критики и литературоведы широко ставили вопрос об изучении жизни и творчества Андерсена. Появился ряд статей, позволяющих советскому читателю судить о нем как о писателе-реалисте, сатирике и демократе.

Так, К. Г. Паустовский стал автором прелестной новеллы об Андерсене «Ночной дилижанс» и беллетризованной биографии сказочника. Паустовский семилетним мальчиком познакомился со сказками Андерсена и, читая их, забывал обо всем на свете. Разумеется, он не видел тогда глубокого подтекста этих произведений и только, когда стал взрослым, понял, что на пороге XX в. встретился с писателем, который научил его «светлой вере в победу солнца над мраком и доброго человеческого сердца над злом»⁷³. Сказки Андерсена

⁶⁹ Акимов Н. П. О театре. М., 1962, с. 247.

⁷⁰ Цит. по: Сказки Андерсена на сцене.— Театр, 1955, № 5, с. 160.

⁷¹ См.: Неустроев В. П. Проблемы советского литературоведения в области скандинавистики.— В сб.: Советское литературоведение за 50 лет. М., 1967, с. 531—533; Брауде Л. Ю. Андерсен в русской и советской критике.— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. Л.: Наука, 1970, с. 317.

⁷² Маршак С. Я. Праздник сказки.— В кн.: Вопросы детской литературы. М., 1955, с. 3.

⁷³ Паустовский К. Великий сказочник.— В кн.: Андерсен Г. Х. Сказки и истории. М., 1955, с. 5.

отмечены необычным своеобразием, делающим их доступными для взрослых и для детей. «Все персонажи, даже неодушевленные предметы,— пишет В. М. Инбер,— полны жизни. Они живут, действуют, беседуют между собой, выносят суждения. Все это происходит в полном соответствии со свойствами данного предмета»⁷⁴. Важную теоретическую проблему «антигероя» ставит в связи со сказкой «Тень» В. Я. Каверин, который говорит: «Печальная сказка Андерсена кончается победой «теневой стороны вещей»⁷⁵.

Множество ценных замечаний и биографических сведений содержится в статьях советских критиков, отмечающих свободолюбие Андерсена, его борьбу с мещанством, обличение им общественных пороков, его гуманизм и т. д.

Интересна книга И. И. Муравьевой, написанная в жанре беллетризованной биографии и представляющая собой результат многолетнего изучения жизни и творчества Андерсена на основе современных ей русских и зарубежных материалов⁷⁶. Важным достоинством книги Муравьевой является изображение биографии Андерсена на фоне исторических событий Дании первой половины XIX в. Литературная и театральная жизнь того времени также находят свое отражение в книге. Колоритно даны образы людей, оказавших большое влияние на Андерсена — Эленшлегера, Эрстеда и др. Но в центре книги — образ самого сказочника. К числу наиболее удачных следует отнести главы, посвященные детству будущего писателя. И. И. Муравьева справедливо считает народность причиной того, что сказки Андерсена не подвластны времени.

В работах некоторых советских исследователей жизнь и творчество датского сказочника становятся предметом серьезного научного изучения. В статьях В. П. Неустроева биография Андерсена тесно связана с жизнью современной ему Дании и Европы⁷⁷. Заслуживает внимания первая в Советском Союзе диссертация А. С. Погодина об Андерсене «Ханс Кристиан Андерсен-новеллист»⁷⁸.

В 1975 г. в связи со 100-летием со дня смерти Андерсена, в СССР появились новые, написанные в теоретическом плане, работы о великом сказочнике, основоположнике скандинавской традиции литературной сказки, на основе творчества которого можно обосновать закономерности развития жанра⁷⁹.

Хотя тема «Ханс Кристиан Андерсен и Россия» имеет большое самостоятельное значение, в настоящей статье мы смогли только бегло коснуться истории освоения творчества великого сказочника в нашей стране.

⁷⁴ Инбер В. Ханс Кристиан Андерсен.— В кн.: Вопросы детской литературы. М., 1955, с. 335.

⁷⁵ Каверин В. Я. Вечерний день. М., 1980, с. 503.

⁷⁶ Муравьева И. И. Андерсен. М., 1962.

⁷⁷ Неустроев В. П. Ханс Кристиан Андерсен и его сказки.— В кн.: Андерсен Г. Х. Сказки и истории. М., 1955; Неустроев В. П. Андерсен и проблема романтической традиции.— В кн.: Русско-европейские литературные связи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966. См. также: Брауде Л. Ю. Ханс Кристиан Андерсен. Биография писателя. Л., 1971, 1978.

⁷⁸ Погодин А. С. Ханс Кристиан Андерсен-новеллист. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: МГУ, 1955.

⁷⁹ Брауде Л. Ю. Скандинавская литературная сказка (Этапы развития жанра). Автореферат. докт. дисс. М., 1977.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОБОСНОВАНИЕ ТЕКСТА

Ханса Кристиана Андерсена принято считать автором свыше 170 отдельных сказок и историй. Между тем, он публиковал свои замечательные произведения, объединяя их (преимущественно) в сборники¹: «Сказки, рассказанные детям» (1835—1842), «Новые сказки» (1844—1848), «Истории» (1852—1855), «Новые сказки и истории» (1858—1872).

Еще в 1828—1829 гг. Андерсен мечтал создать «цикл датских народных сказок»². Но осуществил он свое намерение позднее, когда в 1835—1842 гг. выпустил в свет два тома сборника «Сказки, рассказанные детям». По мнению писателя, объединение сказок и историй в сборники способствовало пониманию его творческого пути, эволюции его произведений, пониманию становления его как автора. «Всякий, кто проследит за порядком, в каком написаны мои сказки,— говорил Андерсен,— заметит движенье вперед, заметит более выпукло выступающую идею, большую умеренность в использовании художественных средств, большее здоровье и свежесть»³.

Одним из основных принципов целостности своих сборников, в частности сборника «Новые сказки», писатель считал общность содержания сказок этого последнего, а отнюдь не хронологию. Так, 8 августа 1846 г. (до выхода в свет второго тома сборника «Новые сказки»), Андерсен обратился с просьбой к Эдварду Коллину (см. примеч. 1 к сказке «Гадкий утенок») — «Посоветуйте, как мне разделить сказки на три выпуска: разместить ли их в том порядке, в каком они написаны? Или же равномерно распределить на отдельные выпуски так, чтобы в зависимости от содержания, они могли бы читаться одна за другой? Я — за это — последнее». Коллин ответил: «Я считаю, что Вы сами лучше всего разделите сказки так, как предпочитаете»⁴.

Уже в 60-х годах XIX в., составляя первое полное собрание своих сказок, Андерсен писал, что включает в него «из различных прежних сборников те сказки и истории, которые иллюстрировал лейтенант В. Педерсен. А даны они в собрании сказок в том порядке, в каком первоначально были написаны и напечатаны»⁵ (курсив наш.— Л. Б.). Характерно, что оба первых сборника «Сказки, рассказанные детям» и «Новые сказки» Андерсен и на этот раз опубликовал в их первоначальном виде, не допуская изменений в расположении сказок. В 70-е годы, и особенно после смерти Андерсена в 1875 г., его авторская воля была нарушена. Сборники перестали публиковать как отдельные произведения; даже в самых значительных зарубежных и русских изданиях писателя стали исчезать указания на то, из какого сборника взята та или иная сказка и история, а порядок, в котором печатались эти сказки и истории, произвольно меняли. Говоря о том, что большинство современных публикаций сказок Андерсена основано на собрании его сочинений и на комментированном издании Ханса Брикса и Ангера Йенсена (1943) (где также публикуются отдельные сказки, а не сборники), видный датский андерсеновед, профессор Эрик Даль констатирует, что при этом оказываются забытыми «те небольшие, порой случайные, а порой и нарочитые единства, которые содержали выпуски сказок тогда, когда Андерсен передавал их в руки своих современников»⁶. В 1963—1967 гг. профессор Даль вместе с другим известным андер-

¹ Некоторые сказки и истории Андерсен напечатал предварительно в своих путевых очерках 30—50-х годов, в книге «Три произведения» (1838) и в собрании своих сочинений (1868). Лишь позднее отдельные из них писатель включил в сборники.

² Andersen H. C. Eventyr og Historier. København, 1943, Bd. V, s. 381.

³ Andersen H. C. Samlede Skrifter. København, 1876, Bd. I, s. 282.

⁴ Andersen H. C. Erevveksling med Edvard og Henriette Collin. København, 1933, Bd. I, s. 112, 114.

⁵ Andersen H. C. Eventyr og Historier, Bd. V, s. 307.

⁶ H. C. Andersen: Eventyr. København. Hans Reitzels Forlag, 1963, Bd. I, s. 10.

сеноведом Эрлингом Нильсеном опубликовали пять томов сказок и историй Андерсена в виде отдельных прижизненных сборников писателя⁷. Издатели не ставили своей целью восстановление авторского замысла сказочника, хотя профессор Даль признает: «первые издания чаще всего являются основой для научных публикаций»⁸. Обосновывая свое обращение к первым сборникам сказок Андерсена как наиболее солидным в текстологическом отношении, а не к его последнему прижизненному изданию 1862—1874 гг., профессор Даль указывает, что все изменения, внесенные в это последнее, носят чисто редакционный характер. Первые же сборники свободны от последующей правки, сделанной зачастую не самим писателем; в них сохраняются особенности его стиля, в частности ритм, нарушенные в последующих публикациях сказок датского сказочника. Восстанавливая первоначальный авторский текст, датские ученые тем самым объективно сохранили и авторский замысел Андерсена.

Попытка подобного издания на русском языке (независимо от датского) предпринималась в конце 50-х — в 60-х годах XX в. «Библиотекой всемирной литературы» был издан том (М.: Художественная литература, 1973), куда вошли отдельные сказки и истории из разных сборников и книг Андерсена, а в примечаниях указывалось, откуда взяты те или иные произведения. Таким образом, сборники «Сказки, рассказанные детям», и «Новые сказки» полностью в том виде, в каком их задумал Андерсен (и в переводе с языка оригинала), публикуются у нас в стране впервые.

В настоящем издании воспроизводятся также иллюстрации к сборникам «Сказки, рассказанные детям» и «Новые сказки», сделанные при жизни Андерсена датским художником Вильгельмом Педерсеном (1820—1859), который в сознании датчан запечатлелся как первый иллюстратор сказок Андерсена, хотя иллюстрации к отдельным сказкам еще раньше осуществил Лоренц Фрелих. Когда в 40-х годах XIX в. встал вопрос об издании более полного сборника сказок Андерсена в Германии, где сказочник был уже хорошо известен, издатель Карл В. Лорк, по происхождению датчанин, захотел, чтобы сказки иллюстрировал его соотечественник. Он переписывался по этому поводу с Андерсеном и постепенно отказался от мысли поделить издание между несколькими иллюстраторами. Долго и придирчиво перебирали писатель и издатель художников, отвергая их по тем или иным причинам: Нильс Симонсен — «человек способный, но фантазия его разыгрывается больше всего в африканских пустынях, а одними бедуинами мы не обойдемся...»⁹ Лоренц Фрелих, на кандидатуре которого настаивал Андерсен, т. к. ему нравились иллюстрации художника к «Русалочке», находился в это время в Риме. «А между тем молодой гениальный художник, Педерсен, здесь...» Так Вильгельм Педерсен стал иллюстратором Андерсена. Великий сказочник высоко ценил его и писал в 1862 г., комментируя сказки и истории: «...немецкий издатель, консул Лорк в Лейпциге, решил издать сборник моих сказок с иллюстрациями и поручил мне найти для этого способного и одаренного датского художника. И я нашел ныне покойного морского офицера В. Педерсена». Педерсен иллюстрировал также сборник «Истории». Когда же после его смерти «встал, — по словам Андерсена, — вопрос о том, чтобы найти столь же одаренного художника», для иллюстрации других сборников, писатель избрал Лоренца Фрелиха¹⁰.

Иллюстрации Педерсена впервые увидели свет в 1849 г.¹¹, и эти «простые, привлекательные и всегда столь популярные рисунки, — как пишет критик Йорген Шир, — обладают для датчан той притягательной силой, каковая присуща лишь любимой из поколения в поколение детской книге»¹².

Учитывая творческий замысел Андерсена, его авторскую волю, каждый из выше-названных сборников датского сказочника может рассматриваться как литературный памятник своей страны и своей эпохи.

⁷ Н. С. Andersens Eventyr. Bd. I—V. Udgivet av Erik Dal og Erling Nielsen. København, Hans Reitzels Forlag, 1963—1967.

⁸ Ibid., Bd. I. s. 10.

⁹ Цит. по: Dal E. Danske H. C. Andersenillustrationer 1835—1975. København, 1975, s. 20.

¹⁰ См.: Andersen H. C. Eventyr og Historier, Bd. V, s. 316, 320.

¹¹ Andersen H. C. Gesammelte Originalzeichnungen von V. Pedersen. Im Holz geschnitten von Ed. Kretzschmar. Leipzig, 1849.

¹² Цит. по: Dal E. Danske H. C. Andersenillustrationer 1835—1975, s. 28.

В настоящем издании все произведения из сборников «Сказки, рассказанные детям» и «Новые сказки» даются в классических переводах, осуществленных в 90-х годах XIX в. А. В. и П. Г. Ганзен (предположительно, с датского издания сказок и историй Андерсена 1862—1874 гг., иллюстрированных Вильгельмом Педерсеном, а после его смерти Лоренцем Фрелихом. Издание это с рукописными пометками переводчиков хранится в библиотеке покойной дочери А. В. и П. Г. Ганзен — М. П. Ганзен-Кожевниковой). До ганзеновского все переводы из Андерсена, за редким исключением, производились с немецкого или французского языков; в том числе и отдельные сборники великого сказочника: Повести [Истории.—Л. Б.] Андерсена. СПб., 1859; Новые сказки. СПб., 1869.

В собрание сочинений Андерсена в 4-х томах, опубликованное А. В. и П. Г. Ганзен (СПб., 1894), вошли почти все известные к тому времени сказки и истории. Но вошли не в виде сборников, а как отдельные произведения, расположенные зачастую в произвольном порядке. Это собрание сочинений датского писателя, как указывалось выше, и ныне считается в Дании «...самой лучшей существующей антологией Андерсена за пределами его родины»¹³. Переводы А. В. и П. Г. Ганзен, над которыми до 1942 г. постоянно работала, совершенствуя их, А. В. Ганзен, послужили основой всех дальнейших публикаций произведений сказочника в нашей стране, в том числе и наиболее полного в СССР издания сказок и историй Андерсена в двух томах, выпущенного в 1969 г. и переизданного в 1977 г. Ленинградским отделением издательства «Художественная литература»¹⁴. Уже здесь была проведена некоторая редакция — осторожная и тактичная модернизация, замена слов и оборотов, представлявших устарелыми.

В настоящем издании переводы воспроизводятся в основном по русскому четырехтомнику Андерсена 90-х годов XIX в. Однако правнучка А. В. и П. Г. Ганзен — И. П. Стреблова заново отредактировала сказки, сверила их с оригиналом. За основу были взяты два первых тома наиболее значительного в научном и текстологическом отношении пятитомного собрания сказок и историй Андерсена 1963—1967 гг., изданного Далем и Нильсеном (см. выше — Bd. I; P. København, 1963). И. П. Стреблова следила также тексты из двухтомника с произведениями, опубликованными в собрании сочинений Андерсена 1894—1895 гг., а также в издании «Academia» 1937 г. Кроме того, была учтена правка, внесенная А. В. Ганзен во многие, в том числе и детгизовские публикации последних лет жизни этой переводчицы. Настоящее издание задумано как памятник датской классической литературы и русской переводческой традиции конца XIX в. И. П. Стреблова, отказавшись в ряде случаев от некоторых выражений, которые звучат сейчас как неграмотные или простонародные, сохранила отдельные устарелые слова и словосочетания, встречающиеся у А. В. и П. Г. Ганзен. Однако она сочла порой возможным не следовать той русификации имен, которая наблюдается в некоторых их первоначальных переводах. (Так, в настоящей книге оставлены «Маленький Клаус и Большой Клаус», «Дюймовочка» и т. д. вместо «Николай и Николка», «Лизок-с-вершок» и др., как это было в издании 90-х годов XIX в.)

Предисловие «К взрослым читателям» и посвящения, сделанные Андерсеном к некоторым выпускам сказок — на русском языке публикуются здесь *впервые* (в переводе Л. Ю. Брауде).

В разделе «Дополнения» печатается несколько неизвестных и малоизвестных сказок Андерсена конца 20-х — середины 30-х годов. Произведения эти по-разному отражают эволюцию общественных и литературно-эстетических взглядов молодого писателя в период, предшествующий в основном созданию первого сборника его сказок. В настоящем издании отсутствуют отдельные сказки и истории Андерсена из сборников его путевых очерков 1831 и 1842 гг., а также сказка «Калоши счастья» из сборника «Три произведения» (1839). Они публиковались в русском собрании сочинений Андерсена¹⁵, а также в многочисленных изданиях его сказок на русском языке. Кроме того, они составляют и нерушимое единство с путевыми очерками, в которых печатались

¹³ Dal E. H. C. Andersen-litteraturen op imod 1960.— In: Anderseniana, 2. rk. Odense, 1961, Bd. IV, 4, s. 409.

¹⁴ Двухтомник был полностью дважды перепечатан. См. Андерсен Г. Х. Сказки и истории. Кишинев; Лумина, 1972, 1973.

¹⁵ Там же в переводах русских поэтов издавались некоторые стихотворные сказки Андерсена — «Снежная королева», «Дочь великана» и др.

впервые и с последующими сборниками, куда включил их Андерсен. Сказка «Жив еще старый бог!» в настоящем издании публикуется на русском языке *впервые*.

Впервые печатается в новом переводе (Л. Ю. Брауде) и сказка «Мертвец». Сказки «Затонувший монастырь», «Эта басня сложена про тебя!», «Талисман» и «Оборвыш на троне французских королей» (в переводе того же переводчика) с 1955 г. несколько раз печатались на русском языке (см. ниже).

Для составления примечаний, кроме пояснений самого Андерсена¹⁶ и пока единственных в Дании литературно-исторических комментариев Ханса Брикса к этому изданию¹⁷, были использованы: подстрочные примечания А. В. Ганзен к переводам отдельных сказок (отмечены * и откорректированы Л. Ю. Брауде); примечания в кн.: *Андерсен Х. К. Сказки. Истории*. М.: Художественная литература, 1973, с. 425—444; а также обширнейшая андерсениана, библиографию которой см.: *Jørgensen Aage. H. C. Andersen Litteraturen 1875—1968*. Aarhus, 1970; *Андерсен Ханс Кристиан*. Био-библиографический указатель. М., 1979. *Брауде Л. Ю.* Сказочники Скандинавии. Л.: Наука, 1974, с. 223—228. *Брауде Л. Ю.* Скандинавская литературная сказка. М.: Наука, 1979, с. 195—199.

СКАЗКИ, РАССКАЗАННЫЕ ДЕТЯМ

1835—1842

(EVENTYR, FORTALTE FOR BØRN)

(с. 5)

В 1829—1830 гг. молодой Андерсен, поэт и драматург, автор отдельных прозаических и стихотворных сказок, задумал, как известно, создать цикл датских народных сказок. Но начал эту работу лишь в конце 1834 г. и в 1835—1842 гг. выпустил в свет два тома сборника «Сказки, рассказанные детям». В первый том вошло 9 сказок, разделенных на три выпуска, появившихся в печати в марте и октябре 1835 г., а также в октябре 1837 г. Во второй (новый) том писатель включил 10 сказок, распределенных на три выпуска, увидевших свет в декабре 1838 г., декабре 1839 г. и декабре 1841 г. Некоторые из сказок (например, «Эльф розового куста») предварительно были напечатаны в датских газетах.

ОГНИВО

(FYRTØIET)

(с. 7)

Сказка написана в конце 1834 г.— начале 1835 г. Один из ее источников — народная сказка, знакомая Андерсену с детства. Она известна в различных вариантах под названиями: «Дух свечи», «Чудо», «Деньги — могут всему помочь», «Принцесса и двенадцать пар золоченых башмачков», «Мальчик и монах» и т. д. Сказка связана и с реминисценциями из сборника арабских сказок «1001 ночи». Образ Аладдина, введенный в датскую литературу в пьесе-сказке «Аладдин, или Волшебная лампа» (1805) основателя датской романтической школы, поэта и драматурга Адама Готлоба Эленшлегера (1779—1850), был близок Андерсену, воспитанному отцом на сказках этого сборника (см. примеч. 9 к сказке «Мертвец», примеч. к «Посвящению к новому (второму) тому сборника «Сказки, рассказанные детям», примеч. 9 к сказке «Маленький Тук»).

¹ ...*глаза каждый с Круглую башню*.— В рукописи глаза собак сначала сравнивались с чайными чашками, с колесами экипажа и мельницы. Сравнение с Круглой баш-

¹⁶ *Andersen H. C. Bemaerkninger til de to første Bind*.— In: *Andersen H. C. Eventyr og Historier*, Bd. I—II. København, 1943.

¹⁷ Предполагаемые Эриком Далем и Эрлингом Нильсеном два дополнительных тома примечаний к датскому изданию 1963—1967 гг. пока не осуществлены. Из зарубежных комментированных изданий Андерсена можно отметить двухтомник с комментариями Леопольда Магона в кн.: *Andersen H. Chr. Sämtliche Märchen und Geschichten in zwei Bänden*. Leipzig, 1953.

ней появилось позднее, очевидно, в связи с тем, что Андерсен начинает вводить в сказки широко известные его современникам реалии, связанные с достопримечательностями столицы Дании — Копенгагена. *Круглая башня* — одно из самых высоких зданий старого Копенгагена, воздвигнутое королем Кристианом IV (1577—1648) по проекту архитектора Ханса ван Стенвинкеля (1587—1639). Первый камень башни был заложен 7 июля 1637 г. В 1716 г. на Круглую башню въехал верхом на коне, по пандусу Петр I. За ним на тройке ехала Екатерина I.

² *...кататься в Королевский сад...* — Королевский (Росенбургский) сад — увеселительный сад, примыкающий к замку Росенборг, созданному также при короле Кристиане IV в 1606—1607 гг. В 1771 г. сад становится общедоступным. В 1881 г. там был открыт памятник Андерсену, сооруженный по проекту скульптора Августа Собию (1823—1916) с надписью «Воздвигнут датским народом».

МАЛЕНЬКИЙ КЛАУС И БОЛЬШОЙ КЛАУС
(LILLE CLAUD OG STORE CLAUD)

(с 12)

Сказка создана в начале 1835 г. В ней использован сюжет датской народной сказки о двух братьях, существующей в различных вариантах — «Большой брат и Маленький брат», «Мельница, что соль на дне морском толчет», «Слепой Ханс» и т. д. Отдельные эпизоды сказки связаны со сказкой «Али-Баба и сорок разбойников» из сборника сказок «1001 ночи». (См. примеч. к сказкам «Огниво», «Сундук-самолет», примеч. 9 к сказке «Мертвец»).

¹ *...хоть целый четверик денег!* — Четверик — мера объема сыпучих тел = 26,24 л.

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ
(PRINDESSEN PAA ÆRTEN)

(с 21)

Сказка написана в начале 1835 г. Источник ее не установлен, хотя сам Андерсен писал в предисловии к третьему выпуску сказок — «К взрослым читателям» (см. с. 53), что она — датского происхождения. Если не искать буквального сходства, то в датских народных сказках «Пер-Сквалыга», «Жених», «Ханс и Марен», «Скупой», «Маленькая Метте» и др. можно найти ряд прототипов сказки «Принцесса на горошине». Выражение «Принцесса на горошине» стало крылатым.

¹ *...горошину отправили в кунсткамеру.* — *Кунсткамера.* — Построена в Копенгагене при Фредрике III, короле Дании и Норвегии (1648—1670) — см. прим. 10 к сказке «Хольгер Датчанин». Кунсткамера впервые упоминается в 1651 г. Там выставлялись антиквариат, этнографические материалы и всевозможные редкости. Существовала до 1821 г., после чего все экспонаты были помещены в другие музеи; большая часть из них пошла в Музей искусств.

ЦВЕТЫ МАЛЕНЬКОЙ ИДЫ
(DEN LILLE IDAS BLOMSTER)

(с 23)

Сказка сочинена в феврале или в марте 1835 г. Это — первая самостоятельно придуманная сказка Андерсена, которая возникла, по словам сказочника, когда он однажды рассказывал маленькой Иде, дочери его друга — писателя и фольклориста Юста Маттиаса Тиле (1795—1874) — о цветах в Ботаническом саду. Несколько замечаний ребенка он запомнил и передал, когда позднее записывал сказку. (См.: *Andersen H. C. Eventyr og Historier. København, 1943, Bd. I, s. 391*). Некоторые датские литературоведы (Ханс Брикс) улавливали в этом произведении настроение сказки немецкого писателя Эрнста Теодора Амадея Гофмана (1776—1882) «Щелкунчик, или Мышиный король» (1816).

¹ *...он умел... вырезать презабавные фигурки...* — Явный намек на самого Андерсена, который, особенно в последние годы жизни, когда уже не писал сказки, любил вырезать картинки из бумаги.

² *Они все во дворце!* — Возможно, имеется в виду прекрасный Росенбургский замок в Копенгагене, один из немногих дворцов эпохи Ренессанса, сохранившихся в Европе. Стронтельство дворца, как указывалось выше, начато в 1606 г. при короле Кристиане IV (см. примеч. 1, 2 к сказке «Огниво»).

³ *...из Ботанического сада...* — Имеется в виду сад в Копенгагене, известный с 1600 г.; расположен недалеко от Росенбургского замка.

⁴ *...профессор ботаники...* — Скорее всего профессор Университета Йенс Уилькен Хорнemann (1770—1841), лектор в Ботаническом саду с 1801 г.

⁵ *...это была масленичная верба...* — Пучок голых веток, украшенных разноцветными бумажными лентами, цветами, куколками. На масленой, в понедельник, дети по старинному датскому обычаю хотят «высечь» родителей масленичной вербой, но те откупаются от них специально испеченными «масленичными» хлебцами.

⁶ *...Софи повернулась к нему спиной...* — Отказ куклы Софи танцевать с Курилкой некоторые андерсеноведы рассматривали как автобиографический эпизод. Однажды дочь Йонаса Коллина (1776—1861) — Луисе Коллин (1813—1898), в которую Андерсен был влюблен, отказалась танцевать с ним. (См. примеч. 1, 3 к сказке «Оле-Лукойе»).

⁷ *Йонас и Адольф, норвежские кузены...* — Подразумеваются — Йонас и Адольф — сыновья падчерицы Йонаса Коллина, Йоханны Биркнер (1797—1891), которая вышла замуж за норвежца Маттиаса А. Бойе (см. примеч. 7 к сказке «Холм лесных духов»).

ДЮЙМОВОЧКА (TOMMELISE)

(с. 29)

Сказка написана весной, скорее всего в апреле 1835 г. В ней использованы отдельные мотивы и образы датских народных сказок. Прототипом Дюймовочки послужила приятельница Андерсена, дочь известного переводчика Шекспира на датский язык, адмирала Петера Вульфа (1774—1842) — Хенриетта (Иетта) Вульф (1804—1858). Иетта была невысокого роста, горбатая. Неуродство не ожесточило ее, она была доброй и нежной. Андерсен называл ее светлым эльфом.

¹ *Дюймовочка.* — *Томмелисе*, буквально «Лисе, величиной с дюйм» (*дат.*) — Подражание шведскому имени «Туммелитен» — «Мальчик-с-Пальчик». В первых переводах на русский язык, как указывалось выше, было «Лизок-с-Вершок».

² *...дала... двенадцать скиллингов...* — *Скиллинг* — мелкая медная монета, грош, бывшая в обращении в Дании с 1845 г.

³ *Коакс, коакс, брекке-ке-кекс!* — Слова эти взяты из хора лягушек в комедии Аристофана «Лягушки».

⁴ *«Майский жул, лети, лети»; «Бродит по лугам монах»* — традиционные датские детские песенки.

⁵ *Это был эльф...* — Эльф в скандинавском фольклоре — сверхъестественное существо мужского или женского пола с крылышками за спиной. Иногда эльфы добры, иногда враждебны к людям. Андерсен придерживался традиционного представления о том, что эльфы — малютки, легкие, воздушные, красивые и благожелательные к людям.

НЕХОРОШИЙ МАЛЬЧИК (DEN UARTIGE DRENG)

(с. 37)

Сказка написана весной 1835 г. В ее основе — одно из стихотворений древнегреческого поэта Анакреонта (ок. 570—478 до н. э.). «Нехороший мальчик», о поэте, который тепло принял и обласкал маленького Амура. Неблагодарный Амур ранил поэта своей стрелой в сердце. Стихотворение было известно Андерсену в переводе датского поэта Кристиана Хенриксена Прама (1756—1821). Этот же сюжет еще раньше вдохновил великого датского скульптора, друга Андерсена — Бертеля Торвальдсена (1770—1844), работавшего в строгой манере классицизма, и он создал в 1823 г. великолепный терра-

готовый фриз «Анакреонт принимает Амура», хранящийся в Музее Торвальдсена в Копенгагене. Возможно, что знакомство с мраморным вариантом этого фриза в 1831 г. стало источником сказки Андерсена «Нехороший мальчик».

ДОРОЖНЫЙ ТОВАРИЩ
(REISEKAMMERATEN)

(с. 39)

Сказка напечатана в 1835 г. Этот фольклорный сюжет был известен Андерсену с детства; впервые он обработал его в 1829 г. в литературной сказке «Мертвец» (см. с. 255). Новая ее редакция называлась «Дорожный товарищ». Стилистическая эволюция, заметная в этом произведении — большая лаконичность, емкость, близкий к разговорному язык, — была отмечена еще выдающимся датским критиком Георгом Брандесом (1842—1927) в статье «Х. К. Андерсен как сказочник» (1870).

¹ *Он видел, что солнце и месяц преклонились перед ним...*— Слова эти переключаются со словами из Библии, где рассказывается, что высокомерный в юности Иосиф видит во сне, как солнце, месяц и одиннадцать звезд кланяются ему. «И видел он еще другой сон и рассказал его [отцу своему и] братьям своим, говоря: вот я видел еще сон: вот, солнце и луна и одиннадцать звезд поклоняются мне» (Бытие 37, 9).

² *...пятдесят риксдалеров...*— Риксдалер — крупная серебряная монета, была в обращении в Дании в 30—70-е годы XIX в.

³ *...три больших пучка папоротника...*— Папоротник, по народным поверьям, обладает волшебной чудодейственной силой.

⁴ *Там давали кукольное представление...*— В первой редакции, в сказке «Мертвец», куклы разыгрывают библейскую историю о царице Эсфири. В новом варианте дана сказочная история, которую можно отнести и к Библии, и к народному творчеству.

⁵ *...колокольни внизу... казались... красненькими ягодками...*— В Дании, особенно в пригородах, и поныне чрезвычайно распространены красные черепичные крыши.

⁶ *...прекрасный белый лебедь... пел...*— Одна из наиболее разработанных и освоенных литературой мифологем — умирающий лебедь, который в минуту смерти взывает ввысь, издает последний крик («лебединая песня») и падает мертвым.

⁷ *Потом они прошли еще много-много миль...*— Датская миля равна 7532 м.

⁸ *На троне сидел старый тролль...*— Тролль — сверхъестественное существо скандинавских народных сказок, обычно он уродлив и враждебен к людям. Знаменитый норвежский писатель Бьёрнстjerne Мартинус Бьёрнсон (1832—1910) говорит о норвежских троллях, что они — подлинное порождение норвежских гор и лесов; чаще всего тролли неслыханно глухи и легковеры. Иногда сеют несчастья и смерть. В Дании же, как считает Бьёрнсон, тролли не уживаются. «Случается, конечно, — пишет он, — какому-нибудь троллю перейти вброд море и окинуть взглядом безлесные, озаренные солнцем датские земли. Но покачет он своими головами — и снова переходит вброд море, вскипающее пеной под его тяжелыми шагами. Он возвращается в Норвегию, потому что там — его родина». (Цит. по кн.: *Trommer H. Nachbemerkung.*— In: *Das Geschehen des Trolls.* Rostock, 1961, S. 275). Однако в датских народных сказках и преданиях тролли встречаются довольно часто.

⁹ *...домовые с блуждающими огоньками на колпачках...*— Блуждающий огонек — сверхъестественное существо, персонаж датского фольклора. Упоминается в книгах Тиле (см. примеч. к сказке «Цветы маленькой Иды», примеч. 1 к сказке «Холм лесных духов»), которые хорошо знал Андерсен. Посылая в подарок одному из друзей сборник Тиле, писатель сопроводил его надписью: «Прими с нашей народной предания два четверника золотого зерна. Каждое, взятое в руки, превратится в рог изобилия». (*Andersen H. C. Samlede Skrifter.* København, 1879, Bd. XII, s. 204).

К ВЗРОСЛЫМ ЧИТАТЕЛЯМ
(TIL DE ÆLDRE LÆSERE)

Предисловие к третьему выпуску первого тома
сборника «Сказки, рассказанные детям» (1837)

(с. 53)

¹ Ни одно из моих сочинений не получало столь разноречивых откликов как «Сказки, рассказанные детям». — Эти сказки понравились очень немногим друзьям Андерсена, среди которых были выдающийся датский физик Ханс Кристиан Эрстед (1777—1851) и автор бытовых повестей Хенриетта Ханк (1807—1846).

² ...во время работы над одной... большой вещью у меня возник замысел новой сказки «Русалочка»... — Имеется в виду роман Андерсена «Только скрипач» (1837), где писатель высказывает пессимистические мысли о судьбе незаурядной личности в современном ему обществе.

³ Дон Хуан Мануэль (1282—1348) — крупный государственный деятель, автор сборника новелл «Граф Луканор» (1328—1335), откуда и заимствован сюжет сказки «Новый наряд короля» (см. с. 68), ставший известным Андерсену в немецком переводе 1837 г. Писатель ошибочно указывает даты жизни Хуана Мануэля — 1277—1347.

РУСАЛОЧКА
(DEN LILLE HAVFRUE)

(с. 54)

Сказка написана в 1836—1837 гг. (первое упоминание — 13 мая 1836 г.; тогда сказка называлась «Дочери моря») и включена в третий выпуск сборника «Сказки, рассказанные детям». Много лет Андерсена волновала фольклорная тема любви русалки к человеку и водяного к земной девушке — тема, затронутая им в стихотворных сказках 20-х годов — «Невеста морского короля» и «Русалка с озера Самсё», а также в поэме 1833 г. «Агнета и водяной». Сам Андерсен очень любил сказку «Русалочка» и считал ее самой трогательной из всех своих произведений. Образ Русалочки стал как бы символом творчества Андерсена, символом Дании. Не случайно ее изящная фигурка (моделью послужила известная балерина Элла Присе, род. в 1895 г., с 1903 г. солистка Королевского театра, в 1913 г. оставила балет), созданная в 1913 г. скульптором Эдвардом Эриксеном (1876—1959), установлена в копенгагенском порту. Сказка неоднократно экранизировалась.

¹ Ради красоты надо потерпеть! — Ироническая перефразировка распространенного французского выражения «Pour être belle, il faut souffrir» — «Чтобы быть красивой, надо страдать».

² ...Она принадлежит святому храму... — т. е. эта девушка — воспитанница монастыря.

НОВЫЙ НАРЯД КОРОЛЯ
(KEISERENS NYE KLÆDER)

(с. 68)

Сказка написана в начале 1837 г. Современники видели в ней сатиру на крупного датского поэта Фредрика Палудана-Мюллера (1809—1876), претендовавшего на главенствующее положение в современной ему датской поэзии, но подвергнутого в 1837 г. критике за некоторые произведения («Сказка в лесу», «Эльф и роза»). Писатель Карстен Хаук сказал Андерсену по этому поводу 8 января 1838 г., что он считает его самым гениальным среди молодых поэтов, «...а Палудан-Мюллер обладает лишь красивым поэтическим нарядом, в который он облачается, выступая перед публикой. Вы же, напротив, обладаете воистину поэтическим сердцем. Но на этот раз Палудан-Мюллер сбросил свой поэтический наряд...» (Цит. по кн.: *Andersen H. C. Eventyr og Historier. København, 1943. Bd. I, s. 398*). Сам Андерсен указывал на источник сказки — испанскую новеллу XIV в., где повествуется о том, что приключилось с одним королем и тремя обманщиками (см. примеч. 3 к «К взрослым читателям»).

Примечания

Посвящение ко второму (новому) тому
сборника «Сказки, рассказанные детям» (1858)

(с 72)

¹ Хейберг Йоханне Луисе (1812—1890) — знаменитая датская драматическая актриса, жена талантливого писателя и драматурга Йоханна Людвига Хейберга (1791—1860), испытавшего сильное влияние Гегеля. Хейберг, придавая большое значение вопросам художественной формы литературных произведений, был в оппозиции к Э. Лешслегеру и его школе. (См. примеч. к сказке «Огниво», примеч. 9 к сказке «Маленький Тук»). Андерсен, как он писал, посвятил актрисе Хейберг сказки не только потому, что она великая, почитаемая всеми артистка, но и потому, что она — одна из немногих, кто довольно рано с благодарностью высказался об этих его произведениях, которые тогда еще не очень обращали на себя внимание. Ее доброжелательные слова, наряду с похвалами Эрстеда (см. примечания к «К взрослым читателям» и к сказке «Капля воды») были первыми для него стимулами к творчеству. Впоследствии отношение сказочника к актрисе и, главным образом, к ее мужу — изменилось. Андерсену был чужд дух эстетства и снобизма, присущий литературному салону, во главе которого стояли муж и жена Хейберги (см. примеч. к сказкам «Сундук-самолет», «Гречиха», примеч. 3 к сказке «Оле-Лукойе»).

РОМАШКА (GAASEURTEN)

(с. 72)

Сказка написана в 1837—1838 гг. Сюжет этой самостоятельно придуманной сказки связан частично со стихотворением «Жаворонок, погибающий в клетке», написанном датским крестьянином и поэтом реалистического направления Стеном Стенсеном Бликкером (1782—1848). Его творчество чрезвычайно привлекало Андерсена в начале 30-х годов. Среди всех сказок Андерсена «Ромашка» была самой любимой для писательницы Хенриетты Ханк (см. примеч. 1 к «К взрослым читателям»).

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК (DEN STANDHAFTIGE TINSOLDAT)

(с. 76)

Сказка написана в 1838 г. (первое упоминание — 23 июня 1837 г.). Также принадлежит к числу самостоятельно придуманных сказок Андерсена. Ханс Брикс (1870—1961), известный датский андерсеновед, написавший одну из первых серьезных книг о своем великом соотечественнике — «Ханс Кристиан Андерсен» (1907), полагал, что в этой сказке отразились некоторые театральные впечатления писателя. В танцовщице Брикс угадал звезду датского балета Августу Нильсен (1824—1902), прекрасно дебютировавшую в 1839 г., а в маленьком черном тролле — ее учителя, танцовщика и прославленного датского хореографа Августа Бурнонвилля (1805—1879), с которым Андерсена связывала многолетняя дружба. Ханк также чрезвычайно ценила сказку «Стойкий оловянный солдатик» за ее остроумие (см. примеч. 1 к «К взрослым читателям»). Любила эту сказку и Генрих Гейне, неоднократно читавший ее вслух жене. Образ Стойкого оловянного солдатика стал символом негибаемого мужества и упорства.

¹ *Вперед стремись, о воин...* — традиционная датская песня.

² *...и она, как сильфида, порхнула...* — Возможно, намек на балерину Люсиль Гран (1819—1907), танцевавшую главную роль в балете Бурнонвилля «Сильфида» (1836), музыку к которому написал композитор Хэрман Северин Лёвенскёльд (1815—1870).

ДИКИЕ ЛЕБЕДИ
(DE VILDE SVANER)

(с 79)

Сказка написана летом 1838 г. (первое упоминание — 10 августа 1838 г.) на основе сюжета народной сказки из сборника «Датские народные сказки» (1823) писателя и одного из первых фольклористов Дании Маттиаса Винтера — «Одиннадцать лебедей» (См.: *Andersen H. C. Eventyr og Historier*, Bd. I, s. 403). Отдельные мотивы этого произведения встречаются и в других датских народных сказках, записанных впоследствии фольклористом Свеном Херслебом Грундтвигом (1824—1883): «Принцы-вороны», «Немая королева», «Золотая птица», «Зеленый рыцарь» и т. д.

¹ *На широких могильных плитах сидели отвратительные ведьмы-ламии...*— Ламия (миф.) — привидение, высасывающее кровь из юношей. В мифологии народов Европы — злой дух, змея с головой и грудью красивой женщины, живет в лесах, оврагах, заброшенных замках.

РАЙСКИЙ САД
(PARADISETS HAVE)

(с 91)

Сказка написана в 1839 г. (первое упоминание — 5 февраля 1839 г.) и является литературной обработкой датских народных сказок «Миг в царстве небесном», «Путь в царство небесное», «Принц и водяной», которые Андерсен слышал еще в детстве или читал у Винтера. (Впоследствии же, когда ему показалось, что четыре ветра, летающих по белу свету, могут порассказать еще больше (см.: *Andersen H. C. Eventyr og Historier*, Bd. I, s. 404) писатель попытался обработать эти известные ему народные сказки.) Датская критика считала сказку «Райский сад» чрезвычайно эклектичной, написанной и под влиянием сказок сборника «1001 ночи», и романтической драмы «Остров Блаженства» (1824—1827) шведского поэта и историка литературы Пера Даниеля Амадеуса Аттербума (1790—1855) (см. ниже, примеч. 7).

¹ *Райский сад.*— Согласно Библии, бог сотворил в плодородной долине, лежавшей на востоке, сад, известный как Райский сад, и поселил там Адама — первочеловека и отца рода человеческого, дабы он возделывал этот сад.

² *Ах, зачем Ева послушалась змия! Зачем Адам вкусил запретного плода!* — В Библии рассказывается, что бог дозволил Адаму вкушать плоды со всех деревьев, за исключением древа познания добра и зла, к плодам которого запретил прикасаться под страхом смерти. Коварный змий, обитавший в Райском саду, соблазнил Еву съесть запретный плод, и она уговорила Адама сделать то же самое. Тогда бог изгнал Адама и Еву из рая.

³ *Медвежий остров* — остров в проливе Малый Бельт.

⁴ *Нордкап* — мыс на острове Магерё в Норвегии.

⁵ *...а это все были мандарины от первой до девятой степени!* — Имеются в виду определенные ступени иерархической лестницы в Китае, обычно разные при разных династиях.

⁶ *...от старой птицы Феникс...*— Феникс — фантастическая птица, которая, по преданию, один раз в пятьсот лет прилетала из Аравии в Египет. Достигнув глубокой старости, птица Феникс сжигала себя и спова возрождалась из пепла, молодая и обновленная. Ее обычно изображали в виде орла великолепной красно-золотой окраски, с человеческим лицом. Птица Феникс стала символом вечной молодости и постепенно превратилась в фигуру театральную и декоративного характера.

⁷ *...остров Блаженства.*— Понятие острова Блаженства, куда никогда не заглядывает Смерть, навеяно одноименной романтической драмой Аттербума (см. выше).

⁸ *...ла каждом стекле время начертало неизгладимую картину...*— Возможно, эти слова написаны под влиянием первого технически разработанного и получившего распространение в Европе способа фотографирования, названного дагерротипией в честь его изобретателя Луи Жака Манде Дагера (1787—1851). В письмах и путевых очерках Андерсена неоднократно встречаются строки, свидетельствующие о его восхищении дагерротипией.

Примечания

⁹ ...и увидел на стекле сон Иакова...— Согласно Библии, одному из иудейских патриархов — Иакову приснился чудесный сон: лестница, протянувшаяся до самого неба; по лестнице сходили и восходили ангелы, а на самой верхней ступени стоял иудейский бог Яхве, обещавший Иакову и его потомству землю, на которой тот лежал (Книга Моисея, 28, 10—15).

¹⁰ ...это была Новая Голландия...— Новая Голландия — первое обозначение Австралии.

¹¹ Это сияла на небе утренняя звезда.— Утренняя звезда — старинное название планеты Венера.

СУНДУК-САМОЛЕТ (DEN FLYVENDE KUFFERT)

(с 101)

Сказка сочинена в январе — феврале 1839 г. и навеяна одним из мотивов сказок сборника «1001 ночи». Центральная здесь сказка о спичках была первоначально написана как самостоятельное произведение для чтения актрисой Хейберг (см. примеч. 1 к «Посвящению ко второму (новому) тому» сборника «Сказки, рассказанные детям») и лишь впоследствии вставлена в другую сказку. 1 февраля 1839 г. Андерсен сообщил, что написал новую сказку «Спички», которая будет необыкновенно сатирична. Это — сатира на так называемый «хейбергский кружок», литературный салон Копенгагена 30-х годов, члены которого были связаны между собой родственными и профессиональными узлами. Предполагается, что под видом «огнива» изображена актриса Хейберг; «железного котелка» — ее муж, писатель Хейберг; «глиняной миски» — его мать, писательница Томасине Кристине Гюллембург (1773—1856), автор множества нравоучительных произведений о женской судьбе (см. «Посвящение к первому выпуску второго тома сборника «Новые сказки»); «серных спичек» — ее племянник Андреас Николай Сент-Обен (1798—1865), автор стилизованных под старину исторических романов; «старого гусиного пера» — писатель, историк литературы и критик, враждебный Андерсену, Кристиан Мольбек (1783—1853).— См. также примеч. 3 к сказке «Оле-Лукойе» и «Гречиха». Соловей же в клетке, который ничему по-настоящему не учился — очевидно сам Андерсен.

¹ ...и уж если тратил скиллинг, то наживал целый далер...— Скиллинг,— см. примеч. 2 к сказке «Дюймовочка»; далер — старинная серебряная монета, вошедшая в употребление в Дании с 1523 г.

АИСТЫ (STORKENE)

(с 106)

Сказка написана в конце 1838 г. Основана на фольклорном поверье и детских стихах, связанных с аистами. Песенка, которую распевают мальчишки,— подлинная, известная Андерсену с детства.

¹ ...будем же и мы... зватья Петерами! — Петер — возможно, прозвище аиста в Дании во времена Андерсена. Скорее всего — это вымысел писателя.

ОЛЕ-ЛУКОЙЕ (OLE LUKØIE)

(с. 110)

Сказка создана в январе — июне 1840 г. (первое упоминание — 11 января 1840 г.). Построена на народном датском предании о фантастическом существе, усыпляющем малышей, старом боге снов по имени Оле-Лукойе, что означает «Оле Закрой Глазки».

¹ Яльмар — так звали одного из внуков (Яльмар Коллип, 1834—1897) Йонаса Коллина (см. примеч. 6 к сказке «Цветы маленькой Иды»).

² Мой Яльмар, тебя вспоминаю...— начальные строки стихотворения, сочиненного Андерсеном.

³ ...посадил в птичник к курам, уткам и индейкам...— Андерсен, возможно, противопоставляет здесь себя в образе вольного аиста «хейбергскому кружку» (см. примеч. к сказке «Сундук-самолет» и «Гречиха»).

⁴ Две мышки собираются... вступить в брак...— Свадьбы в четверг и пятницу, по-видимому,— отголосок свадьбы дочери Йоанаса Коллина — Луисе Коллин, не пожелавшей, как известно, выйти замуж за Андерсена (см. примеч. 6 к сказке «Цветы маленькой Иды», примеч. 1 к сказке «Гадкий утенок»).

⁵ ...арекы и римляне звали меня богом сновидений! — Имеется в виду Морфей, бог сна у древних.

⁶ А теперь ты Расскажи мне сказки про пять зеленых горошин... и про штопальную иглу...— Здесь впервые упоминаются сказки, написанные Андерсеном позднее: «Пятеро в одном стручке» (1852), «Штопальная игла» (1845).

ЭЛЬФ РОЗОВОГО КУСТА (ROSEN-ALFEN)

(с. 121)

Сказка написана в 1842 г. Идея ее, как указывал Андерсен, взята из итальянской народной песни. Брикс же (см. примеч. к сказке «Стойкий оловянный солдатик») уточняет, что сюжет сказки «Эльф розового куста» навеян стихом из итальянской народной песни, который цитируется в одной из новелл Боккаччо — четвертый вечер, новелла пятая. Тем более, что в настоящем календаре Андерсена 11 июня 1842 г. есть запись о чтении «Декамерона» Боккаччо. (См.: *Andersen H. C. Eventyr og Historier. København, 1943, Bd. II, s. 377*).

СВИНОПАС (SVINEDRENGEN)

(с. 125)

Сказка написана в конце 1838 г.; часть ее была готова уже в июле и предполагалась для чтения со сцены 10 декабря 1838 г. известным датским актером Людвигом Фистером (1807—1896). В декабре 1838 г. Андерсен говорил о желании придать своему творчеству сатирический характер и даже шутливо сообщил, что собирается стать «государственным сатириком». «Свинопас» — одна из наиболее сатирических его сказок; в этом произведении, по словам писателя, «было заключено несколько зерен старой датской народной сказки», которая в таком виде, в каком ее поведали ему в детстве, не могла быть пересказана подобающим образом» (*Andersen H. C. Eventyr og Historier, Bd. II, s. 377*). Почти целиком воспользовавшись первой частью народной сказки «Нищий» и ее вариантами «Гордая девушка», «Эсбен-трубочист», писатель смягчил элементы грубости, натурализма и создал своеобразную оригинальную сказку, в которой принц с презрением отвергает гордую принцессу.

¹ *Ach, mein lieber Augustin...*— традиционная немецкая детская песенка.

ГРЕЧИХА (BOGHVEDEN)

(с. 129)

Сказка сочинена 22 ноября 1841 г. и основана на народном поверье, в котором говорится, что молния сжигает гречиху догла. По мнению отдельных критиков, «Гречиха» — аллегория на мужа и жену Хейберг, с которыми у Андерсена в то время были натянутые отношения (см. примеч. к сказкам «Сундук-самолет» и «Оле-Лукойе»).

НОВЫЕ СКАЗКИ

1844—1848

(NYE EVENTYR)

(с. 131)

Первый выпуск сборника, названного Андерсеном «Новые сказки», вышел в свет в ноябре 1844 г. Вместе со вторым (декабрь 1844 г.) и третьим выпусками (апрель 1845 г.) он составил первый том сборника. Второй том состоял из двух выпусков, опубликованных в апреле 1847 г. и в марте 1848 г.

*Посвящение к первому выпуску первого тома
сборника «Новые сказки» (1844)*

(с. 133)

¹ *Баггер Карл Кристиан* (1807—1846) — датский поэт и писатель либерального направления. Основное его произведение — автобиографический роман «Жизнь моего брата» (1835). Баггер опубликовал его в Германии, под псевдонимом Иоганн Харринг, приписав, что роман напечатан с оригинала Андерсена, уже известного тогда в этой стране. Среди стихотворений Баггера наибольшей популярностью пользуется «Английский капитан» (1834), некоторые строфы которого Андерсен приводит в истории «Альбом крестного» (1868).

АНГЕЛ

(ENGELEN)

(с. 133)

Сказка написана в 1843 г. (первое упоминание — 10 октября 1843 г.) и, по мнению многих критиков, навеяна знакомством со знаменитой шведской певицей Йенни Линд (1820—1887). Сказка эта, лишенная юмора и сатиры, написана серьезно, в несколько сентиментально-религиозном духе, очевидно, присущем и Линд (см. примеч. к сказке «Соловей»). Немецкий художник Вильгельм фон Каульбах (1820—1887) сделал великолепный, как признавал и сам Андерсен, рисунок к этой сказке (1855). В виде гравюры он обошел весь мир; украшал он и кабинет Андерсена.

^{1*} *...накануне как раз был день переезда.*— В Копенгагене квартиры занимались обыкновенно на полугодовой срок, с 1 марта по 1 сентября и с 1 сентября по 1 марта. Эти два дня были днями всеобщего переезда с квартиры на квартиру и назывались — «день переезда». Позднее Андерсен написал сказку «День переезда» (1866).

СОЛОВЕЙ

(NATTERGALEN)

(с. 136)

Сказка написана 11—12 октября 1843 г., но замысел ее возник раньше. В 1839 г. писатель задумал включить в свою книгу «Картинки-невидимки» историю монарха-тирана. Пред ним в предсмертный час, как и в стихотворении известного немецкого поэта Христиана Фридриха Шубарта (1739—1791) «Усыпальница князей» (1781) предстало содеянное им в жизни зло. Смерть, сидя у короля на груди, рассказывала ему сказки, ужасные сказки из собственной жизни короля...!! На лбу короля выступили кровь и капли пота. Однако эта история (и еще одна о гробницах королей) не вошла в книгу 1839 г. «Две истории из числа лучших пришлось снять», — писал Андерсен 12 декабря 1839 г.— Я боялся, что люди сочтут их в той или иной степени намеком на смерть короля [10 декабря 1839 г. умер датский король Фредрик VI — см. примеч. 13 к сказке «Хольгер Датчанин»]. ...Поберегу-ка я эти истории для нового тома. (*Andersen H. C. Brevveksling med Henriette Hanck.*— In: *Anderseniana. København, 1946, vol. XIII, s. 405—406*). Рассказ о гробницах королей Андерсен поместил в следующее издание книги «Картинки-невидимки», а повесть о короле и смерти уже позднее с некоторыми изменениями увидела свет в сказке «Соловей». Созданию сказки в 1843 г.

предшествовали размышления Андерсена об искусстве, вызванные пением гастролировавшей в Копенгагене в сентябре 1843 г. певицы Линд, которую, как известно, называли «шведский соловей» (см. примеч. к сказке «Ангел»).

ПАРОЧКА
(KJÆRESTEFOLKENE)

(с. 144)

Сказка создана в июле — августе 1843 г. Биографы Андерсена считали ее отзвуком встречи с Риборг Войт, с которой писатель познакомился в 1830 г., когда она уже была помолвлена. Риборг отвергла любовь бедняка Андерсена и вышла замуж за аптекаря. В дневнике Андерсена от 9 июля 1843 г. есть запись о том, что народный праздник в Холспленсхюсе он встречал вместе с Риборг, ее мужем и детьми и что прошло 13 лет со дня их первой встречи. (См.: *Andersen H. C. Eventyr og Historier*, Bd. II, s. 380). Сказку «Парочка» очень любил Торвальдсен (см. примеч. к сказке «Нехороший мальчик»).

ГАДКИЙ УТЕНОК
(DEN GRIMME ÆLLING)

(с. 146)

Сказка написана летом — осенью 1843 г. (Первое упоминание — 5 июля 1842 г.) и носит во многом автобиографический характер. Андерсен в сказочной форме обрисовал здесь свой жизненный путь, путь гонимого, презираемого человека к славе и почестям. И дал яркий образец своей жизненной философии, заключавшейся в том, что гений всегда пробьется: сначала надо много-много претерпеть, а после — прославившись. В сказке ошутимы настроения писателя, навеянные прекрасными картинами датской природы. Произведение это — также одно из любимых скульптора Торвальдсена (см. примеч. к сказкам «Нехороший мальчик», прим. 2—5 к сказке «Соседи», «Штопальная игла»).

¹ *Господином в доме был кот, а госпожею курица, и оба всегда говорили: «Мы и весь свет!»* — В описании духа, царившего в домике старушки, современники Андерсена и критики также улавливали некоторую сатиру на семейство Коллин и даже считали, что старушка — старшая дочь Йонаса Коллина — Ингеборг Дреусен (1804—1877). (См. примеч. 1 и 4 к сказке «Оле-Лукойе»). О том, что семейный кружок Коллинов доставлял сказочнику немало материалов, писал в своей книге «Х. К. Андерсен и семья Коллин» (1882) друг Андерсена, финансист и коллекционер, сын Йонаса Коллина (см. примеч. 6 к сказке «Цветы маленькой Иды») Эдвард Коллин (1808—1886). Не исключено, что Андерсен бросает здесь камешек сатиры и в «хейбергский кружок» (см. примеч. к сказкам «Сундук-самолет», «Гречиха», «Оле-Лукойе»).

² *Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца.* — Пословица, придуманная самим Андерсеном.

Посвящение ко второму выпуску первого тома
сборника «Новые сказки» (1845)

(с. 154)

¹ *Хёг-Гульдберг Фредрик* (1771—1852) — датский писатель и лирический поэт, друг и покровитель юного Андерсена.

² *...в сказку моей жизни* — см. примеч. 21 к сказке «Мертвец».

ЕЛЬ
(GRANTRÆET)

(с. 154)

Сказка написана 4 декабря 1844 г. Как рассказывал Андерсен 20 января 1845 г., сюжет ее пришел ему в голову однажды вечером в Королевском театре во время представления оперы «Дон Жуан». Однако это свидетельство писателя является, по мнению датских критиков, ошибочным, так как оперу «Дон Жуан» в тот сезон не давали.

¹ *Иведе-Аведе*.— Прибаутка из датских стихов, популярных в Дании; «Иведе-аведе киведе-каведе, написал наш старичок, а за ним и дурачок». Андерсен начал работать над сказкой «Иведе-Аведе», рукопись которой в отрывках сохранилась в Королевской библиотеке в Копенгагене.

² *...про Клумпе-Думпе*.— Сказка о Клумпе-Думпе — первоначальный вариант сказки «Ханс-Чурбан» (1844).

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

(SNEEDRONNINGEN)

(с. 161)

Сказка частично сочинена в Максене под Дрезденом весной 1843 г., частично — в Дании и завершена 8 декабря 1844 г. Связана с воспоминаниями детства Андерсена, со сказочным образом Ледяной девы, лик которой виделся мальчику в обледенелом окне, когда умирал его отец. В 1830-х годах в стихотворной сказке «Снежная королева» писатель рассказывал о грозной повелительнице снегов и метелей, которая увлекла в свое королевство возлюбленного молодой девушки. Андерсен писал 20 февраля 1843 г. своему другу Бернару Северину Ингеману (1789—1862), что одна из его новых сказок «Зеркало тролля» — удачна. В 1844 г. произведение это подверглось некоторой переработке и разрослось в сказку «Снежная королева». Картины северной вьюжной зимы навеяли окончательный вариант этого произведения. Вслед за записью в дневнике от 6 декабря 1844 г. о замерзших окнах в комнате сказочника появляются упоминания о сказке «Снежная королева» (См.: *Andersen H. C. Eventyr og Historier*, Bd. II, s. 383).

¹ *...он мастерил такое зеркало*.— Зеркало тролля в изображении Андерсена напоминает вогнутое стекло, искажавшее прекрасные произведения искусства, из стихотворения Ингемана «Видения художника» (1819—1825).

² *...у родителей было по большому деревянному ящику*.— Ящик с корнями и розами связан с воспоминаниями о жизни Андерсена в родительском доме в Оденсе.

³ *Розы цветут... красота, красота!* — Из псалмов датского поэта, епископа из Риббе — Хапса Адольфа Брорсона (1694—1764).

⁴ *А его сапоги так и скрипели*.— Возможно, что это намек на первые сапоги, надетые Андерсеном по случаю конфирмации (см. примеч. к сказке «Красные башмаки»).

⁵ *Финмарк* — область на севере Норвегии, граничащая с Россией и Финляндией.

⁶ *...не войдете в царствие небесное!* — Неточная цитата из Библии: «Истинно говорю вам: кто не примет царствия божия, как дитя, тот не войдет в него» (Евангелие от Марка, 10, 15).

Посвящение к третьему выпуску первого тома сборника «Новые сказки» (1845)

(с. 185)

¹ *Херц Хейрик* (1797—1870) — датский писатель и драматург, разделявший эстетические взгляды Йоханна Людвиг Хейберга (см. примеч. 1 к «Посвящению ко второму (новому) тому сборника «Сказки, рассказанные детям») Херц противопоставлял непосредственному вдохновению «гения» хороший вкус и технику стихосложения. Эстетические взгляды Херца изложены в книге «Письма призрака» (1830). Из его бытовых комедий наиболее известна — «Господин Бурхардт и его семья» (1827). Прославился романтической драмой «Дочь короля Рене» (1845), на сюжет которой П. И. Чайковский написал оперу «Иоланта» (1891).

ХОЛМ ЛЕСНЫХ ДУХОВ

(ELVERHØI)

(с. 185)

Сказка создана в 1845 г. в канун Нового года. В ее основе — реальное описание холма-кургана, который Андерсен видел на полуострове Стивис в Дании 20 июля 1842 г.

¹ ...выскочила старая лесная дева...— Лесные девы, церковные домовые и другие — фантастические существа из датского фольклора (см. ниже, примеч. 2, 3, 4, 5), которые упоминаются и в сборниках датских народных преданий, изданных Тиле (см. примеч. к сказке «Цветы маленькой Иды» и примеч. 9 к сказке «Дорожный товарищ»).

² ...у ночного ворона.— Согласно датскому народному поверью, изгоняя привидение или злого духа, священник вгонял его заклинаниями в землю, а затем втыкал из этом месте осиновый кол. В полночь кол вытаскивали, и привидение или злой дух в обличье черного ворона с перебитым левым крылом улетало навсегда (см. примеч. 7 к сказке «Мертвец»).

³ ...нельзя обойти приглашением могильную свинью...— привидение в образе свиньи, которая бродит ночью по кладбищу, предвещая беду.

⁴ ...мертвую лошадь...— привидение в обличье трехногой, а иногда безголовой лошади, предвещающей смерть.

⁵ Пиво привезли от самой болотницы, из ее пивоварни...— Когда по вечерам над болотами или лугами стоит беловатый туман, датчане говорят: «Бабка-болотница пиво варит». Но определенного представления о болотнице в датском фольклоре нет.

⁶ ...в скале Довре...— Доврские горы — старинное название горной цепи, где в давние времена проходил путь между южной и северной Норвегией. В норвежском фольклоре — одно из главных обиталищ троллей. См. «Пер. Гюнт» (1867) Хенрика Ибсена (1828—1906).

⁷ Старый тролль, — истый норвежец, ... приезжал сюда жениться.— Намек на норвежца Маттиса А. Бойе, женившегося на падчерице Иоанаса Коллина — Йоханне Биркнер. Их сыновья — прообразы молодых троллей (см. примеч. 6 и 7 к сказке «Цветы маленькой Иды», примеч. 1 к сказке «Гадкий утенок»).

⁸ Мён — датский остров в Балтийском море, расположенный у юго-восточной оконечности самого крупного в Датском архипелаге острова Зеландия (см. примеч. 2, 3 к сказке «Хольгер Датчанин»). Утес на острове Мён славится красотой и живописностью. В 20-х годах Андерсен написал стихотворение «Каменный крест на острове Мён».

⁹ Я было советовал им ехать через Швецию, но старик до сих пор еще косится в ту сторону...— Намек на былые распри между скандинавскими странами и установившиеся там дружеские отношения, которых не желает придерживаться старый тролль.

¹⁰ ...они так скоро выучились понимать здешний язык.— Норвежским троллям легко было «выучиться понимать» датский язык, так как норвежский, датский и шведский — языки родственные, принадлежавшие к одной скандинавской ветви германских языков.

¹¹ ...отплясывали халлинг.— Халлинг — норвежский национальный народный танец, прославленный в музыке Эдварда Грига (1843—1907).

¹² Вот тебе мои пять пальцев... Расскажи мне сказку о каждом.— Написанная Андерсеном 7 ноября 1843 г. сказка о пяти пальцах, отдельно не печаталась. Замысел ее частично осуществлен в сказке «Штопальная игла» (см. примеч. 1).

¹³ ...и об елке, и о березке, и о трескучих морозах.— Имеются в виду сказки «Ель» и «Снежная королева» Андерсена, а также произведение Ингемана «Дары хульдры» или «Приключения Оле Безымянного» (1831) (см. примеч. к сказке «Снежная королева», примеч. 13 к сказке «Маленький Тук»).

¹⁴ ...о дарах хульдры...— В норвежской фольклорной традиции хульдра — фантастическое существо женского пола, которое порой является одиноким путникам в горах и лесах. Хульдра красива, нарядна, но у нее коровий хвост, и она ржет, как лошадь. В датском фольклоре хульдра пуста изнутри, пасет скот, заманивает к себе юношей и разговаривает с ними. Она может стать человеком и жить в селении, если священник обвенчает ее с каким-нибудь юношей.

¹⁵ ...лить... из золотых рогов викингов.— Золотые рога служили украшением шлемов викингов, древнескандинавских морских разбойников, сочетавших морской разбой с военными походами и завоеваниями. Здесь, возможно, имеются в виду золотые рога, найденные в Норвегии или в Дании. В Дании, в частности на полуострове Ютландия (см. примеч. 5 к сказке «Мертвец»), в 1639 г. и в 1734 г. были найдены золотые рога (относятся предположительно к V в.). В 1802 г. рога эти исчезли из кунсткамеры в Копенгагене (см. примеч. 1 к сказке «Принцесса на горошине»). Дальнейшая их судьба неизвестна. История золотых рогов послужила поводом для создания

Примечания

знаменитой поэмы главы датского романтизма Эленшлегера «Золотые рога» (1802), (См. примеч. к сказке «Огниво», примеч. к «Посвящению ко второму (новому) тому сборника «Сказки, рассказанные детям», примеч. 9 к сказке «Маленький Тук»).

¹⁶ *Гарбу* — домовый, обитающий в горах; встречается также в датских народных преданиях, опубликованных Тиле.

КРАСНЫЕ БАШМАКИ (DE RØDE SKOE)

(с. 191)

Сказка издана в 1845 г. Навеяна воспоминаниями Андерсена о его конфирмации, когда он впервые в жизни надел новые сапоги и когда в тщеславии своем, как писал впоследствии, думал не меньше о своих сапогах, чем о боге (См. примеч. 4 к сказке «Снежная королева») (*Andersen H. C. Eventyr og Historier*, Bd. II, s. 390). Мотивы сказки встречаются у братьев Grimm в сказке «Безрукая девушка» (Якоб Grimm, 1785—1863, Вильгельм Grimm, 1786—1859) и у немецкого писателя К. Brentano (1778—1842) — «История о храбром Касперле и о прекрасной Аннерль» (1817).

ПРЫГУНЫ (SPRINGFYRENE)

(с. 196)

Сказка опубликована в 1845 г. Сочинена, по словам Андерсена, в один миг для нескольких детишек, которые попросили его рассказать им какую-нибудь историю. Эдвард Коллин писал, что однажды его дети спросили Андерсена, кто может прыгнуть выше: блоха или кузнечик. (См.: *Andersen H. C. Eventyr og Historier*, Bd. II, s. 391).

^{1*} *Гусек-скакунок* — игрушка из грудной кости гуся.

ПАСТУШКА И ТРУБОЧИСТ (HYRDINDEN OG SKORSTEENSFEIEREN)

(с. 198)

Сказка написана 13 марта 1845 г. Некоторые современники Андерсена считали, что сказка эта, как и «Цветы маленькой Иды» (см.), создана под влиянием литературной же сказки Гофмана «Щелкунчик или Мышиный король». Однако, сам Андерсен полагал, что «Пастушка и трубочист» носит национальный характер.

^{1*} *...шмыгнули в ящик предоконного возвышения.* — В датских домах окна обычно располагались довольно высоко от пола. Поэтому перед одним из них ставили иногда деревянный помост, на который поднимали стул для любителей смотреть на улицу.

ХОЛЬГЕР ДАТЧАНИН (HOLGER DANSKE)

(с. 202)

Сказка написана 16 марта 1844 г. В ее основе — фольклорное предание о народном герое Дании Хольгере Датчанине, взятое из сборника Тиле (см. примеч. 9 к сказке «Дорожный товарищ»). О Хольгере Датчанине существует в Дании и народная книга, и цикл романсов Ингемана (см. примеч. к сказке «Снежная королева») — «Хольгер Датчанин» (1837), перекликающиеся со сказкой Андерсена. Датский сказочник впервые обработал народное предание о Хольгере Датчанине, опубликовав в начале 30-х годов стихотворную сказку: в 1845 г. Андерсен написал прозаическую сказку того же названия — «Хольгер Датчанин». По своим патриотическим настроениям сказка эта связана со стихотворением Андерсена «Дания, моя родина» (1850), ставшим народной песней в Дании.

¹ *Хольгер Датчанин* — национальный герой Дании, беспредельно любящий свою родину. По преданию, он сидит в кургане или в подземелье замка Кронборг и ждет...

Когда родине грозит опасность, Хольгер Датчанин встает и поднимает свой меч на врага. Предание о Хольгере Датчанине родственно, по словам Андерсена, немецкому сказанию «о Фридрихе Барбароссе, который сидит в кургане с бородой, крепко приросшей к каменному столу» (*Andersen H. C. Eventyr og Historier*, Bd. II, s. 392). В 1943 г. в Дании существовала организация саботажников «Хольгер Датчанин», борвавшаяся с немецкими оккупантами.

² *Кронборг* — королевский замок на острове Зеландия между северо-восточным и юго-восточным его берегами, где стоит Копенгаген. Кронборг заложен королем Эриком Померанским (1382—1459), чтобы охранять вход в пролив Эресунн (см. примеч. 3). Замок перестроен в 1555—1559 гг. королями Кристианом III (1503—1559) и его сыном Фредриком II (1534—1588).

³ *Эресунн* (Зунд) — пролив между Скандинавским полуостровом и датским островом Зеландия (см. примеч. 8 к сказке «Холм лесных духов»); Эресунн соединяет Балтийское море с проливом Каттегат. На западном берегу расположен Копенгаген, на востоке — крупный шведский порт Мальме.

⁴ ...но уже не пушечными выстрелами, а просто... пожимая друг другу руки... — Имеются в виду мирные отношения, связывавшие в 40-е годы Данию и Швецию.

⁵ ...опираясь на датский герб. — Важнейшая часть датского герба — щит, состоящий из трех щитов. На главном щите, разделенном, в свою очередь, на четыре части — серебряный крест и три голубых льва между девятью сердцами. Существовали различные вариации герба. Герб, описанный Андерсеном, учрежден в Дании в 1190 г.

⁶ *Кнут II Великий* (995—1035) — король Дании (1018—1035), Норвегии (1028—1035). После трехлетних военных походов завоевал в 1016 г. Англию, которой также правил до самой своей смерти.

⁷ *Вальдемар I Великий* (1131—1182). В 1157 г. после длительной борьбы за власть вступил на датский престол. Правил Данией до 1182 г. и совершал военные походы на славянские земли, в районе Балтийского моря.

⁸ ...покорил вендов... — Венды — полабские славяне, государство которых существовало в XI—XIII вв. на южном побережье Балтийского моря. В 1169 г. Вальдемар I Великий завоевал форт Акхона на острове Рюген и покорил вендов.

⁹ ...вспомнилась Маргрете... — Маргрете (1353—1412) — королева Дании (1376—1412), Швеции (1389—1412) и Норвегии (1380—1412), объединившая эти страны с 1387 по 1389 гг. В 1397 г. при ней была заключена Кальмарская уния, по которой во главе этих стран встала Дания.

^{10*} *Элеонора Кристина Ульффельдт* (1621—1698) — дочь короля Кристиана IV (см. примеч. 1 к сказке «Огниво»), жена одного из первых сановников государства — Корфица Ульфельдта (1606—1664). Во время правления ее брата Фредрика III (см. примеч. 1 к сказке «Принцесса на горошине») Корфиц был обвинен в государственной измене и приговорен к смертной казни, но успел бежать за границу. Элеонору Ульфельдт подвергли двадцатидвухлетнему заключению, во время которого она вела дневник «Скорбные воспоминания» (1660—1670-е годы), впервые изданные в Дании в 1869 г.

^{11*} *Витфельд Ивер* (1665—1710) — служил на линейном корабле «Даннеброг» («Даннеброг» — также название государственного датского флага — красного с белым крестом, введенного в эпоху позднего средневековья). Во время сражения со шведским флотом в бухте Кёге 4 октября 1710 г. корабль загорелся. Но Витфельд продолжал битву, пока корабль не взлетел на воздух.

¹² *Эдеде Ханс* (1686—1758) — священник и миссионер, проживший пятнадцать лет в Гренландии.

¹³ *Фредрик VI* (1768—1839) — король Норвегии (1808—1814), Дании (1808—1839). Во время его правления, которое он начал еще кронпринцем, в Дании было отменено крепостное право и введены в 1834 г. в провинциях заседания совещательных сословий (см. примеч. 12 к сказке «Маленький Тук»).

¹⁴ ...когда англичане стояли у нас на рейде, второго апреля тысяча восемьсот первого года... — Как известно, в этот день на рейде Копенгагена произошло кровавое морское сражение между датским и английским флотом, закончившееся разгромом датчан.

¹⁵ *Билле Стейн Андерсен* (1751—1833) — морской офицер, командующий эскадрой, отказался подписать капитуляцию Копенгагена после битвы на рейде. Отказался он и передать остатки датского флота англичанам. В 1831 г. стал морским министром.

Примечания

^{16*} *Хольберг* Людвиг (1684—1754) — великий датский драматург, историк и философ, один из важнейших деятелей скандинавского Просвещения, автор знаменитой сатиры «Подземное странствие Нильса Клина» (1741) и ряда комедий (см. примеч. 14 к сказке «Маленький Тук»). Андерсен вывел его среди персонажей истории «Предки птичницы Греты» (1870).

¹⁷ ...с изображением *Круглой башни*...— Круглая башня — см. примеч. 1 к сказке «Огниво».

¹⁸ *Браге Тихо* (1546—1601) — великий датский астроном, открывший в 1572 г. новую звезду в созвездии Кассиопея. Жил и умер вдали от родины, в Праге. Андерсен часто с чувством большой гордости вспоминал его в своих произведениях.

*Посвящение к первому выпуску второго тома
сборника «Новые сказки» (1847)*
(с. 205)

¹ *Гюллембург Томасине Кристине* — см. примеч. к сказке «Сундук-самолет».

СТАРЫЙ УЛИЧНЫЙ ФОНАРЬ (DEN GAMLE GADELØGTE) (с. 205)

Сказка написана 2 февраля 1847 г. Непосредственный повод к ее созданию — упразднение в 1847 г. так называемого «магистрата лунного света», после чего освещение копенгагенских улиц сразу улучшилось. Судьба старого уличного фонаря — своего рода аналогия с человеческой жизнью, с жизнью самого Андерсена.

¹ ...представиться «тридцати шести отцам города». — Имеются в виду тридцать шесть членов копенгагенского муниципалитета.

² ...висела раскрашенная гравюра, изображавшая Венский конгресс... тут перед старичками красовались все короли и государи зараз. — Венский конгресс (1814—1815) — завершил войны коалиции европейских стран с Наполеоном I. Гравюра, скорее всего, — «Венский конгресс 1815», копия одного из наиболее известных рисунков французского художника Жана Батиста Изабе (1767—1855), прославившегося серией рисунков на эту тему.

СОСЕДИ (NABOFAMILIERNE) (с. 210)

Сказка опубликована в 1847 г. В ней под видом роз и воробьев Андерсен изобразил поэтов и нападающих на них критиков-профанов. Тема эта постоянно занимала датского сказочника. Еще в молодости, в ответ на несправедливые нападки критики Андерсен сочинил такие строки:

В саду улитка черная сидела,
На розу злая: «Как хвалят все ее!
«Как хороша!» А мне какое дело?
Я вот взяла и плюнула в нее!»

(Андерсен Г. Х.

Собр. соч.: В 4-х т., т. IV, с. 476)

Впоследствии писатель не раз касался проблемы «Поэт и критик», посвятив ей и острую социальную сказку «Улитка и розовый куст» (1861).

¹ ...собирает их, и... они получают уже какое-то французское имя... — Вероятно, имеются в виду сухие духи vieux rose.

² Это был музей Торвальдсена. — Торвальдсен Бертель — см. примеч. к сказке «Нехороший мальчик». Андерсен очень любил Торвальдсена, с которым виделся в Риме, где скульптор провел большую часть своих зрелых лет. Сказочник был среди встречавших Торвальдсена в Копенгагене, когда тот в 1841 г. вернулся на родину. Андерсен

много писал о скульпторе (биография Торвальдсена, 1845; сказка «Хольгер Датчанин», история «Реблячя болтовня», 1859), видел в его судьбе сходство со своей. (Существуют споры о годе рождения скульптора — 1768 или 1770 гг. Сам он склонялся к 1770 г., что подтвердили и новейшие научные изыскания). Музей Торвальдсена — своеобразный памятник великому датскому скульптору (члену русской Академии художеств с 1822 г.), один из первых народных музеев Европы, открытый для всеобщего обозрения в 1848 г. Основу экспозиции составляют работы самого Торвальдсена в гипсе или мраморе, его рисунки, а также коллекция живописи и т. д., подаренные скульптором в 1837 г. родному городу Копенгагену для создания музея. Торвальдсен похоронен во дворе музея, который к 1844 г., когда умер скульптор, был уже построен. В храме Святого Петра в Риме существует символическая могила Торвальдсена.

³ ...а посреди двора рос большой цветущий куст.— На могиле Торвальдсена были посажены розы, воспеваемые Андерсеном в небольшой истории «Розы на могиле Торвальдсена», включенной в сборник «Картинки-невидимки» (см. примеч. к сказкам «Соловей», «Оборвыш на троне французских королей»).

⁴ Художник, срисовавший розовый куст...— Подразумевается, возможно, известный датский художник Вильгельм Николай Марстранд (1810—1873), друг Торвальдсена, оставивший много портретов современников. Его картина «Праздник в октябре» (1840) находится в Музее Торвальдсена. Марстранд написал и портрет архитектора Виндесбелля.

⁵ ...подарил его строителю музея.— Имеется, очевидно, в виду архитектор Микаэль Готлиб Виндесбелль (1800—1856). По просьбе Торвальдсена он создал проект музея и построил его.

ШТОПАЛЬНАЯ ИГЛА (STOPPENAALEN)

(с. 218)

По свидетельству Андерсена, сказка была написана 30 августа 1846 г. Вместе с тем в календаре писателя отмечено, что он закончил ее 30 августа 1845 г. Эта дата, как установлено, является более достоверной. В 1846 г. «Штопальная игла» была опубликована в журнале «Гей». Идею сказки подал Андерсену Торвальдсен (см. примеч. к сказке «Нехороший мальчик» и примеч. 2—5 к сказке «Соседи»), который однажды попросил своего друга-сказочника сочинить новую забавную сказку. «Вы ведь можете написать даже о штопальной игле». (*Andersen H. C. Eventyr og Historier, Bd II, s. 386*). И, как вспоминал Андерсен, он создал сказку «Штопальная игла». Этот эпизод, конечно, относится к более раннему периоду, так как о штопальной игле упоминается уже в истории об Оле-Лукойе (1840) (см. примеч. 6 к сказке «Оле-Лукойе»). Торвальдсен же, как известно, умер 24 марта 1844 г.

¹ Их было пять братьев, все — урожденные «пальцы»...— Рассказ штопальной иглы, по-видимому, набросок истории о пальцах, на которую есть намеки и в черновике сказки «Ель» и в сказке «Холм лесных духов» (см. примеч. 12).

^{2*} Не лопни тогда мой глазок...— Игольное ушко датчане называют «глазком».

МАЛЕНЬКИЙ ТУК (LILLE TUK)

(с. 221)

Сказка впервые опубликована в 1847 г. В нее, по словам Андерсена, вошло несколько воспоминаний его детства. (См.: *Andersen H. C. Eventyr of Historier, Bd. II, s. 395*).

¹ Зеландия — см. примеч. 8 к сказке «Холм лесных духов», 2, 3 к сказке «Хольгер Датчанин».

² Вои идет старая прачка...— Подразумевается, по всей вероятности, мать Андерсена прачка Анн Мари Андерсен (умерла в 1833 г.), жизнь которой сказочник с горечью описал в истории «Она никуда не годилась» (1852).— См. также примеч. к сказке «Девочка со спичками».

^{3*} *Køge* — небольшой старинный городок, примерно в 34 км от Копенгагена, у бухты того же названия. Основан в начале XVI в. У датчан существует шутовское выражение «показать курицу из Køge», т. е. приподнять любопытного, пожелавшего увидеть ее, от полу за уши (ср. русское выражение «показать Москву»).

⁴ *Престё* — небольшой датский городок в юго-восточной части острова Зеландия (см. выше, примеч. 1).

^{5*} *...Торвальдсен был одно время ее соседом.* — Близ Престё находилось имение Нюсё, где после возвращения из Рима подолгу гостил у своих друзей и работал Торвальдсен.

⁶ *Вординборг* — один из старейших городов на острове Зеландия, в 16 км от Престё.

⁷ *Вальдемар I Великий* — см. примеч. 7 к сказке «Хольгер Датчанин».

⁸ *Корсёр* — небольшой город на западном берегу острова Зеландия.

^{9*} *Я произвел на свет поэта...* — Имеется в виду выдающийся датский поэт, юморист, сатирик и философ-просветитель Йенс Баггесен (1764—1826), родившийся в Корсёре. (В 1789 г. познакомился с русским писателем Н. М. Карамзиным). Вел непримиримую литературную борьбу с новым романтическим направлением во главе с Эленшлегером (см. примеч. к сказке «Огниво», примеч. к «Посвящению ко второму (новому) тому сборника «Сказки, рассказанные детям» и примеч. 15 к сказке «Холм лесных духов»).

¹⁰ *...король Роар...* — Согласно народным преданиям, — миролюбивый датский король, живший в V в. Более позднее предание возводит Роара в основатели города Роскилле. Одна из первых в Дании литературных сказок — сказка Эленшлегера (см. выше примеч. 9). «Сага о Роаре» (1816) — свободный вымысел.

^{11*} *Роскилле* — древняя столица Дании, расположенная на острове Зеландия, в губине фьорда, в 30 км от Копенгагена. В XII—XIII вв. в Роскилле находилась резиденция королей и епископов. Там же проходили когда-то собрания сословий. В городе есть множество достопримечательностей, в том числе старинный собор, который почти восемь веков служит усыпальницей датских королей.

¹² *Не забудь сословий!* — После Июльской революции сословиям в Дании было предоставлено право совещательного голоса (см. примеч. 13 к сказке «Хольгер Датчанин»). В 1835 г. в Роскилле состоялось первое собрание представителей сословий. Такие собрания называли просто «сословия», что, вероятно, и имеет здесь в виду Андерсен.

¹³ *Сорё* — небольшой городок неподалеку от Копенгагена, выросший вокруг старинного монастыря. В начале XVII в. там была основана Академия — типа духовной семинарии. Ее директором в 1843—1849 гг. был писатель Ингеман (см. примеч. к сказке «Снежная королева»), у которого часто гостил Андерсен, оставивший упомянутый выше незавершенный роман «Аллея в Сорё» (1822).

¹⁴ *...рассказала... о забавных комедиях Хольберга...* — Подразумеваются, вероятно, сатирические комедии Хольберга (см. примеч. 16 к сказке «Хольгер Датчанин»): «Жан де Франс» (1722), «Йенне с горы» (1722), «Комната роженицы» (1723), «Эразмус Монтанус» (1723) и др.

^{15*} *Абсалон* (1128—1201) — государственный деятель, полководец и епископ в Роскилле. Друг и сподвижник короля Вальдемара I Великого (см. выше, примеч. 7 и примеч. 7 к сказке «Хольгер Датчанин»). Считается основателем Копенгагена, так как в 1167 г. начал строить замок в рыбацком селении Хафн, вокруг которого и выросла столица Дании.

¹⁶ *Мой город похож на бутылку...* — Сравнение Сорё (см. выше, примеч. 13) с бутылкой содержится в письме Баггера (см. примеч. 1 к «Посвящению к первому выпуску первого тома сборника «Новые сказки») к Андерсену от 31 октября 1827 г. (См.: *Андерсен Н. С. Eventyr og Historier*, Bd. II, s. 395).

ТЕНЬ (SKYGGEN)

(с. 224)

Сказка сочинена Андерсеном летом 1846 г. в Неаполе, но записана лишь в феврале 1847 г. в Копенгагене. Писатель страдал в Неаполе от жары, превратившей его в «тень». Впоследствии он рассказывал, что единственным результатом его пребывания

в этом знойном городе была сказка, но писатель так устал от жары, что только дома на севере перенес историю о тени на бумагу. Один из источников сказки, возможно,— народная сказка «Человек и его тень» из сборника Винтера (см. примеч. к сказке «Дикие лебеди»). «Тень» связана также с некоторыми традициями немецкой литературы (см. ниже, примеч. 1). Упоминание о человеке, утратившем свою тень, встречается у Андерсена еще в 20-х годах. Он сам говорил о сказке «Тень», что она очень горькая, трагическая... (См. *Andersen H. C. Eventyr og Historier*, Bd. II, s. 396—397).

¹ ...вспоминал известную историю о человеке без тени...— Имеется в виду сказочная повесть немецкого писателя Адальберта Шамиссо (1781—1838) «Необычайная история Петера Шлемиля» (1814).

² ...я очень бы желал, чтобы вы обращались ко мне на «вы».— Датская критика усматривала в этом эпизоде один из побочных мотивов возникновения сказки «Тень». В 1831 г. Эдвард Коллин (см. примеч. 1 к сказке «Гадкий утенок»), с которым, как и с некоторыми другими современниками, Андерсена связывали дружеские и, вместе с тем, весьма сложные отношения, отклонил предложение молодого писателя перейти с ним на «ты», считая, скорее всего, безродного и бедного молодого литератора недостойным этого.

СТАРЫЙ ДОМ (DET GAMLE HUUS)

(с. 233)

Сказка напечатана в 1848 г. Конкретным поводом создания сказки «Старый дом» послужило пребывание Андерсена в Германии, где маленький сын немецкого поэта Юлиуса Мозена (1803—1867) — Эрик подарил писателю игрушечного оловянного солдатика, чтобы Андерсен «не чувствовал себя таким ужасно одиноким» (см. *Andersen H. C. Eventyr og Historier*, Bd. II, s. 398). Сказку «Старый дом» очень любил Диккенс, который писал Андерсену, что «читал ее много раз и всегда с невыразимой радостью». (Цит. по кн.: *Andersen H. C. Samlede Skrifter*, Bd. I, s. 434).

КАПЛЯ ВОДЫ (VANDDRAABEN)

(с. 240)

Сказка опубликована в 1848 г. и возникла,— по словам ее автора,— благодаря Хансу Кристиану Эрстеду (см.: *Andersen H. C. Eventyr og Historier*, Bd. II, s. 398). Андерсен, трактовавший в сказках 40-х годов явления природы с научной точки зрения, постоянно прислушивался к советам своего друга, крупного физика Эрстеда, основателя теории электромагнетизма, призывавшего писателей к изображению современных научных открытий (см. примеч. 1 к предисловию «К взрослым читателям»).

ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ (DEN LILLE PIGE MED SVOVLSTIKKERNE)

(с. 242)

Сказка написана 17—19 ноября 1845 г. и навеяна воспоминаниями Андерсена о его матери (см. примеч. 2 к сказке «Маленький Тук»), которой в детстве приходилось нищенствовать. Непосредственным поводом создания сказки «Девочка со спичками» послужила такая история: издатель альманаха «Данске фолькскалендер» прислал сказочнику несколько гравюр на дереве и просил написать к ним рассказ. «Я выбрал,— говорил Андерсен, картинку с изображением бедной маленькой девочки, сидящей с серыми спичками в переднике и держащей пачку этих же спичек в руках» (*Andersen H. C. Samlede Skrifter*, Første Bind, s. 325).

СЧАСТЛИВОЕ СЕМЕЙСТВО
(DEN LYKKELIGE FAMILIE)

(с. 244)

Сказка написана в 1847 г. Андерсен рассказывал, что в поместье Глоруп на острове Фюн (см. примеч. 3 к сказке «Мертвец»), где он летом часто и подолгу жила, один уголок сада с давних времен зарос огромными листьями лопуха, который выращивали на корм большим белым улиткам, представлявшим собой деликатес. Лопухи и улитки дали материал для сказки «Счастливое семейство», которая позднее во время пребывания в Лондоне, была написана. (См.: *Andersen H. C. Eventyr og Historier, Andet Bind, s. 399*). В Англии, где Андерсен побывал в том же 1847 г., его поразило спонизм и чувство кастовой замкнутости лондонского высшего света, чем-то напоминавшего ему копенгагенское мещанство. На память пришли глорупские улитки, и он сочинил сказку о всегда и всем довольных мещанах, воображающих, будто весь мир существует только ради их блага.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ МАТЕРИ
(HISTORIEN OM EN MODER)

(с. 247)

Сказка опубликована в 1848 г. и возникла, как вспоминал Андерсен, без всякого повода; однажды он шел по улице, и у него возникла мысль, которая получила затем дальнейшее развитие. Трагический конец появился в сказке позднее. В первом варианте, в рукописи, история гибели ребенка изображалась, как сон, который кончался счастливым пробуждением матери. (См.: *Andersen H. C. Eventyr og Historier, Bd. V, s. 315*). Одна из самых популярных сказок Андерсена (особенно в Индии). Есть книга, где эта сказка дана в переводе на 22 языка.

¹ Я... пересаживаю их в великий райский сад... — Райский сад — см. примеч. 1 к одноименной сказке.

ВОРОТНИЧОК
(FLIPPERNE)

(с. 252)

Сказка напечатана в 1848 г. По есть основание предполагать, что Андерсен задумал ее в начале 40-х годов; 2 июля 1842 г. в дневнике Андерсена рассказывается об одном человеке, все имущество которого составляли лишь сапожная подставка да гребенка. Потом этот человек внезапно разбогател. (*Andersen H. C. Eventyr og Historier, Bd. II, s. 400*).

ДОПОЛНЕНИЯ

Сюда вошли прозаические сказки и истории Андерсена, созданные в 20--30-х годах XIX в., но не включенные в сборник «Сказки, рассказанные детям». При жизни писателя они существовали в разных, главным образом газетных и журнальных публикациях. Впервые все эти произведения были напечатаны в Дании вместе в 1943—1945 гг. (за исключением истории «Оборвыш на троне французских королей», увидевшей свет в ежегоднике «Андерсениана» в 1952 г.), в собрании сказок и историй Андерсена, изданных в Оденсе. Впоследствии эти малоизвестные и неизвестные сказки и истории (кроме истории «Оборвыш на троне французских королей») объединили в I и V тт. собрания сказок и историй Андерсена, изданного в Копенгагене в 1963—1967 гг. Эриком Далем и Эрлингом Нильсеном (см. Обоснование текста).

На русском языке сказка «Мертвец» впервые появилась в переводе М. А. Полиевктовой в книге: *Андерсен Г. Х. Сказки. Л.: Academia, 1937*. В 1957 г. и в 1959 г. в журналах «Ленинградский альманах» и «Дон» (№ 12) были впервые напечатаны (в переводе

Л. Ю. Брауде) истории «Оборвыш на троне французских королей» и «Эта басня сложена про тебя!» под названием «Маленький бедняк на троне Франции» и «Эта басня относится к тебе». В 1969 г. эти произведения, а также «Затонувший монастырь» и «Талисман» вошли в первом русском переводе Л. Ю. Брауде в двухтомник Андерсена «Сказки и истории», т. II (Л.: Художественная литература, 1969, 1978).

МЕРТВЕЦ
(DØDNINGEN)
(с. 255)

Сказка впервые опубликована в сборнике Андерсена «Стихотворения» в 1830 г. «К рождеству 1829 г.,— вспоминал писатель,— вышел небольшой сборник «Стихотворения», который заканчивался написанной в прозе сказкой. Я слышал ее ребенком и ныне пересказал в манере, долженствующей напоминать мащера Музеуса».— *Andersen P. C. Eventyr og Historier*, Bd. V, s. 307 (Музеус Иоган Карл Август, 1735—1787, немецкий писатель, прославившийся сборником «Народные сказки немцев», где обработаны фольклорные произведения. Музеус переосмысливал сказочные положения, придавал им новый, зачастую иронический смысл). Сюжет сказки увлек Андерсена и в 1835 г. во второй выпуск сборника «Сказки, рассказанные детям» он включил сказку «Дорожный товарищ» (см. с. 39), представляющую собой новую художественную обработку сказки «Мертвец».

¹ *Каким не казалась бы сказка нам дивом, / Искусство поэта придаст ей правдивость.*— Эпиграф И. В. Гете к балладам (1797). См.: Goethes Werke in 10 Bänden. Weimar: Volksverlag, 1958, Bd. V, S. 319.

² *Забитые стихотворения — новы.*— Слова немецкого писателя Жан Поля (псевд. Иоганна Пауля Фридриха Рихтера, 1763—1825).

³ *Богемсе* — городок в северо-западной части острова Фюн, одного из самых крупных в Датском архипелаге. Расположен в 25 км от Оденсе.

⁴ *Эльведгор* — большое поместье в северо-западной части острова Фюн (см. выше, примеч. 3), где часто бывал в юности Андерсен.

⁵ *...с ютландского берега.*— Ютландия — крупный полуостров Дании, одна часть которого во времена Андерсена принадлежала Германии. Омывается Северным морем, проливами Каттегат, Малый Бельт и Фемарн-Бельт.

⁶ *Фредрик II* — см. примеч. 2 к сказке «Хольгер Датчанин».

⁷ *...обитают ночной дух...*— см. примеч. 2 к сказке «Холм лесных духов».

⁸ *Хогарт* Уильям (1697—1764) — английский живописец, гравер, теоретик искусства, прославившийся сатирическими картинами и карикатурами, в том числе и на духовенство.

⁹ *...чем какой-нибудь персидский шах...*— В детстве и юности Андерсен очень любил сказки из сборника «1001 ночи» и часто использовал их образы в своем творчестве (см. примеч. к сказкам «Огниво», «Маленький Клаус и Большой Клаус», «Сундук-самолет»).

¹⁰ *...в несколько локтей... мосты...*— Датский локоть — старинная мера длины, равная 0,6277 м.

¹¹ *...три больших венка из папоротника...*— См. примеч. 3 к сказке «Дорожный товарищ».

¹² *...собирался представить чудесную историю царицы Эсфири.*— Эсфирь — главный персонаж одноименной библейской книги (см. Библия, книга Эсфирь), жена персидского царя Артаксеркса (486—465 до н. э.), выведенного Андерсеном под именем Агаффера.

¹³ *...известен по пьесе-сказке Карло Гоцци «Три апельсина».*— имеется в виду пьеса-сказка итальянского драматурга и поэта Карло Гоцци (1720—1806) «Любовь к трем апельсинам» (1761).

¹⁴ *...король червей — человек превосходный, воистину человек с золотым сердцем...*— Игра слов, связанная с тем, что по-датски карточная часть «червы» и «сердца» обозначается почти одним словом «hjerter» — «hjerter»; «король червей» — по-датски — буквально — «человек сердца».

Примечания

¹⁵ ...*будто новая принцесса Турандот*...— Принцесса Турандот — героиня одноименной пьесы (1762) Гоцци, переведенной в 1825 г. на датский язык учителем Андерсена Симоном Мейслингом (1787—1856).

¹⁶ ...*там, где постели и без грелки жарки!* — Т. е. в аду, где принцессу — великую грешницу — будут поджаривать на медленном огне.

¹⁷ ...*начитался «Вертера»*...— Имеется в виду роман Гете «Страдания молодого Вертера» (1774).

¹⁸ ...*или «Зигварта»*...— «Зигварт, монастырская история» (1776) — роман немецкого писателя Иоганна Мартина Миллера (1750—1814), трогательная история о несчастной любви. Сентиментальность романа неоднократно пародировалась на родине Миллера.

¹⁹ *Клаурен* Генрих (псевд. Карла Хойна, 1771—1854) — пизкопробный немецкий писатель, редактор газеты «Пройсише Цейтунг». Его пошлые прозаические произведения и народные пьесы были необычайно популярны у современников, в том числе и в Скандинавии. Вильгельм Гауф (1802—1827) зло пародировал романы Клаурена. Андерсен иронически относился к духу сентиментальности, присущему творениям Клаурена.

²⁰ ...*там давали совсем новую пьесу, что пролежала всего-навсего шесть лет*...— Видимо, выпад против Королевского театра в Копенгагене, с дирекцией которого у Андерсена и позднее не всегда складывались добрые отношения.

²¹ *Пока не пришел конец и самой сказке его жизни*.— Одно из первых упоминаний выражения «сказка жизни», которое ляжет в основу философской системы Андерсена, считавшего жизнь каждого человека сказкой. Не случайно свои мемуары писатель назвал «Сказка моей жизни» (1855—1869). О «Сказке моей жизни» Андерсен упоминал и в 1847 г. в посвящении ко второму выпуску первого тома сборника «Новые сказки» (см. с. 154).

ЗАТОНУВШИЙ МОНАСТЫРЬ (DET SJUNKNE KLOSTER)

(с. 270)

Сказка впервые напечатана в газете «Ню реперториум фор морскаблесниг» 19 октября 1831 г. Вышла с подзаголовком «По немецким народным преданиям Готтшалька». Готтшальк Фридрих — (даты жизни и см. не уст.) — немецкий писатель, автор книг «Рыцарские замки» (1805—1818); «Предания и народные сказки немцев» (1814); «Немецкие народные сказки» (1846).

¹ *Нейенкирх* — селение, расположенное в Саксонии. Там имеется рыцарское поместье XV в. и церковь 1723 г.

МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ (SMÅAHISTORIER)

ЭТА БАСНЯ СЛОЖЕНА ПРО ТЕБЯ! (DET ER DIG, FABELN SIGTER TIL!)

(с. 272)

История напечатана в газете «Данск фольксбладет» 28 октября 1836 г.

ТАЛИСМАН (TALISMANEN)

(с. 272)

История издана впервые в газете «Данск фольксбладет» 4 ноября 1836 г.

Дополнения

ЖИВ ЕЩЕ СТАРЫЙ БОГ!
(DEN GAMLE GUD LEVER ENDNU)
(с. 274)

История опубликована впервые в газете «Данск фолькесбладет» 18 ноября 1836 г. Как и две предыдущие, она, судя по словам самого Андерсена — обработка немецкого рассказа неизвестного автора.

ОБОРВЫШ НА ТРОНЕ ФРАНЦУЗСКИХ КОРОЛЕЙ
(DEN FATTIGE DRENG PAA FRANKRIGS THRONE)
(с. 275)

История написана в 1835 г., впервые напечатана в 1836 г. в журнале «Ирис», затем перепечатана в 1952 г. в сборнике «Андерсениана», а в 1953 г. в газете «Ланд ог фольк». В основе ее — рассказ о судьбе маленького парижского гамена, услышанный Андерсеном в Париже в 1833 г. Писатель воспроизвел эту историю в новой редакции в сборнике «Картинки-невидимки» (см. примеч. к сказкам «Соловей» и примеч. 3 к сказке «Соседи»).

¹ *Одна из них чрезвычайно поразила нас. Там запечатлен был момент из июльских дней...*— Датская критика придерживается единодушного мнения, что речь идет об известной картине выдающегося французского художника Эжена Делакруа (1798—1863) — «28 июля 1830 года» («Свобода на баррикадах», 1830); она была выставлена в Парижском Салоне в 1831 г. Однако сюжет картины, увиденной Андерсеном,— другой, а был писатель на выставке в Париже не в 1831 г., а в 1833 г.

² *Тюильри* — дворец и парк в Париже. В XVIII в.— резиденция французских королей; Тюильри входил в комплекс Лувра.

³ *...материнское сердце грезило тогда о... укреплениях под Бриенном и о... мальчике, что стал... императором Франции...*— Имеется в виду Наполеон I, учившийся в 1779—1784 гг. в военной школе в городе Бриенне.

⁴ *Предстояло восстановление Наполеоновой статуи...*— Имеется в виду статуя Наполеона I, венчающая Вандомскую колонну, установленную на Вандомской же площади в Париже. Колонна воздвигнута в 1806—1810 гг. в память побед Наполеона I и отлита из 1200 трофейных пушек, захваченных при Аустерлице в 1805 г. После отречения Наполеона статуя была снята, а при Луи-Филиппе (1773—1850), правившем в 1830—1848 гг., восстановлена вновь. Согласно декрету Парижской Коммуны 1871 г. колонна была разрушена, как символ милитаризма, а в 1875 г. воздвигнута опять.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

<i>Дом в Оденсе, где родился Андерсен. Литография. 1868 г. . . .</i>	<i>281</i>
<i>Копенгаген. Королевский театр. Гравюра 30-х годов XIX в.</i>	<i>283</i>
<i>Х. К. Андерсен. Портрет работы К. А. Йенсена. 1836 г.</i>	<i>290</i>
<i>Титульный лист первого издания «Сказок, рассказанных детям». Копенгаген, 1835 г.</i>	<i>294</i>
<i>Андерсен читает в обществе свои сказки. Рисунок Карла Хартмана. 1845</i>	<i>297</i>
<i>Первая страница рукописи «Русалочки». Автограф Андерсена</i>	<i>302</i>
<i>Титульный лист первого издания сборника «Новые сказки». Копенгаген, 1844 г.</i>	<i>304</i>
<i>Х. К. Андерсен. 1845 г.</i>	<i>307</i>
<i>Дом Тассо в Сорренто. Рисунок Андерсена. 1834 г.</i>	<i>309</i>
<i>Палаццо Капулетти в Вероне. Рисунок Андерсена. 1834 г. . . .</i>	<i>309</i>
<i>Лес и река в горах. Рисунок Андерсена. 1833 г.</i>	<i>311</i>
<i>Церковь в лесу. Рисунок Андерсена. 30-е годы XIX в.</i>	<i>311</i>
<i>Х. К. Андерсен. Фото. 1865 г.</i>	<i>312</i>
<i>Уголок кабинета Андерсена и вещи, с которыми он путешествовал. Дом-Музей Андерсена, Оденсе</i>	<i>314</i>
<i>Диплом почетного гражданина города Оденсе, преподнесенный Андерсену земляками. 1867 г.</i>	<i>315</i>
<i>Х. К. Андерсен в своей комнате в Ньюавене. Фото. 1874 г.</i>	<i>317</i>
<i>Русалочка. Скульптура работы Э. Эриксона. Копенгаген 1913 г.</i>	<i>319</i>
<i>А. В. Ганзен. Фото. 90-е годы XIX в.</i>	<i>330</i>
<i>П. Г. Ганзен. Фото. 90-е годы XIX в.</i>	<i>331</i>

СОДЕРЖАНИЕ

СКАЗКИ, РАССКАЗАННЫЕ ДЕТЯМ

Перевод А. В. и П. Г. Ганзен

	текст	прим.
ПЕРВЫЙ ТОМ. 1835—1837		
ПЕРВЫЙ ВЫПУСК (1835)		
ОГНИВО	7	341
МАЛЕНЬКИЙ КЛАУС И БОЛЬШОЙ КЛАУС	12	342
ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ	21	342
ЦВЕТЫ МАЛЕНЬКОЙ ИДЫ	23	342
ВТОРОЙ ВЫПУСК (1835)		
ДЮИМОВОЧКА	29	343
НЕХОРОШИЙ МАЛЬЧИК	37	343
ДОРОЖНЫЙ ТОВАРИЩ	39	344
ТРЕТИЙ ВЫПУСК (1837)		
К ВЗРОСЛЫМ ЧИТАТЕЛЯМ	53	345
РУСАЛОЧКА	54	345
НОВЫЙ НАРЯД КОРОЛЯ	68	345

СКАЗКИ, РАССКАЗАННЫЕ ДЕТЯМ

Перевод А. В. и П. Г. Ганзен

ВТОРОЙ (НОВЫЙ) ТОМ. 1838—1842		
ПЕРВЫЙ ВЫПУСК (1838)		
РОМАШКА	72	346
СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК	76	346
ДИКИЕ ЛЕБЕДИ	79	347
ВТОРОЙ ВЫПУСК (1839)		
РАЙСКИЙ САД	91	347
СУНДУК-САМОЛЕТ	101	348
АИСТЫ	106	348
ТРЕТИЙ ВЫПУСК (1842)		
ОЛЕ-ЛУКОЙЕ	110	348—349
Понедельник	111	
Вторник	112	
Среда	113	
Четверг	115	
Пятница	116	
Суббота	118	
Воскресенье	119	

Содержание

	текст	прим.
ЭЛЬФ РОЗОВОГО КУСТА	121	349
СВИНОПАС	125	349
ГРЕЧИХА	129	349

НОВЫЕ СКАЗКИ

Перевод А. В. и П. Г. Ганзен

ПЕРВЫЙ ТОМ. 1844—1845

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК (1844)

АНГЕЛ	133	350
СОЛОВЕЙ	136	350
ПАРОЧКА	144	351
ГАДКИЙ УТЕНОК	146	351

ВТОРОЙ ВЫПУСК (1845)

ЕЛЬ	154	351
СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА. <i>Сказка в семи историях</i>	161	352
<i>История первая</i>	161	
ЗЕРКАЛО И ЕГО ОСКОЛКИ		
<i>История вторая</i>		
МАЛЬЧИК И ДЕВОЧКА	162	
<i>История третья</i>		
ЦВЕТНИК ЖЕНЩИНЫ, УМЕВШЕЙ КОЛДОВАТЬ	166	
<i>История четвертая</i>		
ПРИНЦ И ПРИНЦЕССА	171	
<i>История пятая</i>		
МАЛЕНЬКАЯ РАЗБОЙНИЦА	175	
<i>История шестая</i>		
ЛАПЛАНДКА И ФИНКА	179	
<i>История седьмая</i>		
ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ЧЕРТОГАХ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ И ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПОТОМ	181	

ТРЕТИЙ ВЫПУСК (1845)

ХОЛМ ЛЕСНЫХ ДУХОВ	185	352—354
КРАСНЫЕ БАШМАКИ	191	354
ПРЫГУНЫ	196	354
ПАСТУШКА И ТРУБОЧИСТ	198	354
ХОЛЬГЕР ДАТЧАНИН	202	354—356

Содержание

НОВЫЕ СКАЗКИ

Перевод А. В. и П. Г. Ганзен

ВТОРОЙ ТОМ. 1847—1848

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК (1847)

	текст	прим.
СТАРЫЙ УЛИЧНЫЙ ФОНАРЬ	205	356
СОСЕДИ	210	356—357
ШТОПАЛЬНАЯ ИГЛА	218	357
МАЛЕНЬКИЙ ТУК	221	357—358
ТЕНЬ	224	358—359

ВТОРОЙ ВЫПУСК (1848)

СТАРЫЙ ДОМ	233	359
КАПЛЯ ВОДЫ	240	359
ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ	242	359
СЧАСТЛИВОЕ СЕМЕЙСТВО	244	360
ИСТОРИЯ ОДНОЙ МАТЕРИ	247	360
ВОРОТНИЧОК	252	360

ДОПОЛНЕНИЯ

Перевод Л. Ю. Брауде

МЕРТВЕЦ	255	361
ЗАТОНУВШИЙ МОНАСТЫРЬ	270	362
МАЛЕПЬКИЕ ИСТОРИИ		
Эта басня сложена про тебя!	272	362
Талисман	272	362
Жив еще старый бог!	274	363
ОБОРВЫШ НА ТРОНЕ ФРАНЦУЗСКИХ КОРОЛЕЙ	275	363

ПРИЛОЖЕНИЯ

Л. Ю. Брауде

ХАНС КРИСТИАН АНДЕРСЕН И ЕГО СБОРНИКИ «СКАЗКИ, РАССКАЗАННЫЕ ДЕТЯМ» И «НОВЫЕ СКАЗКИ»	279
--	-----

Л. Ю. Брауде

ХАНС КРИСТИАН АНДЕРСЕН В РОССИИ	321
ПРИМЕЧАНИЯ. (<i>Сост. Л. Ю. Брауде</i>)	338
Обоснование текста	338
«Сказки, рассказанные детям»	341
«Новые сказки»	350
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	364

ХАНС КРИСТИАН
АНДЕРСЕН
СКАЗКИ, РАССКАЗАННЫЕ ДЕТЯМ
ПОВЫЕ СКАЗКИ

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»
Академии наук СССР*

*Редактор
О. К. Логинова*

*Оформление художника
Е. А. Михельсон*

*Художественный редактор
Т. П. Поленова*

*Технический редактор
Н. П. Кузнецова*

*Корректоры
М. Вселюбская, В. Г. Петрова*

ИБ № 25095

*Сдано в набор 31.08.82
Подписано к печати 25.04.83*

Формат 70×90¹/₁₆

Бумага типографская № 1

Гарнитура елизаветинская

Печать высокая

Усл. печ. л. 27. Усл. кр. отт. 28,2.

Уч.-изд. л. 27,9

Тираж 100 000 экз. 3 завод (75001—100 000)

Тип. № 3248

Цена 3 р. 90 к.

*Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул. 90*

*2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10*

3-90к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»